

ЮРИЙ
ТУПИЦЫН

•
ДАЛЬНЯЯ
ДОРОГА

ЮРИЙ ТУПИЦЫН
•
ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1996

ЮРИЙ
ТУПИЦЫН

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ПОВЕСТЬ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

ББК 84.Р7
Т85

Серия
«Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»

Иллюстрации художника Ю. Макарова

Художественное оформление А. Хромова

Состав

© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

Художественное оформление серии

© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

© Торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

ISBN 5-218-00218-6

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

РОМАН

Часть первая

ПЕРЕД ДАЛЬНОЙ ДОРОГОЙ

Глава 1

Моря отсюда не было видно, но береговая линия прослеживалась по гигантским иглам жилых зданий трехкилометровой высоты, которые как часовые стояли возле моря. Они уходили ввысь, становясь все тоньше, нежнее, бестелеснее, пока наконец не таяли совершенно в туманной голубизне жаркого осеннего дня. И каждая такая игла — город со своими коммуникациями, снабжением, очагами культуры и отдыха.

Лорка окинул взглядом туманный горизонт, где море незаметно сливалось с чуть заоблаченным небом. Города! Сколько домыслов, фантазий и прогнозов существовало на этот счет в прошлом. Города и отрицали и прославляли; делали из них и мрачные трущобы — каменные джунгли, изолированные от окружающего мира, и роскошные города-дворцы, уставленные тяжкими приземистыми зданиями прошлого, и города-парки, право же, мало чем отличавшиеся от тогдашних сел и деревень. Действительность, как и всегда, оказалась многограннее, неисчерпаемое и в то же время утилитарнее домыслов. Всеу нашлось место. Вереницы городов-игл вдоль благодатных морских побережий, которые давали человеку максимум удобств для пользования дарами своего отца-прародителя — океана. Города-чаши на севере с круглыми террасами постепенно снижающихся улиц и озером посередине; такие города при необходимости было легко прикрыть прозрачным куполом и избавить от бурь, пурги и лютых

морозов. Города-пирамиды в тропиках, которые своими верхними жилыми поясами уходили от душного зноя низин в свежую, здоровую небесную прохладу. Города-музеи, законсервировавшие лучшие творения гениальных зодчих прошлого. И многочисленные городки-дачи вокруг этих гигантов и сверхгигантов.

Федор достал большой белый платок, вытер лицо, шею и неторопливо начал спускаться вниз, к зеленым садам и разноцветным домикам. Собственно, не к садам, а к саду, который был ему нужен и который выделялся среди других, — за ним не просто ухаживали, его, это было видно с первого взгляда, холили и лелеяли.

Сад. Настоящий, щедрый, бесшабашный южный сад. Виноград, персиковые и сливовые деревья, яблони, смоковницы, айва. И всюду среди зелени тяжелые, ароматные, вот-вот готовые сорваться с ветки на землю и брызнуть спелым соком кисти и плоды. Но почему-то Лорку куда больше поразило красочное, мягкое, задумчивое многообразие роз.

Каких только роз не было в этом знойном, прямом саду! Розы-гиганты, тяжело клонившиеся к земле в гордом и грустном одиночестве, и мини-розочки, сплошным покровом, похожим на сказочный пестрый снег, одевавшие кусты. Пышные корзины, терявшие лепестки при малейшем дуновении ветерка; тугие початки, лишь слегка развернувшиеся на самом кончике; кудрявые головки, будто прошедшие через ловкие руки опытного парикмахера; немудрящие простенькие цветочки, доверчиво глядящие на мир желтыми глазами, опушенными веером розовых ресниц-лепестков; и розы, просто розы, которые и не хотелось сравнивать ни с чем другим. И бездна оттенков! Розы белые, чайные, лазоревые, алые, лиловые, огненно-красные, пурпурные и даже черные. Глаза и тянулись к этому многоцветью, и уставали от него, а все эти оттенки подсознательно и прочно связывались со свежим тонким ароматом, который ощутимо охлаждал неподвижный жаркий воздух.

Среди этого розового великолепия Лорка и увидел того, кто был ему нужен, — дочерна загорелого, ат-

летически сложенного человека. То был Ревский, в прошлом один из самых известных космонавтов-гиперсветовиков, а ныне член Верховного Совета Земли. Лорка не заметил его сразу потому, что Ревский сидел на корточках, а его белая курчавая голова терялась среди цветов, сливаясь с ними. Разогнувшись, Ревский медленно двинулся вдоль линии кустов. Он то и дело наклонялся, что-то ощипывал, подрезал, обирал руками сонные увядающие лепестки. Движения его рук были плавны, замедленны, будто он гипнотизировал своих красочных подопечных. Лорка подождал, не заметит ли его Ревский, но для того, видно, сейчас никого и ничего не существовало, кроме роз. Тогда Федор негромко сказал:

— Здравствуй, Теодорыч.

Ревский поднял голову, поискал глазами, кто его зовет, и наконец с улыбкой распрямился.

— Здравствуй! Пожаловал все-таки?

— Да нет, — серьезно возразил Лорка, — так и сижу у себя в Норде.

Ревский засмеялся, но глаза у него были невеселыми, и Лорка машинально отметил это.

Вытираясь полотенцем, висевшим у него на поясе, Ревский предложил:

— Фруктов принести? Прямо с дерева, с куста. С солнцем, с воздухом!

— С пылью и микробами?

— Какие там микробы! Я ем, и ничего. Но для тебя простерилизую, хотя это уже явно не то, — хмуро сказал Ревский, окидывая взором сад. — Выбери, что тебе по вкусу.

— Неси винограда!

Лорка засмеялся — так не вязалась хмурость Ревского с этим солнечным садом.

— Одного винограда?

— А ты разве не знаешь, что я однолюб?

Ревский внимательно взглянул на него, повернулся и пошел к винограднику, а Лорка присел в тени. Под деревом стоял столик, врытый прямо в землю, три табурета, сделанные нарочито грубо из полированного дерева, и качалка, которую Ревский считал

удобнейшей в мире, видимо, потому, что, как и всю остальную садовую мебель, смастерил своими руками. По столику ползали крупные муравьи. Лорка брезгливо поморщился, отодвинулся со своим табуретом подалее и посмотрел вверх. Дерево было таким густым, что совсем не пропускало солнечных лучей. По его нижним ветвям вилось несколько виноградных лоз. Черно-сизая, плотно сбитая кисть винограда висела прямо над головой Лорки. Приподнимись, рви и ешь, захлебываясь сладким терпковатым соком. Может быть, приподняться? Но в этот момент откуда-то, может быть, прямо с этой кисти, на колени Лорки упал жук. Лорка стряхнул его мгновенным инстинктивным движением руки, покосился вверх и вздохнул.

Ревский явился свежеумытый, в легкой белой рубашке с открытым воротом, в руках он нес большое блюдо, прикрытое скатертью.

— У тебя тут настоящий энтомологический заповедник, — сказал Лорка ворчливо, глядя не на Ревского, а на какое-то существо, летевшее бесшумно и плавно.

— Это божья коровка, Федор, — сказал Ревский, проследив за его взглядом, — полезнейший хищник. Уничтожает тлей, с которыми даже мы, люди двадцать третьего века, ничего не можем поделать. Держи.

Лорка покорно взял из его рук тяжелое блюдо. Ревский ловко накрыл стол скатертью («Вместе с муравьями», — отметил Лорка), поставил на нее блюдо, полное винограда всех цветов и оттенков, и непонятно откуда, будто фокусник, достал графин с темным напитком.

— Все, значит, возвращается на круги своя, — пробормотал Лорка, — назад, к природе, голый счастливый человек на голой земле.

Ревский, ловко расставлявший на столе бокалы, тарелки, ножи, спросил ворчливо:

— А тебе что, не нравится?

— Нравится. Особенно розы.

— Проняло все-таки, — вздохнул Ревский.

— Проняло. Главное — знаю, что даже такой чревоугодник, как ты, есть их не будет.

— Почему же? Из некоторых сортов роз получается отличное варенье. Могу угостить.

— Нет уж, спасибо. По-моему, это что-то вроде каннибализма.

— А баранина не каннибализм?

— Нет, это шашлык. — Лорка огляделся вокруг. — Хорошо здесь. Только уж очень много всякого зверья.

Ревский усмехнулся:

— Хочешь, угощу раками? Ну-ну, не буду. Иди мой руки вон там, в фонтанчике.

— Просто в воде? — с интересом спросил Лорка, поднимаясь на ноги.

— И это говорит командир патрульного корабля! Исследователь иных миров.

Лорка мыл руки с тщательностью врача, готовящегося к хирургической операции. Не оборачиваясь и не поднимая головы, он сказал:

— В иных мирах я на работе, а здесь на отдыхе. На отдыхе мне нужен комфорт, стерильная чистота, кондиционированный воздух, безмолвные всепонимающие киберы, людская толпа, высотные здания, воздушные мосты и случайные знакомства. А не дурацкая природа со зноем, вонью, мухами и тараканами.

— Где это ты видел мух и тараканов? — возмутился Ревский. — Они только в заповедниках сохранились!

— Ну божьи коровки, какая разница. — Лорка распрямился, стряхивая влагу с рук. — Сушилка у тебя есть или ты вытираешь руки об траву?

— Об штаны. Смотри лучше, командир.

— И правда. — Лорка был откровенно рад, обнаружив рядом с фонтаном стандартный сухой дезодорантно-стерилизующий душ. — Оказывается, ты вовсе не чужаешься достижений цивилизации. Может быть, этот сад — просто декорация, а насекомые — киберы?

Лорка с наслаждением подставил под свежую распыленную струю воздуха руки, голову, лицо и открытую шею. Все это он делал с ленивой грацией сытой кошки, занимающейся своим туалетом.

— Пантера, — завистливо и грустно пробормотал Ревский, — большая рыжая пантера. Тигр! — И громко добавил: — Хватит нежиться. Иди пробовать продукты моей декорации.

Лорка перекрыл воздушную струю и направился к столу. Ревский с удовольствием смотрел, как он идет, мягко, непринужденно, не идет, а танцует.

— Почему не ликвидируешь хромоту?

— Альта говорит, что хромота мне ужасно к лицу, а я ей верю. — Лорка уселся за стол и погладил, скользнул пальцами по бокалу. — А это что, вино?

— Угадал. Натуральное, виноградное, выдержанное. С тонким букетом.

Легонько покачивая бокал, Лорка скептически разглядывал его содержимое.

— Ты посмотри на свет, — поддразнил Ревский.

Лорка поднял бокал на уровень глаз. Темный тяжелый напиток играл, светился насыщенным рубиновым огнем.

— Красиво, — тихо сказал Лорка, — красиво и страшно. Как огонь. Пленный, замученный огонь.

— И правда огонь, адский огонь — жжет.

Все еще разглядывая на свет вино, Лорка тихо, совсем без эмоций продекламировал:

— «Сэр Грейвс взглянул назад и увидел в ночи звезды, замученной в аду, кровавые лучи».

— Кто это написал? — после паузы спросил Ревский.

— Так, один империалист.

— Какой империалист?

— Это было давно, Теодорыч, — успокоил его Лорка. — Киплинг, который Ричард, а также Рихард и Редьярд. Поэт, писатель, журналист, глашатай империализма. Не слыхал?

— Не слыхал. Здорово написал этот глашатай.

— Здорово, — согласился Лорка и, не поднимая на него глаз, спросил: — Что ты на меня так смотришь, Теодорыч?

— Так, — и попросил: — Да пей же ты, Федор!

Лорка отпил маленький глоточек, сморщился, одним глотком ополовинил бокал и сморщился еще больше.

— Ни кисло, ни сладко, ни горько. Во рту вяжет, в горле жжет, и в общем гадость. Что-то вроде сока с хреном.

— Ты хоть и сноб, а человек беспробудно темный, — с сожалением констатировал Ревский. Он отпил из своего бокала и старательно изобразил на лице наслаждение.

— Это называется неповторимым букетом. Вино это получило Гран-при на конкурсе любителей-виноделов!

— Честно? Тогда допью. — Лорка лихо опрокинул бокал и сморщился. — Ты прав, Теодорыч, я человек темный. Люблю виноград и не люблю вино. Может быть, с годами исправлюсь?

Он сунул в рот большущую сизую виноградину с грецкий орех величиной. Ревский, с улыбкой глядя на него, подумал: «Ни черта ты не исправишься, таким и помрешь. И боюсь, скорее это будет рано, чем поздно».

Лорка, с любопытством мальчишки пробовавший то один сорт винограда, то другой, спросил:

— А белый что — незрелый?

— Зрелый, — успокоил Ревский. Он сидел, опершись локтями на стол, и внимательно смотрел на Лорку. — Просто сорт такой. У него букет хорош.

— И тут букет? — засмеялся Лорка, переключаясь на белый виноград.

— Ну как, Федор? — вдруг спросил Ревский. — Принимаешь командование кикианской экспедицией?

Лорка мельком взглянул на старого космонавта.

— Так ты для этого пригласил меня в гости? А я-то думал — на виноград!

— Принимаешь? — Ревский словно не слышал его шутливой реплики.

— А почему отказался Ким?

— Барма отказался. А Ким не пожелал браться за дело без своего напарника.

Лорка бросил в рот крупную виноградину, раздавил ее языком и не совсем внятно проговорил:

— Вот и мне надо посоветоваться со своим напарником, с Тимом. Если он согласится, тогда можно серьезно обсудить предложение совета.

Ревский помрачнел и угрюмо буркнул:

— Тим не согласится.

Лорка удивленно взглянул на него.

— Ты так уверен? Почему?

— Твой друг и напарник Тим погиб, — бесцветным голосом сказал Ревский, не поднимая глаз от стола.

Лорка уронил виноградину.

— Что? Что ты сказал?

— Погиб Тимур Корсаков, твой друг и напарник по космосу, — теперь уже жестко повторил Ревский.

Лорка расстался с Тимом всего два дня назад, он проводил своего друга до трапа баллистической ракеты, которая шла вокруг света с посадкой на Гавайях и Бермудских островах. И вдруг такая весть!

— Теодорыч, — с остатками надежды тихо попросил Лорка, — не надо так шутить, Бога ради.

— Какие, к черту, шутки! — окрысился Ревский, не совладав с собой.

Лорка хотел что-то сказать, но спазма вдруг перехватила горло и скривила губы. Разумом он уже понял и поверил, что Тима — одного из самых близких ему людей во всем мире — больше нет, но сердце бунтовало и верить отказывалось. Это противоборство чувств и мыслей корежило, ломало психику безжалостнее и горше физической боли.

— Как? — спросил наконец Лорка. — Как он погиб?

— Утонул, — с досадой бросил Ревский, — на Гавайях.

Лорка изумленно поднял голову.

— Тим? Он же плавал как рыба!

— Такие, как ты и Тим, так вот и гибнут, по-глупому, — угрюмо буркнул Ревский.

— Да, — невыразительно согласился Лорка, — да.

Ревский медленно, словно нехотя, рассказывал подробности гибели Тима.

— Вздумалось выкупаться в шестибалльный шторм. Его пытались отговорить, но Тим все-таки нырнул под набегавшую волну. Тело Тима так и не найдено до сих пор, но спасательный пояс, узкий поясок, обнимающий талию каждого пловца, выбросило на берег. Видимо, Тим перепутал кнопки и, вместо того чтобы включить его, расстегнул.

Ревский говорил, но Лорка почти не слушал его. Что значили эти подробности, когда Тима нет в живых?

Да, Ревский был прав. Люди опасных профессий нередко гибнут не в настоящей, боевой схватке, а вот так, по-пустому. Их трудовая жизнь проходит в особом мире постоянного нервного напряжения, где приходится рассчитывать каждый шаг. И вот такой человек отправляется отдыхать и попадает в совершенно иной мир — отрегулированный, спокойный, размеренный. Разве не естественно сбросить напряжение, расслабиться? А у этого спокойного мира есть свои маленькие, но ядовитые коготки: любовные неурядицы, непрошенная зависть и шестибалльные штормы. Да потом людям героических профессий просто скучно среди зарегулированной, размеренной жизни. Им хочется прежних ярких ощущений: острого чувства риска и опасности, незабываемых ощущений удачи, победы, пойманного счастья — тех редких звездных часов бытия, когда краски ослепительны, звуки нежны, а каждый глоток воздуха — наслаждение. Александр Македонский, Юрий Гагарин, Магеллан, Панчо Вилья, Котовский, Камо — разве все они не погибли после великих свершений случайно, глупо и обидно до слез!

Ревский давно закончил свой рассказ, а Лорка все сидел, уронив голову, невидяще глядя куда-то мимо старшего товарища.

— Да, — безнадежно повторил он и своей большой ладонью неловко, с ненужной силой провел по лицу.

Ревский шумно вздохнул и потянулся к бутылки с вином.

— Давай выпьем, Федор, — предложил он.

Густая темная струя с легким звоном наполнила один бокал, затем другой. Лорка посмотрел на бу-

тыль, перевел свой отсутствующий взгляд на Ревского.

— Так в старину поминали погибших, — пояснил тот, поднимая бокал.

— Что ж, — вяло согласился Лорка.

Он медленно, глоток за глотком, как воду, выпил вино, поставил опустевший бокал на стол и опять ушел в себя.

— Ну что ты раскис? Встряхнись, командир! — с досадой сказал Ревский.

— Я не раскис, — бесцветно возразил Лорка.

— А если не раскис, — в голосе Ревского снова появились жесткие ноты, — берись за экспедицию. Это лучшее, что ты можешь сделать в память о Тиме.

Только теперь Лорка обратил внимание, каким усталым было лицо Ревского. Ему вдруг пришло в голову, что Ревский стар, очень стар, хотя у него еще ловкое, сильное тело и он изо всех сил упрямо рвется туда, куда никому нет дороги, — обратно, к молодости. А надо ли рваться? Старость по-своему хороша. Все уже понято и понятно, все стоит на точно отведенных местах. Не надо решать целые кучи дурацких проблем, которые человечество на разные лады решает на протяжении многих тысячелетий. Решает, решает и никак не может решить.

— В экспедицию без Тима? — вслух спросил Лорка.

— Подберем другого напарника.

— Без Тима, — уже не спросил, а просто повторил Лорка и отрицательно покачал головой.

— А как же тайна Кики, доброе имя Петра Лагута? — как-то безнадежно спросил Ревский. — Я был так рад, когда совет выбрал тебя, Лорка.

Лорка даже не понял, а просто почувствовал, почему так четко проступили следы увядания, даже дряхлости на лице его друга-наставника. Теодорычу до слез, до боли, до зла на все сущее было жалко не только Тима, но и Петра Лагута, погибшего тоже обидно и глупо. Многие, вот уже и он, Лорка, забыли о Лагутае, а Теодорыч помнил. У Лорки была Альта, а у Ревского никогда не было ни жены, ни детей. Он все отдал любимому и ненавистному кос-

мосу. Названными детьми для него были его ученики и воспитанники: Ришар Дирий, Игорь Дюк, Тимур Корсаков, Федор Лорка.

— Ты уж не горюй так сильно, Теодорыч, — неожиданно для самого себя вслух сказал Лорка то, о чем собирался просто подумать.

— Что ты пристал со своим горем? — вскинулся Ревский. — Говори — берешься за экспедицию?

Как Лорка сразу не догадался! Речь шла о добром имени не только Лагуты, но и самого Теодорыча, который считал долгом чести отвечать в большом и малом за своих названных детей. Но разве Ревский когда-нибудь позволит себе вслух сказать об этом?!

Лорка улыбнулся первый раз после того, как услышал о гибели Тима, трудно улыбнулся — почти одними глазами.

— Берусь.

Теодорыч знал, что слово Лорки свято, а поэтому без особых эмоций благодарно сказал:

— Вот и умница.

Глава 2

Неслышно и мягко ступая по плотному пружинящему ковру, Лорка подошел к окну, секунду вглядывался в тусклый мир, открывавшийся за ним, а затем указательным пальцем тронул клавишу. Двухметровое, прозрачное до невидимости стекло бесшумно убралось в стену. Пахнуло теплой сырой прохладой. Частый осенний дождь барабанил по листьям — бормотал, шуршал, шептал. Плакали оголяющиеся ветви деревьев, никла и прела робко желтеющая трава.

Боковым зрением Лорка уловил легкое движение, повернул голову и только теперь заметил человека, стоявшего сбоку от окна. Человек был невысок, плотен, у него была круглая голова, гладкое розовое лицо и маленькие улыбчивые глазки. Он был похож на полного радости жизни, чисто вымытого поросеночка и на первый взгляд казался совсем молодым, почти юношей. Но легкие, однако ж уловимые дета-

ли — посадка головы, округлость и сутулость плеч — выдавали его зрелый возраст.

— Где же ваша гитара? — очень серьезно спросил Лорка.

Мужчина засмеялся, отчего его умные глазки почти совсем спрятались среди округлых щек, и Лорка окончательно убедился, что перед ним далеко не юноша.

— Почему вы решили, что я собираюсь петь серенады?

Теперь улыбнулся Лорка. Было в фигуре и облике круглоголового мужчины нечто, сразу располагавшее к себе.

— Серенады поют вечерами, а не по утрам, — сказал Лорка. — Правда, глупо? Специальные вечерние песни существуют столетия, а утренней песни нет. Птицы — так те предпочитают петь по утрам. А чем мы хуже птиц?

Круглоголовый с улыбкой выслушал его и спросил:

— Вы, разумеется, Федор Лорка?

— Он самый. А вы?

— Меня обычно величают Александром Сергеевичем. Несколько старомодно, но я привык именно к такому обращению. Соколов Александр Сергеевич.

Лорка с симпатией разглядывал визитера.

— Да, несколько старомодно, зато здорово — Александр Сергеевич! Так и хочется встать, снять шляпу и продекламировать что-нибудь вроде: «Я помню чудное мгновенье — передо мной явилась ты».

— Вы любите поэзию?

— А кто ее не любит в наше время? — Лорка внимательно разглядывал Соколова. — Вам, наверное, за сорок?

— За пятьдесят, — мягко поправил тот.

— Что же это мы беседуем, так сказать, на разных уровнях? Лезьте в окно. — Заметив недоумение в глазах Соколова, Лорка пояснил: — Жена не ждала меня сегодня, захлопнула дверь, а ключ по расеянности унесла с собой.

Соколов легко, как мячик, перепрыгнул полутора метровый кустарник и подошел к окну. Лорка, не

ожидавший от него такой прыти, посмотрел на него с новым интересом.

— Подать вам руку?

— Перебьюсь.

Соколов положил короткие сильные руки на подоконник, помедлил и одним рывком перекинул свое плотное, литое тело в комнату.

— Занимались борьбой? — спросил Лорка, отступивший в комнату.

— И борьбой.

— Но не шпагой?

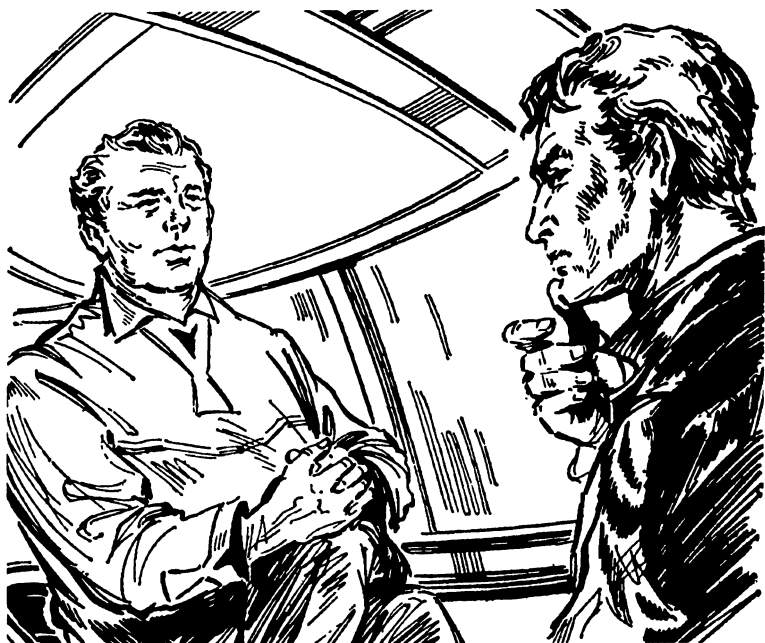
— Нет, шпагой — нет. — Соколов, улыбаясь — глазки его при этом прятались в розовых щеках, и разобрать их выражение было очень трудно, — терпеливо переминался с ноги на ногу. Он ждал, пока ожившие, сыплющие крохотными голубыми искорками ворсинки ковра не уничтожат окончательно следы влаги и грязи на его туфлях, и разглагольствовал: — Вспоминаю кампанию тридцатилетней давности. Забавная была кампания — долой замки-запоры, эти реликты темных веков. И массу комичных, но не всегда приятных недоразумений, которые последовали за этим.

— Резюме: эпохи приходят и уходят, а замки-запоры остаются. Давайте-ка свой плащ и, если нетрудно, закройте окно. — Лорка на лету поймал плащ и сразу же перебросил в прихожую, где его ловко подцепила механическая рука и отправила в шкаф, чтобы он там прошел обычную сушку, чистку и дезодорацию. — Хватит вам топтаться, вы давно уже чисты, как вакуум между двумя галактиками. Проходите, садитесь.

Соколов опустил в кресло, Лорка подтянул второе, легко скользнувшее по ковру, и сел напротив, по другую сторону столика.

— Чай, кофе? По такой погоде не мудрено продрогнуть.

— Если не возражаете, кофе. — Наблюдая, как Лорка на кнопочном пульте набирает заказ, Соколов признался: — Я и правда продрог, пока бродил вокруг вашего дома. Знал, что вы вернулись, а дверь заперта и сигнализация не работает.

Лорка внимательно взглянул на гостя.

— Вот как, знали?

— Знал, — спокойно подтвердил Соколов.

Он хотел что-то добавить, но его прервал легкий музыкальный аккорд, повисший в воздухе.

— Ага, — удовлетворенно проговорил Лорка, — вот и кофе готов.

Центральная часть столика опустилась вниз, открывая темный провал цилиндрической шахты, и через секунду поднялась уже вместе с кофейником, чашками, молочником, сахарницей и всем остальным, что нужно. Соколов смотрел на все это с удовольствием и некоторой плотоядностью во взоре. Лорка налил себе чашку из сердитого, плюющего перегретым паром кофейника, потянулся к чашке гостя, но тот мягко, почти нежно остановил его руку.

— Уж позвольте, я сам.

Лорка с улыбкой поставил кофейник на место. Соколов пододвинул к себе высокий стакан, налил в

него сливок, добавил ледяной воды и сахару. Помешивая этот импровизированный коктейль, Соколов проникновенно сказал, обращаясь не столько к Лорке, сколько к накрытому столику:

— Люблю вкусно поесть и попить. Знаю, что это слабость, — он вздохнул, — тревоугодие, но ничего не могу с собой поделать.

Наполнив чашку кофе, он сказал почти благоговейно:

— Глоточек кофе и глоток коктейля — божественно! Мое собственное изобретение.

Несколько раз совершив эту процедуру, Соколов поднял глаза на Лорку, который уже справился со своим кофе и теперь со снисходительной улыбкой смотрел на странного гостя.

— А вы все-таки варвар, Федор, — сочувственно и грустно проговорил Соколов, наливая себе вторую чашечку. — Облагороженный воспитанием, скованный традициями, отшлифованный тренингом, но все-таки варвар. Вы не понимаете прелести и тонкости застолья.

Лорка усмехнулся.

— Вот тут вы ошибаетесь. По происхождению я типичный аристократ. Мое прошлое своими корнями уходит в целое созвездие именитых родов — графы, пираты и поэты. Но надеюсь, вы пришли ко мне не для обсуждения проблем наследственности?

— Нет, — серьезно ответил гость, отодвигая опустевший стакан и чашку.

Лорка сдвинул детали сервировки ближе к центру столика, нажатием кнопки отправил все это в шахту. Через секунду крышка столика поднялась, неся небольшой букет осенних, увядающих, горько пахнущих астр. Лорка переставил букет так, чтобы он не загораживал лицо собеседника.

— Слушаю вас.

— Видите ли, Федор... — Соколов примолк и прямо взглянул на Лорку маленькими умными глазками. — Я эксперт, профессиональный эксперт-социолог.

— Вот оно что, — пробормотал Лорка, в его голосе слышалось и уважение, и разочарование, и удивление — все вместе.

Быть экспертом почетно в любой сфере человеческой деятельности, но быть экспертом-социологом почетно десятикратно.

Нет-нет да и случались на Земле и во внеземных поселениях происшествия, которые выглядели дико и необъяснимо: тихая травля неугодных, замаскированный протекционизм, физическое насилие и даже убийства. Люди, виновные в таких поступках, были редчайшим исключением, но все-таки время от времени в силу чисто случайного стечения обстоятельств такие натуры формировались и ухитрялись проскользнуть сквозь тончайшее сито общественно-го воспитания и профессиональной селекции. Каждый такой социально-патологический случай скрупулезно расследовался узким кругом лиц, удостоенных особого высокого доверия общества, — экспертами-социологами. Чаще всего эксперты не были профессионалами, а вели свою почетную и тяжелую работу от случая к случаю. Привлекали к экспертизе и Федора Лорку, когда случались несчастья на космических кораблях и во внеземных поселениях.

— Я хочу дать вам поручение, — все так же прямо глядя на Лорку, сказал Соколов.

— Нет, не выйдет.

— Случай особый, Федор, — мягко настаивал Соколов.

Лорка покачал головой.

— Нет. Я в отпуске, параллельно готовлюсь к экспедиции. И вообще мне не до экспертизы, понимаете?

— Понимаю, но я же говорю, что случай особый. — Соколов помолчал и хмуро закончил: — Речь идет о расследовании смерти вашего друга Тимура Корсакова.

Переход от покоя и грустного равнодушия к полнокровной жизни был у Лорки молниеносным. Неуловимо подобралось могучее тело, зеленые глаза остро взглянули на Соколова. В эти холодные, будто застывшие глаза трудно и жутковато было смотреть. «Ну глазищи! Глядит как тигр из клетки!» — невольно поежившись, подумал Соколов.

— Странно выглядит эта смерть, — вслух сказал он, — и события, которые ей предшествовали, выглядят, мягко говоря, необычно.

— Вы кого-то подозреваете? — в упор спросил Лорка.

Соколов отвел взгляд, достал платок и вытер свое гладкое розовое лицо.

— Я сомневаюсь, — голос его прозвучал ворчливо, почти сердито, — но сомнения мои основательны. Однако ж, прежде чем делиться своими сомнениями, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Спрашивайте.

— Вы знаете, что тело Тимура так и не найдено?

— Знаю.

Соколов хмыкнул, поджал губы и спросил вкрадчиво, глядя в сторону:

— А не мог ли Тимур просто пошутить? Он ведь был веселый парень, Тим Корсаков, любил шутки и розыгрыши. Вместо того чтобы утонуть, запрятался куда-нибудь и отдыхает в одиночку. Или с кем-нибудь вдвоем, а?

Сердце Лорки колыхнулось от радости.

— Черт! — сказал он ожесточенно. — Как это раньше не пришло мне в голову?

Стремительно поднявшись из кресла, Лорка подошел к видеофону, выключил изображение и, пробежавшись пальцами по клавишам, набрал нужный номер.

— Валентина?

— Да, — ответил женский голос несколько удивленно, видимо потому, что изображение было выключено.

— Скажите, Тим сейчас дома?

— Нет, — ответила женщина. — Обещал вернуться еще позавчера, но его до сих пор нет. Вы не знаете, где он?

— Тим в командировке, — уверенно ответил Лорка. — Я думал, что он уже вернулся. Впрочем, командировка ответственная.

— Почему он ни разу не поговорил со мной?

Лорка механически рассмеялся, лицо его болезненно сморщилось.

— Видите ли, Валя, он сейчас в таком месте, где нет видеофонов.

— Кто вы такой? Почему выключили изображение? Вы ведь Федор Лорка, правда?

— Правда, — глухо сказал Лорка, но тут же взял себя в руки. — Не тревожьтесь, Валя. Завтра я к вам приеду и обо всем расскажу подробно. Всего доброго.

С каменным лицом Лорка вернулся к столу и занял свое место в кресле. С уважением глядя на него, Соколов негромко сказал:

— Любящее сердце — вешнее сердце.

— Да. — Лорка взглянул на Соколова почти с ненавистью.

— С кем вы говорили, Федор?

— С его женой!

— Разве у Тимура была жена?

— Была.

— Но у меня другие сведения.

Лорка взглянул на него теперь уже спокойно.

— Они полюбили друг друга. И он назвал ее своей женой. Вот и все. Он, собственно, и на Гавайи полетел для того, чтобы подыскать местечко для семейного отдыха. — Лорка помолчал, крепко сцепляя пальцы рук. — Конечно, Тим был веселый парень. Но шутить любовью? Так что ни о каком розыгрыше и речи быть не может.

— Скажите, — спросил Соколов после паузы, — как выглядит Валентина?

Лорка слабо улыбнулся.

— А я и не видел ее ни разу. Только перед самым отдыхом Тим признался, что уже женат, и на всякий случай дал номер ее видеофона. — Он шумно вздохнул. — Ладно, вы говорили мне о сомнениях. Рассказывайте. — Это прозвучало жестко, почти как приказ, и Лорка, почувствовав это, добавил: — Прошу вас, рассказывайте.

Соколов говорил неторопливо, сухо, с профессиональным умением упоминать лишь о том, о чем и следовало упомянуть. Эта будничная, деловая манера делала рассказ странным и надуманным. Лорка знал, что не он был назначен первым командиром экспе-

диции на Кику, но о том, что у него была столь длинная цепочка предшественников, услышал впервые.

Первым командиром кикианской экспедиции был назначен Бекпо Галиев. Но уже через день он свалился в постель с высокой температурой. Начался бред, судороги. Не без труда удалось выяснить, что Галиев заболел энцефалитом — редчайшей болезнью, которая почти полностью исчезла на Земле. Естественно, что кандидатура Галиева отпала сама собой: энцефалит поражает центральную нервную систему, и даже полное выздоровление не гарантирует от возникновения психомоторных нарушений через несколько месяцев или даже лет.

Второй командир, Игнат Сомов, как и Лорка, отдыхал на Земле после очередного патрульного рейса. Только больше всего на свете он любил не море, как Тим и Федор, а горы. Ответив согласием, Игнат на радостях, как мальчишка, решил выкинуть нечто необыкновенное — в одиночку, без подстраховки, отправился брать голец Подлунный. Сомов был отличным скалолазом, ему просто не повезло: разрушился выступ, служивший ему единственной опорой, он сорвался, сломал два ребра, бедро и от участия в экспедиции был отстранен.

Третий кандидат, Игорь Дюк, один из воспитанников Ревского, с откровенной радостью ухватился за предложение стать во главе кикианской экспедиции. Он был бродягой по натуре и, пожалуй, после достижения совершеннолетия не провел на Земле больше трех месяцев кряду. Но медицинская комиссия, которую в обязательном порядке проходили все участники экспедиции, неожиданно обнаружила у него существенные отклонения от оптимального психостереотипа. Выяснилось, что Игорь всего месяц как расстался с женой. Их семейная жизнь, будучи довольно счастливой, никогда не была безоблачной, тем не менее полный разрыв оказался для Игоря совершенно неожиданным. Человек незаурядной воли, Игорь Дюк стойко перенес личную драму. Однако ж оказалось, что подсознательная рана в сфере интуитивных чувств и непрощенных мыслей глубока, а это не могло не

сказаться на его психическом облике в целом. Игору осторожно дали понять, что произошло, и он скрепя сердце снял свою кандидатуру.

Четвертым выдвинули Владимира Кима — космонавта со стажем, неоднократного участника дальних космических экспедиций. После суточного раздумья Ким ответил согласием, оговорив, что его помощником по руководству должен быть постоянный напарник Барма. Кандидатура Бармы не вызывала ни у кого ни малейших сомнений, но Барма неожиданно и наотрез отказался от участия в экспедиции, заявив, что собирается заканчивать свои работы в области биохимии. Между Кимом и Бармой состоялся долгий разговор, о чем они говорили, оставалось неизвестным, но после этого Ким тоже отказался участвовать в экспедиции. И тогда возглавить экспедицию предложили Лорке, который к этому времени вернулся на Землю в очередной отпуск.

— Слишком длинная цепочка случайностей и несчастий для простого совпадения, — хмуро закончил Соколов. — На это обстоятельство и обратил мое внимание совет экспертов.

— Если это не случайность, — задумчиво проговорил Лорка, — то это тщательно продуманная цепочка преступлений, завершившаяся убийством. А я не верю, что на Земле есть хоть один человек, способный на убийство. Мы слишком горды и самолюбивы для этого.

— А может быть, убийства и не хотели? Может быть, оно получилось нечаянно? Ведь гибель Тима — первая смерть в этой цепочке несчастий.

— Но для преступления должна быть побудительная причина. А я ее не вижу! В чем она?

Соколов достал платок, вытер розовые щеки и блестящий выпуклый лоб.

— Вот этого я не знаю. — Он иронично сощурил свои маленькие глазки. — Хотя есть у меня одна сумасшедшая идея.

На круглом румянном лице Соколова отобразилось сложное чувство, похожее сразу и на гордость, и на смущение.

— Мне удалось получить время для консультации с ГКЗ — главным компьютером Земли. Экспертам неохотно дают эту исполинскую машину. Ответ ГКЗ был тривиальным, но довольно любопытным: случайность цепочки несчастий с командирами экспедиций маловероятна, но не исключена, если же это не случайность, то вполне определенно действует не единичный человек, а некая тайная организация, противопоставляющая свои интересы интересам всего человечества.

— Тайная оппозиционная организация? — Зеленые кошачьи глаза Лорки смотрели насмешливо. — В наше время? Откуда бы ей взяться? Пожалуйста, говорите любую правду.

Соколов засмеялся.

— Правду, всю правду и только правду, — вполголоса проговорил он.

— Что? — не понял Лорка.

— Была такая юридическая формула. А ведь неплохо? Никаких лазеек для двусмысленности! У наших предков неплохо варили мозги.

— Только не всегда в нужном направлении.

— Это верно. — Соколов вздохнул. — В наше время тайных организаций быть не может. Но это не вся правда. Таких организаций не существует среди взрослых людей.

— Понятно, — сказал Лорка, осмысливая услышанное. — Я знаю, дети любят играть в тайны и загадки. Но как понять оппозицию и преступления?

Соколов сидел очень довольный, хитро поглядывая на собеседника.

— Понимаю, понимаю. Дети — цветы жизни, дети — наша радость, дети — наше счастье, дети — наше будущее. Наше умиление естественно и понятно. Но, — Соколов многозначительно поднял палец, — розовые очки отцовства и материнства мешают нам видеть всю правду. Да, дети добрее, наивнее, милее нас, взрослых. Но в то же самое время они более злы, жестоки, нетерпимы и прямолинейны.

— Вы не увлекаетесь?

— Я слишком сдержан. Дети — более животные и менее люди, чем мы с вами. Они еще не прошли

сурового социального тренинга. Что поделаешь, человек родится животным, беспомощным примитивным зверьком, из которого мы с превеликим трудом выращаем хомо сапиенса нашего времени.

Лорка смотрел теперь на эксперта с любопытством.

— Это, пожалуй, верно, хотя и утрировано. Однако, — в голосе Федора появились настойчивые нотки, — при чем здесь экспедиция на Кику?

— Я, собственно, имел в виду не маленьких детей, а подростков — полуношей и почти девушек. Подростков в тот золотой и страшный период, когда они прощаются с детством и начинают особенно остро чувствовать оковы социальной морали. От детей они уже отошли, а к взрослым еще не пришли. Своеобразная подростковая автономная республика со своими законами, тайнами, проблемами и специфической моралью. Тут и безграничное благородство, и озорство, и довольно мерзкие пакости. Не столько со зла, сколько от избытка энергии и в пик у взрослых — нате, мол, мы тоже не лыком шиты!

Лорка смотрел на Соколова по-прежнему одобрительно, но в его зеленых глазах теперь появилась ироничность.

— И вот тайная подростковая организация задалась целью извести ведущих космонавтов-гиперсветовиков?

— Тут тонкости, Федор, тонкости. — Голубые глазки Соколова смотрели хитренько. — У подростков всегда бывают кумиры — взрослые, в которых они влюблены, на которых молятся, которым подражают. И если дружному коллективу подростков покажется, что с их кумиром поступают несправедливо, а тем более его обижают, они могут натворить черт знает каких глупостей.

— В том числе и такие, которые ГКЗ может оценить как оппозицию всему человечеству?

— Вот именно! — Соколов или не замечал, или не желал замечать иронию Лорки. — Мы не должны закрывать глаза ни на скрытое потенциальное могущество современной обиходной техники, ни на природный, еще не замутненный специальным об-

разованием подростковый интеллект. Не забывайте, в этой среде незримо растворены будущие гении. — Соколов вздохнул — весело и недоуменно. — Знали бы вы, Федор, с какими только чудесами этой подростковой среды мне приходилось встречаться! Подводный манипулятор тайно и успешно переделывается в вездеход, в котором предусмотрено все, кроме надежности. Разумеется, в ходе испытаний эта самодеятельная машина выходит из строя. А один юнец с прямо-таки чудовищными гипнотическими способностями после удачных экспериментов по отсроченным внушениям в своей среде расширил поле деятельности и принялся за воспитателей и педагогов. Без всякой корысти! Просто для проверки своих возможностей и для тренировки. Но вы бы послушали, сколько трагикомических происшествий случилось в школе, пока удалось узнать, в чем дело!

— Я понимаю, — серьезно и мягко вклинился в монолог эксперта Лорка, — ваша «идейка» насчет подростковой автономии интересна. Но как все это связано с экспедицией на Кику?

Секунду Соколов смотрел на Лорку, потом достал из кармана большой платок, вытер слегка увлажнившееся лицо и уже спокойно сказал:

— Очень просто. Есть такая школа-пансионат для детей космонавтов-гиперсветовиков.

— Знаю.

— Еще бы не знать! Все вы там бываете на официальных и неофициальных встречах, ведете кружки, факультативы, специальные занятия. Общение с этими ребятами у вас совершенно свободное. Частыми гостями были в этой школе и все пострадавшие кандидаты кикианской экспедиции. Я проверял. А у них, видите, какое совпадение, детей в этой школе нет: у некоторых дети выросли и закончили школу, у других вообще нет детей, у третьих дети живут с дедушками и бабушками. В общем, своих детей у кандидатов там не было, а с массой других они обращались свободно и в самой непринужденной обстановке. Улавливаете ситуацию?

Лорка улавливал.

— Есть у подростков этой школы и свой кумир, он шефствует у них над спортом. Умница, красавец, талантлив и честолюбив — некий Виктор Хельг. Может, знаете?

— Знаю, — рассеянно подтвердил Лорка, — знакомы по спорту. Самобытный, одаренный парень.

Соколов на секунду оживился.

— Знаете? Очень хорошо. Так вот, этот кумир в глазах школьников относится к несправедливо обиженным и оскорбленным. Я проверял — мальчишки, да и девушки, просто озлоблены, даже написали петицию в совет космонавтики. Хельга, оказывается, уже трижды выдвигали кандидатом в командиры корабля, и трижды он не набирал нужных трех четвертей голосов. Совет приходил к выводу, что он еще не созрел до командира — слишком дерзок и самоуверен.

— Похоже, — проговорил Лорка.

— Хельга выдвигали и в кикианскую экспедицию. И опять завалили! Я и подумал, — в голубых глазах Соколова замерцали азартные хитроватые искорки, — а что, если подростки этой школы-пансионата пронюхали о несостоявшемся назначении? Представляете их реакцию?

— Как они могли пронюхать? — устало спросил Лорка. — Даже я, нынешний кандидат в командиры, ничего толком не знаю.

— А если Виктор Хельг сам сказал об этом?

— Ну! — возмутился Федор.

— Вот вам и «ну», — сердито отозвался Соколов. — Конечно, такое случается редко, чтобы взрослый сознательно эксплуатировал детей, но случается. Последний раз, если не ошибаюсь, такое зафиксировано лет семьдесят назад.

— И вы полагаете, что ученики школы-интерната решили помочь своему кумиру? Так сказать, расчислить ему дорогу?

— А почему бы и нет? С их точки зрения, это благородная борьба за справедливость.

— И ради этого они пошли на убийство человека? На убийство Тима Корсакова?

Соколов несколько смутился и досадливо поморщился.

— Зачем утрировать? Они хотели просто вывести его из строя, как вывели из строя других кандидатов. Убийство — несчастный случай, не более.

— А они знают о гибели Тима?

— Нет, — в голосе Соколова появились заговорщицкие нотки, — но я установил, они уже не раз пытались выяснить, где Корсаков. Разными способами: через родителей, знакомых и воспитателей.

— Да, — тяжело проговорил Лорка.

Неужели судьба так несправедлива, так жестоко несправедлива к Тиму? Смерть, глупая случайная смерть.

Соколов осторожно прикоснулся к руке Лорки.

— Я понимаю, вам тяжело. Но наш долг, нелегкий долг экспертов, — беспристрастно разобраться в том, что случилось.

Лорка молчал. Истолковав это молчание как согласие, Соколов уже живее продолжал:

— Вы говорите, что знакомы с Хельгом по спорту. Какому?

— Шпага, — коротко бросил Лорка.

— Вам непременно и в самое ближайшее время нужно встретиться с Хельгом на дорожке. — В голосе Соколова теперь звучали наставительные нотки, а голубые глазки смотрели доверительно. — Посмотрите, каков Хельг сейчас в деле. Знаете, человек может говорить разные вещи: правду, неправду, полуправду, он может и ничего не говорить — молчать, и все. В поступках человек более открыт, особенно если у него не совсем чистая совесть. А после боя вы с ним поговорите по душам. Нервная и физическая разрядка, знаете ли, располагает к откровенности.

Лорка не мог сдержать иронической усмешки. Соколов мгновенно уловил ее и погрузтел.

— Понимаю, вас коробят мои деловые наставления. — Эксперт вздохнул, хмурия свои белесые брови. — Но что поделаешь? Такова уж наша экспертная доля.

Он помолчал и снова перешел на деловой тон:

— И одно условие напоследок. О нашем разговоре, особенно о подозрениях относительно Хельга, никто знать не должен. О гибели Тимура Корсакова тоже пока умолчите.

— Но ведь меня будут о нем спрашивать. — Лорка взглянул на Соколова с удивлением.

— Ну и что? Мало ли о чем спрашивают любопытные люди. Отмолчитесь, придумайте что-нибудь.

Удивление Лорки сменилось легким любопытством.

— Значит, я должен врать?

Соколов спокойно встретил его пристальный, тяжелый взгляд и твердо сказал:

— Иногда ложь — благо.

— Хорошо, — после раздумья согласился Лорка, — но одному человеку я, разумеется, расскажу обо всем — своей жене.

Соколов нахмурился.

— Институт юридических жен, — в его голосе звучали назидательные нотки и некоторое раздражение, — отменен комитетом общественных отношений полвека тому назад. Вашей женой Альтайра станет тогда, когда подарит вам дочь или сына. А пока она для вас любимая, подруга, возлюбленная, но не жена.

— Альта — моя жена, — спокойно повторил Лорка, и его зеленые глаза прищурились холодно и насмешливо. А членов этого комитета общественных отношений я бы оставил без сладкого за обедом за торопливость. Если бы они ходили в космос, а не просиживали штаны в кабинетах с видом на море, они смотрели бы на звание жены иначе. И не торопились бы его отменять.

Соколов хмыкнул, с интересом разглядывая нового, сердитого Лорку, и с некоторой снисходительностью пояснил:

— Традиции всегда умирают долго и мучительно.

— Скажите, Александр Сергеевич, — вдруг серьезно и доброжелательно спросил Лорка, — как вы стали профессиональным экспертом?

— Должен ведь кто-то быть им!

— А семья у вас есть?

Соколов добродушно улыбнулся, его маленькие глазки совсем спрятались в полных щеках.

— А как же без семьи? Жена и трое детей — два сына и одна дочь.

— И вы храните свои дела от жены в тайне?

— От жены? — Соколов потер себе щеку, засмеялся и с некоторым смущением сказал: — Разве от нее скроешь? Все равно догадается, а о чем не догадается — выпросит.

— Так почему же я должен что-то там скрывать от Альты?

— То есть как это почему? — Голубые глаза Соколова смотрели на Лорку простодушно. — У вас же нет детей, значит, нет ни настоящей семьи, ни настоящей жены. Незаконная она у вас, если пользоваться старой терминологией.

Лорка от души рассмеялся, а потом негромко и очень серьезно сказал:

— Так вот, Александр Сергеевич, сразу предупреждаю вас. Конечно, не обязательно входить в детали, но кое-что мне непременно придется рассказать. И не только жене Альте, но и некоторым друзьям. Это потребуется в интересах самого расследования. Вы уж даруйте мне право самостоятельно решать эту проблему.

Соколов ненадолго задумался, поглядывая на Лорку из-под редких белесых бровей, и без особого энтузиазма согласился:

— Ну хорошо. Будь по-вашему. И вот еще что. — Он опять задумался, формулируя мысль. — Мне бы хотелось подробнее познакомиться с Кикой — планетой, которую вы намереваетесь посетить. Получить сведения, так сказать, из самых первых рук. Официальная информация — это, знаете ли, одно, а личное мнение человека, который собирается туда лететь, — нечто совсем другое.

— Я понимаю, — согласился Лорка. — Кику, а точнее Кикимору, открыл и обследовал Петр Лагута.

— Кикимору? — переспросил Соколов.

— Именно. Так нарек ее Петр Лагута. Кика — просто сокращение.

— Он что же, японец по происхождению?

— Нет, не японец. И слово это не японское.

— Ки-ки-мо-ра, — недоуменно по слогам повторил Соколов, — по-моему, типично японское слово.

— Это слово русское, сказочное. Хорошие гипер-световики с большим стажем всегда увлекаются чем-нибудь легким, с художественно-гуманитарным уклоном: времени свободного достаточно, а обстановка стрессовая, там не до математического анализа и не до углубленных философских размышлений. Вот и у Лагута было свое хобби — русские былины и сказки. А на той планете и в самом деле сказочно красиво, жутковато и с загадками. Вот Лагута и стал раздавать направо и налево фольклорные имена и названия.

Соколов слушал, глядя мимо Лорки в серое окно, вроде бы рассеянно, а на самом деле как губка впитывал все услышанное.

— Знатный он развел там зверинец, — с доброй и грустной улыбкой рассказывал Лорка. — В лесах — шишиги, сирины; в степях — бой-туры и нетопыри.

— А Кикимора?

— Сказочная обительница леса, гибрид сучкастого дерева и женщины-озорницы. Что-то вроде огромного богомола с головой лемура.

— И такие есть?

— Чего там только нет? Есть поющее дерево, Лагута назвал его лукомором, а есть плачущий кустарник, имя ему дано — ракита. — Лорка вздохнул. — Помните? «В чистом поле, под ракитой богатырь лежит убитый». Лагута будто чувствовал свою судьбу, под ракитой его и нашли.

— А как он погиб?

— Глупо погиб, поторопился себя реабилитировать. По результатам обследования Лагута высший совет дал добро на организацию первого кикианского поселения. Полтора года оно благоденствовало и процветало. А через полтора года погиб первый поселянин, когда лесом возвращался на базу с дальней точки. Обследование показало — паралич сердца. Через неделю погиб второй, потом третий. Никаких

телесных повреждений, паралич сердца и выражение ужаса на лице.

Соколов поежился, хмыкнул.

— И что же?

— Поселение ликвидировали. Лагута — человек честный и принципиальный. Он чувствовал себя виновным в гибели трех человек и попросил разрешения на повторное обследование планеты. Кто бы посмел ему отказать? Сразу же после прибытия на Кику он в одиночку отправился в тот лес, где погибали люди.

— Почему в одиночку?

— Несчастья происходили только с одиночками. Лагута решил разом покончить с тайной Кики. И был найден мертвым под раkitой. Тоже паралич сердца, только на лице не ужас, а улыбка.

В маленьких глазках Соколова заискрился интерес.

— Видимо, он разгадал тайну!

Лорка мрачно улыбнулся.

— Разгадал.

Соколов оглядел Лорку, оглядел неторопливо, с ног до головы.

— А теперь вы туда? — спросил он с любопытством.

— Теперь мы.

— Н-да, — Соколов проговорил это весьма многозначительно, вытирая платком лоб и щеки, — хочется вам позавидовать, да, может быть, лучше посочувствовать?

— Что ж, спасибо и за то и за другое, Александр Сергеевич.

Глава 3

Заканчивая свой утренний туалет, Лорка надел светлую теплую куртку из мягкой кожистой ткани, похожей на замшу. Легко и непринужденно, как первокурсный танцор, он прошагал в прихожую и возле вешалки-гардероба прочитал рекомендации по верхней одежде, которые выдавались автоматикой в

соответствии с погодой. Коррективов он вводить не стал. Механическая рука подала ему из открывшейся в стене ниши сначала плащ, а затем и шляпу, по широким полям которой надлежало стекать возможному дождю. Засветив зеркало, Лорка, скептически щуря свои зеленые кошачьи глаза, взгляделся в свое отражение. Повел могучими плечами и усмехнулся.

— Может быть, ты просто трусишь, командир? — спросил он вполголоса у зеркала. — Признавайся, тут нет никого постороннего.

Он протянул руку, чтобы ущипнуть своего зеркального двойника за нос, но тот, конечно, тоже протянул свою руку. Лорка прищелкнул пальцами и засмеялся.

Шляпа ему определенно не нравилась. Он надевал ее и так и эдак, и по-всякому было плохо. В конце концов он снял ее, нахлобучил на механическую руку, которая не замедлила переправить ее в нишу, и, обернувшись, спросил, повысив голос:

— Альта, ты скоро?

— Скоро, — ответил чистый грудной голос.

— Я подожду тебя на воздухе.

— Хорошо.

Щелкнув запором, Лорка вышел из дома и остановился на площадке широкого полукруглого крыльца.

Мир спал. Неподвижный влажный воздух казался густым, как кисель: сделай шаг — и увязнешь, запутаешься в зыбкой полупрозрачной трясине. Но это лишь казалось; несмотря на свою влажность, воздух был легким и теплым, как дыхание.

Сбежав по ступеням крыльца, Лорка миновал голый кустарник, вышел на шероховатую пружинистую дорожку, очень ловко имитированную под песчаную аллею. И остановился, поджидая жену.

Деревья тоже спали, плавая в тумане, похожем на молоко, разбавленное водой. Поблизости это были еще настоящие деревья со стволами и ветвями, можно даже было угадать осеннюю пестроту тяжелых листьев. А дальше деревья быстро теряли реальные очертания, превращаясь в ажурные абстрактные орнаменты. Спали и птицы. И только звонкая, чистая,

как детский голос, капель оживляла этот влажный мир, погруженный в светлую дрему.

— Лорка! — послышался голос Альты — две глубокие ноты, первая повыше, а вторая пониже.

Лорка огляделся, ему почудилось, что голос ее прозвучал над самым его ухом, и тихонько откликнулся:

— Ау!

Он отчетливо слышал звуки шагов Альты, хотя ее совсем не было видно за туманом и кустарником. Можно было угадать, как она сбежала по ступеням, сделала несколько замедленных шагов по земле, а потом деловито зашагала по дорожке. Этот чудной воздух-студень, воздух-дыхание был удивительно звукопроницаем. Теперь Федору стала ясна загадка чеканного звона капли, хотя всего-то с ветки кустарника срывались и падали в лужицу серые бусинки воды. Лужица недовольно морщилась, а сухой лист-кораблик приветливо кланялся на игрушечных волнах.

Альта пришла легкая, оживленная, веселая. На тонком темном лице, будто вырезанном из мореного дуба, — неожиданно светлые глаза. Лорка знал, что они голубые, почти синие, но под стать этому туманному утру казались сейчас серыми. Капюшон плаща откинут, тяжелые волны волос припущены седой пылью влаги.

— Ты здесь?

— Нет, — засмеялся Федор. — Но иногда я здесь бываю.

Засмеялась и Альта. Голоса звучали как колокола, словно Лорка и Альта находились не под открытым небом, а под гулкими сводами. Альта даже подняла голову и посмотрела вверх, рот ее чуть приоткрылся, за вишневыми губами проглянула сахарная полоска зубов. И Лорка посмотрел наверх, а там ничего, серое рыхлое небо, и не поймешь, высоко оно или низко. Прислонясь к Федору плечом, Альта тихонько сказала:

— Как в храме!

— В соборе Святого Петра, — серьезно подтвердил Лорка. — Сейчас из тумана выйдет белоборо-

дый епископ в золоченой тиаре. И тайным словом навеки свяжет наши души.

Альта посмотрела в туман, поежилась от влажного воздуха и подняла на Федора серьезные светлые глаза.

— Зачем нам с тобой епископы, Лорка? Мы и так связаны навеки. Правда?

— Наверно, правда.

Ее глаза сразу потемнели.

— Почему «наверно»?

— Значит, просто правда.

Она на улыбку не ответила, показала, что сердится на неуместную реплику, прошла по дорожке вперед и лишь потом обернулась через плечо.

— Пойдем.

Лорка нарочно не сразу догнал ее, ему нравилось смотреть, как она идет. Альта двигалась неслышно, почти невесомо, точно плыла в тумане.

Черно-серый куст, большим глупым веником выплывавший из тумана, вдруг шарахнулся, из него кто-то выскочил и удрал. Альта замерла, вытянувшись стрункой, подоспевший Федор легонько обнял ее за плечи.

— Птица. А может быть, заяц, — успокоил он.

Альта огляделась вокруг, зябко повела плечами:

— Как-то не так сегодня. Тревожно. Правда, Лорка?

Федор огляделся и грустно подтвердил:

— Правда.

— Это потому, что Тим погиб, — тихо сказала Альта.

Лорка помрачнел и ничего не ответил. Некоторое время они шли молча. Альта время от времени взглядывала на Федора, но он не замечал, или делал вид, что не замечает, ее взглядов.

— Каково сейчас Валентине, — вдруг вырвалось у Альты.

Лорка удивленно взглянул на нее и нахмурился.

— Она ничего еще не знает.

Альта остановилась на полушаге.

— Как?

— Да так, — недовольно проговорил Лорка, — меня просили пока ничего не говорить ей.

Темный румянец выступил на щеках Альты.

— Почему? — сурово спросила она.

— Не знаю. Просто попросили, — с тенью раздражения ответил Лорка.

— Каждый имеет право на свою радость и на свое горе, — сказала Альта, и голос ее дрогнул, — и никто не имеет права на ложь и обман.

— Мы не лжем, Альта, — примирительно сказал Лорка, — мы молчим.

— Молчание хуже, трусливее лжи.

Лорка отвел взгляд.

— Ты права. Я обещал молчать.

— Иногда обещание можно нарушить. — Альта снова пошла вперед и сказала тихо и убежденно: — Бедная Валентина! Она и не знает ничего. Это вдвойне жестоко.

Лорка одобрительно взглянул на нее. Есть вещи, подумалось ему, которые до конца способна понять только женщина. Ведь и правда, беспечность незнания — разве она не оборачивается потом изощренной жестокостью?

— Ты права, Альта, — вслух повторил он, — я сегодня же расскажу ей обо всем.

Она молча взяла его за руку. Дорожка вилась между кустами, почтительно обходила большие деревья, прыгала через канавы. Возле одного деревца Альта остановилась и прислушалась, склонив голову набок.

— Слышишь? — вполголоса спросила она Лорку.

Федор прислушался и кивнул головой. Дремлющая роща сонно шептала тысячами drobных шелестящих голосов. Это капли и капельки воды падали с ветвей на влажную землю, на ковер увядших разноцветных листьев. Лорка покосился на грустное отрешенное лицо Альты, вздохнул, а потом чуть улыбнулся, положил свою большую ладонь на тонкий ствол, поднял лицо вверх и крепко встряхнул деревце. Оно дрогнуло и обрушило на них заряд крупного свежего дождя. Альта гибко метнулась в сторону, а Федор так и остался стоять, потряхивая мокрой головой, только глаза зажмурил.

— Сумасшедший! — преувеличенно сердито ворчала Альта, вытирая лицо платком.

По-настоящему сердиться она не могла, знала, что как раз что-нибудь вроде такого душа и нужно было, чтобы сбросить напряжение и прийти в себя.

— Тим не любил грустить, — сказал Лорка, подходя к ней. — Даже когда речь шла о погибших друзьях.

Тим любил жизнь, свою работу, шутки и розыгрыши. Дети, даже незнакомые, сразу чувствовали эту особенность его характера. Они липли, льнули к нему, охотно принимали его, такого большого и сильного, в свои детские игры, не давая ему послаблений и не прося уступок. А Тим с удивительным тактом соразмерял свою силу и ловкость с их грациозными, милыми, но такими несобранными движениями.

Роща оборвалась разом, выставив вперед надежную стражу — старые раскидистые деревья. Склон холма, покрытый желтеющей травой, круто падал вниз и растворялся в плотной массе тумана. Казалось, обрыв уходил в серую бездну, в клубящееся, безликое, бесцветное ничто.

— Преисподняя, — шепотом сказал Лорка. — Это неправда, что преисподняя — черное с красным. Она серая.

Лицо Альты было сосредоточенным, она прислушивалась к тому, что происходило внизу, в серой бездне. Прислушивался и Лорка. Внизу кто-то жил. Он был длинный — во весь овраг. Он вздыхал, ворочался и бормотал недовольно и непонятно.

— Змей Горыныч, — заговорщицки шепнул Лорка. — Они всегда водятся в таких местах.

— Это ручей, — улыбнулась Альта. Она огляделась, зябко повела плечами. — Как-то не так сегодня, Лорка. Как будто мы не на Земле, а в другом мире.

— Нет, мы дома. — Лорка глубоко, полной грудью вдохнул влажный воздух. — Все тут родное: запахи, звуки и трава.

Он тронул носком туфли увядающий стебель.

— Видишь? Не пищат и не царапаются. А на Весталке сошел я с трапа на землю, на густую пружиня-

щую траву, сделал по ней несколько шагов, и почувствовал мне, что кто-то стонет, вздыхает. Прислушавшись, посмотрел — а это трава неуклюже, неловко отпихивает мои ноги стеблями и стонет.

Лорка замолчал, глядя вдаль мимо Альты, мимо серых в тумане деревьев, мимо всего-всего земного. Смотря на него снизу вверх, Альта вдруг попросила: — Лорка, возьми меня с собой на Кику.

Лорка не сразу оторвался от своих мыслей и перевел взгляд на жену.

— Правда, Лорка, возьми. Я больше не хочу оставаться одна. Я твоя жена, а жены имеют не только обязанности, но и права.

Лорка легонько, снизу вверх погладил ей затылок, пропуская тяжелые волнистые пряди волос между пальцами.

— Мне вчера напомнили, что комитет общественных отношений отменил институт юридических жен еще полвека назад.

— Ты всегда говорил, что комитет поторопился. Что он дал нам взамен брачных уз?

— Свободу, Альта, — тихо ответил Лорка, — никакими узами, никакими цепями не омраченную свободу отношений двух людей, любящих друг друга.

— Свобода имеет свои оборотные стороны, — голубые глаза Альты смотрели на Лорку точно из глубины ночи, — еще не все научились ею распоряжаться. Некоторым нужны цепи, с ними проще.

— Цепи всегда цепи, — голос Лорки звучал мягко, — любой вид рабства порочен в своей основе. Даже рабство любви.

— Что бы там ни говорил комитет, я твоя жена, и ты это знаешь, — упрямо повторила Альта. — Я люблю тебя, но я человек, всего-навсего человек. Возьми меня с собой, а то я наделаю глупостей.

Глаза Лорки разом похолодели. Теперь они смотрели отчужденно и даже не на Альту, а сквозь нее. Альта поспешно прикрыла рот Лорки своей темной сильной ладонью.

— Молчи! — Она перевела дыхание. — Молчи, Лорка. Это я со зла.

Она улыбнулась ему сначала робко, а потом, видя, как тает холод в его глазах, уже и озорно.

— Я со зла, — повторила Альта. — Ты мужчина, муж и не должен сердиться.

Лорка наконец улыбнулся.

— Я не сержусь. А насчет Кики подумаем.

— Не шути, Лорка, — попросила Альта.

— Я не шучу. Ты думаешь, я не скучаю по тебе в космосе? Думаешь, мне не надоело расставаться с тобой на многие месяцы?

Альта все смотрела и смотрела на Федора, глаза ее наполнялись слезами.

— Лорка!

Она порывисто прижалась к его груди и притихла. Лорка мягко обнял ее за плечи и с оттенком лукавства сказал на ухо:

— А потом я к тебе присмотрелся. Честное слово, у тебя неплохие задатки космонавта-разведчика.

— Ты правда не шутишь?

Отстранившись, Альта смотрела на него все еще недоверчивыми, но уже счастливыми глазами.

— Нет. Хотя хорошо понимаю, что вдвоем в космосе нам будет не легче, а может, и тяжелее.

— Почему?

— Потому что, когда придется трудно, мы будем болеть душой не только за дело, но и друг за друга.

Брови Альты сдвинулись.

— Почему, — вздохнула она, — ну почему жизнь так плохо устроена?

— Чтобы жилось веселее. — Лорка засмеялся и взлохматил ей волосы. — Почему, отчего. А если просто так? Сейчас вот я хочу разобраться, кто это ворочается и вздыхает в овраге — ручей или Змей Горыныч?

Он отступил назад, разбежался, сделал мощный прыжок и исчез в серой бездне.

— Лорка! — импульсивно вскрикнула Альта.

Снизу послышался звук падения тяжелого тела, зашуршали ветви. Вся обратившись в слух и ожидание, Альта смотрела вниз. Прошло несколько мгновений, и она заметила, как в клубящемся тумане поднимает-

ся, всплывает что-то темное. С захолонувшем от ужаса сердцем Альта смотрела, как обозначаются, прописываются два широких крыла, ушастая голова. Еще миг, и на Альту сурово взглянули огромные мудрые глаза.

— Угу! — дружелюбно сказал филин и бесшумно, неторопливо поплыл в глубину рощи.

Очнувшись от столбняка, скользя и спотыкаясь, Альта побежала вниз. Туман тут был плотнее, гуще, казалось, его можно было черпать горстями. Мир растворился в этом густом невесомом молоке; даже земли почти не было видно.

— Федор!

Альта чуть не упала, ободрала руку о какую-то колючку и пошла медленнее, благо склон оврага кончился.

— Федор! — отчаянно крикнула она.

— Что? — послышался сзади спокойный голос.

Альта ахнула, испуганно обернулась и совсем рядом увидела зеленые глаза Лорки и растрепанные рыжие волосы, украшенные увядшими листьями.

— Лорка, — вздохнула она с облегчением, уткнулась лицом в его грудь и притихла, успокаиваясь. Лорка, обняв жену за плечи, осторожно гладил ее волосы. Но лицо его не выражало ни нежности, ни озорства, оно было суровым и тревожным. Увидев его таким, Альта не на шутку бы перепугалась.

Поглаживая пышные влажные волосы жены, Лорка напряженно размышлял. Почему он так глупо, неосторожно, рискуя сломать себе шею, прыгнул в овраг? Наверное, потому, что часто проделывал такие фокусы мальчишкой и до сих пор любил поозоровать, оставаясь наедине с близкими людьми. И еще потому, что этот овраг он знал как свои пять пальцев — мягкие песчаные склоны и плакучие ивы с пружинящими ветвями, о которые невозможно ушибиться. Но ведь туман, ни зги не видно!

Врезавшись в упругую крону ивы, Лорка инстинктивно ухватился руками за гибкий ствол. Он сработал как великолепный амортизатор, сначала опустил Лорку почти до земли, потом подбросил в воздух и

не сразу успокоился. Раскачиваясь, Лорка огляделся, выбирая место посвободнее, чтобы прыгнуть. Посмотрел под ноги и вдруг похолодел. Прямо под собой он увидел полутораметровый сломанный ствол молодой ивы, грозно, как рогатина, направленный расщепленным острием вверх. Если бы он не ухватился за ствол, то скорее всего накололся бы на эту рогатину. Мгновенный испуг Федора и был вызван тем, что он зримо, ощутимо представил себе, как острый кол с хрустом вонзается в его тело, кроша кости и разрывая внутренние органы. Маловероятно, что Лорка после этого бы погиб. Альта рядом, а современная медицина во всем, что не касается чудовищно сложного и тонкого мозга, практически всеильна. Но добрый месяц жесткого постельного режима был бы гарантирован: сначала реанимация с биомеханической заменой жизненно важных органов, а потом долгая и мучительная регенерация.

Сильно качнувшись, Лорка отпустил руки и приземлился метрах в трех от зловещего природного орудия убийства. Только природного ли? Вот об этом и размышлял Федор, машинально поглаживая влажные волосы жены.

— Когда ты станешь по-настоящему взрослым, Лорка? — с грустью проговорила Альта, все еще не отрывая лица от его груди.

Федор с трудом отвел взгляд от ствола-рогатины, который иногда смутно прорисовывался сквозь клубящийся туман, еще раз, теперь уже сознательно и нежно, провел большой ладонью по волосам жены. Лицо его помягчело, оттаял тяжелый взгляд. Почти касаясь губами уха Альты, он тихонько спросил:

— А зачем это нужно — быть по-настоящему взрослым?

Глава 4

Валентина стояла под липой, опираясь о ствол отведенными за спину руками. У нее было округлое лицо, широкие, ровными дугами брови, ласковые се-

рые глаза, мягкий подбородок и полные губы, созданные для улыбок, поцелуев и веселой болтовни.

— Я Валентина, — представилась она, — это вы хотели меня видеть?

— Я.

— По делу или просто так?

— Да как вам сказать. — Лорка заколебался, плутовато сощурил в улыбке свои зеленые глаза и вкрадчиво спросил: — А если мне хочется просто поухаживать за вами?

Она негромко засмеялась, показывая крупные жемчужные зубы.

— Любовь с первого взгляда?

— Почему же? — Лорка соорудил серьезное лицо. — Может быть, я уже годы хожу за вами, оставаясь невидимым и неслышимым?

Она опять засмеялась, сразу догадавшись, что это шутка, только шутка, и ничего больше. Видимо, Валентина была очень чуткой от природы, только, видно, не всегда считала нужным пользоваться этой чуткостью. Для постоянной чуткости нужна нервность, отзывчивость, а Валентина выглядела благодушной, может быть, даже снисходительно-равнодушной к окружающему.

— Вы не торопитесь? — спросила она.

— Я? Как можно торопиться, увидев вас?

Она улыбнулась уже устало, показывая, что ее начинает утомлять эта игра. Они разглядывали друг друга с интересом, даже с известной бесцеремонностью, но за этим интересом проглядывала настороженность.

— Вы ведь Федор Лорка? — вдруг спросила она. — Вы чуть прихрамываете, волосы у вас рыжие, глаза зеленые, и вы очень-очень сильный. — Валентина говорила уверенно, спокойно, но настороженность не исчезала из ее глаз.

Лорка засмеялся.

— Вот уж не думал, что вы такая ясновидящая.

— Что с Тимом? — быстро спросила она.

— Все в порядке, — безмятежно ответил Лорка, — надеюсь, вам сообщили, что он срочно вылетел на базу?

— Сообщили. — Она внимательно смотрела на него.

— Ну а Тим просил меня, если он задержится, навестить вас. И вот я здесь, у ваших ног, — улыбнулся Федор.

Валентину удовлетворил этот ответ, и она вздохнула, успокаиваясь.

— Знаете, Федор, я ведь тороплюсь. Если у вас есть свободное время, проводите меня.

— Именно это я и хотел вам предложить.

Валентина очень непринужденно взяла его под руку. Фигура у нее была тяжеловатой — фигура зрелой женщины, хотя лицо было совсем молодым. Эта подчеркнутая женственность не воспринималась как недостаток — в линиях ее тела была своя законченность, своя стать, правда, совсем иного толка, чем у Альты или Эллы. Впрочем, кому дано право судить об эталонах?

Рука Валентины была тяжелой, мягкой и теплой, она лежала на предплечье Федора без всякого кокетства и тревоги. Откуда он взял, что Валентина насторожена? Чепуха, для этого она слишком ленива и благодушна. Самое обычное беспокойство о возлюбленном, вот и все.

Они медленно пересекли площадь. Когда их взгляды встречались, Валентина неизменно улыбалась. И однако ж улыбка ее не выглядела ни стандартной, ни искусственной. Люди со стандартными улыбками всегда хоть немного, но эгоисты, думающие о себе больше, чем о других. Не было в ее улыбке и того показного обаяния, которое свойственно женщинам, желающим, может быть бессознательно, очаровывать всех и каждого. Улыбка Валентины была ее естественным состоянием, она жила сложной, тонкой жизнью, отражая явные и даже тайные движения ее души. Зато глаза при этом оставались ясны, спокойны и благожелательны. С площади они перешли на центральную скоростную магистраль. Видимо, ехать было не близко, потому что Валентина предложила сесть на диван. Мини-солнце, стоявшее в зените, светило совсем по-настоящему. Лорка так и не знал, как, с чего начать тот страшный разговор, ради которого он встретился с ней. А Валентина, хотя и лю-

била поговорить, об этом сразу можно было догадаться, ничуть не тяготилась молчанием. Она не искала первой попавшейся темы разговора и совсем не сгорала от любопытства, а предоставив событиям развиваться своим чередом, ждала, поглядывая вокруг.

Когда они проносились мимо павильона-столовой, Лорка проводил его взглядом. Валентина спросила:

— Проголодались?

— А вы? — сейчас же спросил Лорка. — Может быть, зайдем, перекусим?

Она с улыбкой покачала головой.

— Некогда. Да и не люблю я эти закусывания на бегу. Еда — дело серьезное.

— Любите готовить сами?

— Ой, ужасно! — оживилась она. — У меня дома куча всякой всячины: соки, крюшоны, квасы, мясо и дичь — все это натуральное, рыба и специи. Прямо настоящий склад! Я сама знаю, что это нехорошо — тащить все к себе домой, как будто сейчас какой-нибудь двадцатый век. Да никак не могу удержаться!

Лорка бегло, но внимательно взглянул на нее.

— У вас, наверное, и одежды целая куча?

— А на что мне куча одежды? — равнодушно спросила она и засмеялась. — Думаете, я жадная? Совсем нет! Просто ужасно люблю все делать своими руками, как мне хочется и как нравится.

Лорка слушал с интересом. Валентина заметила это и еще больше оживилась.

— Вот это платье. — Она встала, повернулась несколько раз перед Лоркой и села снова. — Я тоже сама его шила. Правда, неплохо получилось?

— Хорошо, — не кривя душой, одобрил Лорка.

— Тиму тоже очень понравилось, — с удовольствием сообщила она. И, чутко заметив напряжение, появившееся на лице Лорки, вдруг спросила: — С ним что-нибудь случилось?

Лорка с трудом заставил себя иронично усмехнуться.

— С Тимом? Что с ним может случиться? — И поспешил вернуться к прежней теме разговора. — А как это вам пришло в голову — самой сшить себе платье?

— Знаю, знаю, знаю, — закивала она головой, — есть готовое платье с подгонкой, есть швейные автоматы с проблемно-эстетическими приставками, да все равно это не то! Как вы, мужчины, не понимаете, что если сделаешь сама, так это совсем другое дело. Даже обидеться не на кого!

Это случайно промелькнувшее слово «мужчины» открывало Валентину с новой стороны. Она между тем продолжала все так же оживленно-доверительно:

— Знаете, я, наверное, родилась слишком поздно. Мне вот не совсем нравится этот принцип — каждому по потребности. — Она взглянула на Лорку с улыбкой, в которой были и смущение и вызов. — Ну что это такое? Пришел и взял — скучно!

— Так ведь за это надо и отдать по способности.

— Кто их мерил, наши способности, — равнодушно, даже с оттенком пренебрежения ответила Валентина. — Это гениям легко отдавать свои способности. Он отдает, а все вокруг ахают — ух как здорово получается! А если ты самый обыкновенный человек, если тебе и отдать-то нечего? Тогда что?

Она спрашивала о серьезных, наверное, тревожащих ее вещах, но глаза ее по-прежнему были ясны и покойны, только где-то в самой их глубине прятался вопрос.

— У вас нет законченной специальности? — предположил Лорка.

— Как это нет? — удивилась Валентина и с некоторым достоинством представилась: — Я дипломированный фильмограф. — И тут же заулыбалась, в этой улыбке была и легкая насмешка над собой, и легкая грусть. — Только разве в такой работе выразишь себя по-настоящему? Чтобы почувствовать радость от этого, а не просто удовлетворение.

— В экспедицию вам надо, — неожиданно даже для самого себя посоветовал Лорка, — в космос, на неосвоенную планету. Уж там для вас найдется возможность и шить, и готовить, и собирать всякую всячину.

Она согласно и очень уверенно кивнула головой.

— Знаю, Тим все время твердит мне об этом, — ее лицо осветилось какой-то особенной скрытой лаской, — только сейчас нельзя мне в космос.

Лорка секунду непонимающе смотрел на нее и вдруг догадался.

— У вас ребенок?

Он не сумел скрыть своего удивления; она услышала эту нотку, повернулась к нему и ответила с легким недоумением:

— Да.

— Девочка?

— Девочка, — засмеялась она, — а как вы догадались?

Лорка готов был услышать все, что угодно, но только не это. У Валентины ребенок!

— Вы думали, мальчик? — спросила она, не понимая его растерянности.

— Нет, я сразу догадался, что это девочка, — ответил Федор машинально.

— Как?

Она смотрела на него с настороженным, но веселым любопытством, как смотрят на фокусника, обещающего показать интересный трюк.

Что мог сказать ей Лорка про интуитивное угадывание, похожее на озарение? Угадал, и все тут, угадал и остался жив, угадал, а потом и сам удивился, что угадал, если, конечно, все это происходит в спокойной обстановке и есть время и охота, чтобы размышлять об этом да удивляться. Но в любопытстве Валентины было столько бесхитростного интереса, что Лорка постарался, как мог, ответить ей.

— Вид у вас такой, — он оглядел ее с головы до ног, — мягкий, женственный. Вы ведь любите детей?

— Ой, ужасно! Вот еду сейчас с вами, я ведь к своей девочке еду, и все думаю, как она там? — Валентина сцепила руки, она постаралась сделать испуганное лицо, но из этого ничего не вышло — лицо жило, дышало ожиданием желанной встречи. — И знаю ведь, что ничего случиться с ней не может, а все равно беспокоюсь. Вот говорю с вами, а сама потихоньку представляю, как возьму ее на руки, как

она будет дышать вот тут, рядом, говорить, тянуть меня за волосы. Как я ее купать буду.

В глазах Валентины мелькнули слезы, она тут же засмеялась, смущенно поглядывая на Федора, и все так же увлеченно продолжала:

— Я всегда сама ее купаю. Там уж знают и не спорят со мной. Я слышала, они говорят — доисторическая мамаша.

— А почему бы вам не стать воспитательницей? Из вас бы, по-моему, получилась очень хорошая няня.

Валентина с ясной улыбкой покачала головой.

— Я знаю, что получилась бы, но Тим говорит — очень глупо, когда муж уходит в космос, а жена месяцами и годами ждет его на Земле. Надо ходить вместе. Вот только как я оставлю дочурку — ну просто не представляю!

Лорка сидел, уронив на колени тяжелые руки. Он не мог, не хотел решиться на такой безжалостный удар. Каждый имеет право на свою радость и на свое горе. Альта говорила верно. Но как разны эти права!

Идя на встречу с Валентиной, Лорка молил судьбу о пустяке, о том, чтобы в ее характере найти достоинства или недостатки, позволяющие человеку выстоять в беде; все равно — окаменеть или расклеиться, лишь бы выстоять. Легкомыслие, непостоянство, сильный интеллект, расчетливость, крепкие цепи других интересов — все это смягчает тяжкий удар истины, приглушает эмоции. Он искал что-нибудь и не нашел ничего. Право! Да, у Валентины было право на свое горе, но было ли право у него, Лорки, бросить это горе в открытую, беззащитную душу? Он задумался тяжело и надолго, поэтому вопрос Валентины хлестнул его кнутом.

— С Тимом что-нибудь случилось?

Любящее сердце — вещее сердце. Уже второй раз она спрашивала об этом. Лорка сумел заставить себя непринужденно улыбнуться.

— У меня сердце щемит, Федор. — Она сказала это совсем просто, без эмоций, но тревога так и лилась из ее глаз.

— Глупости, женские глупости, — резко, почти грубо сказал Лорка. — Если уж вы стали женой космонавта, надо привыкать к тому, что иногда щемит сердце.

Она закивала головой, успокаиваясь.

— Да-да, Тим говорил мне об этом.

Рассеянно оглянувшись, Валентина вдруг спохватилась:

— А ясли?

— Неужели проехали? — комично ужаснулся Лорка.

— Проехали, — она смущенно улыбнулась, — это все из-за вас. Напугали вы меня.

— Вот уж не думал, что вы такая пугливая. — Лорка положил на ее теплую мягкую руку свою большую ладонь. — Рад был познакомиться с вами.

— Я тоже. Когда ждать Тима?

— Через неделю, — уверенно ответил Лорка и заискивающе добавил: — Вы не рассердитесь, если я покину вас? Мне нужно забежать к жене, она работает вот в этом здании.

— Пожалуйста, — Валентина засмеялась, — только здесь перехода нет.

— А зачем мне переход? Кто я — покоритель космоса или тюфяк?

Лорка засмеялся, подмигнул и прыгнул со скоростной магистрали через оградительный барьер.

— Упадете! — крикнула Валентина, вскакивая с дивана. Но Лорка еще в воздухе сгруппировался и наклонил тело градусов под сорок пять к направлению движения. Шестидесятикилометровая скорость качнула его сильное тело, Федор спружинил ногами и стал прямо, приветственно подняв руку. Валентина была уже далеко и не могла видеть его лица, поэтому улыбаться теперь было совсем не обязательно. Но он все еще улыбался. Какой-то прохожий с седой головой, свернувший к Лорке, видимо, для того чтобы сделать ему выговор за глупое лихачество, увидел эту улыбку и испуганно отшатнулся.

— Ничего, — успокоительно сказал ему Лорка, вытирая лицо платком, — ничего. Все в полном порядке.

Глава 5

Здесь, в спортзале фехтования, была своя особая и неповторимая атмосфера. Свежесть воздуха, насыщенного запахами моря и соснового бора, заставляла поеживаться неподготовленных зрителей: комфортная спортивная температура была ниже бытовой. По тренировочным дорожкам, будто связанные невидимыми нитями, двигались, шагали, танцевали и вдруг взрывались молниеносными флешь-атаками стройные фигуры бойцов, затянутых в эластичное трико-броню самых разных расцветок. На прозрачных, почти невидимых шлемах, защищавших лицо, шею и голову, мерцали тусклые блики рассеянного света. Плавали в воздухе, летали, со звоном перехватывая друг друга, жалили и кусались шпаги-молнии. И если укол был хорош, если «вес» его по древней традиции был не менее 750 граммов, срабатывал фиксатор, посылая незримый радиосигнал. Руководствуясь этими сигналами и общим рисунком боя, поединок оценивал контрольный автомат; на его табло, то зависая, то меняясь с почти калейдоскопической быстротой, высвечивались суммы уколов с вспомогательной оценкой их точности и силы. Когда одна из этих сумм набегала до установленной, раздавался легкий звуковой сигнал; на гарде победителя вспыхивал зеленый огонек, побежденного — красный. Фехтовальщики бережно ставили свое оружие в пирамиду гардами вниз, пуандарами вверх, садились возле автомата в кресла бок о бок и просматривали видеозапись боя, обмениваясь оживленными репликами. На боевой дорожке бои разыгрывались особенно неторопливо и хитроумно. Пуандары шпаг тут украшали пурпурные болевые разрядники. Если разрядник устанавливали на полную мощность, на все сто процентов, на «сотку», как говорили фехтовальщики, чистый укол в грудь своей неистовой раскаленной болью валил с ног ничуть не менее верно, чем укол настоящей шпагой в самое сердце. Правда, на «сотке» работали очень редко, ограничиваясь полусоткой, которая называлась также коброй, или четвертью — шершнем. «Укус»

кобры, как правило, бросал фехтовальщика на колени, ну а шершня, чтобы не потерять лицо настоящего бойца, полагалось терпеть на ногах. Возле боевой дорожки всегда были зрители — и посторонние, и из числа отдыхающих фехтовальщиков, — с удовольствием располагавшиеся в мягких креслах на антресолях, где, кстати, и воздух был заметно теплее. За боем на этой дорожке следил не автомат, а судья-тренер. Перед началом боя он задавал древний, как сама спортивная шпага, вопрос: «Мсье прэ?» — и после того, как бойцы отвечали согласием, открывал бой жестом руки и короткой командой: «Алле!»

В общем, спортзал фехтования был спортзалом фехтования, спутать его с чем-нибудь другим было никак невозможно. Равно как невозможно было не любить его тому, кто по-настоящему держал в руке шпагу — благородное Древнее оружие, которое за историю человечества, как феникс, несколько раз умирало и вновь возрождалось из пепла забвения обновленным и еще более прекрасным.

Вслушиваясь и вглядываясь в этот особый фехтовальный мир, Лорка, не снимая тренировочного защитного трико, с удовольствием отдыхал в низком кресле. Его зеленые глаза довольно шурились, как у кота на солнышке, поза была расслаблена, правая рука тяжело свисала до самого пола, левая с зажатым в ней мягким платком лениво вытирала вспотевшие в боях лицо и шею. Потерявший свою упругость защитный шлем прозрачным капюшоном висел за спиной, а шпага отдыхала рядом на стоечке, которая специально для этой цели была и приделана к креслу. Шпага, как и сам Лорка, казалась ленивой, усталой и беззащитной — не верилось, что это именно она, подвижная, как ртуть, сияющая и вдохновенно-злобная, какую-нибудь минуту назад исполняла в воздухе свой затейливый и логичный танец угрозы, атаки и защиты.

Иван Франкетти, добрый, импульсивный и стремительный, как само фехтование, сидел рядом, сердито смотрел на Лорку и нехотя ругался, машинально следя за контрольным боем до первого «смертельного»

укола, который участники разыгрывали неторопливо, осмотрительно, с теми неожиданными, похожими на каприз переходами от нарочито ленивых, вяло-грациозных движений к каскаду летящих шагов, запутанных финтов и молниеносных уколов.

— Это же не самбо, рыжий ты дикарь, где многое решает сила! Фехтование — прежде всего искусство. Тренинг, тренинг и еще раз тренинг, если ты хочешь побеждать.

— А если я не хочу побеждать? — лениво, с еле уловимым лукавством спросил Лорка.

— Тогда катись отсюда и занимайся штангой, — скороговоркой ответил Франкетти и хлопнул себя по колену. — Нет, что он делает, а? Ты видел? Осторожничают в позиции, когда мог свободно достать его стрелой! Хочет играть только наверняка и проиграет, вот увидишь.

— А зачем мне штанга, Иван? Ты же все время твердишь, что мышцы у меня и так перетяжелены.

Франкетти, уловивший лишь конец последней фразы, быстро повернулся к нему.

— Перетяжелены! Я готов повторять это хоть до второго пришествия. Посмотри на себя, — Иван окинул его быстрым взглядом сначала скептически, потом почти любовно, — как ты с таким весом порхаешь по дорожке — великая тайна есть! Если хочешь знать, я всегда ставлю тебя в пример индивидуумам подобной комплекции. А ты? Подавай тебе Виктора, эту осу с каучуковой рукой и оленьими ногами!

— Так я же все-таки выиграл у него.

— Видал? — снова хлопнул себя по колену Франкетти. — Что я говорил? Переосторожничал и получил чистый укол. Был бы настоящий бой, лежать бы ему сейчас на матери сырой земле. Выиграл, — это скептическое замечание относилось уже к Лорке, — один раз из восьми. Стыдно и срамно такое для Фе дора Лорки.

— Но вспомни, каким уколом я выиграл, — не без самодовольства напомнил Лорка.

Франкетти закрыл глаза и мечтательно потряс головой.

— Да, это был царь-укол! — Он сделал молниеносное движение кистью и прищелкнул языком. — Я думал, шпага сломается как тростинка.

Лицо Франкетти вытянулось и стало свирепеть.

— Нет, ты посмотри, что делает этот столб, эта мачта, этот неотесанный небоскреб! Не фехтовальщик, а вентилятор! Мне бы такие рычаги. Нет, такое видеть просто невозможно!

И Франкетти поспешил к третьей дорожке, где неуклюже работал высоченный новичок с прекрасными для фехтовальщика природными данными. Лорка, с улыбкой наблюдавший, как Франкетти, прекратив бой, взял в руки шпагу и стал в позицию, услышал голос:

— Надеюсь, ты не в обиде?

Это был Виктор Хельг.

— Это на что же? — откровенно удивился Лорка.

По губам Виктора скользнула и пропала легкая улыбка. Он пожал плечами — мол, тебе виднее — и сел в кресло напротив Лорки. Сел в подобранной, хотя и непринужденной позе. Он совсем не выглядел усталым и был так свеж, точно явился сюда не с фехтовальной дорожки, а с бездумной прогулки. Поглядывая на Виктора с явным одобрением, Лорка еще раз прошелся платком по разгоряченной коже. Великолепный образчик человеческой породы! Умен, дерзок, в меру насмешлив, но это от молодости, прекрасно сложен — истинно оса! И по-настоящему красив еще не вполне созревшей, но яркой мужской красотой: темные вьющиеся волосы, высокий лоб, бархатные умные глаза, четко выписанные строгие черты лица и смуглый румянец на щеках. Хочешь рисуй, хочешь лепи — будет одинаково хорошо.

Виктор поймал взгляд Федора, и снова мимолетная улыбка, какая — разобрать не успеешь, скользнула по его губам.

— Можно с тобой откровенно, Федор? Я ведь не привык к дипломатическим тонкостям.

— Конечно, можно, — разрешил Лорка, продолжая разглядывать собеседника, словно по рассеянности, чтобы тот не обиделся ненароком. Ведь, вер-

но, и впрямь привык идти напролом и думает совершенно искренне, что ничего лучшего и быть не может.

Среди красивых удачливых парней такой психологический комплекс встречается нередко. Это не всегда осознанное отражение своего обаяния. И виноваты в этом женщины, которые, несмотря на свою рассудочную деловитость и расчетливость, не могут их не баловать и не опекать. Впрочем, виноваты — это слишком крепко сказано. В разумных дозах самоуверенность и прямолинейность для космоса только полезны.

— Я слышал, тебе нужен напарник, — почти утверждающе сказал Виктор, прямо глядя на Лорку своими бархатными глазами. Федор же взглянул на него лишь мельком и ответил не сразу.

— Мне нужен не только напарник. Я комплектую целый отряд.

— А для этой роли я не гожусь?

Нотка настойчивости в голосе Виктора не исчезала. Лорка снова мельком взглянул на него и ответил, словно извиняясь:

— Пока я этого не знаю.

Хельг засмеялся. Он сидел, опираясь локтями на колени, и с откровенным интересом разглядывал Лорку.

— Но Ревский обещал специально поговорить о моей кандидатуре.

— А он и говорил, — спокойно ответил Лорка, — только это сразу не делается. Путь от Земли до Кики длинный. Да и на Кике не сразу заварится каша. Напарник, содруг командира, выделится в коллективе сам собой.

Виктор внимательно смотрел на Лорку, который не то не замечал, не то делал вид, что не замечает, его взгляда.

— Федор, — вдруг спросил он, — у тебя же был напарник, отличный напарник — Тимур. Почему ты с ним расстался?

Лицо Лорки посуровело, лучше сказать, потяжелело; разгладились мелкие морщинки, и в то же время резче прописались основные черты.

— Мы не сошлись характерами, — медленно говорил он.

— Но, кажется, вы были друзьями? — настойчиво допытывался Хельг.

Лорка провел рукой по колену, точно разглаживая некие невидимые складки на защитном трико.

— Были, — подтвердил Лорка и впервые за время этого разговора прямо и очень спокойно взглянул в глаза собеседника. — Разве нельзя не сойтись характерами с человеком, который когда-то был твоим другом?

— Почему же нельзя? Можно. — Виктор отвел взгляд, шлепнул себя по ноге и засмеялся. — Как бы то ни было, ты командир экспедиции изначально, а вот твой напарник должен выделиться сам собой. Почему такая разница?

— В любом коллективе должна быть основа для компоновки, — сказал Лорка почти добродушно, — иначе коллектив просто не состоится, развалится.

— Стало быть, ты основа?

— В некотором роде.

— Значит, ты считаешь себя лучше других? — настойчиво допытывался Хельг.

— Опытнее.

— Ну, это вопрос терминологии.

— Не совсем. Чтобы ты понял это, скажу — за моими плечами незримо, но очень весомо стоят удачи прежних экспедиций, которыми я командовал.

Темные густые брови Виктора сдвинулись к переносью.

— Это верно, — в раздумье согласился он, непринужденно возвращаясь к прежней легкой манере разговора: — А если это удача, именно удача, и ничего больше?

— Раз удача, два удача, — в голосе Лорки зазвучала легкая ирония, — помилуй Бог, когда-нибудь надобно и умение.

— Знаю, — Виктор не удержался от нотки снисходительности, — ты любишь цитаты из старинных романов. Но стоит ли за них прятаться?

Лорка усмехнулся.

— Не стоит. Могу сказать тебе, что и командир экспедиции не наследует свой пост навечно, как император. В работе иногда выдвигается другой лидер, он и становится командиром. Такое случалось, хотя нечасто.

Виктор насмешливо поглядывал на Лорку своими бархатными глазами.

— Ты не боишься, что такое случится на Кике?

Лорка непонимающе взглянул на него. Виктор кивнул головой за спину и пояснил:

— Я победил тебя на фехтовальной дорожке. Разве то же самое не может случиться в космосе?

Лорка со сдержанным любопытством разглядывал своего фехтовального противника. Хельг открыто улыбался, но Лорка остался серьезным.

— Разве мы летим на Кикку драться?

Тень смущения пробежала по лицу Виктора и пропала.

— Нет, не драться. Но соперничество возможно не только на фехтовальной дорожке.

Лорка кивнул, соглашаясь, и поинтересовался:

— Ты считаешь свое участие в разведке Кики решенным делом?

— А почему бы и нет?

Лорка усмехнулся. Виктор помолчал, ожидая его реплики, но так как Федор и не думал открывать рта, заговорил сам, постепенно накаляясь:

— Что мне может помешать? Если откажешь ты, я обращусь прямо в Совет космонавтики. Я годен для разведки по всем статьям. Только ты мне можешь помешать. Но как? Расскажешь, как проиграл мне на дорожке?

— Далась тебе эта дорожка, — сказал Лорка спокойно, даже добродушно, — разве это настоящая схватка? Игра, театральное представление.

Виктор, закусивший удила, холодно сказал:

— Если хочешь, мы можем сделать этот бой настоящим. — И, расстегнув «молнию» защитного трико, достал из внутреннего кармашка пурпурный боевой разрядник.

Лорка, не торопясь, достал точно такой же.

— И это, конечно, не настоящий бой, но уже ближе к истине.

— Он повернул застрекотавшее регулировочное кольцо до упора, пока на основании разрядника не засветилась оранжевая кайма. Потом все так же неторопливо снял со стойки свою шпагу и аккуратно надел на ее пуандару наконечник. Только после этого он перевел взгляд на Хельга, который пристально и несколько недоуменно смотрел на него.

— За чем задержка? — весело спросил Лорка, поднимаясь из кресла.

Виктор встал вслед за ним и вместо ответа спросил:

— Ты хочешь работать на «сотке»?

— Конечно! Бой так бой.

— У тебя же нет никаких шансов, Федор, — задумчиво сказал Виктор.

Лорка засмеялся.

— Вот это меня и вдохновляет!

— У тебя нет никаких шансов, — настойчиво повторил Хельг, — и ты это знаешь. Почему же «сотка»?

— Для остроты блюда. — Лорка мазнул взглядом по собеседнику. — Уж не испугался ли ты?

Виктор насмешливо передернул плечами, вывел свой разрядник на «сотку», надел его на пуандару и таким рыцарски-галантным жестом пригласил соперника на боевую дорожку. Она очень кстати оказалась свободной; судья-тренер вместо своей основной работы просматривал видеозапись контрольного автомата.

Иван Франкетти, заметив колоритную пару Лорка — Хельг, разом оживился, но чуть позже обратил внимание на ярко-оранжевую кайму на болевых разрядниках, и лицо его вытянулось. Бормоча: «Проклятый рыжий упрямец!», Франкетти поспешил было к фехтовальной дорожке, чтобы помешать этому нелепому неравному бою на «сотке», который, он в этом ни секунды не сомневался, спровоцировал Лорка — страшный любитель такого рода экспериментов. Но, вдруг приостановившись, он пожал плечами и, с удовольствием мысленно констатируя: «Не тому, так другому это будет очень полез-

но», заторопился на антресоли посмотреть это увлекательное представление глазами специалиста и позрительно «поболеть» за Лорку, которому он уже давно отдал свое яростное спортивное сердце.

Когда он занял кресло, бой уже начался. Стремясь разом закончить бой, Виктор без подготовки молниеносно флешировал, Лорка перехватил, но встретиться не успел — Виктор легко, без усилия разорвал дистанцию. Теперь соперники лениво, будто нехотя двигались по дорожке: тяжело, но с мягкой кошачьей грацией — Лорка и легко, словно танцуя, — Виктор. Они были совсем разными: один смуглый и черный, другой рыжий, зеленоглазый; один сухой — ни грамма лишнего веса, другой массивный, отягощенный развитыми мышцами; один озорной, с улыбкой на губах, другой спокойный, даже флегматичный. И в то же время они были странно похожи, похожи уверенной, сдержанной силой, непринужденностью своих таких разных движений, всем своим обликом хомо сапиенсов двадцать третьего века.

— Тигр и пантера, — вполголоса сказал сзади Франкетти.

— И пантера выиграет. Лорка явно тяжеловат, — ответили ему.

Иван, не оборачиваясь, скороговоркой бросил:

— Вес шпажисту не помеха, носили бы ноги.

— Но есть и в классе разница, — возразил тот, первый, говоривший вполголоса.

— Есть, когда этих боев десять, а когда один бой — Лорка не хуже самого...

Кого самого, Иван договорить не успел: Виктор снова провел неотразимую атаку стрелой. Казалось, все кончено, лишь в самое последнее мгновение Лорка каким-то чудом успел взять четвертую защиту. И снова движение по дорожке, похожее на замысловатый танец, составленный из самых разных, казалось бы, не вяжущихся между собой па: стремительные атаки Виктора и несколько тяжеловатая, но уверенная защита Лорки.

Теперь в спортзале вела бой только эта пара — Хельг и Лорка, остальные шпажисты превратились

в зрителей. Тот и другой были хорошо известны, к тому же мало того, что они работали в болевом варианте, так еще и на «сотке». А здесь, в спортивной среде, знали, а если и не знали, то отлично представляли, что такое болевой укол полной мощности. Сторонников Виктора и Лорки было примерно поровну. За Лорку «болели» преимущественно «старики», которые знали его с той поры, когда Виктор еще и не появлялся на дорожке, и которым теперь порядком доставалось от этой восходящей звезды фехтования. Ну а Виктор был признанным кумиром молодежи.

Картина боя между тем прояснилась: Хельг напал, Лорка защищался.

— Правильно, Федор, — бормотал Франкетти, захваченный боем, — умница. Контратака — твой единственный шанс. Но надо потоньше, потоньше!

Лорка ясно показывал, что на всякую попытку уколоть он будет делать спасительный «круг шесть». Показал это раз, другой, третий, но не было в его показе непосредственности, и Виктор не шел на эту ловушку. Так долго продолжаться не могло. Виктор вел бой легко, с запасом, а Федор — к сожалению, это было видно очень хорошо — работал на пределе, выкладываясь полностью. Несколько раз от укола его отделяла тончайшая, едва уловимая грань; тогда нешумно, но темпераментно «болеющий» зал дружно ахал. Однажды показалось, что шпага-молния Хельга, встретив вместо груди Лорки пустоту, на излете все-таки коснулась его руки. Во всяком случае, рука эта бессильно упала, а Лорка приостановился, даже не попытавшись достать Виктора, разрывавшего дистанцию. Видимо, Хельг мог в этот миг решить бой в свою пользу, но он промедлил. Может быть, решил, что бой уже закончен, может быть, попросту пожалел Лорку, а может быть, поопасался, что Лорка блефует — удар был скользящим. Виктор вовсе не был уверен, сработал ли болевой разрядник, зато хорошо знал, что если и сработал, то далеко не на все сто процентов. Лицо Лорки не отражало ничего, кроме угрюмой решимости и усталости, а «сотка», Виктор знал это наверняка, заставит дернуться человека, будь

хоть у него стальные канаты вместо нервов. Как бы то ни было, бой продолжался.

— Молодец все-таки, рыжий черт, — бормотал Франкетти, делая в такт бою произвольные движения рукой, ногой, а то и корпусом, — держится! На пределе, на ниточке, но держится! И хитрит, проклятый!

Несмотря на страшное напряжение и растущее утомление, Лорка и в самом деле нашел в себе силы поиграть. Сквозь основной, в общем-то прямолинейный рисунок защиты опытный взгляд Ивана разглядел и другой, почти неуловимый, прописанный легчайшими, но четкими штрихами. Лорка теперь показывал, что его спасительный «круг шесть» блеф, обман, вызов, что на самом деле он ждет перевода в «четвертую защиту». И что все это стало происываться потому, что он, Федор Лорка, устал и у него уже нет сил вести бой с прежним вдохновением. И Виктор решил эффектно закончить бой. Двойной перевод — первый обман — и вот он, Лорка, беззащитен! Но в самый-самый последний миг, почти в столкновении, вломившись в это движение целиком, без остатка, Лорка успел-таки взять свою спасительную «шестую». Укол!

Переломившись пополам от нестерпимой боли, Виктор с глухим стоном упал на колени. Зал дружно ахнул и взорвался хором нестройных выкриков, реплик и споров.

— Молодец! — крикнул Иван, размахивая над головой руками.

— Выиграл. А жаль, — задумчиво проговорили сзади.

— Молодец! — снова крикнул Франкетти и, только теперь осознав услышанную фразу, возмущенно обернулся: — Жаль! Это еще почему?

Но рядом никого уже не было.

Выпрямившись, Лорка устало, всей грудью вздохнул, взял шпагу под мышку, смахнул с головы защитный шлем и помог подняться на ноги Хельгу.

— Пусти. Я сам, — сквозь стиснутые зубы выдавил Виктор, но ноги еще не держали его.

— Не дури, — устало сказал Лорка, закинул руку Виктора себе на плечо и отвел его в кресло. Хельг глубоко дышал, понемногу приходя в себя, взгляд его обретал осмысленное выражение.

— Перехитрил, — выдохнул он, мельком взглядывая на Лорку.

— Перехитрил, — согласился тот, — переиграл. Но еще полминуты — и я бы не выстоял.

— Я чувствовал, что ты почти готов. — Виктор перевел дыхание и закончил с сожалением: — Вот и заторопился.

— Это был мой единственный шанс, чтобы ты заторопился, — мягко сказал Лорка.

Виктор, уже пришедший в себя, рассеянно улыбнулся. Улыбка получилась напряженной. И это не потому, что у него все еще ныли мышцы и гудели кости после болевого удара. Его тревожило что-то другое, несравненно более глубокое, чем простая физическая боль. Это можно было понять по его пытливому, может быть, даже тревожному взгляду, который то и дело задерживался на Лорке.

— Скажи, Федор, — спросил он вдруг, — а почему все-таки «сотка»?

Лорка усмехнулся.

— Маленькая хитрость. В ситуации, когда обстановка накаляется на все сто процентов, я чувствую себя как рыба в воде. Может быть, — он пожал плечами, — отчасти в этом секрет моих удач?

— Ты решил меня запугать?

Лорка досадливо поморщился.

— Я знал, что тебя не запугаешь. Да и не в моих привычках запугивать. Но ожидание боли сковывает. — Он мельком взглянул на Хельга и добавил: — Почти всех.

— И меня? — быстро спросил Хельг.

— И тебя. Хотя, в общем-то, держался ты молодцом.

— А тебя?

Лорка промолчал и плутовато улыбнулся, щуря свои зеленые кошачьи глаза.

В продолжение этого разговора взгляд Виктора сохранял непонятную непривычную сосредоточенность.

Лорка догадывался, что Виктор хочет спросить его о чем-то, скорее всего об экспедиции в космос, о разведке, но ошибся. Хельг спросил его совсем о другом.

— Скажи, Федор, — медленно проговорил он, — это не из-за Альты? Бой на «сотке»?

— Что?

Лорка удивился так откровенно, что Виктор сразу все понял и закусил губу.

— Она тебе ничего не говорила?

— Нет.

— Я тут ухаживал за ней, когда тебя не было. Мы с ней одногодки. Я знаю ее раньше тебя, еще по школе. Это давало мне право.

— Право на ухаживание есть у каждого, — перебил Лорка, успевший взять себя в руки. Заметив, что Виктор собирается сказать что-то, он быстро попросил: — Давай не будем говорить об этом. Ухаживал так ухаживал. Это твое дело. Твое и Альты.

Упрямо хмуря брови, Виктор все-таки хотел сказать что-то, но Лорка повторил решительно и даже угрожающе:

— Прошу тебя, не будем.

Виктор заглянул в его зеленые холодные глаза и понял, что говорить действительно не стоит.

— Да, — заключил он после долгой паузы, — теперь ты меня определенно не возьмешь в напарники.

Лорка ответил не сразу. Видно было, что он не вдруг осознал фразу собеседника, хотя его память хранила ее звучание.

— Верно, Виктор, — проговорил он наконец, — не возьму.

Хельг, как это и было в его характере, вспыхнул мгновенно.

— Почему? — спросил он очень воинственно.

— Рано тебе в космос командиром.

— Это мы еще посмотрим — рано или не рано.

— Понимаю, ты можешь обратиться прямо в совет. Но, — лицо Лорки посуровело, — я сделаю все, чтобы завалить твою кандидатуру. И завалю, будь уверен.

Щеки Виктора стали совсем пунцовыми.

— И ты имеешь на это право?

— Имею, — голос Лорки прозвучал теперь по-дружески, — не сердись, ты еще просто зелен для командира.

— А ты не был зелен, когда пошел первый раз командиром? Ты был моложе меня на три года.

— Верно, — с некоторым удивлением подтвердил Лорка, прикидывая в уме возраст Виктора, — даже на три с половиной.

Он вздохнул, точно сожалея об этом.

— Но, видишь ли, разные овощи хороши в разное время.

— Какие овощи?

— Разные, — с ноткой таинственности пояснил Лорка, — огурчик хорош совсем зелененький, дыня бесподобна в стадии полной зрелости, а помидоры я обожаю, когда они уже красные, но еще с прозеленью.

Виктор, накал которого постепенно спадал, не выдержал и засмеялся.

— Стало быть, ты огурчик?

— Был.

— А я дыня?

— Скорее всего помидор.

Хельг потянулся, разминая затекшие мышцы, и, с сомнением глядя на Лорку, протянул:

— Не очень-то меня убеждает эта кулинарная классификация.

— Можно и без кулинарии. — Лорка помолчал и вдруг, не глядя на Виктора, спросил: — Зачем ты собираешься в космос?

Хельг, явно не ожидавший такого вопроса, с детской непосредственностью спросил:

— А ты? Зачем ты летаешь в космос?

Лорка усмехнулся.

— Это у меня в крови — страсть к странствиям и приключениям — от моих дальних и ближних предков: пиратов, мореходов и капитанов космических кораблей.

Хельг упрямо сдвинул темные брови.

— Среди моих предков я не знаю ни пиратов, ни капитанов космических кораблей. Но страсть, о которой ты говоришь, есть и в моей крови.

— Пожалуй, есть. Но что ее подогревает?

— Разве это так уж важно? Она может гореть и сама по себе.

— Может, — охотно согласился Лорка. — Во всяком случае, со мной так и было. Был я дурак дураком. Отправился в космос только потому, что надо было перебеситься.

— Почему же мне нельзя перебеситься?

— Потому что ты уже перебесился, — спокойно ответил Лорка.

Хельг взглянул на него удивленно и несколько растерянно.

— Да-да, — уверенно подтвердил Лорка, — ты собираешься в космос не просто так, не от одного избытка сил. Ты хочешь славы и бессмертия своего имени в грядущем. — Виктор молча смотрел на Лорку. — Разве это не правда?

— А если правда, — Виктор проговорил это с видимым трудом, — разве это плохо — слава и бессмертие?

— Если за этим не стоит ничего другого — плохо.

— А что должно стоять? — быстро спросил Хельг.

— Добро, — просто ответил Лорка. — И не только абстрактное добро для человечества в целом. Добро для тех, кто рядом с тобой, кто слабее тебя душой и телом. В космосе иногда только от воли командира зависит, пойдут другие на смерть или нет. И если добро не стоит за его спиной, он может натворить страшных дел. Вот и скажи честно — готов ты быть командиром?

Хельг на секунду поднял глаза на Лорку и угрюмо ответил:

— Не знаю.

— Вот видишь. Командиром быть тебе рано. А вторые роли ты играть не захочешь, да и не сможешь.

— Можно попробовать.

— Попробуй это на земле, — мягко посоветовал Лорка, поднимаясь на ноги.

Виктор придержал его за руку и настойчиво, страстно заговорил:

— А ты? Ты служишь только добру? Оберегаешь слабых и презираешь личную славу?

— Во всяком случае, я стараюсь так делать. — Он наклонился, взял свою шпагу на руку, придерживая за гарду. — И потом тут есть одна тайна. Я могу открыть ее тебе, если это останется между нами.

— Ну? — жадно спросил Хельг.

— Впрочем, если и не останется, тебе все равно никто не поверит. — Лорка улыбнулся. — Мне не так уж и хочется идти в космос — я ведь уже перебесился. Но надо. Понимаешь? Надо!

Глава 6

Игорь Дюк встретил Лорку шумно, со свойственной ему чуть нарочитой непринужденностью, к которой Лорка, впрочем, быстро привыкал и переставал ее замечать. Игорь ничуть не изменился, как и прежде, был строен, гибок, изящен и похож на д'Артаньяна, каким этот славный мушкетер рисовался в воображении Лорки. Но в его умных ироничных глазах Лорка разглядел легкую грустинку, которой не замечалось раньше. Игорь был чутким человеком и, видимо, догадался, что Лорка обнаружил в нем некие перемены, потому что спросил чуть насмешливо:

— Ну, каков я в новом амплуа — свободного от супружеских обязанностей мужчины?

Лорка легонько тронул его за плечо.

— Хорош! Таким и полагается быть преуспевающему служителю науки.

Лорка хорошо знал, что в свободное время Игорь Дюк увлекался математикой и философией, отличаясь этим от большинства космонавтов-гиперсветовиков, предпочитавших хобби гуманитарного уклона. К тому же он успел заметить и портативный компьютер, и большой шкаф с микрофильмами, и электронную пишущую машинку — эти непременные атрибуты обстановки в квартире человека, занятого научной работой.

— Преуспевающему или нет — сказать пока трудно, но работаю я усердно. А главное — с увлечением!

Когда Лорка убирал с плеча Игоря руку, Дюк неожиданно молниеносным движением перехватил ее и попытался заломить Лорке за спину. Точным рывком, скорее машинально, чем сознательно, Федор высвободился.

— Не балуйся.

— Ах ты, рыжий черт! — с откровенной досадой сказал Игорь.

— Ангел, уважаемый Дюк, ангел. Рыжий ангел — скромно и оригинально, — поправил его Лорка и посочувствовал: — Вес у тебя маловат, милый.

— Маловат, — вздохнул Игорь, завистливо оглядывая могучий торс Федора, и добавил с досадой: — Ты бы хоть расслабился, что ли. Из уважения к хозяину.

— А ты предупреждай заранее.

Усаживая Лорку на диван и устраиваясь напротив него в кресло, Дюк ворчал:

— А все толкуем о равенстве. Я вот два месяца не выходил из спортивного зала, заработал кучу похвал за превосходную координацию движений и ловкость. Умудрился положить чемпиона нашего города. И вдруг является неотесанный дикарь из космических дебрей, который и понятия не имеет о тонкостях самбо, и стряхивает меня, как надоедливую муху.

— Каждому свое, — машинально ответил Лорка.

— Это верно, — охотно поддержал Игорь. — Пить-есть будешь?

Лорка замотал головой.

— Не время.

— Как знаешь. А насчет того, что каждому свое, согласен, думал об этом. Если хочешь, Федор, это главная проблема нашего времени — раскусить, что тебе дано. Понимаешь, раньше человек хватался за что угодно, лишь бы утолить голод, отхватить кусок удовольствий, разбогатеть, добиться власти и славы. Что осталось сейчас от этих стимулов? — Игорь иронично усмехнулся. — Разве что слава?

— Это ради славы ты шелестишь на машинке?

— А что? Если эта капризная особа обратит на меня свой благосклонный взор...

— А если не обратит?

— Ну и черт с ней! Перетерплю как-нибудь.

Они уже несколько раз обменивались пытливыми взглядами. Чуткий Дюк догадался, что Лорка зашел к нему неспроста, и ждал, а Федор все медлил, не решаясь начать.

— Наверное, уже виделся с Эллой? — довольно равнодушно спросил Игорь.

— Пока еще нет.

— Ты знаешь, — открыто глядя на Лорку, Игорь с некоторым недоумением пожал плечами, — я ведь доволен тем, что мы расстались с Эллой. Хотя это ее инициатива.

— Доволен? — не поверил Лорка.

— Не пойми меня ложно. Конечно, это меня огорчило, к тому же отчислили из состава экспедиции. Но прошло время, и я понял, что разрыв был не только неизбежен, но и нужен.

— Почему?

Дюк внимательно взглянул на него.

— Экий ты сегодня настырный, все-то тебе нужно знать. Любовь бывает разная, Федор. Одна помогает жить и трудиться, другая мешает. Хотя и та и другая любовь — настоящая, искренняя. — Он помолчал, пожал плечами. — У нас с Эллой была типично та самая любовь, которая мешает. Ты можешь не поверить, но всего за два месяца я сделал, — Дюк кивнул в сторону пишущей машинки, — раза в три больше, чем за предшествующие десять лет, проведенные рядом с Эллой. До работы ли, когда рядом такая женщина? То райское блаженство, то нестерпимый ад, то нежность, то озлобление, то ссора, то примирение, да такое, что весь мир готов бросить к ее ногам.

У Лорки постепенно складывалось мнение, что Игорь говорил не столько для собеседника, сколько для самого себя.

— В космосе я был многогранным человеком с широким кругозором, на Земле Элла заслоняла собой добрые полмира. Меня это не тяготило, мне это было любо, но не хватало времени оглянуться назад, подумать и выбрать дальнейший путь.

Лорка сдержал улыбку. Игорь Дюк играл без нажима, почти незаметно, но играл. Небрежная поза, изящные, чуть расслабленные движения, легкая грусть во взоре, ироническая усмешка на губах — прямо-таки сноб, явившийся сюда из далекого прошлого. Игорь всегда принимался играть какую-нибудь роль, когда начинал откровенничать. Игра служила ему своеобразным щитом против психологических царапин.

— А теперь я осмотрелся, — продолжал Игорь. — Черт побери! Как слабо мы продвинулись вперед в овладении личным счастьем, хотя ради человечества в целом перевернули вверх дном кучу чужих миров.

— Может быть, это хорошо, что не для себя, а для человечества? — поддразнил Лорка.

— А не пора ли всерьез, на самом высшем научном уровне, заняться каждым отдельным человеком? Он покосился на Лорку.

— Мне иногда кажется, Федор, что счастливым сейчас стать труднее, чем в каменном веке. Как тогда все было просто! Огонь в очаге, много жирного прожаренного мяса, безопасная пещера и женщина на звериных шкурах, жаждущая твоей ласки. Вот и счастье! А теперь? — Игорь скептически поморщился и махнул рукой.

— Кто спорит с тем, что счастливым сейчас стать труднее, чем в каменном веке, — тихо заметил Лорка.

— Тогда зачем все это? — сурово спросил Дюк, кивая головой на окно, за которым редкими иглами вздымались в небо многокилометровые здания.

И Лорка посмотрел в широкое окно.

— Счастье стало недоступнее, это правда, но оно и выше. Как эти дома выше средневековых хижин и даже небоскребов двадцатого века.

— Выше еще не значит лучше, — буркнул Игорь. Лорка, приглядываясь к нему, засмеялся:

— Тебя бы на недельку в каменоломни, в Древний Рим или Египет.

— Ну а если без каменоломен и без рабов?

— Можно и без каменоломен. Любимая работа, хороший отдых, истинная свобода — разве это не полноценный фундамент для счастья?

— То-то и оно, что фундамент.

— А ты думал, счастье принесут тебе на блюдечке? Кому оно нужно такое, дареное? Настоящее счастье надо выстрадать, милый Дюк.

Игорь вдруг засмеялся.

— Вот уж куда-куда, а в страдальцы я не гожусь. — И с неожиданной проницательностью добавил: — Ну его к черту, это личное счастье. Скажи мне, рыжий ангел, почему ты смотришь на меня так испытующе? И о чем хочешь спросить, да никак не решаешься?

— Все боюсь потревожить твой душевный покой.

— А ты не бойся.

Лорка внимательно взглянул на него и деловито спросил:

— Перед тем как произошел окончательный разрыв с Эллой, — Федор сделал неопределенный жест рукой в воздухе, — с вами ничего необычного не происходило?

Дюк, присматриваясь к Лорке, усмехнулся.

— Не видели ли мы вещих снов и небесных знамений? Не сходила ли на нас Божья благодать или, наоборот, не являлся ли к нам Вельзевул с предложением пожертвовать наши грешные души в фонд безработных, голодающих бесов?

Лорка, любовно смотревший на Игоря, мягко попросил:

— Не дури. Необычное запоминается само собой.

— Да нет, ничего необычного, — Игорь пожал плечами, — разве что были накануне в гостях у Теодорыча и пробовали его самодельное вино.

— И как, понравилось? — с любопытством спросил Лорка.

— Так себе. А вот Элке понравилось, она ведь страшная любительница всякой экзотики.

— Это верно, так себе, — проговорил про себя Лорка и поднял глаза на товарища. — Ты меня прости, но еще один вопрос на ту же тему. Как у вас все-таки произошел с Эллой разрыв? Ведь обычно бывают не только причины, но и поводы.

Игорь с некоторым удивлением взглянул на Лорку: Федору вовсе не было свойственно копаться в

интимной жизни своих друзей и товарищей. Да и вообще такое не было приятно!

— Появился у нее близкий друг, — неохотно сказал он вслух. — Уж есть у них любовь или нет — не знаю, но влияние он на нее имеет большое.

— Любопытно, — пробормотал Лорка.

Игорь Дюк смотрел на него с недоумением.

— Федор, — сказал он просительно, — ну зачем тебе копаться во всем этом?

Лорка мельком взглянул на него.

— Тим погиб, Игорь.

— Что? — шепотом спросил Дюк.

Лорка не удостоил его ответом, так и остался сидеть с опущенной головой.

— Тим? — Дюк неловко поднялся из кресла, оно упало. — Я думал, такие не погибают.

— Погибают.

Игорь поколебался, потом поднял кресло и пнул его ногой.

— Почему не сказал сразу? — спросил он, свирепея.

— Есть причина. — Лорка кивнул на кресло. — Садись. Да садись же и выслушай меня.

Лорка рассказывал не очень связно, а поэтому долго. Искреннее огорчение Дюка заставило его еще раз заново почувствовать всю нелепость и неотвратимость гибели друга. Рассказывая, он понемногу успокаивался и приходил в себя. Дюк, ошарашенный неожиданным известием и поглощенный собой, сначала слушал Лорку вполуха, но потом как-то вдруг он уловил странную и страшноватую логику цепочки несчастий и неудач, преследовавших руководителей кикианской экспедиции.

— Погоди, погоди, — перебил он Лорку, хмурая брови, — ты подозреваешь, что Тима попросту убили?

— Нет, — сказал Лорка, — я не думаю столь прямолинейно. Возможно, его хотели просто вывести из строя, как вывели тебя, Барму, Сомова, и переборщили.

— Кому и на кой черт это могло понадобиться?

Лорка помолчал и теперь уже неторопливо и очень четко рассказал о всех соображениях Соколова. О его консультации с ГКЗ и о том, что компьютер допустил возможность существования тайной организации, противопоставляющей свои интересы интересам человечества в целом. О подростковой автономии и о том, какую странную, жестокую роль могли сыграть эти подростки в период подготовки кикианской экспедиции. Рассказывая, Лорка с неприятным чувством отметил, что импульсивный Дюк как-то уж очень легко забыл о гибели товарища и слушал Федора со все более возрастающим интересом. Он даже поднялся из кресла и принялся ходить по кабинету.

— Соколов почти убедил меня, что все дело в Викторе Хельге и что ребята, решив восстановить справедливость, наделали непоправимых глупостей. Но оказалось, что все это ерунда и бред собачий.

— Так уж и бред? — несколько рассеянно спросил Игорь, думавший о чем-то своем.

— Бред, — со вздохом, но очень уверенно ответил Лорка. — Конечно, Виктор болен славой, но он чист и честен, он не способен на подлость и фальшь, ручаюсь головой.

— А если Виктор ничего и не подозревает о кознях своих обожателей?

Лорка усмехнулся.

— Маловероятно. Виктор общается со школьниками чуть ли не каждый день, человек он умный и чуткий. Он просто обязан был догадаться о фокусах ребят. Но я проверил и такую возможность — поговорил с юнцами, не в лоб, конечно, а обиняком. Там все чисто, можешь быть уверен. Я ведь тоже в некотором роде ребячий фаворит, мне они врать не станут. Так что, — Федор развел руками, — концепция о тайной организации лопнула с треском.

Игорь Дюк остановился прямо перед Лоркой и, глядя на него, спросил со скрытым вызовом:

— А если с треском, да не лопнула, а родилась?

Сразу подобравшись, Лорка остро взглянул на товарища.

— У тебя есть какая-то идея?

— У меня есть десятки и сотни идей, — Игорь снова слегка играл, и в его тоне звучала снисходительность, — но я тебе подарю лишь одну из них, самую красивую и вдохновляющую. — Он подтащил ногой стул и сел напротив Лорки. — А что, если мы имеем дело со скрытым сопротивлением некой не-земной цивилизации?

Лорка, с острым интересом ждавший «красивой и вдохновляющей» идеи товарища, не мог скрыть своего разочарования. Чуткий Игорь конечно же сразу заметил это и рассердился.

— Ты что же, не допускаешь возможности контактов с инопланетянами?

— Почему же? У нас бывали встречи.

— Я имею в виду не дальний космос и не чужие планеты, консерватор! Я говорю о контактах прямо здесь, на Земле.

— Что-то вроде визита на чашку чаю? Или явления Христа народу? — флегматично уточнил Лорка. — Думаю, что всемирное бюро информации уведомило бы нас о таком эпохальном событии.

— Нет, мой милый. Я имею в виду контакты односторонние: в виде скрытого сбора информации о землянах или активного, но тайного вмешательства в наши земные дела.

— В принципе возможно и такое. — Лорка не скрывал своего скептицизма. — Но уж очень все это легковесно, как в детском приключенческом фильме. Агенты инопланетной цивилизации на Земле! Под каким соусом и в каком облике, Игорек? Любая подделка под человека, будь то чистый робот, биомех или что-нибудь иное, саморазоблачит себя за несколько часов контакта.

— Это второй вопрос, — нетерпеливо перебил Дюк.

— Допустим. Итак, тайные агенты на Земле, а мы об этом не подозреваем. И чем же они занимаются? Я бы поверил в их существование, если бы они скопировали записи центрального информатория, взяли на бордаж и угнали бы наш лучший галактический корабль или поставили несколько хитрых экспериментов, чтобы определить характер и цели нашей ци-

визации. А инопланетяне, видите ли, не нашли ничего лучшего, как потихоньку, но целеустремленно изводить одного кандидата в командиры кикианской экспедиции за другим. Зачем?

— Очень просто — они хотят сорвать нашу экспедицию на Кику! Может быть, не сорвать, а просто задержать; кто знает, вдруг у них на Кике собственные интересы? А может быть, они хотят, чтобы экспедицией командовал чем-то удобный для них человек, к которому они успели подобрать некие ключики.

Пожалуй, впервые за время разговора об инопланетянах на лице Лорки вместо скепсиса и иронии появилось выражение серьезного раздумья. Дюк немедленно заметил это.

— Хочешь, я объясню, почему тебя так шокирует идея об инопланетном вмешательстве в земные дела? Все дело в Боге.

— В Боге? В каком Боге? — удивился Лорка.

— В самом обыкновенном. В том самом бородатом старике, который, сидя на облаках, за шесть дней сотворил целый мир, а потом время от времени считал нужным совать нос в земные дела, хотя его никто не просил об этом.

— Положим, — возразил Лорка, помимо воли увлекаясь этой интеллектуальной игрой, — до сотворения мира и облаков не было, а впрочем, в космическом разуме есть что-то от Бога.

— И ты туда же, несчастный антропоцентрист! — с досадой сказал Дюк. — Вдумайся, Вселенная не имеет ни начала, ни конца, она существует вечно! Миллиард веков миллиард раз возведенный в миллиардную степень — ничтожный миг по сравнению с ней. Ты ощущаешь это?

— Да, — с легкой улыбкой ответил Лорка, — у вечности довольно острый аромат.

Но увлеченный Дюк уже не обращал внимания на шутки.

— Теперь подумай, как мы бесцеремонно обращаемся с этим колоссом. В бесконечной веренице времени мы выбираем крохотную точку — те самые

двадцать — тридцать миллиардов лет, в течение которых существует Галактика, звезды, планеты, — и именно этому мгновению приписываем право на разум. Вот ведь какое нахальство и самонадеянность! А жалкий отрезок нашей звездно-галактической эпохи ничем не лучше и не хуже любого другого, до сегодняшнего восхода солнца таких отрезков пролетело бесчисленное множество. Почему мы им отказываем в праве на разум?

— Мы не отказываем, — возразил Лорка.

— Ах не отказываем, — сейчас же уцепился за эту фразу Дюк. — Но, кроме того, мы должны отдавать себе отчет, что по мере своего развития сообщество разумных постепенно приобретает все большую власть над природой и наконец перестает зависеть от нее совершенно. Такое сообщество приобретает право на неограниченное существование. Разве человечество не живой пример этому?

— Допустим.

— Ловлю тебя на слове. Сколько же таких могучих цивилизаций возникло в ходе вечного существования Вселенной? И разве они не должны рано или поздно найти друг друга и объединиться?

Лорка и не думал возражать, он просто спросил с оттенком грусти:

— Почему же мы так одиноки среди звездных дорог?

— Может быть, мы просто не доросли до этого суперсообщества разумных. Не принимают же подростков в общество космонавтов или в члены Академии наук. А может быть, — по губам Дюка скользнула легкая усмешка, — наша Галактика — своеобразный заповедник, за которым пристально наблюдают мириады мудрых глаз. Мы же создали на Земле такие заповедники для диких зверей и стараемся как можно меньше вмешиваться в их внутренние дела.

Игорь Дюк тихонько засмеялся, поглядывая на задумчивое лицо товарища.

— Я убежден, Федор, разум вечен, как и сама материя. И наверное, все, что мы видим вокруг себя и близко и далеко, так или иначе связано с ним. А если

космическое сообщество разумных существует, оно просто обязано присматривать за человечеством, если не явно, то тайно. Ведь мы мужаем, набираемся сил, все дальше и дальше проникаем в космос. И чем активнее мы становимся, тем жестче должен быть контроль за нами. Резвящийся львенок — это львенок, способный лишь на озорство: царапины на руке хозяина, разбитая ваза, разорванная подушка. Если же расшалится молодой, но уже полный сил лев, можно ждать настоящей беды.

— А факты? Есть у тебя конкретные факты этих тайных или явных контактов с инопланетянами здесь, на Земле?

Игорь снисходительно пояснил:

— Я философ, а не статистик. Я занимаюсь проблемами вселенского масштаба. Что мне маленькая старушка Земля?

— Маленькая старушка Земля, — с оттенком горечи повторил Лорка и суховатым добавил: — Тим погиб именно здесь, на Земле, Игорь.

Секунду помолчав, Дюк грустно и удивленно согласился:

— Да, гиперсветовик Тим Корсаков погиб на Земле. — Он вздохнул и виновато пробормотал: — Слаб человек. Тима нет в живых, а я уже забыл об этом. Но что тут поделаешь?

Он несколько театрально склонил свою красивую интеллигентную голову и, постепенно оживляясь, заговорил снова:

— Ты говоришь — факты. А ведь нет ничего глупее факта. Глупо, как факт! Не помню, кто первым сказал это, кажется, Лаплас. Чтобы разглядеть в облачке факта его суть, нужно не только зрение, но и знание. Люди ежедневно видят восход солнца, но прошли долгие тысячелетия, прежде чем они поняли, что это следствие вращения Земли. Так и контакты с инопланетянами — надо острее, глубже глядеть вокруг себя.

Игорь вдруг оборвал свою мысль, присматриваясь к изменившемуся, похолодевшему лицу Лорки.

— Что с тобой, Федор? — участливо спросил он.

— Ничего, — не сразу, но очень спокойно ответил Лорка. Но это была неправда.

Слушая Игоря, Лорка вдруг вспомнил свой глупый прыжок в овраг, заполненный туманом. И сломанное дерево-рогатину, направленное острием вверх.

Глава 7

Лорка пошел в павильон не только потому, что ему захотелось пить, — просто ему нужно было где-то собраться с мыслями и подумать.

Войдя в обширный полуоткрытый и полный света вестибюль, Лорка отметил любопытную новинку: внутренняя лицевая стена его, обычно занятая картинами, рельефами, скульптурами, вазами и другими предметами чистого и декоративного искусства, изготовленными городскими умельцами, сейчас была превращена в стереоэкспозицию. Это было яркое светозвуковое окно в северный осенний мир, окруживший город: еще зеленые, но уже с прожелтью холмы, серые облака с ярчайшими голубыми пятнами небесных прогалин, сколки деревьев — скромной желтой березы, горящей рябины и хмурых темно-зеленых елей. На переднем плане экспозиции ручей, кустарник, над которым порхали и звенели птицы, кажется, трясогузки или зимородки — Лорка не был силен в орнитологии.

Федор одобрил новинку, одобрил и некоторую искусственность, избыточную красочность пейзажа по сравнению с тем, что было за чертой городского купола. Лорке захотелось узнать фамилии авторов экспозиции, он подошел ближе и невольно поразился реальности этого мира, созданного воображением человека и его умелыми руками. Ручей был рядом — вот он, хотелось сделать еще шага два вперед, нагнуться и опустить руку в студеную прозрачную воду. С березы, кружась и покачиваясь, неторопливо падал лист. Вдоль ручья пробежалась трясогузка, остановилась и покачала хвостиком, кося на Лорку любопытными глазами-бусинками.

А вот фамилий авторов экспозиции, как это нередко случалось, нигде не значилось — они пожелали остаться неизвестными. Только в самом углу экспозиции на высоте груди Лорка обнаружил как бы парящий в воздухе авторский знак — вензель из нескольких затейливо переплетенных букв. Кто знает, пожелает ли когда-нибудь раскрыть свое инкогнито коллектив художников и инженеров?!

Во всем остальном павильон сохранил свою типичность: слева — пища земная, справа — духовная. Посредине павильона — скромный, стеклянно звенящий фонтан, вокруг него неширокая полоса шелковистой травы и луговых цветов. В правом холле почти все посетители были в больших темных очках, они сидели в креслах, на диванах, за маленькими столиками, рассчитанными на одного человека, в самых разных позах, которые только может принять человеческое тело в состоянии физического покоя, интеллектуальной сосредоточенности и эмоциональности. Некоторые рассеянно прихлебывали или тянули через соломинку напитки.

Лорка вспомнил хроникальный фильм-очерк о прошлом, который он видел несколько дней назад, и усмехнулся. В этом фильме добрая половина людей была в больших темных очках. Как пояснил, вызвав общее оживление, консультант, эти очки прошлого вовсе не были кинозвукопроекторами, в стекла-кассеты которых вставлялись материалы хроники, произведения литературы, искусства и научные материалы — все то, что заменило объемистые книги прошлого. Оказывается, тогда очки носили либо те, кто страдал недостатком зрения — медицина еще не додумалась, что их можно исправлять, либо те, кто попросту не хотел щуриться от яркого света, дабы не испортить морщинами гладкое, будто заглянцованное лицо. Эти невыразительные лица тогда почитались эталоном красоты. Будто и не было великих творений Леонардо, Рембрандта, Родена!

Левый холл был еще просторнее. Вдоль стен тянулись витрины — консерваторы-раздаточные, а само помещение было занято столиками и столами, рас-

считанными на одного, двух и больше человек. Блюд и напитков, выставленных в витринах, было предостаточно, чтобы удовлетворить даже капризного гурмана прошлого. Но почти все они, если говорить о мясе, рыбе, дичи и деликатесах, были синтетами или композитами. Только две большие витрины были заняты натуральными блюдами, но людей возле этих витрин было совсем немного: существовал негласный этический закон, по которому этими блюдами пользовались лишь по предписанию врача и в особых случаях. Например, если у тебя день рождения, годовщина первого выхода в космос или если уж очень захотелось вцепиться зубами в сочный, еще дымящийся, в меру прожаренный бифштекс. Была и еще одна особая витрина, маленькая, — «Натуральные деликатесы». В различных павильонах эти деликатесы были разными: в этом — черная осетровая икра. Мимо этой витрины проходило много народу, но брали редко, больше просто любопытствовали — недаром здесь было много детей с родителями. Эта сдержанность потребления объяснялась и этикой, и тем простым фактом, что рядом, в соседней витрине, было сколько угодно точно такой же синтезикры, отличить которую от натуральной было совершенно невозможно. Прошел мимо деликатесной витрины и Лорка, он, как гиперсветовик, имел моральное право брать все, что вздумается, но никогда этим правом не пользовался. На секунду он все-таки задержался. Как же, икра! А что икра? Слизь, черненькие шарики, а внутри этих шариков варварски убитые, насмерть замученные в крепком рассоле существа-зародыши, из которых могли бы получиться великолепнейшие рыбы — осетры!

С бутылкой ледяной минеральной воды Лорка шел к свободному столику, когда почувствовал прикосновение к своей руке.

— Федор!

Лорка обернулся и увидел Соколова. Перед ним на столе был ополовиненный бокал томатного сока и тарелка малюсеньких бутербродов с самой разной снедью.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич. — Лорка присел рядом.

— На ловца и зверь бежит, — не совсем внятно проговорил Соколов, рот у него был набит, отпил солидный глоток сока и уже членораздельнее пояснил: — Мне как раз надо видеть вас. Есть новости.

Лорка откупорил бутылку и сразу же, чтобы не таялся газ, наполнил стакан. Отпил несколько глотков острого морозного напитка и, глядя на веселые пузырьки газа, рвущиеся вверх, сказал:

— У меня тоже есть.

— М-м? Отлично!

У Соколова был благодушный вид, лицо и вообще порозовело, на лбу выступили бисеринки пота. Больше, чем когда-нибудь, он был сейчас похож на очарованного процессом еды поросеночка. Челюсти у него работали неторопливо, но методично и очень эффективно — бутербродики волшебным образом исчезали с тарелки один за другим. Лорка не успел прикончить бутылку, как с едой было покончено. Соколов вытер салфеткой губы, потом платком лицо и улыбочиво взглянул на Лорку своими голубыми глазами.

— Кто же первый выложит новости? — полюбопытствовал он.

Эта улыбочивость и благодушие были Лорке не совсем понятны. Соколов знал, что его гипотеза о подростковом вмешательстве в дела взрослых рухнула окончательно и безвозвратно. Они долго обсуждали это по видеофону, Соколов выглядел тогда раздосадованным и огорченным — как и любой одержимый, он был очень откровенен и непосредствен в своих эмоциях. И вдруг такая метаморфоза настроения!

— Могу начать, — вслух сказал Лорка.

— Слушаю.

Слушал Соколов внимательно, он вообще был превосходным слушателем — наверное, без этого качества просто невозможно быть профессиональным экспертом-социологом. Сначала на его лице был написан живой интерес, его сменило недоумение, а потом и растерянность. Вдруг полные, бантиком губы Соколова дрогнули раз, другой, и он захохотал. Захо-

хотал беззвучно, но от всей души, содрогаясь всем своим плотным литым телом, вытирая платком слезы, выступившие в уголках глаз. Лорка хотел было рассердиться, но, вспомнив свою собственную реакцию на предположение Игоря Дюка об иноземном вмешательстве, только усмехнулся.

— Простите, — с трудом выговорил Соколов, постепенно успокаиваясь. — Уж очень это неожиданно и забавно.

— Что вас забавляет? — сухо спросил Лорка.

Соколов заглянул в его похолодевшие глаза и пожегся.

— Простите, — теперь уже покаянно повторил он. — Не считайте меня бессердечным. Но я эксперт и порой увлекаюсь делом больше, чем нужно.

«Да, ты профессионал», — с горечью и уважением подумал Лорка, постепенно оттаивая. Видимо, Соколов заметил это. Он помолчал, постукивая короткими сильными пальцами по столу, и уже рассудительно и деловито продолжал:

— Знаете, уж очень мудрена ваша инопланетная версия. Тайные галактические агенты на Земле, а мы не догадываемся об этом! Кто они — невидимки, бесплотные духи? И решают они, вы уж простите, слишком малокалиберные задачи.

Лорка не сдержал улыбки — Соколов говорил ему почти то же самое, что в свое время сам Лорка говорил Игорю Дюку. Соколов же, подавшись вперед, осторожно спросил:

— А что, если во всей этой кикианской истории нет ни мудреной тайны, ни замысловатости, ни происков инопланетной цивилизации, а одна только пошлость и мещанство?

— Не совсем понимаю.

Некоторое время Соколов молча смотрел на Лорку, поджав губки и хитровато щуря голубые глазки. И вдруг сказал:

— Совет рекомендовал вам нового напарника вместо Тимура. Знаете об этом?

— Не знаю, — медленно ответил Лорка. Ему не хотелось показывать, как больно резанул его этот про-

стой вопрос, как бы ставивший точку над гибелью друга. — Кто он?

— Виктор Хельг. Рекомендация мягкая: вы сами должны решить — годится он в помощники и содружки командира экспедиции или нет. Но рекомендация есть рекомендация.

— Все-таки Виктор, — в глубоком раздумье повторил Лорка и поднял глаза на эксперта. — Наверное, вы решили воскресить подростковый вариант?

Словно защищаясь, Соколов выставил перед собой маленькие сильные ладошки.

— О нет! Ту версию мы похоронили окончательно. Но когда кандидатура Хельга упрямо и уже явно всплыла снова, мне пришла в голову интересная мысль, — маленькие глазки Соколова обрели мечтательное выражение. — Такие таинственные и вместе с тем перспективные, многообещающие планеты, как Кика, открываются раз в столетие, не чаще.

— Ну и что?

Соколов снисходительно улыбнулся.

— А то, что командиру кикианской экспедиции да и его помощнику в случае удачи уготована вечная слава — бессмертие в человеческой истории. Как Христофору Колумбу, Юрию Гагарину, Ростиславу Лодыгину или Ивану Лобову.

— Что из того? — Лорка был само терпение.

Соколов вздохнул. Он посмотрел на космонавта со странным, непривычным для себя выражением — почти любовно и вместе с тем с сожалением.

— Добры вы слишком, Федор, а потому, вы уж простите меня, в чем-то наивны. Будете постарше — почерствеете.

Лорка усмехнулся, а Соколов продолжал:

— Вы же сами говорили, что Виктор Хельг болен славой. А ведь в этой болезни есть что-то древнее, мещанское. Если настоящий человек ждет славу спокойно, как естественную благодарность других людей, то мещанин этой славы жаждет, активно ее домогается, а уж заслужил он это право или нет — дело десятое. И вдруг такая возможность — Кика! Для мещанина упустить такую возможность — значит стать несчастным,

казниться и скрипеть зубами от досады всю остальную жизнь. Он постарается сделать все возможное и невозможное, чтобы ухватить капризную фортуна за хвост.

Соколов умолк, ожидая реплики, но и Лорка молчал. Странно, он думал сейчас не о своем друге Тимуре, не о Викторе и даже не об экспедиции на Кику. Он думал о том, что прожил длинную — ему ведь уже сорок, — интересную, богатую приключениями жизнь, а ни разу всерьез не задумался о вечной проблеме мешанства, которое тайно сопутствует всему истинно великому. Самолюбие и себялюбие, скромность и трусость, мужество и показное геройство, любовь и интрижка, гордость и высокомерие — несть числа этим таким разным внутренне и так иной раз похожим внешне понятиям. Да, рядом с истинными идеалами человека и человечности неизменно следуют их мишурные, яркие, но трухлявые и мерзостные двойники. Подобно тому, как с благородным шампиньоном соседствует лжешампиньон — смертельно ядовитая бледная поганка. Удивительно живуча эта ядовитая мишура.

— Что же вы мне ответите?

Лорка не сразу оторвался от своих мыслей.

— Я могу только повториться. Да, Виктор Хельг болен славой. Но он прямой, честный парень. Я не думаю, что он способен на двурушничество, а тем более на подлость.

На круглом розовом лице Соколова ясно отразилось недоумение.

— Вот видите, вы не думаете, — пробормотал он, хмурия свои редкие белесые брови. — А есть у вас стопроцентная уверенность?

Лорка иронично полюбопытствовал:

— А вы сами можете быть уверены на сто процентов в том, что касается человеческих взаимоотношений?

— Вот видите, — будто и не слыша Лорки, недовольно повторил Соколов. — И потом вы говорите, что Хельг не способен на подлость. Охотно допускаю, что на прямую подлость такой парень действительно не способен. Но он может быть косвенно к ней причастен.

— Не совсем понимаю.

Соколов вздохнул, в его голосе слышались менторские нотки:

— Вы знаете, что такое протекционизм? Здоровый, принципиальный протекционизм — явление не только неизбежное, но и нужное — например, за вас горой стоит Ревский. Он готов отстаивать вашу кандидатуру где угодно и перед кем угодно. И это прекрасно!

Соколов передохнул.

— Но есть и двуличный, мещанский протекционизм. Это когда папы, мамы, друзья и близкие готовы лопнуть, но помочь своему протеже, а уж заслуживает он протекции или нет — дело десятое.

Видя, что Лорка собирается возразить, Соколов замолчал головой, на его румяном лице появилось страдальческое выражение.

— Знаю, знаю! Такие случаи редки, даже исключительны. Но ведь исключительна и цепочка несчастий с кандидатами в экспедицию на Кику! Мы не можем, не имеем права упускать из виду такую возможность. Разве есть, например, гарантия, что некто без ведома Виктора Хельга или при его молчаливом попустительстве не попытается протащить его в экспедицию ради грядущей славы, которой он так жаждет?

— Кто? — устало спросил Лорка. — У Виктора нет ни отца, ни матери, они погибли, когда он был еще мальчишкой.

В голубых глазах Соколова появилось хитроватое выражение.

— А вы знаете, что Виктор очень дружен с Эллой Дюк?

— Что? Да она лет на двадцать его старше!

Соколов сокрушенно вздохнул.

— Бог мой! Элла — женщина без возраста, неужели это не понятно?

Это была правда, и Лорка невольно призадумался.

— А почему между вашим другом Игорем и Эллой вдруг произошел разрыв? — вкрадчиво спросил он. — Ведь они по-своему крепко любили друг друга. А если говорить честно, я не встречал женщины умнее Эллы Дюк. Она одна стоит целой тайной организации!

И уж если такая женщина поставит себе задачу протащить возлюбленного в экспедицию, никакие препятствия ее не остановят.

— Будет вам фантазировать, — добродушно сказал Лорка.

— Так уж и фантазировать? Вы же любите и знаете мировую литературу и историю, Федор. Вспомните леди Макбет и госпожу Помпадур, вспомните о вековой загадке женской натуры. Да, сейчас этот женский комплекс в полной мере проявляется редко: не та жизнь, нет стимулов и экстремальных обстоятельств. Но в определенных условиях этот бесовский синдром может и нынче вспыхнуть со страшной силой.

Лорка смотрел на эксперта с некоторым удивлением, он еще не видел его таким. Наверное, Соколов почувствовал его взгляд, а потому без паузы перешел на деловой тон:

— Пусть это звучит напыщенно, но мы с вами, Федор, стоим на страже устоев общечеловеческой морали. Мы должны быть бдительны, дотошны, а если нужно — беспощадны.

— А равно умны и деликатны, — философски добавил Лорка.

— Это само собой разумеется, — отмахнулся Соколов. — Вам нужно обязательно встретиться с Эллой Дюк, на вас вся надежда, Федор. Я, грешный, пробовал говорить с ней, но вся моя дипломатия разбилась о нее как о скалу.

Он мельком взглянул на Лорку и медленно поднялся на ноги.

— У меня есть для вас еще одна новость. Я расскажу по пути.

По широкой пологой лестнице они спустились к эскалатору, и здесь, под старой липой, Соколов приостановился.

— Тело Тимура найдено, Федор, — сказал он, не глядя на Лорку.

Федор молчал, хмурия брови. Соколов мельком взглянул на него, вздохнул и вдруг, хлопнув себя по бедру, убежденно проговорил:

— И что-то тут не то!

Лорка мгновенно насторожился.

— Вы о чем?

— Я о Тимуре. Что-то они темнят.

— Кто они?

Под холодным, «тигриным» взглядом Лорки Соколов поежился.

— Врачи. Чего-то они недоговаривают.

— Что они могут недоговаривать?

— Откуда я могу знать? — вдруг рассердился Соколов. — Но недоговаривают, это точно. Я, знаете, очень чуток на фальшь, на полуправду, на умолчание. — Он взглянул на Лорку и хитренько улыбнулся. — Вот и вы что-то недоговариваете, верно?

Лорка припомнил терпковатое вино Ревского, свой глупый прыжок в овраг, дерево-рогатину, с любопытством заглянул в простодушные голубые глазки Соколова.

— Да неужели?

— Представьте себе. Таите что-то, убежден. Голову готов положить на плаху, как говаривали в старину.

— Таить можно не только плохое, — мягко заметил Лорка.

— Верно! Но почему бы вам не поделиться со мной — хорошим или плохим, какая разница? — Соколов говорил просительно, даже заискивающе. — Любая тайна — тяжесть на душе. Откройтесь, и легче будет.

— Экий вы дипломат, Александр Сергеевич.

Соколов грустно взглянул на него.

— Уж какой я дипломат, — он достал большой платок и аккуратно вытер лицо и шею, — эксперт. Да еще профессиональный.

Глава 8

Сначала Лорка хотел договориться о встрече с Эллой заранее, но, хорошенько подумав, отказался от этой мысли. Конечно же Элла начнет гадать, зачем Федору понадобилась эта встреча, выберет для

себя определенную роль и будет ее разыгрывать с таким увлечением и искренностью, что разобраться, где правда, а где вымысел, будет совершенно невозможно.

А «случайно» встретиться с Эллой было совсем не трудно. Она жестко выдерживала трудовую дисциплину, заканчивая свой рабочий день в один и тот же час. И все-таки встреча едва не сорвалась. Хотя Лорка заблаговременно подошел к институту энергопроблем, его отвлек разговором знакомый, и Федор заметил Эллу в самый последний момент, когда она уже скрывалась за поворотом аллеи. Но узнал ее Лорка сразу: тонкая точеная фигура, туго обтянутая мягкой тканью, небольшая голова, гордо посаженная на длинную шею, легкая походка, которую вовсе не портила едва уловимая нарочитость движений бедер и кистей рук. Походка у Эллы, как и многое другое, была глубоко продумана, многократно примерена и тщательно отрепетирована.

Лорка извинился перед знакомым, прибавил шаг, легко догнал ее и, поравнявшись, сказал приветливо:

— Здравствуй, Элла.

— Лорка! — Она привычно, ослепительно улыбнулась. — Рада тебя видеть.

Наверное, она и правда была рада встретить его. Их связывали добрые отношения, что было совершенно естественно, ведь речь шла об отношениях с женой товарища по космической работе.

У Эллы были нежные, но определенные, будто выгравированные черты лица, большие удлинненные глаза, тонкие брови. В пышных выющихся каштановых волосах — крупный изумруд, привезенный со Стикса, — подарок Игоря. Лорка невольно задержал на нем взгляд. Элла сразу заметила это и погрузилась.

— Вот так, Федор, — сказала она философски-меланхолично своим хорошо поставленным голосом. И легко коснулась густо-зеленого камня кончиками длинных пальцев. Как и все движения Эллы, это движение рукой было закончено, изящно и чуточку нарочито.

Лорка подумал, что если он сейчас заговорит об Игоре, то скорее всего Элла продолжит развивать философско-меланхоличную линию, ей нравилась эта роль — об этом красноречиво говорил зеленый камень, и откровенности не получится. Поэтому он отложил разговор и попросил:

— Можно я провожу тебя?

Почти не поворачивая головы, она провела по нему взглядом.

— Проводи.

— Может быть, перекусим?

— Что ты! На кого я стану похожа, если буду трапезничать по пять раз в день? Если не возражаешь, давай просто посидим.

— А почему я должен возражать? — Лорка оглянулся в поисках скамьи, но Элла, притронувшись к его руке, предложила:

— Спустился к озеру, там прохладнее.

Этот парк, прилегающий к институту, был конечно же хорошо знаком Элле. Она свернула с аллеи, пересекла ленту эскалатора и вывела Лорку на крутую тропу, выбитую прямо в земле. Федор галантно предложил ей руку, но Элла шлепнула по его широкой ладони и легко сбежала вниз. Она бежала то прямо, то поворачиваясь левым боком, то правым, удерживая равновесие раскинутыми в стороны руками, — это был даже не бег, а непринужденный танец-импровизация.

В черную прозрачную воду озера грустно смотрелись старые-престарые желтеющие ветлы. На воде застыли увядшие листья и лебеди, белизна которых по контрасту с водой казалась до оскомины режущей. Двигалось, устало плыло куда-то лишь отраженное, а поэтому тусклое, стертное небо.

— Садись, — сказала Элла, взглядом показывая на место рядом с собой на скамье. И спросила: — Нравится?

— Жуть! Вот только замка не хватает. И чтоб в окошке юная дева с распущенными волосами.

— Верно, замок был бы к месту, — равнодушно сказала Элла. — Банально. Но ведь и в банальности есть своя красота.

Лорка ничего не ответил, только усмехнулся, может быть, поэтому в тоне Эллы появились сердитые нотки.

— Все канонизированное банально. Банальны египетские пирамиды, Исаакиевский собор, роденовский мыслитель, улыбка Джоконды и Дворец Труда. Привыкнуть можно к чему угодно.

Лорка слушал ее не без интереса, Элла была в чем-то права.

Наверное, Элла уловила перемену его настроения, потому что покосилась на него уже с улыбкой.

— Вот я банально красива, а разве это плохо?

— Да, — рассудительно согласился Лорка, — но ты ведь не египетская пирамида. И даже не статуя.

Элла рассмеялась и деловито спросила:

— Ты уже виделся с Игорем?

— Виделся, — коротко ответил Лорка, выдерживая ее испытующий взгляд.

Элла была человеком без возраста. Сколько знал ее Лорка, она всегда выглядела одинаково: ослепительно, холодно и молодо, но за этой молодостью опытный взгляд безошибочно угадывал и прожитые годы, и дисциплинированный недюжинный интеллект. Элла была талантливым физиком, вела отдел в институте энергетических проблем, а в свободное время увлекалась ваянием, художественной гимнастикой и танцами. У них с Игорем была шестнадцатилетняя дочь. Воспитывалась она в интернате, но дни отдыха регулярно проводила в семье. Дочь обожала свою мать, на которую была очень похожа, а к отцу относилась со снисходительным дружелюбием.

— Осуждаешь меня?

— Почему тебя? Вас обоих.

Элла ответила ему привычно ослепительной, но все-таки благодарной улыбкой. И деловито сообщила:

— Это было неизбежно, Федор. На одной любви далеко не укачешь. — Видя, что Лорка не понял ее, она пояснила: — Знаешь, что такое жизнь? Болото, где по трясине раскинуты более или менее надежные кочки. Проехать можно или галопом, напролом, или шагом, хорошенько выбирая дорогу. А стоит перейти

на рысь, как непременно увязнешь и выпачкаешься в грязи. — Она пожала плечами удивленно, без сожаления. — Мы ведь никогда не были с Игорьком друзьями. У него своя жизнь, у меня своя, у него космос, у меня Земля; у меня одни идеалы, у него другие. Мы были любовниками, Федор. Искренними и пылкими любовниками, но не единомышленниками. Когда мы неслись вскачь и в ушах свистел ветер, все было хорошо. Но стоило сбавить ход, как мы начинали тонуть в трясине будней.

Элла говорила искренне, мало того — искренне ведь и лгут, — она говорила сущую и горькую правду, хотя в ее голосе не было и намека на горечь, разве что самая легкая ирония. Она ухитрилась прожить с Игорем семнадцать лет, но это были годы длинных разлук и коротких встреч-праздников, когда жизнь у них действительно неслась вскачь.

И стоило очередной такой встрече затянуться, как начинались, казалось бы, необъяснимые ссоры: из-за того, что пить утром — чай или кофе, куда идти — на стадион или в цирк, с кем танцевать и с кем и как разговаривать. Об этих ссорах знали все их друзья, у всех они вызывали лишь улыбку: милые бранятся — только тешатся.

— Кто же мешал вам стать друзьями, единомышленниками? — подумал вслух Лорка.

— Мы сами. В дружбе всегда кто-то уступает, а мы оба гордецы.

— А если уступают оба?

Элла взглянула на него с сожалением.

— Ты все-таки немножко рыба, Федор. Большая, ловкая, но хладнокровная рыба.

— А может быть, я просто человек?

Элла холодно взглянула на него.

— Ты хочешь сказать, что я не совсем человек? Не извиняйся, Бога ради, ты сказал мне комплимент. Да, я не просто человек, я женщина. Женщина с большой буквы, потому что женского во мне больше, чем абстрактно-человеческого.

Может быть, ее все-таки обидела реплика Лорки или тема разговора волновала, но щеки Эллы

порозовели, глаза заблестели, она стала чудо как хороша.

— Вот этого-то не хотел или не мог понять Игорь! Он все время пытался вести себя со мной как с напарником в ходовой рубке или с коллегой по эксперименту. А я женщина! Я люблю поклонение, ухаживание, рыцарство во всех его формах. Я люблю вертеться перед зеркалом и украшать себя, обожаю кокетничать. Мне забавно и приятно видеть, как по моей прихоти из полубога, воспарившего к звездам познания, вдруг выглядывает обыкновенный нетерпеливый мужчина.

Она и теперь говорила правду, но не всю правду. Элла любила не только пококетничать, ее увлечения были много глубже, впрочем, верней было говорить не о глубине, а о бурности. Некий зрелый, но невротический мужчина, один из немногих ваятелей-профессионалов, пытался покончить из-за нее жизнь самоубийством, хотя, судя по всему, делалось это театральнo, дабы произвести впечатление на ветреную красавицу. А один юноша явился к Игорю для мужского разговора — он был твердо убежден, что Элла искренне любит его и что ее удерживает возле Игоря лишь чувство долга. Юноша полагал, что Эллы не было дома, но жестоко ошибся. Элла была и конечно же не преминула полюбопытствовать, о чем идет разговор. Юноша был изгнан с превеликим позором, Элла даже не удостоила его пощечины, удовольствовавшись подзатыльником. Лорка застал самый финал этой истории. Он пришел, когда Игорь еще помирал в кресле со смеху, а Элла расхаживала по комнате, разгоряченная, злая и, судя по всему, счастливая.

Игорь вообще очень легко относился к увлечениям своей жены. Лорка догадывался о причинах этой снисходительности, он и сам не терял уважения к Элле по той же самой причине. Элла позволяла себе увлекаться другими только тогда, когда Игоря не было на Земле. Стоило его ноге коснуться матушки-планеты, как для Эллы оставался на всем свете один-единственный мужчина — Игорь. Если она и кокетничала с кем-нибудь в это время, то просто по

привычке или чаще всего, чтобы позлить Игоря. И за это, за своеобразную, небезжертвенную верность, Лорка охотно прощал Элле тысячи других грехов. С улыбкой глядя на нее, он искренне сказал:

— Никак не могу понять, как ты управляешься со своим отделом в институте.

Она покраснела.

— На работе я не женщина, а человек. Тот самый абстрактный человек, который так мил твоему сердцу. Мне стоило немало сил и нервов убедить в этом своих научных коллег, но я победила.

Лорку поразило, как изменилось ее лицо за те немногие секунды, в которые она произнесла эту фразу. Оно осталось тем же самым холодно-красивым лицом с тонкими, гравированными чертами, но стало суше, законченнее, будто его осветило резким боковым светом. Но в то же время оно стало человечнее, добрее; слегка прищурились глаза, и поэтому на атласной холеной коже в самых уголках глаз появились легкие морщины.

— Почему бы тебе не послать эту надоевшую работу к черту? — вдруг сказал Лорка совсем не то, что ему хотелось. А ему хотелось сказать, что, если бы Элла тратила меньше сил и нервов на работе, она бы отлично ладила с Игорем и вообще была бы счастливее.

— Надоевшую? — Брови ее хотели нахмуриться, но сработал самоконтроль, и лоб снова стал чистым, атласным. — Если я и уважаю что-нибудь по-настоящему в этом мире, так это труд, — голос ее звучал сухо, без следов эмоций. — Если у меня отнять мою работу, я стану настоящей стервой, Федор. — Она вздохнула. — Труд создал человека, труд и позволяет оставаться ему человеком. — Она покосилась на молчавшего Лорку и спросила: — Разве это не так?

Лорка подобрал плоский камешек и швырнул в темную воду. Оставляя после себя пухнувшие блинчики, камешек весело поскакал по озерной глади. Удивленно кувыркнулись и растеклись на пятна отраженные облака. Лебедь расправил и несколько раз лениво взмахнул крыльями, отчего стал похож сразу и на скаковую, диковинную лодку, и на неуклюжий самолет.

— Может быть, и так, — нехотя согласился он, — только уж больно все это скучно.

У него и правда было скучное лицо, даже озорная зелень в глазах точно выцвела, завяла. Элла легонько прикоснулась к его руке кончиками пальцев.

— Что с тобой, Федор?

Он пожал плечами.

— Так, легкий приступ меланхолии.

Элла тихонько засмеялась.

— Лорка и меланхолия! Это что-то новое.

Судя по всему, она была и удивлена и довольна тем, что Лорка может пребывать в таком состоянии.

— Меланхолия — сестра разума. — Лорка поднял глаза на Эллу и серьезно спросил: — Ты когда-нибудь видела меланхоличных зверей, Элла?

Она подумала и ответила:

— Видела.

— В зоопарке, — уверенно уточнил Лорка, — а если на воле, то это были больные или ущербные звери. Свободные здоровые звери — существа жизнерадостные и веселые. Для них жизнь — это игра. Они играют, ухаживая друг за другом в пору любви, играют, скрадывая добычу, играют, удирая от врага.

— Хм!

— А ты вспомни, как танцуют влюбленные журавли, как кошки играют с пойманной мышью и с каким азартом под самым носом сытого льва танцуют зебры и антилопы.

Элла не без труда разглядела в глубине Лоркиных глаз лукавинку и покачала головой.

— Ничего-то для тебя нет святого! — Но в тоне ее слышалось не осуждение, а интерес.

— Да, — упрямо повторил Лорка, — звери — счастливые существа. А вот неуклюжий предок человека, неудачник-меланхолик, которому недоставало ловкости жить на деревьях, в минуту озарения изобрел труд, отделив его от игры.

— Тот самый труд, который создал человека, — проговорила она.

— Верно. Но он отделил человека от природы, лишил его первозданного счастья бытия. А ты подумай, с

каким наслаждением со всеми тайниками своей многогранной души человек окунается в природу: в морские волны, степное разноцветье или любовную игру!

Элла будто внове разглядывала литые мышцы Лорки, его сумрачное лицо и лукавые глаза. Но ее дисциплинированный интеллект между тем работал холодно и логично.

— Да, Федор, слияние с природой — это счастье. Но ведь мы не журавли, не кошки и не зебры, нам этого мало. У нас есть и другое счастье, — глаза Эллы похолодели, а голова гордо вскинулась, — власть над природой! Разгадка самых заклятых ее тайн, движение в ширь и в глубь Вселенной.

— Да, труд вознес человека так высоко, что кружится голова, — Лорка пытливо взглянул на женщину, сидевшую рядом с ним, — но сделал ли он его счастливым?

— Разве сам труд не счастье? — быстро спросила она.

— В дальнем пути саму дорогу не так уж трудно принять за цель путешествия.

— Значит, долой труд и да здравствует природа? Голый, счастливый человек на первозданной земле? — Элла вдруг засмеялась. — В принципе я не прочь попробовать. Боюсь только, что быстро надоест.

— Я хаю не всякий труд, Элла, а тяжелый труд.

— А если он служит великой цели?

— Цель у нас одна — сам человек, все остальное — от лукавого. А тяжелый труд, какой бы великой цели он ни служил, деревенит человеческое тело, сковывает разум, а самое худшее — сушит душу. И этому нет оправдания.

Разглядывая вдруг помрачневшее лицо Лорки, Элла с неожиданным, но так понятным для женщины ее склада прозрением поняла наконец ход его мыслей.

— Ты мечтаешь о том, чтобы превратить труд в увлекательную игру? Это было бы прекрасно! Иногда труд и игра похожи как близнецы, но, по существу, их всегда разделяет бездонная пропасть.

— Все-таки, — с мягкой убежденностью возразил Лорка, — эта пропасть иногда исчезает. Тогда труд и

игра сливаются вместе, образуя гармоничное целое. Тогда говорят об озарении, о звездных часах бытия, о постижении тайн мироздания не только разумом, но и каждой клеточкой тела. Труд — наслаждение, труд — радость, а не просто привычка или потребность...

Наступила минута молчания. Заходящее солнце, прорвавшись сквозь поредевшую листву старой ветлы, брызнуло в лицо Эллы горстью света.

— Никогда не думала, что у нас получится такой разговор, Федор.

— И я не думал, — откровенно признался Лорка, возвращаясь к действительности. — Скажи, Элла, ты веришь, что я, может быть, и не очень близкий, но все-таки настоящий друг тебе и Игорю?

— Игорю — да. — Элла привычно и холодно улыбнулась. — Хотя бы потому, что ты один из немногих, кто видел во мне прежде всего человека, а не женщину, за которой любопытно поухаживать.

— Тогда скажи, почему у вас произошел разрыв? — Лорка заметил, что она начинает раздражаться, и поторопился добавить: — Я понимаю, дело это сложное, интимное...

— Вот именно, интимное, — перебила его Элла, — и мне не совсем понятно, почему им интересуется так много посторонних людей.

Она разглядывала Лорку, почти не поворачивая головы, лишь скосив глаза и чуть приподняв брови не удивленно, а снисходительно и, может быть, брезгливо. Лорка вдруг и очень ясно понял, что никакие дипломатические хитрости с такой женщиной, как Элла, не помогут. Стоит ей почувствовать неискренность, даже недоговоренность, а Элла, безусловно, уже почувствовала это, как она замкнется и откроет лишь тот минимум, к которому обязывает ее простая вежливость и старая дружба, не больше. Если он, Лорка, хочет узнать ее настоящие, истинные мысли, помочь ему может только откровенность. Лорка провел ладонью по лицу и сказал негромко, без всякой эффектации:

— Тим погиб, Элла.

— Тим? — не поверила она.

Лорка скупно рассказал ей о том, что случилось с Тимуром. Лицо Эллы постепенно смягчало, на нем отразились раздумье и печаль.

— Тим погиб, — спокойно повторила она, но это было не равнодушие, а сдержанность человека сильной воли. — Какая нелепость! Прими мое сочувствие, Федор.

Лорка помолчал, а когда хотел заговорить, перехватил взгляд Эллы, это был необычный, несвойственный ей взгляд — в нем было нечто материнское. И Лорка сжал челюсти, снова опуская голову. Он не рисовался, ему вообще были чужды поза и рисовка, он и правда никак не мог привыкнуть к тому, что его друга Тима нет в живых.

— Хуже всего, — проговорил Лорка после долгой паузы, — может быть, это не простая смерть, а убийство.

По лицу Эллы пробежала тень изумления.

— Это несерьезно, Федор.

— Это серьезно, — возразил он упрямо и рассказал Элле все от начала до конца, он умолчал только о своем дурацком прыжке в овраг. Элла почти не перебивала его, она умела слушать, когда считала это нужным.

— Я помню Соколова, — сказала она с ноткой насмешки, — этакий розовый поросенок, который, набив желудок, пришел в бодрое настроение и задумался над тайнами мироздания.

— Соколов — хороший, принципиальный человек, — Лорка улыбнулся, — разве что несколько фанатичен, чрезмерно углублен в свою профессию.

— Фанатизм — это всегда плохо. — Элла холодно и ослепительно улыбнулась, как бы подводя итог предшествовавшему разговору и начиная новый. — Итак, многоуважаемый эксперт-социолог решил, что, влюбившись в красавца Хельга, Элла Дюк потеряла голову и решила огнем и мечом проложить ему путь к славе. — Элла помолчала и вдруг резко спросила: — Ты знаешь, что я довольно стара?

— Не знаю, — не совсем искренне ответил Лорка.

— Но догадываешься, — спокойно закончила она за него, — я почти на десять лет старше Игоря, Федор. Еще несколько лет, и я начну стремительно увядать. Я уже не смогу быть для него возлюбленной, к ногам которой готовы бросить весь мир. А я женщина, Федор, прежде всего женщина, другая роль меня не устраивает. Я не хочу ни жалости, ни восхваляемой тобой дружбы взамен любви. Я хочу, чтобы по мне сохли и сходили с ума. И наплевать, что они, эти сохнувшие, старше и хуже Игоря. — Она помолчала и повторила насмешливо: — Старше Игоря. А Виктор Хельг моложе его на добрый десяток лет. Тебе интересно, кто он, мой старый друг?

— Для дела интересно.

— Ты его прекрасно знаешь. Известнейший психиатр и психолог, референт и эксперт Совета космонавтики, член медкомиссии по отбору космонавтов Соркин Герман Петрович. Кстати, родной дядя Виктора Хельга. — Пока Лорка переваривал услышанное, Элла продолжала: — Вот кто любит меня покорно и беззаветно. Пожелай я, — в голосе Эллы послышалась усмешка, — и Герман не только сорвал бы экспедицию на Кику, но и вообще разрушил бы космодром вместе с корабельными эллингами. Но мне незачем желать этого, милый Лорка.

Элла тихонько засмеялась.

— Кстати, Герман горячий сторонник участия Виктора Хельга в кикианской экспедиции. И не только потому, что уверен в его превосходных качествах. Он готов сплавить его куда угодно, потому что ужасно ревнует ко мне. Я ведь отчаянно флиртую с Виктором. — Элла легонько потянулась плечами и грудью. — Мне любопытно проверить, не угасли ли мои чары, а попутно позлить Германа и Игоря.

Она встретила холодный взгляд Лорки и ослепительно улыбнулась.

— Я тебе не нравлюсь?

— Не нравишься, — откровенно сказал Лорка, отвел взгляд и добавил грустно: — Зачем тебе все это? С твоим-то умом и красотой! Родиться бы тебе лет на полтысячи позже.

— А почему не на полтысячи раньше? Красивым да умным женщинам всегда жилось хорошо, даже в самые мрачные периоды человеческой истории. Всегда они были своевластны и капризны, такими они и останутся на веки вечные.

— Стоит ли тогда жаждать будущего? — философски заметил Лорка, настраиваясь на шутливый лад.

— Рядом со мной? Конечно, не стоит, — в том же тоне ответила Элла.

Вот тут-то, во время шутливой близости и понимания, Лорка и решился задать свой главный вопрос:

— Скажи, Элла, как вы порвали с Игорем? Ведь бывают не только причины, но и поводы. Предшествовало этому что-нибудь необычное? Поверь, это не праздное любопытство.

Ясные глаза женщины испытующе смотрели на него.

— А что же это?

— Я объясню потом, обещаю. А пока поверь мне на слово.

Элла отвела взгляд.

— Хорошо, поверю. — Она на секунду задумалась. — Говоришь, необычное? Накануне мы были у Ревского, очень мило провели время, пили превосходное вино.

— А еще, непосредственно перед ссорой? — допытывался Лорка.

— Никакой ссоры не было, просто я вдруг отчетливо поняла всю бессмысленность нашей дальнейшей жизни и логично, убедительно растолковала это Игорю. — Она вдруг нахмурила брови, припоминая что-то. — А перед этим меня укусила в шею муха, а может быть, пчела или оса, в общем, что-то крылатое. Было не так уж больно, но образовалась припухлость. Разглядывая ее в зеркало, я злилась на муху, на себя, на весь мир. Тут на меня и снизошла ясность мысли. Это ведь довольно необычно, правда?

— Правда, — подтвердил Лорка, не поднимая глаз.

Он был уверен, что на вершине оврага пчелы или осы его не кусали. А вот мухи и комары? Он никогда не обращал внимания на такие пустяки, особенно в те минуты, когда рядом с ним была Альта.

Ночью над побережьем пронесся шквал с сильнейшим ливнем. Садовые дорожки усыпали сорванные листья, веточки, разноцветные лепестки роз. Дождь не унимался, но он уже не буйствовал, не лил как из ведра, сеял и сеял с флегматичной настойчивостью.

Оглядывая поутру растрепанный сад, Лорка с удовольствием потягивал обжигающий губы черный кофе.

— Разбой и беспорядок, — благодушно проговорил он.

— Беспорядок, — со вздохом согласился Ревский, сидевший на открытой террасе своего дома напротив Лорки, и вдруг спохватился: — Ты о чем?

Лорка с улыбкой взглянул на старшего товарища.

— Я о саде.

— А я о вине, — буркнул Ревский.

Сразу после разговора с Игорем Дюком Лорка встретился с Ревским и выяснил, что в общем-то все кандидаты в командиры кикианской экспедиции побывали у него в саду и всех он почел нужным угостить своим знаменитым вином, завоевавшим Гран-при. Лорка откровенно поделился с Ревским своими сомнениями, не забыв красочно расписать приключения в овраге, — уж кому-кому, а Теодорычу он доверял безусловно и до конца. Ревский посмеялся над его подозрительностью, но пообещал произвести самый тщательный биохимический анализ своего призового напитка. Результат оказался неожиданным во всех отношениях. В вине обнаружили сложное органическое соединение, родственное рибонуклеиновым кислотам. Главный компьютер установил: вещество неизвестно науке, и занес его в каталог под названием Н-РНК, приписав его открытие Ивану Теодоровичу Ревскому.

— Вот ты и прославил свое имя не только в космонавтике, но и в биохимии, — сказал по этому поводу Лорка с нарочитой серьезностью.

Ревский зыркнул на него:

— Нужна мне эта честь!

Ревский развил бурную деятельность. В результате сотен контрольных опытов установили, что Н-РНК

присутствует исключительно в том самом вине, которое завоевало Гран-при и которым гостеприимный Ревский так усердно потчевал своих гостей-космонавтов. Длинная серия других контрольных опытов позволила выяснить, что Н-РНК в тех дозах, в которых она присутствует в вине, оказывает на психику человека лишь слабо выраженное наркотическое, нейростимулирующее действие, сходное с воздействием экстрактов коки. Вызвать какие-либо реакции, опасные для человека в физиологическом или психологическом плане, Н-РНК не в состоянии, если даже увеличить дозы его приема десятикратно. Этот успокаивающий вывод несколько портила маленькая приписка, уведомлявшая о том, что воздействие Н-РНК на человеческий организм тонко, многопланово и что исследования еще продолжаются.

— Перестраховщики, — ворчал Ревский, — надо же так написать — «мно-го-пла-но-во»! Это значит ничего не сказать.

— Но они пишут и другое — «тонко», — успокаивал его Лорка.

Лорка шутил потому, что таковы вековые традиции космонавтов, шутил потому, что не знал, как иначе успокоить Ревского, разрядить его напряжение. Всю свою жизнь Теодорыч отдал дальним полетам в космос и воспитанию молодежи. Мысль о том, что он собственными руками мог нанести хоть самый малый вред своим питомцам, жгла его и приводила в неистовство. Внешне, правда, кроме брюзжания по поводу и без повода, это никак не выражалось, Ревский оставался обычным скульптурным Ревским, точно вырубленным из сухого дерева. Но Лорку обмануть трудно, и он, докапываясь до истины, попутно старался сыграть роль своеобразного амортизатора.

Каким образом Н-РНК оказалась в вине, выяснить не удалось, точнее, таких путей было несколько, и ни одному из них не было оснований отдать предпочтение. Рибонуклеид мог попасть в вино совершенно естественно, вместе с виноградным соком. Правда, анализ этого сорта винограда не выявил в составе ягод ничего похожего на Н-РНК, но это ни-

чего не значило: вино было семилетней выдержки. Оно хранилось открыто, и если кому-нибудь — злоумышленнику или шутнику, землянину или инопланетянину — вздумалось бы туда что-нибудь подсыпать или подлить, он мог сделать это без малейших затруднений. Кроме того, для улучшения букета Ревский добавлял в вино некоторые посторонние ингредиенты: мед и тонкие пряности. Он даже и сам не смог бы дать их полный перечень, делал смесь на вкус, по наитию.

— Теодорыч, — просительно проговорил Лорка, бережно ставя на стол чашку из нежнейшего фарфора, — давай на время забудем об этом проклятом рибонуклеиде и решим, что же все-таки предпринять дальше?

— Нечего и думать, — без паузы ворчливо ответил Ревский. — Надо встретиться с Германом и прощупать его по всем правилам космической психологии.

Лорка вздохнул.

— Легко сказать, Соркин не Игорь Дюк и не Виктор Хельг.

— У тебя есть какая-то альтернатива моему предложению? — сухо спросил Ревский.

— А вдруг вся эта цепочка несчастий, вплоть до Тима и меня, — все-таки случайность? Случайность, и ничего больше?

— А если не случайность? Что тогда? Сидеть и ждать заклятия очередного агнца?

— То есть меня, — заметил Лорка.

Ревский бросил на него быстрый взгляд, мотнул головой и сухо усмехнулся — уж очень Лорка не походил на беззащитного агнца.

— Почему же обязательно тебя, — медленно проговорил он, сцепляя пальцы сухих сильных рук. — Удар может обрушиться и на тех, кто тебе особенно дорог.

Лорка взглянул на старого космонавта с молчаливым вопросом.

— А ты вспомни, как вывели из строя Игоря. — Ревский помолчал и уже совсем сердито спросил: —

Сможешь ты пойти в космос, если с Альтой что-нибудь случится?

— С Альтой? — отдельно переспросил Лорка, пристально глядя на старого космонавта.

— Да, с Альтой, — подтвердил Ревский.

Глава 9

Когда Ревский заговорил об Альте, его, Федора, жене, Лорка отвел взгляд от старого космонавта, лицо его помрачнело.

Настырный дождь там и сям налил в саду большие лужи. Вода в них под каплями дрожала и рождала веселые пузыри, чем-то похожие на огромные лягушачьи глаза.

— Я как-то не думал об этом, — наконец невесело признался Лорка.

— То-то... Слишком мы стали благодушны и беспечны, избаловались. Как же, цари и господа всея вселенной! — Уже хмуро он продолжал: — Игорь прав. Чужой, могучий разум может пристально следить за нами и даже, по возможности незаметно, вмешиваться в наши дела. Конечно, не обязательно такое вмешательство должно быть враждебным. Во всяком случае, встречи с сапиенсами на других планетах чаще всего проходили дружелюбно.

— Верно, — согласился Лорка и добавил сухо: — Но гиперсветовик Тимур Корсаков погиб не в космосе, а на Земле.

— Да, конечно, — задумчиво подтвердил Ревский. — Но, чтобы допустить земное присутствие инопланетян, не хватает фактов. Есть, конечно, кое-что, я копался в фильмотеке. В двадцатом веке гипотеза о пришельцах была довольно популярна, но аргументация разрозненна, бессистемна, а порой наивна.

— А все-таки?

— Интерпретации библейских и шумерских легенд, загадочные рисунки и надписи, статуэтки, похожие на людей в скафандрах, неопознанные летающие объекты.

— Летающие тарелки? — усмехнулся Лорка.

— Они самые, — Ревский поморщился, — неубедительно. Особенно если говорить о тайных контактах и тайном вмешательстве. Эти экстравагантные тарелки сразу привлекли бы к себе всеобщее внимание. Какая уж тайна! Проще предположить, что на Землю заброшены роботы — андройды.

— Ничем это не лучше.

— Это почему же? Даже земная техника позволяет изготовить искусственную биомеханическую подделку под человека. Пообедаешь за одним столом и не отличишь. Такие опыты ставили, и чаще всего успешно.

— За несколько минут, может быть, и не отличишь, — согласился Лорка. — Но что сделает тайный агент за несколько минут? А за несколько часов, а тем более дней он саморазоблачит себя непременно. У нас ведь чудовищная тонкость восприятия всего человеческого, Теодорыч. Мы узнаем знакомых по силуэту или походке за сотни метров. Мы чувствуем настроение близких по выражению лица и тембру голоса. Как уж тут не распознать какую-то дурацкую подделку — робота?

Сохраняя суховатое выражение лица, Ревский внимательно слушал Лорку.

Под монотонный шум дождя хорошо думалось. Этот шум приглушал все остальные звуки, даже рокот взволнованного моря, даже остервенелый лягушачий концерт, звучавший сейчас в непривычной минорной тональности.

— Стало быть, тайная инопланетная агентура — идея несостоятельная? — спросил вслух Ревский.

— Почему же? — улыбнулся Лорка. — Я бы, например, решил эту задачу очень просто — воспользовался косвенно услугами наших меньших братьев, животных.

Он сделал паузу, с удовольствием наблюдая, как меняется лицо Ревского, и продолжал:

— Мы очень чутки ко всему человеческому, но разве к животным мы приглядываемся так внимательно? Если даже мы привязаны к своим собакам, кош-

кам или птицам, если даже любим их, то это любовь олимпийцев к простым смертным, ребенка к своей игрушке. Мы легко разоблачим человекоподобного робота, но разглядим ли мы робота под шкурой собаки или перьями сороки?

Лорка покосился на Ревского — не насмешничает ли, но космонавт слушал внимательно и с интересом.

— В детстве я одно время подозревал, что наш ленивый пушистый кот — инопланетянин. Уж очень он любил во время наших семейных разговоров усесться где-нибудь в сторонке и таращить свои желтые глаза то на одного, то на другого. Время от времени кот таинственно исчезал дня на два, на три, а потом являлся истощенный, грязный и очень ласковый. Мне думалось, что в эти дни кот бежит на свою тайную базу — сдавать собранную информацию.

— Итак, неземные коты-агенты? — с подчеркнутой серьезностью уточнил Ревский.

— Почему же обязательно коты? Если ориентироваться на твое вино, то это скорее птицы или муравьи. Котам вряд ли сподручно транспортировать рибонуклеиды.

Ревский прямо скривился, услышав про свое злополучное вино, и Лорка пожалел, что напомнил о нем.

— Ладно, — примирительно проговорил Ревский, — ты сам предлагал временно забыть о моем напитке. Вернемся к твоей инопланетной версии. Есть в ней какая-то изюминка. Чем черт не шутит, может быть, тот филин, что вылетел из оврага и до смерти напугал Альту, на самом деле замаскированный кикианин, пытавшийся нацепить тебя на рогатину! Но, видишь ли, чтобы проверить правильность твоей версии, надо перетряхнуть буквально все живое, что есть на Земле, а это задача нереальная.

— Зачем же так, в лобовую? Надо подставить этим проблематичным пришельцам какую-то приманку, ловушку, чтобы они туда сами полезли. Вот там-то их и прихлопнуть с поличным!

— Ну-ну, — поощрил старый космонавт, — у тебя есть что-то конкретное?

Лорка засмеялся:

— Ты слишком многого от меня хочешь, я ведь все-таки не специалист по отлову инопланетян. Подумать надо.

— Думай, — отрезал Ревский, — а пока думаешь, главная твоя задача — Соркин. Кстати, и при разработке инопланетной версии он может быть полезен. Голова у него светлая.

— Соркин так Соркин, — покладисто сказал Лорка, задумался и поскущел. — Хотя Тима всей этой мышинной возней не воскресишь.

— А если воскресишь? — буркнул Ревский, погруженный в свои мысли, и осекся под холодно блеснувшим взглядом Федора.

— Ты что сказал, Теодорыч? — тихо спросил Лорка.

— Я? Ничего. Так, подумал вслух.

— Теодорыч, ты не шути такими вещами, — еще тише сказал Лорка. — Что с Тимом?

— Мало ли что болтнешь иногда языком?

— Темнишь ты что-то, Теодорыч.

— Не мудрствуй, — отмахнулся Ревский и не совсем логично добавил: — А если и темню, так мне по штату положено. Я ведь председатель Совета, не забывай об этом, милый друг.

Он помолчал и уже совсем серьезно добавил:

— Береги, себя. И Альту. Где гарантия, что над вами не занесен незримый дамоклов меч?

Глава 10

Свежий ровный пассат все пытался сдуть жесткие кожистые кроны кокосовых пальм, словно это были пушистые головки одуванчиков.

— Доброе утро.

Лежащий в шезлонге Лорка повернул голову и увидел Соркина. Тот стоял с шезлонгом в руках — массивный, хорошо сохранившийся для своих лет. Длинные светлые волосы Германа Петровича струились по ветру. Здоровый бронзовый загар покрывал лицо.

— Доброе утро, Герман Петрович.

Соркин поставил шезлонг поудобнее.

— Не помешаю?

— Мешайте, — улыбнулся Лорка.

Шезлонг заскрипел, принимая на себя груз массивного тела.

— Люблю океан, — пробормотал Соркин, устраиваясь поудобнее.

Могучие водяные валы один за другим катились к берегу. Их прозрачные сине-зеленые тела венчала белая пена.

— Что вы сказали? — не расслышал Лорка.

Соркин искоса взглянул на него.

— Счастливый вы человек, Федор.

— Вы уверены?

— Уверенность — сестра ограниченности. — Соркин движением головы откинул волосы. — Сколько видели вы разных океанов? Тридцать, сорок?

— Я как-то не занимался такой статистикой. Но если включить в перечень океаны жидкого гелия, кипящие ртутные моря и прочую экзотику, то около сотни наберется.

— Вот видите. А я, прожив чуть ли не вдвое больше вашего, видел лишь земные океаны. Разве это справедливо? И разве вы не счастливее меня? — И, не давая Лорке ответить, добавил: — А у меня к вам деловой разговор, Федор.

— Вот совпадение! — удивился Лорка. — У меня тоже.

Соркин внимательно взглянул на него, но Лорка, закрыв глаза, мечтательно улыбался, подставляя лицо утреннему солнцу.

— Вам рекомендован новый напарник, — продолжал Соркин после паузы, — Виктор Хельг. Я прихожусь ему дядей и после гибели родителей Виктора в какой-то мере заменял ему отца.

— Я знаю, — безмятежно сказал Лорка, не меняя позы. Но внутренне он весь подобрался.

— Рассказали бы вы мне про Кику, Федор. Интересно знать, куда забрасывает Виктора судьба. — Он секунду помолчал и добавил, словно оправдываясь: — Конечно, я знакомился с этой планетой по официальным документам, но одно дело сухой текст, и другое дело живой разговор с командиром экспедиции.

— А что вас интересует больше всего? — Лорка открыл глаза и повернул к Соркину голову. — Комплекс сведений о планете многообразен.

Лицо Соркина было сосредоточенно, даже сумрачно.

— Как вам сказать? Пожалуй, больше всего меня интересует, насколько опасна предстоящая экспедиция. По вашей личной оценке.

Вопрос Соркина прозвучал естественно.

— Трудно ответить однозначно, Герман Петрович. С одной стороны, Кика если не родная, то двоюродная сестра Земли. Там можно обходиться без скафандра, можно купаться в морях и озерах, есть многие овощи, фрукты и мясо зверей. Кика не Тартар и не Стикс с их экстремальными условиями.

— Именно это меня и успокаивает, — пробормотал Соркин.

— И напрасно, — жестко сказал Лорка. — Защититься от открытого удара куда проще, чем от удара в спину. На Стиксе человек все время находится в состоянии наивысшей готовности, на планетах типа Кики такое состояние поддерживать в себе очень трудно. Сбитый с толку сходством с Землей человек рано или поздно расслабляется. Это сходство коварное, оно похоже на провокацию. Образно говоря, под одной и той же вывеской на Земле может быть санаторий, а на сходной планете — ловушка. А человек очень часто действует по голым стереотипам и, случается, попадает в ситуацию, откуда нет выхода. — Лорка говорил неторопливо, спокойно, точно размышляя вслух. — Что произошло на Кике с поселянами и самим Петром Лагутой? Только ответив на этот вопрос, можно решать, насколько опасна или безопасна Кика.

— Есть официальное заключение о причинах их гибели, — заметил Соркин, — смерть от ужаса, от паралича сердца.

Лорка резко повернулся к нему.

— Петр Лагута, опытейший гиперсветовик, как ребенок, умер от страха? Чепуха!

— Несмотря на свою уникальную надежность, сердце — капризный механизм.

Лорка упрямо покачал головой.

— Дело не в капризах сердца. Кика хранит какую-то тайну. И может быть, разгадку ее стоит поискать на Земле.

Лорка сделал этот намек по наитию, без заранее обдуманного намерения. Но тут же осознал, как это своевременно, и с острым вниманием ждал реакции врача. К его удивлению, Соркин пропустил намек мимо ушей.

— Значит, Кика по-настоящему опасна. — Соркин обеими ладонями провел по лицу. — А тайна Кики крайне интересна прежде всего для меня, психолога и психиатра. Может, сойти с ума на старости лет и отправиться с вами? Вместо Виктора.

Это было полушутливое-полусерьезное предложение, но за шутливостью стояли напряжение и боль — Лорка почувствовал это сразу. Почувствовал и решил еще больше обострить ситуацию. Оглядев врача, он негромко, но уверенно сказал:

— Нельзя вам на Кику, Герман Петрович.

— Почему?

— Стары, — отрезал Лорка.

Соркин засмеялся, но несколько принужденно, была в этом смехе и дань уважения за откровенность.

— Да вы и сами знаете об этом, — продолжал Лорка, — уже не та реакция, не та выносливость, настрой мыслей.

Соркин досадливо поморщился и снова провел ладонями по лицу.

— Федор, — в голосе врача звучали непривычные просительные нотки, — ведь от вас в конце концов зависит, пойдет Виктор в экспедицию или нет.

— Совершенно верно.

— Так вот, я прошу вас, убедительно прошу — откажите ему.

— Почему? — довольно резко спросил Лорка.

Соркин шумно вздохнул, очевидно подавляя внешнее раздражение.

— Все очень запутано. Просто я никогда не прошу себе, если с Виктором на Кике случится несчастье.

— Так, — жестко констатировал Лорка. — Стало быть, ради вашего спокойствия я должен покривить душой. Обеспечить Виктору спокойную жизнь на Земле, а вместо него на опасное дело взять другого?

Лорка ждал бурной реакции, но ошибся. На крупном лице Соркина появилось беспомощное, даже жалкое выражение.

— Все так запутано, — безнадежно повторил он. — Вы правы, Федор. Достаточно того, что я покривил душой, когда так настойчиво рекомендовал Виктора в экспедицию.

Скосив глаза, Лорка наблюдал за Соркиным. Тот сидел, откинув крупную голову. Его лицо казалось темным, почти черным.

— И все из-за Эллы? — негромко спросил Лорка.

— Да, — тяжело ответил Соркин, — она совсем смяла меня. Хотя я не устаю благодарить судьбу за встречу с ней.

Лорка подумал о том, как хитро все запутано в этом чуждом и чудном мире. Как незаметно крохотная ложь оборачивается недоразумением, а недоразумение — драмой.

— Не терзайте себя понапрасну, — мягко сказал Лорка. — Если Виктор и не пойдет сейчас на Кику, он пойдет потом на другую, может быть, еще более опасную планету. Мир отваги, риска и удачи — его стихия, он рожден для него. А вот как сделать экспедицию на Кику более безопасной, стоит подумать всерьез. И тут, Герман Петрович, вы можете сказать очень веское слово.

— Слушаю вас, — без особого воодушевления ответил Соркин.

Лорка понимал, как трудно ему сразу перестроиться, отвлечься от тяжких мыслей, поэтому вел свой рассказ неторопливо и очень пространно. Соркин довольно быстро «отошел» — сказывалась многолетняя тренировка — и активно заинтересовался странной судьбой кикианской экспедиции.

— Меня самого удивляла цепочка несчастий с кандидатами, — признался он, — но я считал это случайностью.

— На этот счет есть и другое мнение, — дипломатично, не останавливаясь на земной версии, Лорка со всех сторон обрисовал космическую. Соркин слушал внимательно, но без особого энтузиазма, отдавая традиционную дань скептицизму в отношении инопланетного вмешательства. Однако он мгновенно насторожился, как только Лорка упомянул о таинственном рибонуклеиде, найденном в вине.

— Я осведомлен о контрольных опытах, но и понятия не имел, откуда взялся этот странный стимулятор. — Соркин задумчиво поглаживал свой квадратный подбородок. — Все рибонуклеиды действуют мягко, я бы даже сказал — деликатно. Они могут обострить память, эмоции, лишить сна или, наоборот, усыпить, но заставить человека галлюцинировать.

вать, а тем более кинуться в бушующие волны или овраг — это исключено.

Несмотря на безапелляционность заключения, Соркин еще не высказался до конца.

— Расскажите-ка мне еще раз, как вас угораздило нырнуть в овраг.

Он выслушал не перебивая и глубоко задумался.

— Так-так, — пробормотал он и вдруг спросил: — Вы очень любите летать?

Лорка усмехнулся.

— Если бы не любил, кой бы черт понес меня в космонавты?

Соркин покивал головой, но чувствовалось, что ответ его не удовлетворил. Он поиграл пальцами в воздухе, точно пытаюсь поймать нечто невидимое.

— Я не о том. Я имею в виду первозданную жажду птичьего полета в голубом просторе.

— Понимаю, — вздохнул Лорка. — Какими только способами я не пробовал летать! Прыгал в воду как только мог, прыгал с обрывов на мягкие песчаные склоны. Но, увы, летать, как птица, мне удавалось лишь во сне.

Лорка покосился на Соркина. Тот слушал внимательно, терпеливо.

— Впечатления от этих полетов во сне были у меня пронзительно яркими. Наверно, моим дальним предком, архипрабабушкой, была сильная и ловкая обезьяна, как птица летавшая с дерева на дерево. Иначе откуда все это?

— Вот вам и объяснение, Федор. Рибонуклеид может сыграть роль превосходной смазки, растормаживающей родовую память. Мощная волна наследственных впечатлений на короткий срок может полностью затопить сознание.

— И заставить человека прыгнуть в овраг? — быстро спросил Лорка.

— И в овраг, и в море, и через расщелину, — уверенно ответил Соркин.

— Но почему же, — Лорка размышлял вслух, хмуря брови, — почему же я не начал взбрыкивать сразу после того, как выпил вина?

Соркин пожал плечами.

— Какое-то время нужно для усвоения. Не исключено, что у рибонуклеида длинная экспозиция. Кроме того, соединения типа РНК охотно вступают в реакции. А даже легкие трансформации таких соединений могут менять их активность в сотни и тысячи раз. Разумеется, это предположение, и только.

— Разумеется, — согласился Лорка, но сразу вспомнил Эллу. И ее рассказ о том, что ее укусила не то муха, не то пчела. Впрочем, эту проблему можно было отложить и на потом, чтобы обдумать и рассмотреть ее со всех сторон. Была другая, откладывать которую Лорка не хотел.

— Герман Петрович, — сказал он негромко, — вы врач, член комиссии по отбору космонавтов. Вы не можете не знать, что случилось с Тимуром Корсаковым. Что? Почему из его смерти делают тайну?

Соркин великолепно владел собой. В его лице ничего не изменилось, оно как было, так и осталось несколько сумрачным, четко вылепленным лицом. Но Лорка сейчас, когда он начал разговор о Тиме, был похож на тончайший психологический инструмент. Он сразу понял, что его сомнения имеют под собой какую-то почву.

— Герман Петрович, — он говорил теперь почти умоляюще, — Тимур был мне другом. Самым близким другом.

— Я могу сказать вам только одно, — проговорил Соркин, — не торопитесь с выводами. Подождите.

Лорка повернулся к нему так резко, что шезлонг покачнулся.

— Подождать? Чего?

— Просто подождать. Все разъяснится само собой.

— Вы что-то знаете, — уверенно сказал Лорка.

— Знаю, но это не моя тайна.

— Герман Петрович, я прошу вас!

— Это не моя тайна, — негромко, но твердо повторил он.

Шло время, и слышался шум волн.

— Все, что я могу для вас сделать, — вдруг нарушил затянувшееся молчание Соркин, — это дать один

совет. Вы знаете, кто такой Латышев? Профессор Николай Петрович Латышев?

— Геронтолог?

— Тот самый, — с легкой улыбкой подтвердил Соркин и, помолчав, раздельно сказал: — Так вот, мой совет — поговорите с ним о Тимуре.

Это было странное утро и странный разговор, полный неожиданных поворотов.

— Поговорите, — настойчиво повторил Соркин в ответ на молчаливое удивление Лорки, — это все, что я могу посоветовать. И поверьте — это много.

Глава 11

Труды и эксперименты Латышева в области геронтологии столь же оригинальны, сколько и популярны — не знать о них было просто невозможно. В отличие от классической школы геронтологии, которая видела свою задачу в своеобразной консервации дряхлеющего организма, Латышев разрабатывал сложнейшую систему юнизации — систему активного омолаживания, которая позволила бы самых дряхлых стариков превращать в молодых, полных сил и здоровья людей. Но какое отношение юнизация могла иметь к погибшему Тиму?

Прямо с пляжа Лорка отправился в фильмотеку, решив просмотреть о работах Латышева все, что было ему, неспециалисту, по зубам. Лорка шагал торопливо. В душе его теплился легкий огонек надежды, даже не самой надежды, а ее предтечи. Велики были возможности реанимационной техники двадцать третьего века, регенерации и восстановительной хирургии. Конечности, части лица и скелета, любые внутренние органы — все могло быть создано человеку заново. Все, за исключением мозга, средоточия человеческого чувства и разума, этой сложнейшей «машины» — результата миллиардолетней эволюции живой материи. Треть часа, двадцать минут — вот короткий, предельный срок, который отпустила врачам слепая природа для ремонта и восстановления этой «маши-

ны». Через двадцать минут, а иногда и раньше в высших отделах мозга, хранилищах мысли и разума, наступали необратимые изменения, человеческая личность гибла безвозвратно. Но, робко думал Лорка, ведь юнизация — это не только восстановление, но и коренная переделка всех живых тканей; может быть, это открыло перед врачами такие возможности, о которых они и не подозревали?

В фильмотеке Лорку ждало разочарование: гавайский курортный центр не специализировался на геронтологии, поэтому не удалось найти ни одной оригинальной работы Латышева. Популярной, общедоступной полемики по проблемам юнизации было предостаточно. Идеями Латышева и восхищались, и критиковали их с самых разных позиций. Жизнь и смерть, говорили оппоненты Латышева, существуют в диалектическом единстве. Смерть является естественным и необходимым завершающим жизненным этапом. Бороться со смертью как таковой бессмысленно, ибо это борьба и против самой жизни.

Лорку интересовала не полемика, а сами идеи Латышева. Он было уже почти совсем отчаялся найти что-либо принадлежащее его перу, когда в отделе, весьма далеком от геронтологии, в отделе переписки, наткнулся на открытое письмо Латышева своим оппонентам.

«Я никогда не посягал на полное отрицание смерти, — писал Латышев, — я работаю над юнизацией организмов, а вовсе не над бессмертием. Любое живое существо, в том числе и якобы бессмертное, погибает самым вульгарным образом, если случайно упавшее дерево разможит ему мозг. Я и не думал отрицать, что старение и старческая смерть являются естественными процессами; они столь же естественны, как зачатие, рождение и развитие. Могу признаться, наконец, я согласен и с тем, что смерть носит необходимый характер, хотя знаю, что это рассердит тех, кто приписывает мне противоположные взгляды. Однако в это бесспорное утверждение я вношу небольшую коррективу: необходимость смерти носит не общий, не философский, а частный, био-

логический характер. Естественное старение и смерть не фатальный процесс, изначально присущий живому, а всего лишь один из способов, с помощью которых увеличивается видовая жизнестойкость.

Зависимость между видом и особью сложна и противоречива. Известно, что короткоживущие, слабые, казалось бы, совершенно беззащитные существа могут образовывать процветающие виды поразительной жизнестойкости, а могучие гиганты, которым, казалось бы, никто не страшен, бесследно вымирать. Очень часто видовая жизнестойкость достигается окольными путями: прямого или косвенного паразитизма, симбиоза и содружества, аномальной интенсификации размножения. Одним из таких древних, как и сама жизнь, способов является естественное ограничение продолжительности жизни отдельной особи для обеспечения процветания вида в целом.

В самом деле, чем короче жизнь отдельной особи, тем быстрее свершается смена поколений, тем быстрее совершенствуется и приспосабливается к обстановке и вид в целом. Поразительная жизнестойкость одноклеточных предопределена именно этим фактором. Однако, прежде чем сойти со сцены, старое поколение должно породить новое, защитить его в фазе становления, а иногда и воспитать. Нетрудно показать математически, что каждый вид живых существ в заданных экологических условиях имеет некоторую оптимальную продолжительность жизни отдельных особей. Она и закреплена естественным отбором.

Такова природа естественной смерти. Применимо ли все это к человеку? Да — к его истории, и нет — к настоящей его действительности. Развитие человеческой личности в наше время строится на принципах, которые страшно далеки от тех, что породили фатальную неизбежность смерти. В обновленном обществе будущего смерть перестала быть необходимой, а поэтому с ней не только можно, но и должно бороться...»

Лорка снял микроочки, помассировал уставшие глаза и задумался. Все, что писал Латышев, было интересно, а замыслы юнизации просто фантастичны.

Но, черт возьми, какое отношение имеет это к гибели Тима? Может быть, Латышев с согласия родных использует тело Тима для некоего эксперимента? Такое случается, но возможно ли, чтобы родные Тима не посоветовались с ним, с Лоркой? И вообще непонятна эта завеса молчания и тайны, которой посчитали нужным окутать смерть его друга.

Покинув фильмотеку, Лорка пошел сквером, чтобы выйти на радиальный экспресс-эскалатор, ведущий на стоянку аэротакси. В нем росли карликовые вековые деревья: дубы, сосны, кедры, кипарисы. И все тут было карликовым, вплоть до мостиков и переходов. Люди, ходившие здесь каждый день, наверное, привыкли к этому загадочному миру, сделанному по канонам древнего садоводческого японского искусства. Но Лорка, бывавший здесь редко, всегда испытывал странное ощущение сказочной двойственности. То он представлялся ему настоящей рощей, в которой росли высокие раскидистые деревья. Тогда декоративный ручеек казался ему большой рекой, холмик — горой, а сам он, Лорка, — могучим былинным великаном. И вдруг из-за бабочки, перепорхнувшей на вершину дуба, иллюзия мгновенно исчезла. Мир, созданный усилиями садоводов-искусников, мгновенно приобретал реальные масштабы, и от этой молниеносной метаморфозы слегка кружилась голова.

— Лорка?

Он обернулся и увидел девушку, сидящую на скамье с альбомом микроснимков на коленях; очки для их просмотра лежали рядом.

На ней была полуспортивная одежда: легкие туфли, плотно облегавшие ногу, длинные брюки из мягкой и тяжелой вязаной ткани и почти невесомая блузка, оставлявшая открытыми руки до самых плеч и шею, которая казалась особенно стройной из-за короткой стрижки.

Когда Лорка обернулся к ней, девушка медленно поднялась со скамьи и проговорила уже утвердительно, с ноткой не то боязни, не то растерянности:

— Лорка.

Альбом соскользнул с ее колен и упал на песок. Лорка подошел, поднял его, положил на скамью и улыбнулся:

— Да, я Лорка. А что?

Она не ответила на улыбку. Просто стояла и смотрела на него большими и спокойными светло-кариыми глазами. Это была совсем обыкновенная девушка, но чем больше Лорка смотрел на нее, тем больше им овладевало если не беспокойство, то неясное смущение. Девушка казалась не совсем реальной, двойственной, как сквер, окруживший их, — и маленький и огромный в одно и то же время.

— Вы меня не узнаете? — спросила она после долгой паузы, как-то трудно, хотя совсем негромко выговаривая слова.

Вглядываясь в ее лицо, Лорка вдруг отдал себе отчет в том, что девушка очень красива. И тут же подумал, что, будь он не зрелым мужем, а юнцом, вряд ли бы он заметил эту неброскую, но законченную, в своем роде совершенную красоту.

— Знаете, на кого вы похожи? На Афины Лемния.

Ее смугло-золотистые щеки чуть порозовели.

— Не надо придумывать, — с укоризной сказала девушка, но было видно, что она польщена таким сравнением.

Лорка смотрел на нее с возрастающей симпатией. Во-первых, она была знакома с древним и вечно юным искусством Эллады, которое любил и сам Лорка. А во-вторых, она действительно походила на эту юную богиню — олицетворение мысли и целомудрия.

— Вы меня так и не узнали, — в раздумье сказала она, и к Лорке тут же вернулось его странное беспокойство, похожее на смущение.

— Кто же вы?

— Я Ника, — сказала она.

Лорке стало немножко смешно, она сказала это с таким видом, будто все, а тем более Лорка, должны знать, кто скрывается под этим коротким именем.

— Ника? — с улыбкой переспросил он.

— Ника, — подтвердила она, по-прежнему не отвечая на его улыбку, — та самая Ника.

Лорка испытал мгновенное психологическое потрясение. Он перестал видеть город, небо, рощу и даже лицо Ники — он видел теперь только ее глаза.

— Так вот ты какая, — сказал он, беря ее за руки.
— Да.

Она сказала это с тенью гордости, гордости за то, что ей не стыдно показаться ему на глаза. А Лорка смотрел уже не на нее, а мимо нее, в прошлое. Губы его плотно сжались, лоб прорезала глубокая морщина страдания, а на губах застыла улыбка. В душе Ники метнулся страх — однажды она уже видела это лицо. Ей тогда было всего пять лет.

Она поднимала мяч с зеленой травы, когда услышала какой-то гулкий выстрел. Она выпрямилась, не выпуская мяча из рук, и увидела над собой сказочного могучего гиганта. Лицо его было искажено тяжким страданием, мускулы вздулись резкими узлами и буграми. Он был так могуч, что казалось, мог удерживать само небо на плечах, как это делал Атлант. Но держал он совсем не небо, а какую-то нелепую громадину с металлическими полозьями, и эта громадина безжалостно гнула его мощное тело к земле.

— Вам тяжело, да? — спросила она с беспокойством и страхом.

Не отвечая, сказочный гигант грубо отшвырнул ее ногой, и Ника и рядом с ней мячик покатались по траве. Когда обиженная и возмущенная Ника приподнялась на локте, сказочный гигант уже лежал на спине. А на него валилась громадина. Это было нелепо и непонятно потому, что с голубого неба светило теплое солнце и зеленела трава. Раздался хруст костей. Солнечный воздух вдруг задрожал от чьего-то неистового крика. Но кричала не Ника. И не поверженный человек, он просто не мог кричать — так крепко были стиснуты его зубы. Металлический полоз громадины вонзился человеку в живот. А сама она ткнулась в землю, едва не задев голову человека, перевернулась раз, другой и застыла в тупом бессмысленном покое.

Ника хотела закричать, но не могла. Она вскочила на ноги, но земля и весь мир вдруг опрокинулись, синим озером блеснуло и разом погасло небо.

Это было тогда, а сейчас Лорка почувствовал, как отяжелели ее руки, заметил поблекшее лицо и прикрытые глаза.

— Что с тобой?

Ника со слабой улыбкой покачала головой.

— Ничего, сейчас пройдет.

Лорка бережно посадил ее на скамью. Он хорошо знал, что с ней — она вспомнила. Им недаром не рекомендовали видеться, воспоминание было безжалостно, ослепительно и ярко, как то солнечное утро одиннадцатилетней давности. Тогда беспечная пятилетняя девчушка в погоне за непослушным мячом забежала в зону испытаний «катера невесомости». Произошла нелепая случайность — отказала основная энергосеть, заградительный барьер переключался на резервный источник питания, и этой полсекунды оказалось достаточно, чтобы девочка беспрепятственно проникла туда, где находиться было совсем не безопасно.

«Катер невесомости» пользовался у детей огромной популярностью. Это вагончик, сделанный в форме космоавиетки, катившейся по рельсовой дороге с умопомрачительно сложным профилем. Перепады высот, эффектные закругления — все это известно издревле. Новым было то, что отдельные участки дороги, высотой в десятки метров, были выполнены в форме параболических кривых, и, когда вагончик проносился по ним, пассажиры испытывали подлинное космическое чувство невесомости. Если учесть, что особая стереовизуальная аппаратура создавала в эти недолгие секунды эффект подлинного космического небосвода: то вблизи Земли на фоне океанских островов; то в районе Луны, когда на Землю можно взглянуть как на глобус; то в дальнем космосе, когда Солнце видится просто ярчайшей оранжевой звездой, — можно понять, почему этот аттракцион так любили...

В катере в качестве эксперта-наблюдателя находился Лорка. Когда катер сорвался с креплений и его начало закручивать, Лорка усмехнулся — надо же, попал в аварию не где-нибудь, а в детском парке. А потом, благоразумно опасаясь ненужных осложнений и травм, сбросил аварийный люк, мягко

оттолкнулся ногами и с грацией и ловкостью огромной кошки приземлился на мягкий склон насыпи.

Еще в воздухе он услышал гулкий выстрел лопнувшей штанги, поэтому, приземлившись, он сразу же оглянулся. И увидел, как несколько в стороне от него на склонившуюся к мячу девчушку, тупо вспахивая травяной дерн, съезжает катер в несколько центнеров весом. Лорка так никогда и не мог вспомнить, как он успел оказаться между вышедшей из-под человеческого контроля машиной и маленьким хрупким человеком. Но он успел и принял эту слепую упрямую машину сначала на руки, а потом на плечи. И все-таки Лорка вывернулся бы, если бы девчонка догадалась отбежать. Но нет, она изумленно смотрела на него и спрашивала с беспокойством и страхом:

— Тебе тяжело, да?

Несмотря на нечеловеческое напряжение, мысль Лорки работала четко. Он знал, что пропал и в его распоряжении доли секунды. Единственный шанс — сохранить голову и пройти все семь кругов адских мучений регенерации искалеченного тела. Лорка отшвырнул ногой девчонку и рухнул на луговые цветы. Он успел услышать дикий, почти нечеловеческий вопль — это кричала мать девочки — и ощутить раскаленную вспышку боли, смявшей его тело. Но еще долгие мгновения, кто знает, сколько они длились — секунды, их доли, — Лорка неистовым усилием воли заставлял себя не терять сознания. И на фоне испепеляющей все его существо муки — ликовать: он все еще мыслит, значит, он использовал шанс, дарованный ему судьбой, — голова цела.

Сжигающая боль и ликующая радость продолжающегося бытия оставили вечный след в его душе. И вот сейчас эта девочка, Ника, коснулась невидимой раны.

Ника смотрела на него, кумира своих грез, и детский ужас, вдруг прорвавший плотины забвения, медленно отступал.

— Тебе лучше? — Лорка легонько встряхнул ее руки, которые держал в своих ладонях. — Все в порядке, девочка, видишь — я здоров.

Она благодарно взглянула на него, благодарно потому, что он догадался о ее страхе, осторожно освободила свои руки и сказала укоризненно:

— Вы хромаете?

— Ты заметила? — удивился Лорка.

— Да. Это из-за меня?

Лорка кивнул и, увидев, как изменилось ее лицо, поспешно добавил:

— Хромота пустяковая. Но я привык, ликвидируешь хромоту — придется менять всю координацию движений. — Ника, не отвечая на его улыбку, серьезно смотрела на него, и Лорка, поколебавшись, признался: — Я берегу свою хромоту как память о том дне.

Она понимающе сказала:

— У меня тоже осталась память: я немножко заикаюсь, когда сильно волнуюсь. Это тоже легко ликвидировать, но я не хочу.

— Я знаю, ты долго болела.

— Долго, — согласилась она, — почти год совсем не говорила, только кричала во сне. Мне все снилось, как на вас валится та тележка. Я и сейчас это вижу. Закрою глаза и вижу.

Ника и правда закрыла глаза. Ресницы у нее были длинные, они не лежали спокойно, а мелко-мелко подрагивали.

— Не надо об этом, — мягко попросил Лорка.

Она открыла глаза и, встретив его взгляд, впервые ответила улыбкой на его улыбку. И сразу изменилась — суровое лицо помягчело, стало тоньше, одухотвореннее.

— Так вот ты какая, — повторил Лорка.

— Какая?

— Красавица.

— Что стоит внешняя красота, — сказала она равнодушно.

Лорка откровенно любовался ею.

Она это видела, и ей было приятно.

— Духовная важнее, — сказала она со спокойной убежденностью.

— Это почему?

— Потому что люди сейчас и так слишком увлечены телесной красотой.

Глаза Ники стали серьезными. Это были глаза человека, уверенного в себе, хорошо знающего, что он хочет и что он может. Лорка испытал легкий укол робости, а может быть, лучше сказать, почтения; такое случалось с ним в детстве, когда он, слушая рассказы о Вселенной, которые вела его мать, нечаянно заглядывал ей в глаза. Ему всегда казалось, что мать знает нечто более мудрое и тайное, чем высказанное словами. Может быть, это чувство сохранилось и сейчас вот всплыло во всей своей первозданной яркости потому, что мать его погибла во время испытаний новой модели нейтринного телескопа, когда ему было всего десять лет, и навечно осталась в его памяти мудрой полуженщиной-полубогиней. Лорка не без труда стряхнул с себя светлые и тяжкие воспоминания прошлого.

— Разве это плохо? — мягко спросил он. — Культ человеческого тела жил в Древней Греции, а греки создали одну из величайших человеческих культур.

Ника уже успокоилась и с интересом разглядывала Лорку. Она не была разочарована, в нем было меньше скульптурности, чем ей представлялось. Он был человечнее монументального образа, созданного когда-то ее детским воображением.

— Греки были великими, — сказала Ника вслух, — но они были детьми. Мы же взрослые. Даже тогда, когда еще дети.

Она хотела добавить, что повзрослеть нелегко. Тяжело прощанье с детством, переход в зрелость — страдание, безжалостное крушение одних кумиров и торопливое сотворение других. Но поймет ли это Лорка?

— Пожалуй, — согласился Лорка, — в двадцать втором веке... Совсем недавно люди упивались простыми радостями жизни и возродили культ тела. Благодаря им мы покончили с хилостью и уродством, стали такими, как сейчас.

Ника улыбнулась.

— Люди, разделавшись с голодом, войной и эксплуатацией, просто немного сошли с ума от радос-

ти. В двадцать втором веке был праздник человечества, но ведь праздник не может длиться вечно.

Откуда такие мысли у этой девочки? Лорку пора- жало ее уверенное спокойствие, сквозь которое про- сматривалась легкая грусть. Словно еще не успев толком вступить в жизнь, Ника уже рассталась с ка- кой-то желанной, но несбыточной мечтой.

— Чего же ты хочешь, девочка?

— Быть человеком, — ответила Ника без всякой аффектации, — только это очень трудно.

Она попала в самую точку, трудно быть настоя- щим человеком. Да, чтобы стать истинным homo sapiensом, человеку пришлось пройти через арены римских цирков, костры и пытки инквизиции, фа- шистские фабрики смерти, горнило революций и на- ционально-освободительной борьбы. Чтобы быть на- стоящим человеком, не слугой, а господином своей судьбы, надо не только любить свое тело, но и уметь обуздывать его. Был еще один штрих в этой вечной проблеме, догадывалась ли о нем эта не по годам мудрая девушка-подросток?

— Быть просто человеком невозможно. Людей как таковых на свете не существует, есть мужчины и жен- щины. Ты — женщина.

— Да, по рождению, — в голосе ее прозвучала до- сада, — но я не хочу быть женщиной. Не хочу быть ни возлюбленной, ни женой, ни матерью. Меня уни- жает все это.

Лорка молчал, и после паузы Ника продолжала:

— Есть девочки, которые жалеют, что не ро- дились мужчинами. Я не жалею. Не хочу быть ни мужчиной, ни женщиной. Хочу быть просто чело- веком.

Лорка подумал, что было бы интересно встретиться с ней лет через пять и снова поговорить обо всем этом. А Ника, помолчав, сказала мягко, точно изви- няясь:

— Скорее умру, чем стану рабой инстинктов.

Лорка понял, что это не просто слова, и сердце его сжалось. Что будет с ней, когда она полюбит? А это случится с неизбежностью восхода солнца.

— Зовешь ты меня Лоркой, а почему? — спросил он, меняя тему разговора. — Разве ты не знаешь моего имени?

— Знаю, — спокойно согласилась Ника, — но я уж так привыкла. Ведь Лоркой вас зовет и жена, и ваш лучший друг Тим, правда?

— Правда, — не сразу ответил Федор, голос его прозвучал сухо, почти бесстрастно. — Только нет уже моего лучшего друга Тима Корсакова. Он погиб неделю назад.

Лорка проговорил это, не поднимая на девушку глаз, но все-таки уловил какое-то импульсивное ее движение и взглянул на нее.

Ника, казалось, была удивлена, даже больше — изумлена.

— Что с тобой? — встревожился Лорка.

— Со мной ничего, — медленно проговорила Ника, теперь Лорка разглядел в ее глазах не только изумление, но и тревогу.

— Да что с тобой?

— Лорка, — Ника волновалась, но она умела владеть собой, и голос ее звучал негромко и спокойно, — я не знаю, что и как, но вчера вечером, еще в Приморье, я видела Тима.

— Тима?

— Да, Тима, живого и здорового.

Лорка глубоко вздохнул.

— К сожалению, ты ошиблась, девочка, — мягко сказал он.

Ника упрямо покачала головой.

— Я не ошиблась. Он ехал в закрытой машине вместе с Отаром Неговским. Отар лечил меня после того самого случая. Он всегда здороваётся со мной, разговаривает. И на этот раз он остановил машину. Я хорошо рассмотрела — с ним был Тим.

— Отар Неговский? Он работает в клинике Латышева?

— Да, у Латышева. — Ника видела, как тяжело задумался Лорка, и осторожно прикоснулась к его руке. — Что все это значит, Лорка?

— Не знаю, — медленно проговорил Федор.

Боковым зрением уловив некое движение, Отар Неговский поднял голову и изумленно откинулся на спинку кресла: на подоконнике окна, что выходило в парк, стоял человек могучего сложения. Отар прикинул, на каком этаже его кабинет — на первом или на втором? На втором. Оставалось предположить, что странный посетитель забрался на окно по наружной стене. Если учесть, что она увита диким виноградом, это не так уж сложно. Однако интересен способ наносить визиты! И что, в конце концов, нужно этому рыжему геркулесу? Перехватив взгляд Неговского, визитер бесшумно спрыгнул на пол и мягко, по-кошачьи ступая, направился к столу. Неговский сел в кресле поудобнее и приветливо проговорил:

— Присаживайтесь, гостем будете, — и несколько принужденно усмехнулся: — Вы частенько навещаетесь вот так?..

— По мере необходимости, — хладнокровно ответил гость, опустил в кресло и представился: — Федор Лорка.

— Припоминаю. Отар Неговский.

— Знаю, — отрезал незванный гость. — Мне до смерти надоела ваша клиническая бюрократия, поэтому я и решил максимально ускорить процедуру проникновения к вам в кабинет.

За этой фразой стояла масса усилий и несколько часов напрасно потерянного времени. После разговора с Никой Лорка ближайшей орбитальной ракетой вылетел с Гаваев в Приморье, где располагалась клиника Латышева. Попытка связаться со старым профессором по обычным каналам успеха не принесла — его видеофон был отключен от общей сети. Лорке разъяснили, что Латышев занят чрезвычайной работой и никого не принимает. Начиная раздражаться, Лорка пустил в ход весь свой немалый авторитет и добился-таки разговора по видеофону с профессором-затворником. Но это ничего не дало. Едва услышав, что с ним хотят говорить по важному, по личному делу, Латышев раздраженно бросил,

что для личных дел у него сейчас нет времени, и выключил аппарат. Тогда Лорка рассердился окончательно и решил, несколько поступившись традиционной земной этикой, перейти на методы, которые он привык применять при разведке неосвоенных планет.

— Могу сказать со всей откровенностью, — Неговский говорил холодно, как и Лорка, — если вы и встретились с какими-то затруднениями, то не с бюрократией, а врачебной этикой. Точнее — врачебной тайной.

— Мне надоели и тайны.

— Вы ведете себя довольно оригинально. Если не сказать — бестактно. — У Неговского даже губы дрогнули от обиды.

— Мне не до пустопорожней пикировки. — Лорка в упор смотрел на Неговского холодным взглядом. — В вашей клинике тайно содержится мой друг, Тимур Корсаков, который официально считается погибшим. Я хочу знать, что это значит.

Лицо Неговского мгновенно смягчилось, отразив сложное чувство, похожее сразу и на сожаление, и на сочувствие.

— Вот оно что, — пробормотал он вполголоса.

— Вы не отрицаете, что Тимур у вас?

Неговский взглянул на Лорку, тут же отвел глаза и глубоко вздохнул.

— Разумеется, не отрицаю. Тайна вокруг этой истории — чисто вынужденная и временная мера. Через день-другой мы бы сами пригласили вас в клинику.

— Когда я смогу его увидеть?

Неговский взглянул на Лорку с каким-то странным выражением и опять отвел взгляд.

— Простите, но это невозможно.

— Я настаиваю. — Голос Лорки прозвучал негромко, но непреклонно.

— Я не так выразился, — поспешно поправился Неговский и досадливо поморщился. — Как бы это объяснить попроще? — Он на секунду задумался. — Вы знаете о последних, заключительных экспериментах Латышева по юнизации?

— Нет.

— Эта информация во избежание ненужного ажиотажа распространена лишь в очень узком кругу специалистов. — Неговский помассировал себе лоб большим и указательным пальцами. — Надежда обрести вторую молодость, знаете ли, способна вскрыть голову кому угодно.

— Я не понимаю, какое отношение все это имеет к Тимуру Корсакову, — холодно заметил Лорка.

— Сейчас поймете, — спокойно сказал Неговский. — Однако вам нужно набраться терпения и выслушать то, что я расскажу.

Рассказ Неговского чем-то походил на сказку, не на волшебную сказку седой древности, а новоявленную, принадлежащую двадцать третьему веку. Оказывается, от теоретических и технических изысканий к практическим опытам по юнизации Латышев перешел еще около года назад. Сначала активному омолаживанию были подвергнуты три дряхлые собаки, едва таскавшие от старости ноги. Одна из них погибла в ходе эксперимента, зато две другие превратились в отменно здоровых псов. Опытные специалисты-кинологи, которым, не открывая тайны опыта, их предъявили для установления возраста, единодушно решили, что каждой из собак не более трех лет. Эксперимент по юнизации собак повторяли много раз, пока Латышев не добился устойчивого и надежного эффекта омолаживания. Клиника перешла к юнизации обезьян, при этом выяснилось, что переход с одних видов животных на другие не ставит перед этой своеобразной системой лечения, лечения от самой смерти, каких-либо новых проблем и принципиальных трудностей. И тогда старый профессор решился на последний, ответственный шаг, завершавший многолетние настойчивые поиски.

— Неужели Латышев решился на омолаживание людей? — спросил Лорка, в его голосе звучало недоверие.

Неговский, прерванный на полуслове, с некоторым удивлением взглянул на Лорку, точно спрашивая самого себя — зачем в кабинете сидит этот человек?

— Да, — торжественно сказал Неговский после паузы, — решился. Хотя лечение было применено, естественно, к добровольцам.

Неговский вдруг расплылся в счастливой улыбке.

— Успех был сенсационный, похожий на чудо. Оба старика, их было двое — один такой крепышок, а другой совсем уже древний дед — стали похожи на свои фотографии вековой давности. Молодые, красивые парни! Хоть в космос их посылай, хоть к центру Земли!

— Трудно поверить в это, — вслух заметил Лорка.

— И мне трудно, — проникновенно откликнулся Неговский. — Хотя я один из тех, кто своей мыслью, своими руками свершил это чудо!

И вдруг Неговский потух, точно внутри его померк некий волшебный светильник. Лицо его постарело, он усталыми движениями помассировал кончиками пальцев лоб и сказал, будто недоумевая:

— Недавно я прочитал «Фауста», сказку в стихах поэта Гете. Не думайте, я не любитель древней поэзии, я вообще к ней равнодушен, да и времени у меня нет. Мне настойчиво посоветовали прочитать эту странную сказку для взрослых. — Неговский помолчал, сжав в одну линию тонкие бескровные губы, на лице его появилось выражение значительности, почти торжественности. — Знаете, наши предки размышляли над многими вещами, которые волнуют и тревожат нас с вами. Они знали поразительно мало, разум их опутывали глупые предрассудки, но каким-то наитием они угадывали тайны из тайн природы и человека. Они ставили и мысленно решали проблемы, которые мы решаем или только пытаемся решить сейчас! — Неговский на секунду остановил на Лорке задумчивый взгляд и спросил с некоторым сожалением: — Вам, наверное, не довелось читать «Фауста»?

Лорка сдержал улыбку и серьезно ответил:

— Почему же? Случайно как-то попалась под руку и эта книга.

— Вам повезло. — Неговский снова задумался, сжав в одну линию губы. — Фауст получает вторую молодость, но взамен черт забирает его душу. Смысл тут в том, что человеку никогда и ничто не давалось

даром. Всегда приходилось платить трудом, мыслью, отказом от удобств, самой жизнью, наконец. Но черт забирает у Фауста душу, понимаете? Фауст-юноша — уже другой человек, вместо счастья он приносит людям только горе и беды. Человек без старой души и еще не обретший новую. Как Гете мог догадаться, что плата за вторую молодость будет такой дорогой?

Лорка уже понял, куда клонится причудливо развивающаяся мысль врача, и сердце его болезненно сжималось.

— Да, — продолжал Неговский скорее философски, чем с горечью, — плата за юнизацию оказалась именно такой — обоих добровольцев постигла полная амнезия — абсолютная потеря памяти. Они забыли все и вся, свое прошлое и настоящее, самих себя и своих близких. Они разучились читать, писать и считать. Они вернулись к новой жизни другими людьми — большими младенцами, впервые взирающими на мир. Полная амнезия — та же смерть личности, ничуть не менее определенная, чем при остановке сердца или потере крови. Разум возвысил человека над остальным миром, но тот же разум расширил власть смерти над человеком — он может умереть не только физически, но и психически: сойти с ума или потерять память. По этой причине, — помолчав, продолжил Неговский, — Латышев временно отказался от юнизации и попросил все, что касается его опытов, сохранить в полной тайне.

Лорка воспользовался паузой и наконец-то задал вопрос, который давно жег ему язык:

— Тимур реанимирован в вашей клинике?

— Да, — не сразу ответил Неговский.

— И потерял память?

— Полная, абсолютная амнезия. — Неговский исподлобья сочувственно поглядывал на Лорку. — Вашего друга случайно подобрал исследовательский батиход на шельфе Гавайских островов. Его подобрали слишком поздно: восстановить дыхание и работу сердца удалось, но кора головного мозга успела умереть. К счастью, на подводном корабле находился представитель нашей клиники. Он знал, что комплекс юнизации поз-

воляет в принципе восстанавливать нервные клетки даже после их фактической смерти, и настоял на срочной транспортировке утонувшего сюда, в Приморск. Тут и приняли решение об экспериментальном юнировании пострадавшего, а также о том, чтобы сохранить все в тайне до тех пор, пока не выяснятся результаты этого лечения. К сожалению, они не радуют.

— Но если лечение было начато, — не совсем уверенно предположил Лорка, — значит, кто-то надеялся и на лучший исход?

Неговский удивленно взглянул на него.

— Как это кто? Разумеется, Латышев. Если бы не надеялся, он бы никогда не взялся за лечение вашего друга. Он и сейчас надеется, но на что надеется — не говорит.

Опершись рукой о край стола, Лорка поднялся на ноги.

— Я должен увидеть Латышева, — проговорил он, высказывая скорее решение, чем просьбу.

— Разумеется, — поддержал его Неговский, — он охотно поговорит с вами.

Лорка в сомнении качнул головой.

— Не уверен. — И коротко рассказал врачу о своих затруднениях.

Неговский поморщился.

— Скорее всего профессор просто не разобрался, в чем дело. Не судите его строго. Он своенравен, даже капризен, но очень честен и справедлив. А проблема юнизации так популярна, что его нет-нет да и тревожат по пустякам.

Неговский оказался прав. Латышев принял Лорку в своем просторном кабинете буквально через минуту. Латышев долго молчал, иногда взглядывая на посетителя, сидевшего за столом напротив него. У профессора была еще крепкая фигура, львиное лицо и утомленные глаза. Большие старческие руки тяжело лежали на столе.

— Вы друг Тимура Корсакова? — спросил он наконец.

— Да.

— Близкий друг?

— Близкий.

Латышев провел ладонью по щекам, точно пытался разгладить свои морщины.

— И вы явились сюда, чтобы узнать, можно ли вернуть ему прежнюю жизнь?

— Не только узнать, но и сделать все возможное для этого.

В утомленных, бесцветных глазах Латышева мелькнула насмешка.

— А по-вашему, что нужно сделать?

— Не знаю. Впрочем, мне известен рибонуклеид, который довольно эффективно стимулирует подсознательную память.

Латышев взглянул на него с некоторым интересом.

— Рибонуклеид Ревского?

— Он уже известен вам? — не скрыл удивления Лорка.

— Вся мировая информация, касающаяся мозга и его функций, в частности и памяти, поступает в нашу клинику по каналу, параллельному с главным компьютерным. — Профессор пожевал губами. — Конечно, когда мы предпримем очередную попытку разбудить память Тимура Корсакова, он получит ударную дозу нейростимуляторов. Возможно, в составе препарата будет и рибонуклеид Ревского. Но этого мало. Мало! — Латышев внимательно взглянул на Лорку, потом прикрыл глаза густыми седыми бровями и спросил: — Тимур любил свою жену? Я имею в виду настоящую любовь. Как близкий друг, вы должны знать об этом.

Лорка не отвечал, удивленно глядя на старого профессора.

— Я спрашиваю не из праздного любопытства. — В голосе Латышева послышалось раздражение.

— Думаю, что любил.

— Думаете?

— Уверен.

Старый профессор секунду пристально смотрел на Лорку, потом отвел взгляд, пожевал губами и ворчливо спросил:

— Вам говорили, что мои методы вызывают полную амнезию?

— Говорили.

— Чепуха, — сказал старик сердито, — не верьте этому. — И пояснил удивленному Лорке: — Это верно лишь в отношении сознательной памяти, а мозг неизмеримо глубже этой верхней надстройки. Если бы амнезия была тотальной, разрушилась бы не только сознательная, но и подсознательная, родовая память. Исчезли бы все инстинкты и безусловные рефлексы. Остановилось бы дыхание, замерло сердце, прекратился обмен веществ. Люди умирали бы в ходе самой юнизации. Но они живут! Я уверен, — Латышев костяшками пальцев сердито постучал по своему высоченному лбу, — прошлое крепко хранится в их головах и после юнизации, но оно спит! Спит летаргическим сном, а я, старый, не знаю, как разбудить его.

Латышев пошевелил губами и, глядя в сторону, продолжил:

— Есть одно чувство, глубокое, как сама жизнь. Любовь. Я не верю, что настоящую любовь может стереть клиническая амнезия. Раньше остановится сердце, а потом уже умрет любовь.

Латышев замолчал. Лорка сидел тихонько, боясь потревожить его мысли. А старик потер ладонью лоб и продолжал уже другим тоном, в котором не было ни ворчливости, ни скрытой боли, зато слышались менторские нотки:

— Любовь, как я мыслю, и есть та самая ниточка, которая может из бодрствующего подсознания привести в спящий разум. И разбудить его.

Он вдруг оборвал себя, в упор взглянул на Лорку и предложил:

— Вот если вы уверены, что Тимур Корсаков искренне и глубоко любил свою жену, можно рискнуть и устроить им встречу.

— А в чем риск?

Латышев объяснил это толково, подробно, обстоятельно. И пока он объяснял, сочувственно и в то же время чуточку ехидно поглядывал на Лорку. Федор внутренне поеживался — для любящего сердца риск был страшным.

Глава 13

Валентина пришла запыхавшись, щеки ее зарумянились от быстрой ходьбы, волосы растрепались.

— Что случилось, Федор? — напряженно улыбаясь, спросила она. — Почему от Тима нет вестей?

Лорка улыбнулся ей в ответ.

— Сейчас объясню. Сядем, Валя. Так будет удобнее.

Беседка была скрыта в густой зелени. Лорка, придерживая за локоть, бережно усадил Валентину на диван.

— Валентина, — сказал он без паузы, — об этом вы должны были узнать раньше. Но все так перепуталось.

Он умолк, потому что Валентина стала бледнеть.

— Он жив? — шепотом спросила она. Бледность Валентины приобрела меловой оттенок, по глазам ее Федор понял — она вот-вот потеряет сознание.

— Успокойтесь, — он сел рядом и взял ее за руку, — жив.

Руки ее были влажными и вялыми. С заметным усилием она овладела собой.

— Жив? — недоверчиво переспросила она.

— Жив, — подтвердил Лорка, — вы сегодня сможете его увидеть.

Кровь медленно прилиwała к ее щекам, мелкие капельки пота высыпали на верхней губе, глаза переполнились слезами.

— Зачем же вы так? — с укором сказала она.

Тут наконец слезы хлынули из ее глаз.

Лорка молчал. С нелегким сердцем он думал о том, что главное объяснение с Валентиной еще впереди. Вот он сказал ей, что Тим жив. И это правда, но не вся правда.

Лорка глубоко задумался и перестал контролировать себя. Лицо его отяжелело.

— Тим тяжело болен, Валентина, — начал он издалека.

Она перебила с вновь вспыхнувшей тревогой:

— Он может умереть?

— Нет!

— Он изувечен...

— Нет, уверяю вас.

— Да что же с ним такое? — с сердцем спросила она.

— У него амнезия. — Лорка, решившись наконец открыть ей истину, сказал это, будто прыгнул в воду холодную.

— Что? — Она не поняла, а поэтому испугалась.

— Амнезия, — пояснил Лорка, — полная потеря памяти.

— Да-да, знаю, — быстро сказала она. — А это страшно?

Наморщив лоб, Валентина настороженно вглядывалась в лицо Лорки. Она не столько вникала в смысл его слов, сколько вслушивалась в интонацию его голоса, старалась догадаться, чем все это грозит ее Тиму. В эти мгновения она была почти ясновидящей, бесполезно пытаться скрыть от нее правду или смягчить ее.

— Страшно, Валя.

Она отвела глаза, задумалась, потом спросила быстро:

— Он и меня забыл? И Ниночку?

— Забыл.

— Совсем?

— Совсем.

— Навсегда?

Большие серые глаза Валентины смотрели на Лорку опустошенно, только где-то в самой их глубине пряталась отчаянная искра надежды.

— Может быть, и нет...

Она сразу оживилась.

— Может быть?

— Да, если вы согласитесь пойти на риск.

— Конечно, соглашусь. — Валентина уже улыбалась.

— Рисковать-то придется не собой.

Она сразу потускнела.

— А как же?

— Да в принципе-то очень просто. Вам нужно встретиться с Тимом — вот и все. Профессор, кото-

рый его лечит, надеется, что Тим вас вспомнит. И тогда болезнь его пройдет.

Лорке и в голову не пришло рассказать Валентине, какое жестокое условие выдвигал Латышев как основу для преодоления амнезии — Валентину и Тимура должна связывать подлинная, настоящая любовь. Только тогда возможна победа над забвением.

— А если не вспомнит?

— Тогда придется ждать — годы, десятилетия, а может быть, и всю жизнь.

Валентина глубоко задумалась.

— Все это мне понятно, — проговорила она почти про себя с оттенком недоумения. — Не пойму одного: в чем здесь риск?

— А в том, что Тим может полуузнать вас, — пояснил Лорка невесело. — Знаете, бывает такое мучительное состояние, когда вот-вот вспомнишь, а не вспоминается.

Валентина, не спуская с Лорки глаз, закивала головой.

— Такое может произойти и с Тимом, только чувство это будет гораздо глубже, шире и охватит все сознание.

— Он сойдет с ума? — быстро спросила Валентина.

— Возможно. Чтобы его вылечить, придется принудительно стирать в его сознании память о вашей последней встрече. И тогда он забудет вас навсегда.

— Это жестоко!

Что мог ответить Лорка? Он молчал. Она посидела неподвижно, глядя в землю, потом тыльной стороной руки вытерла глаза и решительно поднялась на ноги.

— Я согласна!

Перед тем как идти на встречу с Валентиной, Лорка обговорил с Латышевым детали предстоящего свидания супругов, если, разумеется, Валентина согласится.

Лорку и Валентину беспрепятственно пропустили в больничный парк. На этой поспешности Лорка тоже настоял заблаговременно, представляя, как

мучительно будет Валентине каждая лишняя секунда ожидания.

Выйдя на широкую дорожку, обсаженную соснами и усыпанную светлым песком, Лорка остановился, легонько придержав Валентину за локоть.

— Это и есть центральная аллея. А там сосна — видите, какая громадина? Возле нее скамья.

Море разгулялось, и с него дул ветер. Он ворошил траву, клонил ветки кустарника и трепал кроны вековых сосен. Сосны глухо роптали.

Лорка с трудом расслышал ответ Валентины.

— Вижу.

Она кивнула в знак согласия, но продолжала стоять на месте. Лорка осторожно подтолкнул ее вперед. Валентина оглянулась, точно прося помощи, но Лорка покачал головой — ее встреча с Тимом должна была состояться наедине, таково было жесткое условие Латышева. Тогда Валентина сначала медленно, неловко, будто только училась ходить, а потом уж быстрее, постепенно обретая свою обычную походку, пошла к сосне. Но дойти до нее она не успела, боковой тропинкой на центральную аллею вышел Тим. Валентина сразу узнала его. Это был ее Тим — высокий, худощавый, с рельефной мускулатурой шеи и оголенных рук. Он шагал уверенно, спокойно, рассеянно поглядывая по сторонам. Ветер трепал его мягкие русые волосы.

Так же рассеяннo, как по деревьям и кустарнику, его взгляд скользнул по Валентине. Лорка, спрятавшийся при появлении Тима за сосну, крепко, так что стало больно, прижался щекой к ее шершавому, золотистому, пахнущему смолой стволу.

Валентину била лихорадка ожидания, слабели, подкашивались ноги, но она упрямо шла вперед. Мир качался, плыл перед ее глазами, превращаясь в разноцветные радужные пятна. Она даже не знала — далеко ли, близко ли ее Тим. Ей казалось, что она идет в тумане сдерживаемых слез долго, ужасно долго, целую вечность. Погас шум сосен. Всплыли звонкие, чистые вязи птичьих трелей. Валентина слышала только мерный шорох песка — это были шаги Тима. Она

остановилась, провела рукой по лицу. Перед ней стоял Тим, вопросительно, непонимающе глядя на нее. «Тим!» — хотела крикнуть Валентина, но у нее только беззвучно пошевелились губы.

— Что с вами? — участливо спросил он.

— Тим! — наконец-то удалось выговорить ей.

Что-то дрогнуло, затрепетало в глазах Тимура. Как замороженный смотрел он в самую глубину больших серых глаз, полных слез.

— Валя? — испуганно спросил он.

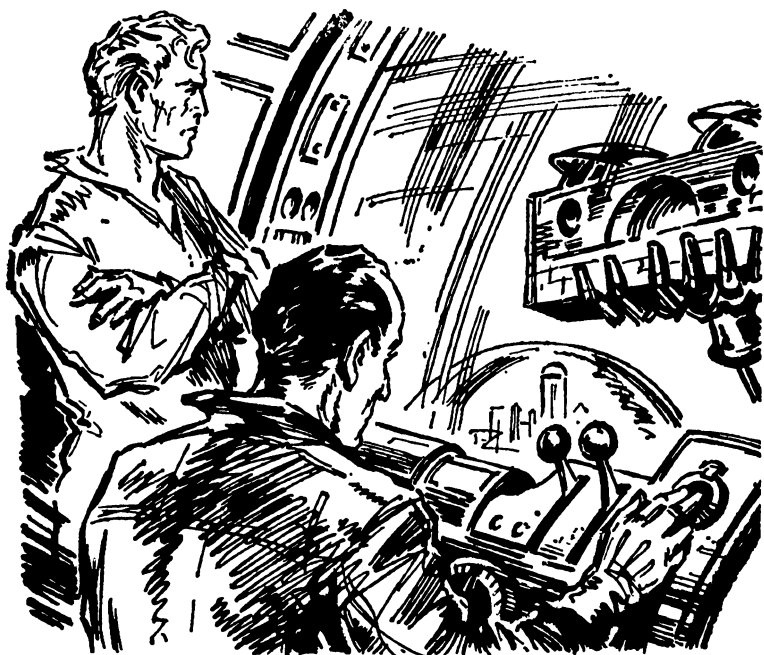
Серые глаза закрылись, а на измученное лицо легла покойная усталая улыбка.

— Где же ты была, Валька? Так долго?

Шумно вздохнули сосны. Это озорной ветер, переводя дух, снова примчался с моря.

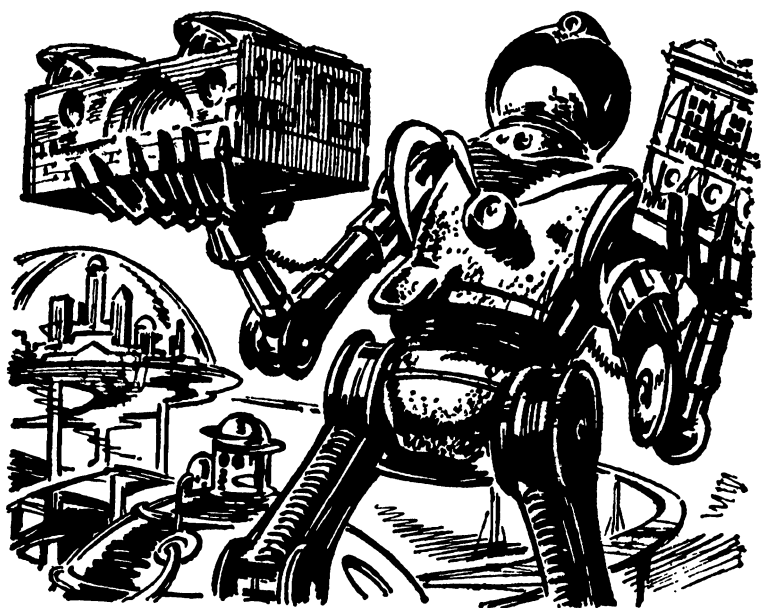
Глава 14

Лорка вел прогулочный глайдер над самыми вершинами деревьев. Внизу сплошным ковром тянулась дикая нетронутая сельва: здесь, в истоках Амазонки, располагался огромный заповедник тропического леса. Перевалив плоскую столовую гору, где лес был пореже, с проплешинами редкого кустарника и пустошами, Лорка увидел тянувшееся до самого горизонта только что разбитое пространство нового жилого района. Остатки девственного леса были здесь облагорожены и превращены в сады, скверы и парки, русла речушек спрямлены и местами облицованы синтетиком, через них перекинuty ажурные мосты, кое-где синели пятна искусственных озер и прудов, небольшими комплексами грудились вспомогательные сооружения, дома отдыха и развлечений, а на все это была наброшена геометрическая, четкая сеть автострад, дорог и тропинок. Мельком оглядев это поле, отнятое человеком у природы, Лорка сориентировался и круто положил глайдер на крыло, направив его к операторской, стоявшей на краю гигантской строительной площадки. Сегодня здесь должен быть сооружен высотный дом-город на

несколько тысяч жителей — центр и средоточие нового жилого района. Здесь, глубоко под зеленым покровом леса, в верхних слоях мантии, было неожиданно-негаданно обнаружено богатейшее месторождение тяжелых и долгоживущих трансурановых элементов, этого ценнейшего сырья энергетики, ядерной химии и нейтронной техники. Месторождение было настолько перспективным, что Всемирный совет решил отрезать у заповедника несколько тысяч гектаров первозданной сельвы.

Операторская представляла собой прозрачный купол — фонарь полусферической формы высотой метров двадцати. Три мощные телескопические ноги поддерживали основание купола на высоте пятиэтажного дома. По краям купола торчали три реактивных сопла — двигателей аварийной посадки, из центра днища спускалась ажурная шахта выдвижного лифта. К лифту и направился Лорка, оставив глайдер четырехколесному многорукому роботу на техосмотр и за-

правку. Проходя мимо телескопической ноги, Лорка с уважением шлепнул по сверхпрочному композиту — эти ноги должны были вознести операторскую почти на трехкилометровую высоту. Когда Лорка подошел к лифту, дверь кабины распахнулась. Федор вошел в нее и через несколько секунд оказался в просторном вестибюле операторской. Здесь былолюдно и шумно, отдельными группами стояли и сидели гости, приглашенные на сборку дома-города.

К Лорке подошел дежурный в светлом костюме, с оранжевой повязкой на рукаве. Федор представился, дежурный с улыбкой сказал, что его хочет видеть мастер-сборщик. Пройдя через вестибюль, дежурный остановился перед дверью с красной светящейся надписью «Операторская» и жестом пригласил войти. Вопросительно глядя на него, Лорка помедлил — красный цвет надписи говорил о том, что посторонним без крайней нужды вход в комнату воспрещен. Дежурный улыбнулся:

— Входите, вас ждут.

Лорка нажатием кнопки открыл дверь, беззвучно скользнувшую в стену, и оказался в небольшой, но очень светлой комнате. За круглым столом сидела группа монтажников: мастер-сборщик и ассистенты. Мастер-сборщик, старый товарищ Лорки, Ришар Дирий отличался от других широкой зеленой повязкой на рукаве. Лорку заметили не сразу, а он сам намеренно задержался на пороге, чтобы понаблюдать за колоритной группой монтажников. Шел непринужденный разговор, сыпались шутки, но за этой внешней легкостью Лорка сразу уловил скрытую напряженность, умело спрятанное волнение, которое сопутствует любому ответственному делу, требующему мобилизации всех человеческих ресурсов, будь то спортивное соревнование, научный эксперимент, старт трансгалактического корабля или сборка дома-города. Новые жилищно-промышленные центры с основой в виде дома-города даже в двадцать третьем веке строились редко — не чаще одного раза в несколько лет. Подготовка дома-города к сборке ведется месяцами, а сама сборка выполняется монтажниками за один рабочий день, в течение нескольких часов. Процесс сборки давно стал своеобразным видом искусства и спорта. Мастер-сборщик назначался на свою почетную и ответственнейшую должность после многих туров конкурсных соревнований, которые проводились, разумеется, на макетах. Сборка транслировалась по всем главным каналам мирового стереовидения и собирала сотни миллионов зрителей-болельщиков. Она была для монтажников не только трудом, работой, но и источником радости, творческого наслаждения. Пожалуй, именно в сборке наиболее полно и непосредственно находила выражение изначальная и неискоренимая жажда человека к созиданию. Едва Лорка шагнул вперед, как Ришар Дирий, сидевший на подлокотнике кресла, заметил его и поднялся навстречу. Они обнялись и легонько потискали друг друга — не виделись больше года. Ришар не изменился. Высокий, худой и жилистый — кости и туго свитые мышцы, рельеф-

но обрисовывающиеся даже при легких движениях, ни грамма лишнего жира. На аскетичном удлинённом лице с запавшими щеками — большие глаза: то грустные, то озорные, то лучащиеся юмором, то цепкие. Глаза исследователя и философа. Ришар был феноменально одарённым человеком. Чем он только не занимался! Несколько лет ходил вместе с Лоркой в космос бортинженером и великолепно справлялся со своим делом. Он был отличным художником и скульптором, увлекался субмолекулярной биохимией и за серию теоретических изысканий получил звание доктора наук. Он занимался почти всеми видами спорта, отлично бегал, прекрасно плавал. Но, добившись успеха, Ришар быстро охладевал к содеянному, некоторое время бездельничал, а потом с неслыханной энергией принимался за что-нибудь другое. Дирия ругали, увещевали, умоляли, ему говорили, что он не бережет свой талант, что он неразумно теряет лучшие годы своей жизни, что талант — это не только одарённость, но и целеустремлённость, и труд, труд и еще раз труд. Ришар выслушивал все это с озабоченным, даже виноватым лицом. Выслушивал и делал по-своему. Однажды после долгого разговора с крупным ученым, который с жаром уверял, что истинное призвание Дирия — общая философия, Ришар с какой-то грустью сказал Лорке: «Ну как можно не понимать таких простых вещей? — И пояснил: — Одарённые люди бывают разными. Такими, как Ньютон, Микеланджело, Эйнштейн, всю свою жизнь отдающими одному-единственному делу. И такими, как Леонардо да Винчи, Ломоносов, Гумбольдт, которых лишь одно-единственное дело способно было засушить и загубить на корню. И знаешь что, Федор? По-моему, время Эйнштейна проходит — вернее, оно уже прошло, только мы еще не отдали в этом себе отчета. Грядет время Ломоносовых и Леонардо».

— Как твои дела? — поинтересовался Ришар, отстраняясь от Лорки.

Федор смотрел на него с откровенным удивлением. Такая банальная фраза в устах неповторимого Риша!

Тут была какая-то загадка. Дирий заметил удивление Лорки и с улыбкой пояснил:

— Я имею в виду экспедицию на Кику.

— По-моему, все идет по плану. Я ведь брал двухнедельный отпуск. Отдыхали вместе с Тимом и женами.

Ришар вздохнул.

— Завидую. Вместе с женами! Как здоровье Тима?

— Отлично! Уже приступил к тренировкам. — Лорка лукаво улыбнулся. — Как видишь, любовь делает чудеса.

— Н-да, — неопределенно заметил Ришар, — с этим, пожалуй, можно согласиться. Надо только учесть, что чудеса бывают разными. То, что Тим полез в штормящее море, тоже чудо, и скорее всего оно не обошлось без этой самой любви.

Большие глаза Дирия смотрели на Лорку сочувственно и немного насмешливо. И это было очень понятно: по отношению к любви они занимали весьма различные позиции. Что касается Лорки, то его позиция была традиционна как мир. Подростком, укоряя себя за глупую чувствительность, он едва сдерживал слезы, читая старинные и вечно юные строки «Ромео и Джульетты». А вот Ришар утверждал, что любовь — это тяжкое наследие животного прошлого человечества.

Все это не помешало ему пережить несколько любовных историй. Справедливости ради стоит сказать, что всякий раз активную роль в этих историях играли женщины, причем женщины волевые, умные и самолюбивые. Тем не менее Ришар оставался убежденным холостяком.

— Значит, ты отдыхал, — задумчиво проговорил Ришар и поднял на Федора серьезные глаза. — А до меня долетели слухи, что дело с экспедицией осложнилось.

Взгляд Лорки мгновенно обрел цепкость.

— Что-то случилось?

— Чего не знаю, того не знаю. — Ришар положил руку на плечо Лорки. — У меня есть к тебе разговор, но это потом. Я рад, что ты прилетел. Мне очень хотелось, чтобы ты посмотрел нашу работу.

— Желаю удачи, Риш.

Когда Федор вышел в вестибюль, приглашенные уже тянулись по ажурным, невесомым лестницам в зрительный зал. Поднимаясь вслед за другими, Лорка думал о Ришаре. Сборка высотных домов-городов и других крупных сооружений была, пожалуй, самым долгим и непроходящим увлечением Дирия.

Лорка думал о Ришаре и чуть заметно по-доброму улыбался. Он хорошо знал, почему Дирий так хочет, чтобы бывший командир увидел его в настоящем, почетном деле. Ришар трижды ходил с ним в дальний космос бортинженером, а перед четвертым рейсом, когда до вылета оставалась всего неделя, нанес Федору дружеский визит. Он собирался не то рассказать о чем-то, не то посоветоваться, это сразу было видно, да никак не решался. Лорка его не торопил.

— Ты любишь цирк, Федор? — вдруг спросил Ришар.

— Да ничего, вполне добротное искусство.

Дирий мечтательно вздохнул.

— А я обожаю цирк. По-моему, это искусство высокое, вечное. Мужество, бесстрашие и почти полная мобилизация возможностей человеческого тела. Эквилибристика, акробатика, престижиджитация всегда юны и прекрасны, как сам род человеческий.

Лорка сидел, наклонившись вперед, опираясь локтями на колени, и серьезно разглядывал бортинженера.

— Что-то ты издалека заходишь, Риш, из-за угла.

— Прямая-то — кратчайшее расстояние только на бумаге, Федор.

Было в лице Дирия что-то странное, а что — не понять.

— Я только недавно узнал, — продолжал Ришар после паузы, — именно в цирке родилось выражение «потерять кураж», которое в ходу у нас, космонавтов. В цирке, правда, чудно?

Да, это выражение было в ходу у космонавтов-гиперсветовиков. Кураж — «храбрость» в дословном переводе со старофранцузского языка. Но в двадцать третьем веке это понятие стало многограннее, шире.

— Что ты скажешь, если я откажусь идти в космос? — спросил Ришар.

Лорка секунду непонимающе смотрел на него.

— Ты?

— Я, Федор, я. Два последних рейда я мучился.

У космонавтов-гиперсветовиков потерять кураж не значило потерять храбрость, способность на смелые, рискованные поступки. Это значило потерять внутреннюю уверенность в делах, лежащих у границ человеческих возможностей. Тренированный человек, даже потеряв кураж, может преодолеть себя и волевым усилием заставить четко работать в самых экстремальных условиях. Но тогда работа, прежде доставлявшая ему радость и удовлетворение, превращается в каторгу. Она изматывает силы, истощает нервы, притупляет интерес ко всему на свете.

Два рейда, целых два рейда Ришар мучил себя и, хотел он этого или не хотел, ставил под удар других!

— Что же ты молчал? — с досадой и сочувствием сказал Лорка.

Дирий вздохнул.

— Стыдно. Другие же летают, почему я не могу?

Да, Ришар Дирий принадлежал к славной категории людей долга! Но ведь и долг имеет свои границы, переходить которые преступно. Не каждому дано все.

— Разве можно так ломать себя? — тихо сказал Лорка. — Уходи с легким сердцем. Найди себе другое дело и будь там молодцом. Вот где истина.

С тех пор прошло пять лет, и Ришар, кажется, наконец нашел свое настоящее дело.

Зрительный зал операторской располагался под самой крышей купола. Здесь амфитеатром расположились удобные мягкие кресла — как в театре, а вернее, как в цирке. Зал был до отказа заполнен зрителями: представителями Всемирного и специального советов, делегатами от научных, производственных и культурных организаций, а главным образом монтажниками, для которых предстоящая сборка представляла еще и профессиональный интерес.

Едва Лорка вошел в зал, как раздался негромкий, но звучный трехтоновый сигнал, возвещавший о на-

чале сборки, и зрители начали рассаживаться по креслам. Сквозь прозрачную переднюю стену зрительного зала была хорошо видна стройплощадка дома-города. Центральное место занимал мощный фундамент почти квадратной формы, уходивший под землю на несколько десятков метров. Справа и слева от фундамента тянулись две ленты конвейера-гиганта, похожие на широкие дороги. Сходство с дорогами усугублялось тем, что на лентах один за другим были установлены исполинские монтажные блоки — целые здания в обычном понимании этого слова. Некоторые блоки достигали десяти этажей в высоту, но были сравнительно узки в основании — это были комплексы жилых квартир. Другие блоки были много шире, а по высоте не превышали двух-трех, редко пяти этажей. В таких блоках располагались общественные комплексы: столовые, павильоны, внутренние парки, театры и спортивные сооружения. За фундаментом между конвейерами прямо напротив операторской высился постамент, площадка для размещения робота-сборщика.

А внутри операторской, прямо перед Лоркой, внизу располагался макет строительной площадки, выполненный в строжайшем масштабе. Были тут и миниатюрные конвейеры, на которых стояли макеты монтажных блоков, похожие на детские кубики, а вернее — на детали набора детского конструктора-строителя. Между конвейерами в операторском кресле со шлемофоном на голове, положив руки на колени, восседал Ришар Дирий — мастер-сборщик. Лорка достал из кармашка костюма универсальный пикофон и вставил в ухо. И вовремя: как раз проходили доклады ассистентов-монтажников:

- Силовая готова.
- Киберкомплекс готов.
- Пост безопасности готов.
- Есть общая готовность!

После легкой паузы эхом откликнулся подчеркнуто спокойно, со стертými эмоциями голос Ришара:

- Подъем роботу.

По тому, как с деревьев, стоявших неподалеку от стройплощадки, плеснулись в небо птицы, Лорка по-

нял, что робот пробуждается не беззвучно. Ради любопытства Федор на секунду вышел на внешнюю связь и был разочарован, если только это слово можно применить к данной ситуации. Ни рева, ни воя; над стройплощадкой стоял глухой гул пробудившихся механизмов, похожий на отдаленный рокот моря или на шум леса, волнующегося под сильным ветром; птицы просто реагировали на изменение обстановки. Под аккомпанемент этого могучего глухого гула над пьедесталом по ту сторону фундамента медленно воздвигалась мощная колонна диаметром в несколько метров. По мере подъема становилось все заметнее, что колонна состоит из плотно уложенных ферм и что колонна, собственно, не воздвигается, а раскладывается, растягивается вверх, как гармошка. Достигнув высоты двадцатипятиэтажного дома, колонна замерла, начала разворачиваться и за считанные секунды превратилась в стандартного робота-строителя. Казалось, он сидел, сложив на коленях суставчатые руки-рычаги, но на самом деле никаких колен не было, и робот не сидел, а стоял, опираясь на телескопические ноги, несравненно более мощные, чем опоры операторской. У робота была изящная треугольная голова с большими телескопическими глазами и узкое тело-скелет, собранное из несокрушимого нейтрида и никак не отражавшее подлинной титанической силы этого исполина. Робот был сейчас похож на дремлющего чудовищного богомола, ханжески сложившего свои страшные передние лапы.

— Зеркальный режим, — слышалась команда Ришара.

— Есть зеркальный!

— Беру управление на себя.

Краем глаза Лорка видел, как Ришар нажал клавишу на своем боковом пульте. В тот же миг дремлющий исполин ожил: он сдвинулся чуть влево и вперед, шевельнул плечами-фермами, точно сбрасывая с них незримые цепи, и пошире развел руки: это работала система синхронизации, приводя корпус робота и тело мастера-сборщика в строгое пространственно-зеркальное соответствие. На мгновение ослепительно

вспыхнули и тут же погасли телескопические глаза. Пластично повторяя движения Ришара, робот поднял полусогнутые руки-рычаги над головой, развел их в стороны, потом, опустив локти так, что ладони оказались на уровне плеч, несколько раз сжал и разжал свои исполинские кулаки и легонько поиграл пальцами в воздухе, точно сбрасывая накопившееся во время дремы напряжение. Это была последняя, кинематическая проверка готовности робота к сборке. Все движения исполина, скрупулезно копировавшего движения мастера-сборщика, были замедлены, заглажены, словно производились они не в воздухе, а в воде. Резкие движения, в принципе доступные человеку, роботу были строжайше запрещены — инерционные силы его могучих рук, нагруженных тысячами тонн, разломали бы, разорвали суставы. В этой заглаженности, пластичности, но вовсе не замедленности движений и состояло сложное искусство мастера-сборщика.

Закончив своеобразную контрольную гимнастику, Ришар объявил:

— Всем службам и постам. Полная готовность к сборке.

Снова последовала серия докладов ассистентов-монтажников, завершавшаяся рапортом:

— Есть полная готовность!

На лбу робота-сборщика неярко засияла контрольная зеленая фара. Непринужденно копируя движения Ришара, робот повернулся к правому контейнеру, всеми десятью пальцами захватил за транспорт-арматуру громадный первый монтажный блок, поднял его и плавно понес по назначению. Даже сюда, в изолированное помещение операторской, донесся резкий, хотя и заглушенный посторонний звук — это взвыли ракетные двигатели, помогавшие переместить эту неимоверную тяжесть, — первый блок был самым грузным из всех. Мягко посадив блок на фундамент, робот отложил в утиль отделившуюся арматуру, а другой рукой легонько придавил блок сверху, на секунду придерживав ее. В эту короткую секунду между фундаментом и блоком прошли сотни процессов автоматической стыковки, сварки, склейки, спайки.

Дом-город рос прямо на глазах, буквально копируя игрушечный дом-город, который Ришар собирал в монтажном зале операторской. И, по мере того как все выше и выше вздымалось сооружение, телескопические подъемники поднимали вровень с его верхом очередные монтажные блоки, робота-сборщика и всю операторскую. Через сорок минут работы, когда дом-город поднялся почти на полукилометровую высоту, в работе был сделан стандартный двадцатиминутный перерыв. Монтажники отправились на отдых и разминку, а зрители, оживленно переговариваясь, потянулись в вестибюль, где тоже можно было отдохнуть и перекусить.

В вестибюле, лавируя между группами людей, к Лорке торопливо подошел дежурный.

— Вас вызывает на связь Дом Всемирного совета.

Вызывал Иван Ревский. Даже по экрану видеофона можно было понять, что Теодорыч озабочен и очень спешит.

— Срочно вылетай в столицу.

— Что-нибудь случилось? — осторожно спросил Федор.

— Да.

Ревский замолчал, поколебался — говорить или нет, но все-таки спросил:

— Если тебе предложат не один корабль, а эскадру, согласишься командовать?

— На Кику?

— Да.

— Неужели дело так серьезно?

— Серьезно. Но ты не ответил на мой вопрос. — В голосе Ревского послышалось раздражение.

— Согласен.

— Вылетай немедленно.

Несколько секунд Лорка сидел перед погасшим экраном видеофона, обдумывая разговор. Почувствовав руку на своем плече, он поднял голову. Рядом стоял Дирий.

— Ты спешишь, Федор, поэтому без всяких предисловий. — Ришар на секунду замолчал. — Я бы с удовольствием пошел с тобой на Кику.

— Ты? — не мог скрыть удивления Лорка.

— Я хочу снова вернуться в космос, к делам не только сложным, но и опасным. Я возмужал за эти пять лет, Федор. Не бойся, не подведу. — Он заглянул в самую глубину зеленых Лоркиных глаз и требовательно спросил: — Ты мне веришь?

— Как самому себе, — без всякой аффектации ответил Лорка.

Ришар улыбнулся.

— Тогда имей меня в виду. Пойду, надо продолжать сборку.

— Удачи тебе, Риш.

Лорка проводил Дирия взглядом и поднялся из кресла. Надо было лететь в столицу.

Глава 15

Администратором Дома Всемирного совета оказалась совсем еще зеленая девчушка, скорее всего студентка, проходившая здесь летнюю практику. Она сидела за дугообразным столом, похожим на пульт управления гиперсветового корабля, и старательно выражала на лице всю важность и ответственность порученного ей дела. Однако глазенки у нее были быстрые и очень любопытные.

— Товарищ Ревский, — пояснила она с некоторой важностью, четко и округло выговаривая слова, — делает доклад членам Всемирного совета и приглашенным лицам. Заочно по закрытому каналу стереовидения в заседании принимают участие отраслевые советы науки и инженерии.

Глядя мимо девушки, Лорка уважительно присвистнул — такого рода глобальные советы проводились лишь по самым важным и острым общечеловеческим проблемам. Мысленно повторяя слова девушки, Лорка с проснувшейся вдруг глубокой тревогой вспомнил о версии инопланетного кикианского вмешательства в земные дела.

Между тем девушка-администратор рассматривала Лорку с тем бесцеремонным любопытством, которое свойственно лишь юности да старости.

— Вы ведь Федор Лорка? — не столько спрашивая, сколько утверждая, проговорила она.

Лорка, отвлекаясь от своих мыслей, перевел на нее взгляд.

— Не буду отпираться, угадали.

Она расплылась в улыбке и не выдержала, похвасталась:

— Знаете, у меня отличная зрительная память, поэтому меня и стажируют на администратора, — и, снова надев маску официальности, девушка уведомила: — Товарищ Ревский просил, если вы опоздаете больше чем на пятнадцать минут, а вы опоздали почти на полчаса, пройти в сектор отдыха, найти там Соколова и получить у него консультацию.

— Соколова? — переспросил Федор с интересом.

— Соколова Александра Сергеевича, эксперта-социолога. Перед пленарным заседанием он сделал важное информационное сообщение на секции космонавтики. Соколов предупредил, что будет находиться на территории бассейна. Он невысокий, кругленький такой и очень веселый. — Девушка явно гордилась своей осведомленностью и четкостью работы.

— Спасибо за информацию, Соколова я знаю, — вежливо сказал Лорка.

— И еще, — заторопилась девушка, видя, что Федор собирается уходить, — Теодорыч, я имею в виду товарища Ревского, просил вас из сектора отдыха не уходить и обязательно его дожждаться. Он или найдет вас, или вызовет.

Девушка зарумянилась из-за того, что так запросто, по-домашнему назвала председателя Совета космонавтики; поэтому, выходя из холла, Лорка ободряюще улыбнулся ей и подмигнул.

Соколов сделал важное информационное сообщение, а теперь делает доклад Ревский — тут было о чем подумать! Лорка знал, что ждать Теодорыча придется недолго — полчаса, от силы час. Расширенные заседания Всемирного совета всегда были короткими, ведь для участия в них, чаще всего заочно, отвлекались от основной работы люди, руководившие

общественной жизнью, наукой, искусством и инженерией всего земного сообщества.

Сектор отдыха Дома Всемирного совета имел стандартный набор помещений: крытый сад, спортивный зал, бассейн, фильмотеку и комнаты отдыха. В этом секторе поселялись гости, прибывающие с других материков и из космических поселений, ждали приема, отдыхали после дел и даже решали немаловажные вопросы, если для этого не требовались специальные помещения.

Информация девушки-администратора была точной: Соколов сидел за одним из столиков, что рядом тянулись вдоль бассейна на почтительном от него расстоянии. В самом бассейне плескалось несколько человек, голубоватая вода колыбалась мелкими волнами и пахла морем. Соколов был в одних купальных трусах, на шее у него висело белоснежное полотенце. Поза его была расслаблена, на красном лице умиротворенное, благодушное выражение. Чувствовалось, что он вдосталь попарился в баньке, входившей в комплекс бассейна, и теперь отдыхал душой и телом. Перед Соколовым на столике пофыркивал паром золотистый самоварчик с пузатым фарфоровым чайником наверху. В руке эксперт держал стакан крепчайшего, дышащего паром, только что заваренного чая. Предварительно подув на чай сложенными трубочкой губами, он прихлебывал глоточек, отправлял в рот полную ложечку вишневого варенья, прихлебывал еще глоточек, удовлетворенно отдувался и вытирал лицо полотенцем. А немного передохнув, снова повторял это ритуальное действо. Несмотря на разнеженное состояние, Соколов издали заметил Лорку и приветственно помахал ему рукой.

— Долой труд и да здравствует отдых? — Лорка присел за столик напротив эксперта.

— Долой и да здравствует, — благодушно согласился тот, вытираясь полотенцем. — Что мне? Я свое дело сделал. Пусть теперь другие делают свое. Налить стаканчик? Сам кипятил, сам заваривал.

— Не откажусь. Это по вашей милости Всемирный совет собрался?

— По моей, — скромно признался Соколов, пододвигая Федору стакан парящего напитка темно-вишневого цвета. И пожаловался: — Устал как собака. Да я всегда так: закончу дело — сразу в парную баню, в бассейн — и за чай.

— И всегда в Доме Всемирного совета?

Соколов захохотал, неторопливо свершил очередной цикл своего чайно-ритуального действия и добродушно сказал:

— Если честно, то до Всемирного добрался первый раз. Эскадру вам хотят доверить, слышали?

— Краем уха.

— Не откажетесь?

— А почему я должен отказаться? — Лорка рассеянно помешивал чай ложечкой, он любил пить его не горячим, а тепловатым.

— Да чем-то недовольны, нервничаете, — голубые глаза Соколова смотрели хитро и весело. — Вы когда нервничаете, прихрамываете чуть заметнее обычного.

Лорка с интересом взглянул на эксперта.

— Надо же, углядели!

Соколов сокрушенно вздохнул.

— Профессия такая.

— Глазастая профессия. — Лорка попробовал чай, убедившись, что он приостыл, добавил в него несколько ложечек варенья, размешал и залпом выпил сразу полстакана. — Нет, от Кики я не откажусь, дело принципиальное.

— Варвар вы, Федор, — печально сказал Соколов, осуждающе глядя на Лорку. — Кто же так пьет этот волшебный напиток? Честное слово, и чая жалко, и своих трудов. А выдержка у вас железная, можно сказать — собачья выдержка.

Лорка вскинул на него зеленые глаза и засмеялся.

— Великий вы мастер говорить комплименты.

— По моим меркам, это комплимент самого высшего сорта. Две большие любви я пронес через всю свою жизнь — любовь к детям и любовь к собакам. Все остальное как-то и в какой-то степени связано с обязанностями.

— Даже чай? — не без коварства спросил Лорка, доливая свой стакан.

— После парной бани чай выходит за рамки обычных категорий. — Соколов помолчал. — Вы уже догадались, что я отыскал серьезные доказательства в пользу версии о вмешательстве инопланетян в наши дела?

— Догадался.

— И несмотря на то, что умираете от любопытства, не задаете вопросов. Нет, не зря я так горячо рекомендовал вас Ревскому на должность командира всей эскадры.

Лорка прямо взглянул на эксперта.

— А он спрашивал у вас рекомендацию?

Соколов хохотнул:

— Не посягайте на профессиональные тайны. Он спрашивал не о вас, а о качествах, которыми должен обладать командир. А я высказался не в обобщенных категориях, а персонифицированно.

— А теперь мучитесь сомнениями?

Соколов покачал головой.

— С вами невозможно разговаривать, Федор. Ну, немножко мучаюсь, вернее, мучился. Я ведь считаю: самое главное, что нужно, дабы ухватиться за этих инопланетян, — выдержка и терпение. И я еще раз убедился, что эти качества у вас имеются в избытке.

Лорка смотрел на Соколова с интересом, к которому примешивался легкий оттенок недоумения и досады. Профессиональный эксперт! Не по случайным обстоятельствам или необходимости, а по призванию и убеждению. Подвергать все и вся сомнению — его жизненное кредо и норма поведения. И тем самым он незаметно, но определенно выводил себя за рамки того мира доверия, в котором жил и о нуждах которого пекся.

Соколов между тем аккуратно вытер полотенцем лицо, шею, плечи и грудь.

— Как вы думаете, Федор, — спросил он вдруг очень серьезно, хмурия свои белесые брови, — сколько времени утонувший Тимур Корсаков пробыл в море, пока его подобрал батиход?

Внимательно присматриваясь к эксперту, Лорка медленно проговорил:

— Вероятно, минут десять, ну, может быть, двадцать. — Соколов с несколько таинственным видом отрицательно мотнул головой. — Больше? Тогда час, случались такие чудеса реанимации, когда вода оказывалась очень холодной.

Соколов выдержал эффектную паузу и торжественно сообщил:

— Больше полутора суток. А точнее — тридцать восемь часов с минутами.

Лорка надолго задумался, глядя на прозрачно-голубую, легонько колышущуюся воду бассейна.

— Если тут не кроется какая-то грубая ошибка, факт очень серьезный.

— Ошибки нет. Я человек дотошный, иначе бы никогда не докопался до этого чуда. А когда докопался, перепроверил по разным каналам десятков раз. После меня проверяли другие. Нет, — с флегматичной убежденностью заключил Соколов, — об ошибке не может быть и речи.

Лорка пожал плечами.

— Почему же на это сразу не обратили внимания?

— Слишком много людей и организаций занимались вашим другом. Поиск Тимура вели и отдыхающие, которые видели, как он нырнул в штормовые волны. А нашла его тело совершенно случайно научная экспедиция. Там же его реанимировали, взяли все анализы, но поскольку сознание пробудить не удалось, на эти анализы никто вначале не обратил внимания. Эвакуировали Тимура спешно, на случайном турболете, который вышел на батиход по сигналу бедствия, а анализы так и остались на батиходе. Сначала мозг Тимура пытались разбудить в гавайской реанимационной клиникс, а когда ничего не получилось, Корсакова, опять-таки спешно, направили в клинику Латышева. А старого профессора не интересовали ни предварительные анализы — в его распоряжении были куда более точные методы диагностики, — ни время гибели Тимура. Да и вообще пресловутые несколько минут клиничес-

кой смерти, о которых и вы говорили, были для всех аксиомой.

— Но не для вас.

— Не для меня, — не без самодовольства согласился Соколов и тут же оговорился: — Во всем виновата ваша инопланетная версия. Я сказал себе, что если в наши дела действительно вмешивается некто из космоса, то в гибели и последующем воскрешении вашего друга должно быть нечто необъяснимое с земной точки зрения, чудесное. Я пересмотрел документацию и, по правде говоря, довольно легко отыскал это чудо.

Лорка в раздумье поигрывал чайной ложечкой, отчего отраженные блики лампы-солнца скользнули по его лицу.

— Не верить вам нет оснований. Но и поверить трудно. В голове не укладывается.

— И мне было трудно, — живо подхватил Соколов. — И знаете, как я поступил? Промолчал. Подумал, что если уж я сам себе не верю, то и другие тем более не поверят. Промолчал и начал в поте лица собирать другие доказательства свершившегося чуда. В таких необыкновенных ситуациях факты, знаете ли, должны быть с подстраховкой.

Соколов сделал паузу, желая, вероятно, услышать об отношении Лорки к его поступку, но Федор промолчал. Соколов действовал в духе Соколова, по-своему очень логично и последовательно. Чем поразительней факт, чем больше он выпадает из обыденных норм, тем основательнее, дотошнее должна быть аргументация в его пользу. Преждевременное оглашение необыкновенных событий за редкими исключениями лишь способствует их компрометации; перестроить потом общественное мнение на серьезный лад бывает очень трудно. Пожалуй, и сам Лорка в подобной ситуации действовал бы аналогичным образом. За одним исключением: он непременно поделился бы своим открытием с близкими друзьями.

— После батихода и гавайской больницы, — продолжал свой рассказ Соколов, — я сделал, так сказать, набег на клинику Латышева и теперь уже сам перетряхнул все материалы о Тимуре до последней

цифры, точки и запятой. — На круглом расширенном лице Соколова сквозь благодушные победителя прорисовалось упрямое, даже злое выражение. — Врачи встретили меня не очень-то приветливо, — вздохнул эксперт. — Их можно понять — ведь они с головой погружены в очень важную и интересную работу. А тут является какой-то эксперт, совершенно некомпетентный в области геронтологии и юнизации, начинает копать в архиве и приставать с расспросами. И это по поводу человека, который уже выписался из клиники и благоденствует! Меня так и подмывало рассказать о своей тайне, но я стискивал зубы и сдерживался. В конце концов мне повезло. И, честно говоря, если бы не повезло, получилось бы ужасно несправедливо!

А обнаружил Соколов вот что.

Один из самых первых развернутых анализов крови Тимура Корсакова оказался не совсем обычным — нормально-нестандартным, по официальной классификации. Констатация означала, что у Тимура есть некоторые отклонения от стандартного состава крови, но отклонения укладываются в пределы допусков и не угрожают неприятностями. Соколов, разумеется, сразу же ухватился за это обстоятельство и принялся выяснять, в чем состояла нестандартность. Оказалось, что характеристики нестандартных факторов хранятся не в истории болезни, а в архиве, в специальной картотеке. Если бы такого рода характеристики оставались в истории болезни, то она разбухла бы до невероятных размеров, объяснили Соколову. Пока он добирался до архива, все должностные лица достаточно доброжелательно старались растолковать ему, что нормально-нестандартные факторы ничем не угрожают здоровью людей, к тому же состояние Тимура Корсакова теперь отменное. Соколов же с упрямством носорога пробивался к архиву, из-за чего приобрел репутацию формалиста и довольно нудного человека. Добравшись до картотеки, Соколов наконец-таки выяснил, что нестандартность состава крови состояла в ее несколько повышенной против нормы гамма-радиоактивности. С копией этой

драгоценной карточки Соколов проконсультировался у нескольких известных геронтологов. Они утверждали, что в повышенной гамма-радиоактивности крови нет ничего особенного. Причины этому могут быть самые разнообразные. Чтобы установить конкретную, нужен повторный анализ той же самой пробы крови, если она, разумеется, сохранилась.

Выяснив, что проба крови Корсакова законсервирована и пока сохраняется, Соколов потребовал повторить анализ с помощью самой совершенной контрольной аппаратуры. Со стоицизмом религиозного фанатика он выдержал довольно неприятный разговор с Отаром Неговским. Сначала довольно мягко, а потом уже сердито Отар пытался разъяснить Соколову, что аппаратура высокой точности перегружена и нерационально загружать ее экскурсами в историю болезни ныне здорового человека. Соколов упрямо стоял на своем, соглашаясь работать в любые часы, хоть ночью. А что касается лаборантов, то он уже договорился о создании нештатной инициативной группы из молодых врачей-стажеров. Неговский мысленно проклял упрямого Соколова, а вслух выдал свое согласие.

Сговорчивость стажеров, согласившихся работать ночью, когда добрые люди спят, объяснялась просто: Соколов туманно намекнул им на возможность некоего сенсационного открытия.

И сенсация состоялась. В плазме крови Тимура Корсакова удалось обнаружить точечный источник импульсной и очень слабой гамма-радиоактивности. Этот источник не удалось идентифицировать, хотя он перемещался в плазме крови так же, как и молекулы, — по законам броуновского движения. Источник излучал отдельные гамма-кванты постоянной энергии с высокой постоянной частотой повторений — один импульс в семнадцать секунд. Как будто бы работали незримые субъядерные часы. Конечно, при еще большем увеличении, естественно, удалось бы обнаружить материального носителя — излучатель этой энергии. Но лаборатория Латышева аппаратурой с таким увеличением не располагала —

для целей юнизации она попросту не нужна. А обследовать таинственный излучатель в каком-либо физическом институте не удалось — он исчез, и при довольно эффектных и загадочных обстоятельствах.

Когда недоверие, удивление и первые шумные восторги пошли на убыль, а сам факт существования незримого излучателя был запечатлен бесстрастным компьютером, стажеров, а вместе с ними и Соколова охватила исследовательская лихорадка. Используя микроэффектор и разные приставки к нему, они решили, как выразился руководитель инициативной группы, «пощекотать» загадочный источник гамма-излучения. Это «щекотание» должно было выливаться в воздействие на излучатель разными физическими и химическими агентами. Но долго экспериментировать не пришлось. Как только в точке гамма-излучения понизили температуру до двадцати градусов вместо нормы, соответствующей температуре человеческого тела, на экране наблюдения развернулось удивительнейшее зрелище, а приборы зафиксировали взрыв биологических процессов. Видеокартина напоминала замедленный взрыв или извержение некоего микровулкана, причем плазма крови активно участвовала в этом крошечном биокатаклизме. В результате на месте этого извержения образовалась самая заурядная клетка со всеми своими специфическими компонентами: плазматической мембраной, ядром и органеллами. Сразу же после формирования клетки начался бурный митоз, скорость которого на два-три порядка превышала скорость обычного клеточного деления. Если полный цикл естественного митоза занимает обычно не менее часа, то здесь деление клетки завершалось за десять — двадцать секунд! В результате начался лавинообразный рост клеточной материи, которая в ходе дальнейших опытов была идентифицирована с нервной тканью человека. Вдруг, словно по команде, этот немислимый процесс прекратился; одновременно было зафиксировано исчезновение точечного источника импульсной радиоактивности.

Самое ужасное, что эти уникальные данные о вторжении в земную биосферу чуждой жизни могли бес-

следно исчезнуть. Происходящее настолько потрясло молодых врачей, что они побросали свои рабочие места и столпились возле видеоэкрана, жадно следя за происходящим. Да и можно ли судить их за это, разве людям часто приходится видеть чудеса? Но когда процесс молниеносно-лавинообразного деления клеток вдруг прекратился, руководитель инициативной группы вскричал свирепо: «А запись?!» Его предчувствие оправдалось, о записи забыли. Ребята были готовы рвать на себе волосы от отчаяния и досады, когда Соколов, вытирая платком лицо, спокойно сказал: «Вообще-то я на всякий случай включил дублирующую аппаратуру стереосъемки». Через несколько секунд лихорадочной проверки выяснилось, что микрофильм контрольной съемки прекрасно удался, и Соколова принялись качать. А поскольку весил он много больше, чем это представлялось с первого взгляда, — уронили. Соколов расшиб локоть, который молодые врачи тут же в лаборатории со смехом и шутками привели в идеальное состояние.

Лорка слушал Соколова, переживая сложную противоречивую гамму чувств. Больше всего, конечно, его, космонавта-гиперсветовика, а стало быть ученого и инженера, поразил сам теперь уже твердо установленный факт вторжения чужой жизни и разума. Проблем тут возникала масса! И на самый главный вопрос — результат это злой или доброй воли — не было однозначного ответа. Воздействием рибонуклеида Тима бросили в штормящее море и утопили — это безусловно зло. Но с помощью непонятного и пока недоступного людям взрывного клеточного генезиса этому же Тиму обеспечили восстановление разрушающихся тканей и сохранили жизнь. Это уже добро! Тайнственный некто настойчиво, упрямо пытался сорвать экспедицию на Кику, но добивался он этого мягкими, можно сказать, гуманными средствами. И кто знает, может быть, это вершилось во имя блага людей?..

Лорка, привыкший за время космических странствий к наличию во Вселенной множества неразгаданных тайн, испытывал теперь непривычный трепет и

беспокойство. Нет, это не было страхом, это была тревога — ведь тайна чужого разума вдруг обрисовалась рядом, в родном земном доме. Скорее всего чужой разум древнее и мощнее человеческого — ему подвластны процессы, еще недоступные людям. И это непривычное осознание человеческой приниженности рождало не только боль, но и упрямство. И гордость! Лорка знал наверняка, что человечество не примирится с подчиненностью в какой бы то ни было форме, даже с подчиненностью доброй тайне. Все будет сделано для ее раскрытия! Поэтому Лорку теперь ничуть не удивляли слова Соколова об эскадре гиперсветовых кораблей, которая должна отправиться на Кикю. Только... Только поможет ли в такой ситуации эскадра?

И странно, Лорку восхищал и раздражал Соколов — человек, сделавший первый шаг к раскрытию космической тайны. Он восхищал его волей, настойчивостью и целеустремленностью. Через сколько порогов и рогаток пришлось ему перешагнуть! Пожалуй, именно этими качествами человек двадцать третьего века прежде всего отличается от своих близких и далеких предков. Набив себе после удачной охоты брюхо едой, палеоантроп спал и предавался удовольствиям, пока не кончались запасы мяса, только после этого он снова превращался в истинного предчеловека. По-своему мудрый грек испытывал странную безвольную покорность перед фатумом — предначертанной, как ему чудилось, свыше судьбой.

— Итак, — вслух сказал Лорка, — разгадку рибонуклеида, генетического взрыва и других тайн решили искать не на Земле, а на Кике?

— По крайней мере, таковы рекомендации Совета космонавтики, которые приняты после моего сообщения. — Соколов поудобнее вытянул ноги. — И это резонно, все логические нити замыкаются именно на Кике. Убежден, что Всемирный совет примет эти рекомендации. Разве можно допускать безнаказанное вмешательство в наши, земные, дела?

Лорка внимательно смотрел на Соколова.

— А ведь нелегко придется на Кике, как вы полагаете, Александр Сергеевич?

— Полагаю, что нелегко, — благодушно согласился эксперт и оживился. — Посмотрите, Федор! Двое на любительской высоте.

В дальнем конце бассейна стояла пятнадцатиметровая вышка. С верхней площадки прыгали только мастера высокой квалификации, здесь, в доме Всемирного совета, это случалось редко. Сейчас на площадке стояли молодые люди, это сразу было видно по их точеным фигурам, мужчина и женщина. Он, тронутый нежным золотистым загаром, и она, точно изваяние из эбенового дерева. Женщина подошла к краю площадки, на секунду замерла, вытянувшись струной, а потом резко прыгнула. Черное атласное тело выполнило головокружительную серию сальто, винтов и почти без брызг, с глухим шумом вонзилось в воду.

— Ах, какая прелесть, — вздохнул Соколов, перевел взгляд на вышку и с ноткой ехидства проговорил: — Интересно, что-то он теперь покажет?

Кажется, мужчина на верхней площадке думал о том же самом. Не в пример женщине, он долго стоял на краю, подняв вверх голову. А потом даже не прыгнул, нет, взлетел в воздух, на мгновение завис в верхней точке траектории, круто изогнув грудь и раскинув руки, и, набирая скорость, золотистой стрелой понесся к воде.

— Ласточка, — разочарованно пробормотал Соколов, — всего-то ласточка. А впрочем, тоже неплохо, а?

— А по-моему, трудно сказать, что лучше.

— Вы серьезно? — Соколов задержал взгляд на Федоре и неприметно поежился. — А почему вы так внимательно разглядываете мою скромную персону?

— Да вот все хочу сделать одно предложение и никак не решусь.

— Это на вас не похоже.

Лорка усмехнулся, насмешливо щуря свои зеленые глаза.

— Просто вы меня плохо знаете. Так вот, Александр Сергеевич, предлагаю вам принять участие в экспедиции на Кику.

Голубые глаза Соколова округлились.

— На Кику? Я?

— Вы.

— С какой же стати?

— С той же, что и все остальные. Подумайте.

Лорка отодвинул стул и поднялся: он заметил Ревского, вошедшего на территорию бассейна.

Глава 16

Лорка любил смотреть, как готовит Альта, а сегодня это было приятно ему вдвойне. Можно было подумать, что Альта готовит не пищу, единственным и вульгарным назначением которой являлось набить опустевший желудок, а некое чудодейственное лекарство, призванное спасти бедное человечество от ужасной болезни.

— А чем ты будешь меня угощать?

— Шашлыком по-карски, — с некоторой таинственностью сообщила Альта.

— Шашлыком? — оживился Лорка. — Значит, нужен настоящий огонь?

— Конечно. Ты помнишь, где уголь?

В глубине души Лорка скептически относился к убежденности Альты, будто настоящий огонь не в состоянии заменить никакие чудеса современной кухонной техники. Он подозревал — дело не в незамеченности примитивного жара углей, а в кулинарном консерватизме. Но Лорка помалкивал, он очень любил, когда в их доме горел настоящий огонь — величайшее открытие человека, неведомого бесстрашного мудреца древности.

— А как это «по-карски»? — полюбопытствовал Лорка, который по ассоциации вспомнил Карское море и Новую Землю. — С приправой из льда и снега?

— Увидишь.

За окном угасал день. Багровые блики от пылающих углей ложились на темную атласную кожу Альты, в ее светлых глазах мерцали пурпурные искры. Кухня была похожа на пещеру, а сама Альта — на

ведунью, которой доверили таинство приготовления еды, этого зримого божества древнего мира. Запах дыма, горящего жира, паленого мяса, тлеющего угля были не менее гибки и многоцветны, чем запах цветов и плодов, только гуще, тяжелее, таинственнее. Они рождали смутную тревогу и ликование, спрятанные в подсознании удачной охотой, ночным мраком и огнем костров далеких тысячелетий. Поразил Лорку и вид и вкус этого праздничного шашлыка, приготовленного Альтой. К обыкновенным шашлыкам Альта приучила его давно.

— Ну, тебе не нравится? — спросила она, точно мимоходом.

Лорка, рот которого был набит сочной мякотью, не совсем внятно ответил:

— Наоборот, мне слишком нравится. Так нравится, что даже жалко барашка, из которого сделан шашлык.

— Так не ешь, если жалко, — сердито сказала Альта.

— Как не есть, очень уж вкусно. — Лорка усмехнулся и философски добавил: — Разве нам, людям, так уж редко приходится душить в себе жалость? Во имя благих целей, разумеется.

— Но ведь делаем же мы тесто, кефир, квас — это тоже живые продукты! Прикажешь их жалеть?

— Ну, — простодушно сказал Лорка, — это слишком уж дальние родственники. Я смотрел на них в микроскоп — черт знает что!

Он помолчал и заговорил уже серьезно:

— Ты прости меня, но если мы хотим окончательно разделаться с наследием жестокости в наших душах, то с поеданием младших братьев по роду надо кончать. Может быть, не сразу, может быть, не нам, а нашим детям, но кончать нужно обязательно.

— Эх ты, Лорка! Кто бы подумал, что это говорит космонавт-гиперсветовик, обследовавший чуть не сотню других миров.

Лорка усмехнулся.

— В иных мирах бараны не водятся. Космонавты питаются не мясом, а синтетиками да композитами.

Охотничий шашлык на чужой планете — верное средство отравиться.

Альта вдруг погрузилась, внимательно взглянула на Федора и спросила:

— Ты мне так и не сказал, по какому поводу у нас сегодня праздник.

— Знаешь, не успел, заработался. Уж очень вкусно ты все приготовила, — пошутил Лорка.

— А я и без тебя знаю, — с некоторой обидой проговорила Альта, — слышала, как ты говорил с Теодорычем по видеофону. Он сказал, что совет принял твой вариант. И ты окончательно утвержден начальником экспедиции и командиром корабля.

— Разве хорошо подслушивать?

Альта не приняла шутки.

— Лорка, ты обещал взять меня на Кику. Ты не забыл?

Федор отвел взгляд и помрачнел.

— Обстоятельства изменились, Альта, — виновато сказал он. — Теперь это невозможно.

— Я догадывалась. Иначе бы ты не отмалчивался, — почти спокойно проговорила Альта и вдруг загорелась: — Возьми меня, Лорка! У меня все сердце изболится за тебя. Я с ума сойду!

— Это невозможно, — тихо, но твердо ответил Федор.

Альта угасла, она знала: когда Лорка говорит таким тоном, просить его или спорить с ним бесполезно. Но все-таки спросила:

— Невозможно — почему?

— Почему... — рассеянно повторил Лорка. Он перебирал в памяти свой последний разговор с Ревским.

Теодорыч, перекинувшись несколькими незначительными фразами с Соколовым, увлек Лорку за собой в крытый сад. Здесь было прохладнее, чем на территории бассейна, пахло влагой, зеленью и цветами. Шелестели брызгалки, орошая газоны и клумбы искристыми веерами мельчайших капель; шипел

и звенел, рассыпая хрустальную струю воды, небольшой фонтан. На диванах и в креслах, в одиночку и группами отдыхало десятка полтора человек. Из укромного уголка, скрытого цветущим жасмином, доносились отголоски приглушенного, но бурного спора. По дороге Ревский уточнил, о чем Соколов успел проинформировать Федора.

Выбрав свободный диван, Ревский предложил Лорке сесть, а сам занял место напротив. Юношески стройный и подтянутый, в мягком снежно-белом костюме, Теодорыч выглядел молодо, только загорелое, рубленое, в резких морщинах лицо выдавало истинный возраст. Ревский держался с почти неприметной торжественностью; сейчас напротив Лорки сидел не добродушный садовод и винодел-любитель, а представитель Всемирного совета и председатель Совета космонавтики. Он сообщил, что предложение о посылке на Кикку эскадры гиперсветовых кораблей утверждено. Количество кораблей и состав экспедиции определит Совет космонавтики после детальной проработки программы исследований Кики. Все работы по подготовке и снаряжению экспедиции будут выполнены в предельно сжатые сроки.

— Почему такая спешка? — в раздумье спросил Лорка. Он перехватил удивленный, сердитый взгляд старого космонавта и счел нужным пояснить: — Я понимаю, вторжение чужой жизни и чужого разума на Землю не может не тревожить. Но ведь все происходит в очень мягкой, деликатной форме. Никаких эксцессов и взрывов, ничего...

Ревский остановил его нетерпеливым движением руки.

— Ты не знаешь главного, Федор. Не знает об этом и Соколов. Да и никто пока не знает, кроме членов совета. — Ревский помолчал и жестко закончил: — Вчера с базы на Плутоне угнали патрульный гиперсветовой корабль.

— Как это — угнали? — не понял Лорка.

— А вот так, был корабль — и нет его. — Ревский видел, что Лорка так и не может осмыслить этот факт, и пояснил: — Угнали, украли. Так же, как в

прежнюю эпоху угоняли чужие автомобили или захватывали самолеты.

Лицо Федора отяжелело, разгладились мелкие морщины, четче прописались черты.

— Кто? — коротко спросил он, глядя прямо в лицо Ревского.

С трудом выдерживая этот холодный, «тигриный» взгляд, старый космонавт пожал плечами.

— Если бы знать! Во всяком случае, весь состав базы налицо. А поскольку на Плутоне каждый человек на строгом учете, значит, угнали корабль не люди.

Лорка невесело усмехнулся.

— Вернее — нелюди.

— Можно и так. — Ревский досадливо хмыкнул. — Черт знает что! Никто и никогда не охранял гиперсветовые корабли. Зачем? Когда хватились, гиперсвето-вик уже вышел на разгон, а на разгоне, сам знаешь, догнать его невозможно. На запросы не отвечает, идет курсом в сторону Кики.

Лорка молчал. Он сидел, закинув ногу на ногу и крепко сцепив на колене пальцы рук. Взгляд Ревского невольно задержался на этих длинных, ловких и сильных пальцах зрелого человека двадцать третьего века. Пальцах, которые могли невесомо скользить по клавишам пульта управления, безошибочно орудовать микроманипулятором, завязывать узлом толстый железный прут, а сжатые в кулак — нанести молниеносный смертельный удар.

— Федор, — негромко и веско проговорил Ревский, — по поручению Совета космонавтики я теперь уже официально предлагаю тебе принять командование эскадрой.

Лорка выслушал его и отвел взгляд на нежные зеленые травинки, трепетавшие под ударами капелек воды.

— Ну? — раздраженно поторопил его Ревский.

— Думаю, Теодорыч, — спокойно ответил Федор.

Ревский усмехнулся, дернул углом жесткого рубленого рта.

— Думаешь, не отказаться ли?

— Угадал.

Ревский медленно распрямился, откинувшись на спинку дивана. — Выдержав его острый, испытующий взгляд, Лорка сказал:

— Насколько я понял, на Кике предполагается провести разведку боем.

— Ну, боем — это слишком громко сказано.

— Скажем поосторожнее — разведку силой, с многократной подстраховкой.

— Это уже ближе к истине. Один корабль на подстраховке в дальнем космосе, один-два — в ближнем и два-три корабля непосредственно на Кике.

— Так вот, — Лорка говорил неторопливо, медленно, но очень уверенно, — я долго размышлял и пришел к выводу, что из разведки силой ничего не выйдет. Не тот у нас противник... Впрочем, почему противник?

— Другом его тоже не назовешь.

— Верно. Это просто сосед по космосу и собрат по разуму.

— Одного разума еще мало для братства. Истинное братство — это братство этики и морали. Не будь слепым пацифистом, — возразил Ревский.

— Не буду. Но обратите внимание, как тонко, я бы сказал, нежно действует наш космический друг-враг. Никаких глобальных катаклизмов! Направленное воздействие на психику отдельных лиц да еще с подстраховкой, которая гарантирует их от возможной гибели.

— А угон корабля?

— Они убедились, что экспедицию на Кикю не удержишь, поэтому пошли на отчаянный шаг, чтобы обеспечить нам достойную встречу в своей альма матер. А вот какую, добрую или враждебную, опять загадка.

— Если вспомнить серию смертей на Кике, вряд ли эта встреча будет доброй, — упрямо гнул свою линию Ревский.

— Когда погиб Лагута, кикиане нас еще плохо знали. К тому же Кика — это их, а не наша епархия, они вольны действовать там более свободно. И разве мож-

но быть уверенным, что на Кике мы, люди, не причинили им гораздо больше зла во время своих бесцеремонных изысканий?

Ревский вздохнул, с сожалением и некоторой иронией разглядывая Лорку.

— Неужели ты думаешь, Федор, что все эти тонкости взаимоотношений с Кикой не обсуждались на совете? Что они не найдут отражения в программе исследований? — Лицо Ревского приобрело жесткое упрямое выражение. — Но мы не имеем права держать Землю под дамокловым мечом возможных бедствий! А если так, разведка Кики становится необратимой необходимостью.

Лорка мягко улыбнулся старшему товарищу.

— Я не против экспедиции, Теодорыч. Я против эскадры.

Ревский приподнял бровь, отчего его высокий темный лоб собрался морщинками, холод непонимания в глазах сменился догадкой.

— Ты понимаешь, Теодорыч? Я против эскадры, против целой армии исследователей, вооруженных мощными средствами, которыми Кикку можно распороть и растерзать на составные части. Нужен обычный разведывательный корабль. И еще нужна бездна терпения, осторожности и дотошной наблюдательности. Во главе такой экспедиции я встану с легким сердцем. И что хорошо: действуя таким образом, мы не нарушим решения Всемирного совета — состав эскадры и экспедиции нам дано определить самим.

Ревский молча смотрел на Лорку, глаза его окончательно смягчились, потеплели, а потом стали грустными.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что приносишь себя в жертву? — спросил он наконец.

— Это слишком громко и слишком мрачно. — Зеленые глаза Лорки теперь лукаво щурились. — Ведь я могу вернуться с победой и на веки веков прославить свое скромное имя. Я иду на серьезный риск, это верно.

— Ты поведешь с собой других людей.

Лорка вздохнул.

— Верно. Но со мной пойдут добровольцы. Разве Земля оскудела героями?

Ревский опять надолго замолчал. Когда на совете решался вопрос об эскадре, ему самому пришла в голову эта шальная, как он тогда подумал, мысль: а что, если пойти на Кику рядовым патрульным экипажем? И еще он подумал о том, что, будь он сейчас молодым командиром корабля, то непременно выдвинул бы это предложение. Подумал, но вслух ничего не сказал, посчитал, что в устах председателя совета такое предложение будет слишком легковесным.

— Я поддерживаю твоё предложение, Федор, — сухо-вато сказал он. — Сегодня же вечером ты узнаешь окончательное решение совета.

Лорка провел рукой по лицу, прогоняя воспоминания. Разве мог он рассказать Альте обо всем этом? Ей ведь и так придется нелегко...

— Причин много, — виновато сказал он вслух. — Поверь мне, тебе нельзя на Кику.

Альта помолчала, потом встала и начала нервно убирать со стола остатки праздничного ужина. Лорка поспешно взялся помогать ей.

— Оставь, — с досадой сказала Альта.

Но Лорка так и не отстал.

Когда они молча закончили свою нехитрую работу, Лорка заглянул в глаза жены и старательно изобразил на лице улыбку, но она по-прежнему смотрела на него отчужденно. Тогда Лорка взял ее за руку, подвел к стене и засветил большое зеркало. Там, за стеклом, возникли и взглянули на них могучий светло-рыжий мужчина и тонкая темнокожая женщина с большими голубыми глазами.

— Видишь? — тихонько спросил Лорка.

Он приложил что-то голубое, сверкающее к волосам Альты и зажал в кулаке.

Альта мгновенно гибко обернулась и перехватила его руку.

— Покажи!

Она принялась нетерпеливо разжимать его кулак, их пальцы — светлые и темные — переплетались. Но с таким же успехом Альта могла пытаться разжать стальную клешню робота.

— Лорка!

Федор засмеялся и разжал кулак. На его ладони лежал прозрачный голубой камень с лесной орех величиной, в серебристой оправе и с такой же цепочкой. Камень искрился веселым холодным огнем, как сказочная капля росы.

— Какая прелесть! Это алмаз?

— Не знаю. Подобрал на Стиксе, сам гранил, сам сделал оправу и цепочку. И получил персональное разрешение на провоз контрабанды.

Альта нерешительно протянула руку и осторожно взяла украшение. Цепочка со звонким шепотом рассыпалась во всю длину тяжелой серебряной струей.

— Чудо!

Камень лежал на темной ладони Альты, играя тихими молниями внутреннего света. Альта снизу подобрала струю-цепочку в ладонь, приложила камень к плечу, к груди, а потом ко лбу. Теперь у нее было три глаза, три голубых огня на тонком темном лице.

— Красиво?

Лорка улыбнулся.

— Красиво, да страшновато.

— Правда?

Альта на секунду прильнула к нему, и он услышал торопливый стук ее сердца и ощутил тонкий запах волос; человеческое существо, наделенное страстями и желаниями, которые ему, Лорке, до конца понять не дано. Недавно он видел ее на совещании ученых, которые сыпали мудреными формулами пищевой химии. А сейчас она как ребенок радуется красивой игрушке, позабыв о своих тревогах и печалях.

Альта отстранилась, мельком оглядела себя, поцеловала Лорку в щеку и скользнула в свою комнату — ей хотелось примерить украшение наедине с собой. Но Лорке было видно ее отражение в зеркале. Со смешанным чувством иронии и умиления он наблюдал за древними, как сам род человеческий,

движениями Альты. За движениями прихорашивающей женщины, которая, может быть, и сама не догадываясь об этом, хочет сделаться красивой и желанней. Вдруг поймав себя на том, что подсматривает, как мальчишка, он отвернулся, увидел в окне полную луну, улыбнулся и выключил свет.

Вместе с темнотой через широкое окно в комнату хлынул водопад лунного света. Комната преобразилась, стала неузнаваемой и сказочной: ковер превратился в лужайку, поросшую травой, стол — в мрачного, длинноногого зверя, а зеркало — в ледяную стену.

Лорка подошел к окну. Да, погода переменялась. Облака рассеялись, луна висела над вершинами деревьев в окружении звезд.

— Нет, — услышал он голос Альты, в нем звучала досада, — носить этот камень невозможно.

— Почему?

— Такой камень! Неловко. Его место в музее, — Альта вздохнула, — может быть, на груди певицы или на лбу танцовщицы — их видят миллионы. А кто я?

По голосу Альты было слышно, что она все еще разглядывает себя в зеркале. Лорка улыбнулся.

— Ты моя жена.

— Ну и что? Лорка, я никак не расстегну цепочку, помоги!

Лорка прошел в комнату Альты, щурясь от яркого света, и сообщил:

— А на улице луна.

— Правда?

— И морозец. Может быть, погуляем?

— Нет, Лорка, я устала.

Расстегнув цепочку, он положил камень на столик и мимоходом спросил:

— Ты знакома с Виктором Хельгом?

Альта повернулась к нему лицом. Улыбнулась чуть-чуть, почти незаметно.

— Знакома. Он чем-то похож на тебя.

— Разве?

— Не внешне. И не характером. — Альта помолчала и призналась: — Я не знаю, как объяснить это.

— Он тебе нравится?

— Да, — без колебаний призналась Альта.

— И что?

— Лорка, глупый, — грустно сказала Альта. — Разве мало на свете мужчин и женщин, которые нам нравятся или не нравятся? Даже таких, которые нас восхищают? Но люблю я одного тебя. И никогда не позволю себе полюбить другого. Разве ты этого не знаешь?

На какое-то мгновение зеленый и голубой взгляды растаяли друг в друге. Альта красива особенной красотой, но были женщины и красивее ее. Альта умна, но Лорка знал и других, с которыми ей трудно было сравниться. Она хороший друг, но разве у него мало друзей? Лорка любил ее и не только за все это, а еще и за редкостный, бесценный душевный дар — за преданное сердце. Только ей да еще Тиму он верил безраздельно, может быть, больше, чем самому себе.

Лорка встал, наклонившись, поцеловал темную бархатную шею Альты.

— Знаю, — сказал он ей на ухо, — но разве знание гарантирует от сомнений?

Она поцеловала его в сухую крепкую щеку. Оттолкнула и уже совсем другим тоном сказала:

— Ну, иди, командир. Поскучай и посмотри на луну.

Он вышел, и за его спиной погас свет. Лорка стоял в темноте, улыбался и слушал легкое дыхание Альты. В зеркале, похожем на глыбу льда, другой Лорка тоже слушал дыхание и улыбался. Лорка рассердился на него и погасил зеркало. А в прорубь окна все лился, ложился на ковер неслышный лунный свет.

Часть вторая

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

Глава 1

Массивная дверь задвинулась медленно и бесшумно. Последний луч, и Ревский с Лоркой остались в полной темноте. Понадобилось время, чтобы глаза начали различать звезды над головой и ломаные силуэты сооружений. Земля ощутимо вибрировала под ногами, реагируя всей своей массой на работу механизмов большого телеинформара. Из-за этой вибрации казалось, что в воздухе стоит легкий гул, похожий на звук полета далекого шмеля.

Дорожка, едва видная при зыбком свете звезд, вывела их к ограде из кустарника, за которой началась нетронутая, чуть всхолмленная целинная степь. Ревский приостановился, оглядываясь вокруг, и спросил:

— Ведь лучше, чем в помещении. Чувствуешь?

— Чувствую, — без особого воодушевления согласился Лорка. — Зрю, внимаю, обоняю и осязаю. Ночь темна, пустыня внемлет Богу, и звезда с звездой говорит. Холодновато вот только.

— Холодновато? С твоей-то фигурой?

— Чем больше фигура, тем больше потери на излучение. — Лорка поежился и глубокомысленно заметил: — Нет, вовсе не случайно слоны и бегемоты живут в Африке.

Ревский засмеялся.

— Но вообще-то я не возражаю, — поспешил добавить Федор, — гулять так гулять, потерплю. Да здравствует первозданная природа!!

— Тогда пройдем подалее в степь, ждать придется не меньше часа.

Они ждали известий об угнанном «Вихре» и о Кике и прилетели на телеинформар, чтобы получить их из первых рук и тут же, на месте, принять решение о дальнейших действиях. Согласно данным слежения, «Вихрь» несколько часов тому назад должен был выйти на кикоцентрическую орбиту. Что следует за этим?

Слежение за «Вихрем» в сильной степени облегчало одно загадочное обстоятельство, послужившее причиной споров не только между Ревским и Лоркой, но и другими, кто был причастен к кикианской проблеме. На угнанном корабле на протяжении всего полета исправно работали ретрансляторы телеметрической системы. «Вихрь» словно намеренно оповещал землян о своем маршруте. А ведь стоило нажать кнопку и выключить ретрансляторы, как корабль стал бы невидим через несколько суток после старта с Плутона. Лорка считал, что, афишируя свой маршрут, кикиане как могли демонстрировали свое дружелюбие по отношению к людям и как бы предлагали последовать за собой. Ревский возражал: предыдущие действия кикиан, в частности угон корабля, уж никак не совместимы с дружелюбием. Он утверждал, что похитители корабля попросту не сумели детально разобраться в работе его систем и опасались, что выключение ретрансляции нарушит автоматику управления.

Миновав кустарник, Ревский и Лорка пошли напрямик, без дороги. Под ногами шуршали и похрустывали сухие осенние травы, пахло полынью и пылью. Закрывая звезды, угольными силуэтами тянулись к небу башни и мачты телеинформара. Плавновращающаяся гигантская чаша центрального приемника. Это тягуче-замедленное движение было похоже на сонный взмах крыла огромной птицы. Вдруг высоко над телеинформаром сверкнула ослепительная рубиновая молния, осветив пугающим мрачным светом здания, антенны и степь от края до края. И тут же бухнул тяжелый удар: у-ум-м! Над

степью поплыл густой, вязкий звук — сигнал начала связи телеинформара с космическими базами и станциями.

— И все-таки, — вдруг упрямо проговорил Ревский, видимо, в ответ на собственные мысли, — угон «Вихря» никак не совмещается с добрыми намерениями кикиан. Что бы там ни произошло при посадке!

— А если угон корабля для кикиан — жестокая необходимость, знать о которой нам пока не дано?

— А если у них появятся по отношению к нам еще более жестокие необходимости?

Лорка вздохнул.

— Кто знает? Собственно, чтобы это выяснить, мы и готовим полет на Кику.

Ревский остановился так резко, что Федор, шедший следом, чуть не наскочил на него.

— Поэтому-то я и утверждаю, что экспедиция на Кику должна быть рейдом в стан потенциального врага! А уж если посчастливится встретить друзей, перестроиться будет нетрудно.

Ревский подождал, что ему ответит Лорка, но Федор молчал. Темная земля полого шла вверх. По ней, вслед за космонавтами, плыли слабые, но хорошо различимые тени. Лорка поднял голову. Кика! Далекая Кика. Кто встретит там землян — друзья или враги? Для Лорки и Ревского это был отнюдь не абстрактный вопрос. От ответа на него зависел состав разведотряда и программа его действий. Но главное — состав! Ответа на этот вопрос не было, а стало быть, и разведотряда еще не было, хотя предварительные тренировки проходили больше сотни человек, в основном космонавты и ученые разных профессий. Из этой сотни предстояло отобрать пятерых.

Еще несколько шагов, и они оказались на вершине плоского, протяженного взгорка. Горизонт отпрыгнул вдаль, почувствовалось слабое дыхание ветра.

— Сядем, — предложил Ревский.

Когда Лорка опустился на землю, он добавил:

— Люблю степь.

— А почему живешь у моря?

Ревский ухмыльнулся.

— Любовь бывает разная. А вообще-то море и степь — близнецы. И тут и там простор и свобода. Мне кажется, что и пахнет-то степь свободой. И небом!

— По-моему, тут пахнет полынью и пылью.

— Не корчи из себя рационалиста.

— У неба совсем другой запах, — сказал Лорка с ноткой грусти и лукавства. — Оно пахнет работающим компьютером, кухней, очередными вахтами, внеочередными тревогами и тоской по родине.

Это было правдой, и Ревский невольно вздохнул, вспоминая бурные и счастливые дни работы в космосе. Впрочем, он тут же ругнул себя за сентиментальность. Мысли же его снова устремились по деловому руслу.

— Я еще понимаю тебя, Федор, когда ты возражаешь против участия крупных ученых, — миролюбиво сказал он. — В инопланетных условиях они всегда требуют сильного прикрытия и опеки. Проще говоря, возни с ними много. Но почему ты возражаешь против патрулей?

Лорка усмехнулся.

— Потому что они бойцы, воины.

— Что? — возмутился Ревский.

— Я хочу сказать, что они слишком уверены в себе и активны.

— Разве это плохо?

— Помнишь, я рассказывал тебе о Миклухо-Маклае? Он явился в чужой, таинственный мир папуасов, где было много жестокости, с открытым сердцем и без всякой подстраховки. Когда он первый раз без приглашения отправился в туземную деревню, то намеренно не захватил с собой оружия. Понимаешь? Намеренно! Он боялся сорваться, боялся, что в критической ситуации пустит в ход револьвер. Он считал: оружие и мирные намерения несовместимы.

Ревский долго молчал, прежде чем спросить:

— Ты считаешь патрулей оружием?

— А разве не с их помощью мы овладеваем чужими мирами?

— Мирами, где нет следов разума, — строго поправил Ревский.

— Верно, но от стереотипа действий не так легко избавиться. Патрули — солдаты космоса. Я боюсь, что в критический момент, когда нужно проявить терпение, даже смирение, они могут сорваться. И эту ошибку нам придется исправлять десятилетиями, принося такие жертвы, какие сейчас трудно себе представить.

— Почему ты раньше не говорил мне об этом?

— Я и сам не понимал ситуацию так ясно, как сейчас. Я возражал против патрулей чисто интуитивно. Кстати, и против ученых я возражал вовсе не потому, что с ними много приходится возиться. Ученые — ведь тоже своего рода солдаты космоса, воины.

Ревский захохотал.

— А это почему?

— Вспомни, как мы исследуем чужие планеты, в том числе и Кику. Просвечиваем атмосферу всеми видами излучений, производим для сейсмозондажа взрывы в толще планеты, выполняем глубинные бурения, делаем лазерные разрезы грунта, отлавливаем и отстреливаем животных для своих опытов и коллекций, без раздумий уничтожаем туземную растительность в районах своих поселений. Ну разве это не варварство?

Ревский не мог не отдать должное логике Лорки. Умница этот рыжий черт! Незаметность, незримость присутствия кикиан на родной планете — веское свидетельство в пользу того, что они живут там в тесном и гармоничном единстве с природой. Тогда поведение земных исследователей действительно должно казаться им грубым, примитивным и варварским. Может быть, они и на Землю явились для того, чтобы выяснить, что собою представляют люди в родных пенатах, кто они такие на самом деле. И когда убедились, что по их меркам земляне ни к черту не годятся, отбросили всякую щепетильность, зацапали корабль и дали тягу. Теперь ему стала ясной идея мирного визита на Кику. Лорка не собирался вести активного поиска, исследований и экспериментов. Со своим

разведотрядом он собирался просто пожить на Кике, деликатно обследовать планету и подождать. Если кикиане сочтут нужным, они сами подадут о себе весть. И это разумно! Предшествующие активные поиски на этой странной планете ничего не дали. А в такой ситуации действительно зачем нужны в составе отряда патрули и крупные ученые, которые видят свое предназначение именно в активной деятельности? И все-таки логика логикой, но все существо Ревского протестовало против плана Лорки. Ему претила пассивность этого плана и преднамеренная беззащитность!

— Ну а если кикиане — наши враги? — уже вслух продолжал свои размышления Ревский. — Враги безжалостные и беспощадные, своего рода космические фашисты? Возьмут они тебя вместе с мирным отрядом тепленьким, выпотрошат психологически и интеллектуально, а потом используют эти данные в борьбе против нас. За такой промах, как и за бездушную агрессию, тоже можно дорого платить десятилетиями.

— Не преувеличивай беспомощность мирного отряда, доброта вовсе не синоним беззащитности, — возразил Федор.

Ревский примирительно сказал:

— Подождем гравитопосылки. Прояснится ситуация, тогда и примем решение.

Лорка не мог не улыбнуться. Да, оба они немного лукавили, декларируя свои крайние позиции. На самом же деле старались получить друг у друга авансы, были готовы на уступки и, самое главное, выжидали. Многое должна была прояснить посадка угнанного «Вихря» на Кику. Если кикиане знают об истинном назначении ретрансляторов и, так сказать, сознательно информируют землян о маршруте своего полета, то перед посадкой они все-таки выключат их, иначе антенны сгорят в плотных слоях атмосферы, нарушая, кстати, тем самым балансировку корабля. При преднамеренном выключении ретрансляторов будет выдана специальная команда конца телеметрии. И если станции слежения эту команду зафиксируют, можно будет гораздо увереннее говорить о

мирных намерениях кикиан. Если же такой команды не будет, если «Вихрь» войдет в плотные слои атмосферы с работающими ретрансляторами, значит, кикиане просто не разобрались в устройстве корабля, значит, информация о маршруте полета — результат недосмотра, ошибки, значит, об их позиции нельзя сказать ничего хорошего.

— Подождем гравитопосылки, — согласился Лорка.

Темная степь, звезды, легкие, но ощутимые вздохи холодного ветра, сухой шорох трав. «Полночь. Звезды. Мрак. Луна. Неподвижность. Тишина», — почему-то вспомнилось древнее китайское стихотворение. Знатоки говорили, что особенно впечатляюще оно выглядит в иероглифах. Полнозвучные капли-слова, так близкие к реальному миру и так далекие от него. Мысли Лорки снова вернулись к спору с Ревским. Друг, враг?..

Суть в том, что, за исключением тривиальных случаев, врагами не рождаются, а становятся. Становятся! Общение с кикианами начинается на голом месте, нет еще ни истории, ни традиций, ни сложившихся обстоятельств. Значит, пока роль случая, просчета, ошибки колоссальна! Один неверный шаг, а за ним годы и годы вражды, недоверия и взаимных подозрений. Нет, уж лучше десять раз рискнуть своей головой и, что гораздо труднее, головами своих товарищей по отряду, чем сделать такой шаг. Миссия мира — вот чем должна быть экспедиция на Кику.

Лорка не сразу отдал себе отчет в том, что мысли его постепенно становились все более вязкими и тягучими. А когда отдал, мгновенно насторожился. И почти сразу понял, что его уводило от спокойного философского размышления. Старые космические волки, побывавшие на многих чужих планетах, называли это явление «взгляд на затылке». Бесшумно выпрямившись, Лорка быстро оглянулся вокруг.

— Ты чего? — удивился Ревский.

— Рядом кто-то есть, — вполголоса ответил Лорка.

— Кто?

— Не знаю.

— Суслик, может быть, шакал?..

— Их бы я не почувствовал.

— Нервничаешь?

Лорка не успел ответить. Беззвучно всколыхнулась степь, вздрогнул темный прохладный воздух.

— Гравитопосылка, — оживился Ревский.

Да, это была гравитопосылка, финальная часть сеанса связи для обмена информацией с дальними космическими базами и станциями слежения. На гравитомачты телеинформара с чудовищной скоростью обрушился плотно сбитый пакет информации, своего рода ударная гравитационная волна. Расшифровывая посылку, компьютер растянет ее во времени, и беззвучный гром, заставивший трепетать землю, превратится в тысячи разных сообщений, среди которых должно быть и сообщение о посадке «Вихря». Ждать оставалось не долго.

Вкрадчиво и мягко загудел зуммер. Ревский, оторвавшись от размышлений, поспешно нажал на наручных универсальных часах кнопку включения связной микростанции. Тотчас машинный голос информатора негромко и внятно проговорил:

— Извлечение из гравитопосылки. Сообщение три ноля пятнадцать. Перед посадкой «Вихря» ретрансляторы были выключены, спецкоманда зафиксирована. При входе в плотные слои атмосферы корабль полностью разрушился и сгорел.

Федор осторожно прикоснулся к руке Ревского.

— Ты понимаешь что-нибудь, Теодорович?

Сам он не только не понимал случившегося, но и внутренне протестовал, отвергал его. Дважды проделать страшно далекий путь среди звезд, ловко проникнуть в тайны чужой цивилизации, научиться управлять незнакомым, загадочным кораблем — и заживо сгореть у себя дома, в атмосфере родной планеты! Что может быть трагичнее и нелепее?

А Ревский с некоторой досадой, но с несравненно большей радостью думал о том, что этот рыжий черт, этот лукавый бес оказался все-таки прав. Ретрансляторы выключены, спецкоманда подана, значит, кикиане намеренно афишировали свой маршрут, и можно куда увереннее надеяться на сотрудничество с ними. Сгорел корабль. Ну черт с ним, мало ли по каким причинам это могло произойти? Это даже хорошо, случай с «Вихрем» послужил кикианам хорошим уроком и, уж наверное, лучше всяких охранных мер предохранит от угона другие корабли.

— Ты хоть что-нибудь понимаешь? — наконец-то услышал он повторный вопрос Лорки. И спокойно ответил:

— Кое-что понимаю.

— Что?

— Прежде всего то, что действия кикиан лежат за пределами нашей науки и нашей логики. Мы не можем понять ни замысла, ни способа их действий, начиная от таинственных смертей на самой Кике и кончая воскрешением Тимура, угоном и гибелью корабля.

— Это констатация фактов, а не понимание.

Ревский усмехнулся.

— Почему же? Я понял, что ты прав. Комплектуй разведотряд по своему плану, Федор. — Ревский по-

ложил свою сухую легкую руку на плечо Лорки. — Но ты уж извини меня, старика. Я загодя готовился к такому решению и обсудил его со старейшинами.

— Ну?

— Видишь ли, о проекте мирного разведотряда мы доложили генеральному. Он подумал и сказал, что если такое решение будет принято, то он хотел бы встретиться с тобой и обсудить кое-какие детали.

Лорка покачал головой.

— Хитрый ты все-таки человек, Теодорыч.

Ревский засмеялся.

— Не одному же тебе хитрить да лукавить.

Когда над телеинформаром вспыхнула беззвучная зеленая молния и был дан отбой сеансу связи, Лорка, попросив скептически настроенного Теодорыча подождать, включил карманный фонарик и тщательно обшарил вершину взгорка, на котором они сидели. И ничего не нашел. Вернее, не нашел ничего достойного внимания, а лишь обрывок бумаги, которая обычно используется для упаковки некоторых продуктов.

Глава 2

Лорка вошел в гостиничный номер так тихо, что Ришар не заметил его появления. Дирий сидел возле раздвинутой двери, ведущей на крошечный балкончик. За окном густыми хлопьями валил пушистый снег, дремали ели, прикрывшись снежными шапками, а в комнате было тепло: поток теплого воздуха отделял ее от наружного морозца. Здесь, в лесотундре, зима уже давно вступила в свои права, проскочили трескучие морозы, и лишь днем вместе со снегопадом пришла оттепель. Впрочем, днем — это только так говорится, не было тут уже настоящего дня, а лишь долгая ночь да длинные сумерки.

Ришар сидел за столиком и разбирал шахматную партию. Положение было высвечено на серо-белой крышке столика желтыми и синими фигурками и менялось, как прикинул Лорка, с интервалом около

пяти секунд. Для такого мастера, как Дирий, темп был довольно медленный. К тому же нажатием на кнопку Ришар вдруг приостановил автоматическое проигрывание и, причмокнув от восхищения, принялся любоваться сложившейся позицией.

Случайно бросив взгляд на дверь, Дирий заметил наконец Лорку и застыл с приподнятой рукой и тем сосредоточенно властным выражением на лице, которое характерно для дирижеров, режиссеров и шахматистов. И только после ощутимой паузы вдруг улыбнулся и укоризненно покачал головой.

— Я его жду, а он? Стоит в дверях недвижимый, как статуя командора! — И сменил тон: — Что так долго?

— Шел пешком. Уж очень погода хороша.

— Садись, — сказал ему Ришар. — Чая, кофе, молока? Может быть, закусишь?

— Спасибо, ничего не нужно. — Лорка с удовольствием вытянулся в кресле и кивнул головой на окно. — Может, мы напрасно жмемся к субтропикам и теряем эти радости?

Выразительные глаза Ришара обрели насмешливое выражение.

— Эти радости бывают тут раз в месяц, и то по обещанию. А так ветер, вьюги, пурга или такой мороз, что и носа из шлема не высунешь. Ну а если очень захочется экзотики, то от субтропиков до лесотундры всего полчаса хода тоннель-магистралью.

Дирий говорил легко, с ироничной улыбкой, но Лорка уже заметил, что он нервничает. Собственно, об этом говорили и шахматы, которые поспешно убрал Ришар: в минуты тревожного ожидания и нервозности бортинженер Дирий часто отвлекался игрой. Вряд ли стоило мучить беспредметным разговором и себя и Ришара, поэтому Лорка прямо спросил:

— Итак, что же ты решил в отношении Кики?

Прежде чем нанести визит товарищу, Лорка еще по видеофону предложил ему принять участие в экспедиции на Кикку. Дирий помолчал, а потом с легкой улыбкой, в которой почудилось нечто виноватое, по-

просил разрешения подумать. Лорку это насторожило, и он почел за лучшее встретиться с ним лично.

— Я все взвесил, — медленно проговорил Дирий и поднял на Федора глаза. — Я все тщательно взвесил и решил от твоего предложения отказаться.

Глаза Ришара были спокойны, но где-то в самой глубине пряталась не то виновность, не то сожаление — понять было трудно, невеселые это были глаза.

— Жаль, — искренне сказал Лорка. — Я рассчитывал на тебя, Риш.

— И мне жаль. — Дирий отвел взгляд. — Но разглядеть правду, пусть даже горькую, лучше, чем строить иллюзии.

— Жаль, — повторил Лорка. — Я здорово рассчитывал на тебя, Риш.

Дирий мельком взглянул на него.

— Тем более что я сам напросился. Ты это хочешь сказать?

Лорка покачал головой.

— Это мелочи, я не о том. В отряде, который я уже скомпоновал в своей голове, тебе трудно будет найти замену.

— Возможно. — Дирий мельком взглянул на Федора. — А Игорь Дюк?

— Игорь само собой.

Ришар кивнул в знак согласия и вдруг с пробудившимся любопытством спросил:

— Собираешь команду звезд?

— Да, что-то в этом роде.

— Разумно.

Ришар прекрасно владел собой. Спокойное лицо, сдержанный тон, изящная поза, непринужденные жесты, которыми он иногда подчеркивал свои слова. Железная воля незаурядной личности делала свое дело: умение расслабиться в минуты нервного или физического напряжения — великое умение! Но по ряду неуловимых признаков, жесткой складке губ, сосредоточенному взгляду и Бог знает еще почему Лорка замечал душевное смятение товарища, хотя он и не знал, что с ним такое стряслось со времени последней встречи. Надо было как-то от-

влекь его от неприятных мыслей и переживаний. Взгляд Федора остановился на шахматном столике, и он предложил:

— Не сыграть ли нам партию в шахматы?

— Ты серьезно?

— Конечно! — Зеленые глаза Лорки шурились в плутоватой улыбке. — Разве ты не знаешь, что после шпаги и самбо я больше всего люблю шахматы?

Ришар вдруг поднял голову, проницательно взглянул на Федора и очень спокойно сказал:

— Именно шахматы окончательно убедили меня в том, что путь на Кику для меня заказан. — Заметив удивление Лорки, пояснил: — Раздумывая над твоим предложением, я сел за шахматный столик. И мне вдруг подумалось: а много ли великих шахматистов, скажем, чемпионов мира, сумели заиграть в прежнюю силу после того, как соперник ухитрился учинить им настоящий разгром? Не случайное поражение, а подлинный принципиальный разгром. Не доверяя памяти, я обратился к компьютеру и принялся просматривать историю шахматных чемпионатов, начиная с самых истоков, от Стейница и Ласкера. И поразился, даже испугался! Ни один шахматный титан после краха никогда не поднимался на прежнюю высоту. Они продолжали играть, играть хорошо, иногда прекрасно. Но никогда не возвращали свое бывшее величие и несокрушимость. Понимаешь? Никогда!

Лорка понимал. Психологический надлом лечить куда труднее телесных ушибов и переломов. Память о срыве, память о поражении сидит в подсознании, как клещ. В ординарной обстановке человек не подозревает о его существовании, но стоит ситуации накалиться и выйти на самую грань допустимого, как этот клещ пробуждается, больно впивается в мозг и на место былой решительности приходит неуверенность. Гнет бывших поражений — тяжелый гнет. Сорвавшись психологически один раз в космосе, Ришар Дирий боялся, что такое может повториться еще раз на Кике.

По глазам Лорки Ришар понял, что тот обо всем догадался и разжевывать ему ничего не надо. Но, поколебавшись, все-таки пояснил:

— Я испугался, Федор. Не за себя, поверь. За тебя, за Тимура, за всех других, кто будет бок о бок работать на Кике. А работать там придется на пределе, я в этом убежден. — Он помолчал и добавил: — И потом, я вдруг отдал себе отчет в том, что по-настоящему полюбил свою монтажную, строительную работу. Мне, может быть, впервые в жизни жаль с ней расставаться. И вот, тщательно взвесив все это, я решил отклонить твое предложение.

— Каждому свое, — импульсивно сказал Лорка и пожалел об этом.

— Каждому свое, — согласился Ришар грустно.

Лорка бережно положил на тонкую сильную руку Дирия свою тяжелую ладонь.

— Всякий путь заслуживает уважения, был бы он честным. Я не в обиде на тебя, Риш.

Дирий лукаво улыбнулся.

— Ну вот, после исповеди мне как-то легче дышится.

Лорка засмеялся, как бы давая понять, что тот нелегкий разговор кончился и теперь начинается другой.

— Ты сказал, что на Кике придется работать на пределе. Почему ты так думаешь?

Ришар внимательно посмотрел на Лорку, как бы раздумывая, стоит ли откровенничать.

— Я ведь могу высказать только сугубо личное мнение, Федор.

— Именно оно меня и интересует.

Дирий пожал плечами.

— Пожалуйста. Судя по всему, на Кике мы встретились с представителями разума, которые в этико-эстетическом плане сильно отличаются от людей.

— Скорее всего так.

Ришар усмехнулся.

— Вот и представь себе встречу с разумным пауком или каракатицей. Или вообще с неведомым монстром, покрытым зловонной, по земным критериям, слизью. Сколько тут будет барьеров и преград при общении! И полно, можешь ли ты быть уверен, что они преодолимы? Вспомни, с каким трудом, це-

ною каких жертв мы преодолели внутри самих людей такое пустяковое отличие, как цвет кожи.

— И все-таки преодолели. И сильно поумнели с той поры, Риш.

— Да, — как-то неопределенно протянул Дирий, — мы сильно поумнели. И ты хочешь сказать, что разум сам по себе может стать основой для контактов?

— Я очень надеюсь на это.

Ришар вздохнул.

— Понятно. Ты добр по натуре. И ты оптимист. А я скептик. — Он усмехнулся. — Извини, буду откровенен. Разум изначально добр! Желанные и милосердные братья по разуму! Когда я слышу эти благоглупости, у меня возникает атавистическое желание хорошенько выпороть такого легкомысленного. Казалось бы, человеческая история, фашистские фабрики смерти чему-то должны научить нас.

— Мы сильно поумнели с той поры, Риш, — упрямо возразил Лорка.

— Опять ты про ум! Разум не добр и не зол сам по себе, Федор. Он бесстрастен и холоден, как топор. С его помощью с равным успехом можно строить дворцы и рубить головы. Братство по разуму — фикция, в лучшем случае компромисс. Есть одно истинное братство в мире — братство по морали и этике. А что морально общего может быть у человека с разумной медузой или интеллектуальным муравейником?

— Ты гипертрофируешь безликость разума.

Дирий ухмыльнулся.

— Может быть. Я просто хочу, чтобы у тебя не возникло насчет Кики розовых иллюзий. Ну а если серьезно, — глаза Ришара похолодели, — я молю всемогущий случай о том, чтобы кикиане не оказались много выше нас на лестнице разума. Нет, я не думаю, что в этом случае они нас уничтожат. Зачем им это? Возможно, они искренне полюбят нас. Разве мы не любим животных? Но я не могу и не хочу забыть о жалкой судьбе всех этих собак, лошадей и верблюдов, которых человек искренне любит много тысячелетий.

Глава 3

До лесной поляны авиетку довел автопилот по тем координатам, которые Тимур Корсаков сообщил Лорке по видеофону. Довел и зажег красное табло «Конец программы» — сигнализация о том, что свою задачу он выполнил и что все остальное люди должны доделывать самостоятельно. Почти не раздумывая, только мельком оглядевшись, Лорка положил верткую машину на спину и произвел посадку «оверхедом», с переворота через крыло. Лорка любил этот маневр, всегда вызывавший восторг пилотов-дилетантов; требовал он, однако, не столько истинного пилотажного искусства, сколько элементарной точности и железного самообладания.

Выйдя из авиетки и задвинув за собой дверцу, Лорка огляделся. Здесь, на отрогах южных гор, осень еще только начиналась. Трава поблекла, слегка прихваченная ночными заморозками, но еще не успела пожелтеть. А вот лес уже наряжался в праздничные багряные и золотые одежды. По сравнению с пронзительной синью прохладного неба и темной зеленью хмурых елей осенний лиственный наряд казался даже слишком ярким, театральным. Было тепло, но только потому, что пекло солнце. Сам же воздух был студен и чист, как родниковая вода.

Услышав окрик, Лорка обернулся и в сотне шагов позади себя увидел Тимура. Тим стоял на опушке леса, приветственно подняв над головой руку. Федор помахал ему в ответ и пошел навстречу по высокой, вязкой, путающейся в ногах траве.

Подойдя ближе, Лорка разглядел за спиной Тима складной синтетический домик, стоявший под раскидистой липой. Перед домиком горел костер, вокруг которого стояло несколько больших и малых чурбаков. Один высокий чурбак был прикрыт белоснежной салфеткой. Вкусно пахло грибами.

— Настоящий рай! — сказал Лорка, оглядываясь.

— Рай, — серьезно согласился Тим. — Но все хорошо в меру.

— Какая же у рая мера?

Они посмеялись, с интересом оглядывая друг друга. Тим, набравший за время лечения лишний вес, теперь похудел, что особенно подчеркивалось густым загаром. Русые волосы выгорели, некоторые пряди стали совсем белыми, другие пшеничными. И брови у Тима побелели, и даже ресницы, и глаза словно выцвели — по контрасту с бронзовым лицом они казались теперь не серыми, а голубыми, даже синими. Весь облик Тимура — свободная поза, спокойный, улыбчивый взгляд, развернутые плечи — говорил, что он в хорошей форме.

— Где же Валентина?

— Полетела с дочкой на консультацию. Ты садись, кресла к твоим услугам.

Наклонившись к костру, Федор приняхался, спросил, кивнув на котелок:

— Грибы?

— Разногрибье с картошкой в пропорции три к одному. Поднаторелые таежники называют это варено грибницей.

— Свежие грибочки — моя слабость. — Лорка плотоядно пошевелил пальцами.

— А шашлык? А уха? — засмеялся Тим. — Ты чревоугодник, Федор, а таким не место в раю. К тому же грибница еще не готова, я ждал тебя позднее.

— Я не чревоугодник, просто отношусь с должным уважением к своему желудку.

Лорка болтал, Тимур слушал, и оба они продолжали присматриваться друг к другу. Лорка хорошо видел, что Тим ждет новостей и предложений, но у него никак не поворачивался язык сказать своему другу что-нибудь определенное. Может быть, Тим должен отдохнуть, а Лорка потащит его за собой на Кику. Разве космос и Кика лучше этого осеннего леса?

Со странной болью подумав об этом, Лорка по-новому осознал свое нынешнее настроение: приступы веселья, озорства, даже ребячества, неожиданные приливы непонятной тоски или совсем уж не свойственной ему сентиментальности. Пожалуй, это ностальгия авансом, по-настоящему эта проклятая болезнь начнет мучить разведотряд уже в космосе.

Глядя на вдруг задумавшегося, отрешенного Федора, Тим было помрачнел, но всего лишь на секунду. Легкая улыбка тронула его губы, улыбка добрая и нежного хитроватая, словно Тимур знал некую хорошую тайну, пока еще неизвестную Лорке. Наклонившись, он поднял с земли поделку из дерева, достал из кармана нож. Это движение отвлекло Федора от меланхолического раздумья. Он усмехнулся, глядя, как Тим с сосредоточенным видом разглядывает большую деревянную ложку. Ложка была уже сделана и начерно отполирована.

— Мудрый человек придумал этот санаторий уединения, — философски проговорил Лорка, разглядывая синие искры неба, которые мерцали сквозь желто-зеленую крону липы.

Не отрываясь от резьбы, Тимур согласно кивнул.

Лорка невольно залюбовался отточенными, законченными движениями своего друга. У Тима вообще были великолепные сенсомоторные данные, от природы, от господ Бога, к тому же они были отшлифованы постоянным тренингом. В спорте эти данные Тимура как-то терялись — ему не хватало резкости, которая была у Ришара или Виктора, и мощи, как у Лорки. Зато там, где требовалась предельная точность движений небольшой амплитуды, Тимур был вне конкуренции. Лорка затруднился бы, например, назвать равного ему по классу пилота. Не случайно Тим Корсаков несколько раз становился чемпионом по спортивному пилотированию.

Тим поднял свои светлые серьезные глаза, улыбнулся и возобновил прерванную работу.

— Чему ты улыбаешься?

— Да вот жду не дождусь, когда ты заговоришь со мной о Кике.

Лорка вздохнул.

— Кстати, — все так же неторопливо продолжал Тимур, не прерывая своей работы, — ты совершенно напрасно думаешь, что после болезни я, так сказать, разомлел в семейном уюте и буду подыскивать какой-нибудь предлог, чтобы остаться на Земле.

Лорка опять вздохнул, однако ни капельки не удивился. Чуткость на мысли и настроение близких ему людей была у Тима уникальной. Колдун, да и только! Сам Тимур, посмеиваясь, рассказывал, что какой-то его далекий предок выступал не то в цирке, не то на эстраде с сенсационным номером по угадыванию чужих мыслей. Верилось в это легко.

— Я был бы самой последней свиньей, если бы не сделал все возможное, чтобы пойти с тобой. Поставь себя на мое место.

Лорка ставил сто раз и знал, что Тимур прав. И дело не только в дружбе. Дело в том, что они были с Тимом очень разными людьми. Сработавшись за время космических невзгод и испытаний, они прекрасно знали и компенсировали недостатки друг друга. Вдвоем в профессиональном отношении они стоили много больше, чем каждый в отдельности.

— Да, честно говоря, мне и самому интересно покопаться на Кике, — снова заговорил Тимур. — Как-никак задета честь землян. Предстоят славные ратные дела, а за ними — вечная благодарность потомков, памятники, жизнеописания и легенды.

Лорка хмыкнул.

— А ты как думал? — Тимур отложил черпак. — Мы с тобой войдем в историю, взявшись за руки, как, ну, эти...

— Кирилл и Мефодий, — ехидно подсказал Лорка.

— Да нет.

— Тахир и Зухра.

— Нет же. Как... Ромул и Рем — вот как.

— А волчица?

— Возьмем с собой Ольгу Сергеевну.

Лорка захохотал. Ольга Сергеевна была доктором медицины, придирчивым и беспощадным членом медицинской комиссии и в силу этого не пользовалась особой любовью космонавтов. Тим поднялся, приподнял крышку котелка, внимательно взгляделся, принялся и с сожалением констатировал:

— Еще не готовы. Уж такой народ эти грибы — долго готовятся. — Аккуратно прикрыл котелок

крышкой и повернулся к Лорке. — Значит, берешь меня?

— Куда же я без тебя? Конечно, беру.

Секунду они серьезно смотрели друг другу в глаза, потом губы Тимура тронула легкая улыбка.

— И ни капельки сомнения?

— Ни капли, — как можно тверже ответил Лорка.

— А если капелька все-таки есть? — Тим засмеялся. — Только не смотри на меня такими злыми тигриными глазами, а то я со страху на липу залезу.

— И правильно сделаешь, — буркнул Федор.

— Нет, серьезно, — не отставал Тимур, и по лицу его было видно, что он действительно не шутит. — Тебе не приходило в голову, что я — это, может быть, и не я? Или, во всяком случае, не совсем я, кикианская подделка?

Лорка ухмыльнулся.

— Вот видишь, — не без огорчения сказал Корсаков. — Небось и с Теодорычем обсуждали этот щекотливый вопрос?

— Ошибаешься, не обсуждали. Но когда я беседовал по этому поводу с врачами, то выяснил, что Теодорыч уже успел побывать у них. И по тому же поводу. Мне сообщили, что тебя подвергли бездне исследований на предмет установления идентичности с прежним Тимуром Корсаковым. И ни на йоту отклонения! Напоследок меня отругали за недоверие к врачам. Разве, говорят, мы бы дали заключение о потенциальной годности Корсакова к космической работе, если бы у нас оставалась хоть тень сомнения?

Тимур рассеянно кивнул головой, хотел что-то сказать Федору, но в это мгновение небо разом вспыхнуло: из глубоко синего оно стало перламутровым, даже опаловым. Стволы и листья деревьев, трава и тропинки, предметы и человеческие лица приобрели пугающий белесый оттенок, словно их облили разбавленным молоком. Притих птичий гомон. Небо горело и плавилось секунды две-три, а потом плавно, с запада на восток, приобрело обычную окраску, только синева его по контрасту со вспышкой казалась теперь еще более темной и глубокой.

— Разряд ионосферы на приемные антенны. — Тим кивнул головой на юго-запад. — Там, в горах, ионосферно-аккумуляторные станции.

— Ничего себе — санаторное уединение, — пробормотал Лорка, все еще глядя на небо.

— Зато нет бестолковых гроз, ураганов и вихрей. Ради этого стоит два-три раза в день поморгать глазами.

— А ночью?

— Упаси Бог! Ночью это безобразие запрещено — ослепнуть можно. — Тим помолчал, поглядывая на товарища. — Федор, я бы хотел, чтобы то, что я сейчас скажу тебе, осталось между нами.

— Да будет так, — с некоторой заминкой ответил Лорка.

— Ты только не подумай, что я шучу. — Тимур хмыкнул, как-то странно поглядывая на товарища. — Ты говоришь, врачи уверены. А я вот не уверен, что остался прежним Тимуром Корсаковым.

Лорка не сразу переварил услышанное.

— Что? Не понимаю!

— И не надо. Если я расставляю точки над «и», то начнется волокита. Ты, как командир разведотряда, сочтешь нужным сообщить обо всем Ревскому. Тот, тоже из чувства долга, информирует Совет космонавтики. И не исключено, что не видать мне Кики как своих ушей. А мне надо быть на Кике. Для успеха предприятия, понимаешь?

Разглядывая Тима, Лорка покачал головой.

— Нет, так и не понимаю.

— Я же говорю, и не надо! — с сердцем сказал Тимур. — Ты просто поверь мне, как верил раньше. Как только наш корабль выйдет на разгон, я расскажу тебе обо всем без утайки.

Лорка молча смотрел на своего друга, точно хотел прочитать его мысли.

— Федор, — укоризненно проговорил Тимур, выдерживая его испытующий взгляд, — я ведь мог и не говорить тебе ничего. Но я сказал. И ровно столько, сколько сейчас нужно.

— Ну, будь по-твоему. — Лорка встряхнул Тима за плечо. — Возьму грех на душу, промолчу.

Проводив взглядом глайдер, на котором улетел Лорка, Тим сложил в стерилизатор грязную посуду, подбросил в костер несколько сучьев и задумался, глядя на огонь.

— Пожалуй, я поступил именно так, как и должен был поступить, — подумал он вслух и, словно спохватившись, достал из кармана обрывок бумаги, которая обычно используется для упаковки продуктов. На клочке была безграмотная надпись, сделанная корявыми, прыгающими буквами.

Глава 4

Дверь Лорке открыл не Соколов, а невысокая худенькая женщина с огромными темно-кариими глазами и пышной копной светлых волос, которая казалась тяжеловатой для тонкой стройной шеи. Лицо типично русское, а вот в особой грации фигуры и фарфоровой белизне кожи проглядывали классические японские черты — причудливо перепутались расовые признаки в двадцать третьем веке.

— Татьяна Соколова? — спросил Лорка, позабывшийся узнать имя жены эксперта.

— А вы Федор Лорка, — безо всякого воодушевления констатировала хрупкая женщина. — Входите.

Когда Федор проходил коридором в гостиную, одна из дверей вдруг приоткрылась и оттуда выглянули две пары живых и любопытных черненьких детских глаз.

Гостиная была простой и, если можно так выразиться, естественной. Обычные стены, обыкновенная мебель — стол, кресла, огромнейшая тахта, на которой могла разместиться вся семья Соколовых. В стене напротив тахты угадывался экран стереовизора, на полу — мягкий ковер-мат, на котором удобно лежать, бороться, заниматься акробатикой и вообще делать все, что угодно детской душе. Ничего ультрасовременного вроде светящихся потолков, стен меняющейся расцветки или конформной мебели.

— Александра срочно вызвали в агентство, — сказала Татьяна, усаживаясь напротив Лорки. — Он поручил мне извиниться перед вами. Он скоро вернется, иначе бы сообщил о задержке.

— Я не тороплюсь.

В коридоре послышалась какая-то возня, приглушенный смех.

Татьяна насторожилась, по ее губам скользнула улыбка.

— Вы, очевидно, не работаете? Я имею в виду обязательную работу.

— Нет, я работаю. — У жены Соколова был чистый, мягкий голос, говорила она негромко, глядя на Лорку серьезными не улыбочивыми глазами. — Я энергетик. Неделью посменно дежурю на центральной энергостанции Гренландии, а две отдыхаю дома. И тогда дети со мной.

— А когда вас нет?

— В интернате. Саша любит детей, но по-настоящему заботиться о них ему некогда. Вызовы, отлучки, разъезды. Очень беспокойная работа.

Лорка слушал ее с улыбкой, но Татьяна ни разу не улыбнулась ему в ответ.

— А у вас работа беспокойная?

Татьяна на секунду призадумалась, а потом своим мягким голосом решительно проговорила:

— Простите, Федор, но я не думаю, чтобы вас заинтересовал характер моей работы. И, честно говоря, я терпеть не могу так называемых светских бесед — обо всем и ни о чем.

Лорка невольно улыбнулся этой прямолинейности, но Татьяна лишь нахмурилась, в голосе ее прозвучала нотка досады:

— Давайте перейдем к делу, Федор.

Лорка не мог удержаться, чтобы не поддразнить ее.

— А у меня, собственно, к вам нет никакого дела.

Она тряхнула пышными волосами, ее глаза-вишни стали совсем сердитыми, но не злыми.

— У вас есть дело к моему мужу. А я — может быть, это старомодно и недиалектично — придерживаюсь позиции Фейербаха: лишь муж и жена — вмес-

те — составляют настоящего человека, а по отдельности — это лишь половинки. Все, что касается мужа, касается и меня. И у нас нет тайн друг от друга.

Лорка хотел было возразить, что Фейербах говорил, не о муже и жене, а просто о мужчине и женщине, но передумал: по существу, Татьяна была права. И еще он подумал, что, может быть, Соколов специально отлучился в «агентство», предоставив жене вести разговор?

Татьяна будто подслушала его мысли.

— Если вы думаете, что Александр специально подставил меня для разговора с вами, то ошибаетесь. Он не из тех, кто прячется за спины других.

Лорка мысленно согласился с ней, а Татьяна продолжала:

— Вы хотите предложить Александру участвовать в экспедиции на Кику?

Лорка склонил в знак согласия голову.

— Угадали.

— Я вас прошу, — это «прошу» прозвучало почти как «приказываю», — не делать этого.

— Почему?

— Да потому что он согласится! Понимаете? Согласится! — Она было сорвалась на крик, но, вспомнив о детях, тут же приглушила голос. Голос звучал зло, но глаза у нее так и не стали злыми — они стали печальными, даже тоскливыми. — Он человек долга. Мы говорили об этом. Боже, как он бывает упрям в таких делах!

— Что же дурного в том, что согласится? Участие в экспедиции на Кику — большая честь, — осторожно сказал Лорка.

— Но он же не космонавт! Как вы не понимаете? Это же беспомощный человек во всем, что не касается экспертизы и социальных проблем! Вы думаете, я только из-за детей провожу дома две недели из трех? Из-за него тоже. А кто будет заботиться о нем на этой проклятой Кике?

— Я, — спокойно ответил Федор.

Татьяна смотрела на него с молчаливым недоверием, к которому, пожалуй, примешивалась и насмешка.

— Я, — повторил Лорка. — Приглашая его в разведотряд, я, как командир, беру на себя все заботы о нем. В том числе и заботу о его безопасности.

В вишневых глазах Татьяны появилось выражение интереса. Ее взгляд беспокойно, требовательно обжегал-охватил всего Лорку — литую, тяжелую фигуру, открытое лицо, зеленые глаза, в которых читалась спокойная уверенность.

— Зачем он вам понадобился? — с горечью спросила она.

— Я убежден, что на Кике понадобится эксперт-социолог высокой квалификации.

— А вы уверены в его квалификации?

— Безусловно.

Она впервые слабо улыбнулась, не самой себе — Лорке.

— Он такой беспомощный.

Вот только теперь Лорка до конца понял ситуацию: он все это время разговаривал с главой семьи Соколовых. Что бы там ни говорили и ни писали во все времена, а в каждой настоящей семье обязательно есть глава. Не суть важно — юридическая это семья, как в прошлом, или фактическая, как теперь, постоянна она или временна, что объединяет ее — искренняя любовь и уважение, слепая ли безрассудная страсть, простая привычка и привязанность или кандалы цепи традиций и законов. Семья — совершенно особый мир со своими ценностями, взаимоотношениями и иерархией. И вовсе не обязательно, чтобы крупный общественный деятель, великий ученый, вдохновенный поэт или изобретательный конструктор был главою семьи. Часто бывает как раз наоборот. В семье Соколовых это бремя несла хрупкая женщина с большими темными глазами и тяжелой копной светлых волос. Она не представляла себя на Кике, в чужом, странном и загадочно-опасном мире. И правда, такая жизнь и работа вряд ли были ей по плечу, у нее было другое призвание и талант — семья. Но ей казалось, что уж коли она не справится с работой на Кике,

так уж куда там ее любимому, но такому беспомощному, непрактичному Саше!

— Мне кажется, что вы меня не слушаете, Федор. Лорка спохватился.

— Нет, нет, продолжайте, пожалуйста.

— Я не берусь судить, нужен ли вам эксперт-социолог, видимо, нужен, хотя необитаемая планета и социология — это как-то не укладывается у меня в голове. Но почему именно Саша?

— Потому что я работал с ним и знаю его, — мягко пояснил Лорка. — И что самое главное, я знаю не только его достоинства, но и недостатки.

— Да, это очень важно — знать недостатки, — машинально согласилась Татьяна, поправляя свои пышные волосы. И тут же спохватилась: — Но ведь Саша не единственный эксперт-социолог. А вы забираете его у жены, у детей.

— Это нужно для важного дела. В интересах всего человечества. Хотя это звучит помпезно, но это правда. — Голос Лорки прозвучал суровее, чем он сам того хотел.

Татьяна покачала головой.

— Вы жестоки, Федор.

— Справедливость нередко кажется жестокой тем, кому она невыгодна.

Татьяна вспыхнула как маков цвет. Лорка и не подозревал, что эта атласная фарфоровая кожа может покрываться таким румянцем. Внутренне он подобрался, готовясь парировать зреющую вспышку, но послышались шум открывающейся двери, писк, смех, возня, и в гостиную вошел раскрасневшийся Соколов. Он было начал с извинений по поводу того, что ему не вовремя пришлось отлучиться, но, приглядевшись к лицу жены, спросил:

— Вы, кажется, поругаться успели?

— Нет, нет, — поспешно ответила Татьяна, бросив на Лорку выразительный взгляд.

Соколов мельком взглянул на Лорку, а потом уже пристальнее — на жену.

— Федор предлагает тебе место в кикианской экспедиции. Вот мы и говорили об этом.

— Предлагаю, — подтвердил Лорка.

Облегченно вздохнув, Соколов аккуратно вытер белоснежным платком свое розовое разгоряченное лицо и плюхнулся в жалобно вздохнувшее кресло.

— Я согласен, — бодро сказал он. — Мы давно все обговорили, правда, Таня?

— Правда, — отсутствующим тоном подтвердила его жена.

— Я согласен, — теперь с некоторой гордостью подтвердил Соколов и вдруг совершенно непосредственно засмеялся. — Хотя, честно говоря, совершенно не представляю, зачем я вам понадобился и что я буду делать на этой Кике.

— Дела найдутся.

Секунду они смотрели друг на друга, но потом, точно сговорившись, перевели взгляды на Татьяну.

— Что-то дети расшумелись, — сказала она, поднимаясь из кресла. И, уже выходя из гостиной, добавила: — Я буду в детской, если понадоблюсь.

Соколов проводил ее виноватым взглядом, с некоторой укоризной посмотрел на Федора.

— Ничего, Александр Сергеевич. На то она и женщина, чтобы бояться за вас, переживать и беспокоиться.

— Не только женщина, — хмуро поправил Соколов. — Жена и мать.

— Понятно. Вы-то сами не трусите? — вдруг спросил Лорка.

— Есть немного, — признался Соколов и ухмыльнулся. — Сначала, после того разговора в бассейне, даже спал плохо — снилась всякая чертовщина. Потом притерпелся, привык — и ничего. Вы думаете, меня Кика пугает? Ошибаетесь! Что Кика? Такая же Земля, только в другом районе Галактики. — Соколов заговорщицки понизил голос. — Меня космос пугает, сам этот полет с гиперсветовой скоростью. И снились мне все время какие-то уродливые корабли — то на колесах, то на гусеницах.

— Ничего, Александр Сергеевич, не боги горшки обжигают. Все мы побаиваемся, только страхи у нас разные: у одних от знания, у других от незнания.

— Серьезно? — с интересом спросил Соколов.

— Вы знаете, кто такой Суворов? — вместо ответа спросил Лорка.

— Полководец, я не ошибся?

— Не ошиблись, так вот, этот Суворов, впрочем, как и все великие полководцы, отличался большой личной храбростью. В ходе одного жаркого боя он сказал, обращаясь к самому себе: «Дрожишь, скелет? Ты еще не так задрожешь, когда узнаешь, куда я тебя поведу!»

— Как? — Соколов широко открыл свои маленькие глазки и вдруг захохотал. Хохотал он очень вкусно, отваливаясь на спинку кресла и покачивая головой. — Нет, это великолепно... дрожишь, скелет? Куда я тебя поведу! Великолепно!

Федору показалось, что в гостиную заглянула Татьяна, но, обернувшись, никого не заметил. Отсмеявшись, Соколов поинтересовался:

— И все-таки, Федор, что я буду делать там, на Кике?

И опять Лорка ответил вопросом на вопрос:

— Вы знаете, что с Плутона угнали гиперсветовой корабль? Так вот, он сгорел в плотных слоях кикианской атмосферы. Представляете, сколько здесь загадок и какой простор для следствия?

Глава 5

Чтобы повидаться с Виктором Хельгом, Лорке пришлось вылететь в Исландию. Виктор, как и другие космонавты, когда их пребывание на Земле по тем или иным причинам затягивалось, по рекомендации Совета подключился к работе на расположенной там крупнейшей геотермальной энергостанции. Разумеется, никто не обязывал космонавтов работать, просто сказывалась естественная привычка, да и практика работы в роли энергетика была нелишней.

В Рейкьявике Лорка выяснил, что Виктор дежурил на посту безопасности — истинно космическая работа, имевшая много общего с очередной корабельной

вахтой. Лорка не без труда добрался до централи этого поста, посторонним вход туда был запрещен, и с огорчением выяснил, что труды его напрасны. На исландской энергостанции было два поста: восточный и западный. Лорка в соответствии со сведениями, полученными в Рейкьявике, прибыл на восточный, а Хельг дежурил на западном — его направили туда в самый последний момент в связи с болезнью одного из инженеров. Начальник смены безопасности, худощавый, седоголовый и очень смуглый мужчина — потомок коренных африканцев, сочувственно разглядывая огорченного Лорку, спросил:

— Вы когда-нибудь были в нижнем отсеке машинного зала?

— В горячей зоне?

Седоголовый Узанги, чем-то напоминавший Ревского, с улыбкой покачал головой.

— В горячей зоне никогда не было ни одного человека. Там трудятся только роботы. Нижний отсек рядом с этой зоной.

— И рядом не был. Как говорится, не привел Господь.

— Ну, уж если мыслить образно, так не Господь, а дьявол: там царство дьявола, Федор. — Узанги подумал и пояснил: — Дело в том, что самый ближний путь с одного поста на другой — через машинный зал. Я сейчас отправляюсь именно этим путем, а по дороге мне нужно заглянуть в нижний отсек.

— Согласен вас сопровождать, — поспешно сказал Лорка.

Помимо простого любопытства, Федором руководили и чисто деловые соображения: в сопровождении Узанги автоматически отпадали все формальности, которые неизбежны при посещении посторонними такого деликатного места, как пост безопасности.

Дорога оказалась сложной — с несколькими пересадками. Сначала скоростной лифт опустил их на глубину около пяти километров. Здесь они облачились в скафандры высшей защиты и пересели в вагончик магнитотоннельной дороги. Вагончик был рассчитан на шесть человек, но на сей раз, кроме Узанги

и Лорки, в нем никого не было. Стремительно и бесшумно проскользнув километров двенадцать, вагончик плавно затормозил. Нижний отсек машинного зала был скупо освещен. Он весь был рассечен мощными круглыми колоннами, отстоящими друг от друга метров на пятнадцать. Это делало отсек похожим на старинный и мрачный египетский храм. Лорка знал, что все эти столбы полуметровой толщины — вовсе не опорные колонны, а трубы-термоумножители, которые забирали из горячей зоны магму, превращали относительно низкотемпературное тепло Земли в раскаленную до сотни тысяч градусов плазму и подавали ее на магнитные входы ионных двигателей.

Уверенно шагая между термоколоннами по пути, обозначенному крохотными и веселыми золотистыми огоньками, Узанги вывел Федора на небольшую площадку, огороженную перилами. Площадка была похожа на капитанский мостик старинного корабля, она балконом нависала над дорогой, пролежавшей в траншее трехметровой глубины.

— Дорога роботов, — пояснил Узанги. — Сейчас в горячую зону пойдет очередная смена.

Держась за перила мостика и глядя в сумрак, в котором постепенно растворялась дорога роботов, Лорка испытывал томительное и волнующее чувство. Скафандр высшей защиты, облежавший Федора, был противозумным и антивибрационным; такими же свойствами обладали и вязкие, композитные стены отсека, но все ухищрения людей оказались бессильными перед стихийной мощью планеты. Каждой клеточкой тела, каждым нервом Лорка ощущал могучий гул и рокот, лихорадочную дрожь и яростный трепет негасимого огненного лона Земли.

— Смена, — прозвучал глухой голос Узанги.

Следуя за скупым жестом его руки, Лорка повернул голову и увидел, как из серого сумрака на освещенную часть дороги выползает длинная вереница роботов: странная процессия, похожая на шествие чудовищ и призраков, рожденных кошмаром.

Процессию возглавлял щуплый и большеголовый робот-андроид примерно человеческого роста. Впро-

чем, он был похож не столько на человека, сколько на кузнечика, вставшего на задние лапки. Это был робот-интеллектуал, командор роботосмены — мощный, подвижный компьютер. А за ним тянулась многоликая, ни на что не похожая, жутковатая в своей своеобразной законченности вереница роботов специального назначения, долговязых, похожих на тощих жирафов, шеи которых украшали по три пары суставчатых рук. Могучие роботы — кроты и тараны, стелившиеся по самой дороге и напоминавшие не то гигантских гусениц, не то многоногих крокодилов. Роботы-титаны с бочкообразным корпусом и мощными клешнями, способными вязать узлами толстые металлические сваи. Стайки разнокалиберных мини-манипуляторов, разительно похожих на черепах. От этого нечеловеческого, неземного многообразия, от этой молчаливой, но целеустремленной псевдожизни рябило в глазах и было физически больно нервам. Процессия двигалась быстро, но почти бесшумно, семеня лапы и лапки, вышагивали ноги, струились гусеницы. Слышались сухой шорох и мягкий гул, от бронированных тел поднимался легкий туман — уже работали системы охлаждения. Лорке почудилось, что такую картину он уже видел и слышал однажды, когда на Ариэле от него разбегалась стая хищных тараканов-гигантов, по которым для острастки ему пришлось полоснуть плазменным лучом. Время от времени манипуляторы роботов приходили в движение: изгибались, складывались и раскладывались, выполняли хватательные, тянущие и толкающие движения.

— Здесь контрольный этап, — вполголоса пояснил Узанги. — Последняя проверка всех систем и кинематики.

Шествие роботов замыкал второй андроид — дублер командора. Провожая глазами эту бредовую процессию, тающую в сумерках под затихающий шорох и гул, Лорка ощутил некую боль, точно его кто-то обидел, может быть, и не сильно, да незаслуженно. Почти сразу он понял, откуда эта боль. Сколько было написано сказок о роботах! И для взрослых, и

для маленьких. Сказок добрых и страшных, но всегда величественных и чем-то пугающих. Как только не выглядели роботы в этих фантазиях! Роботы — равные и полноценные друзья человека во всех аспектах его жизни и деятельности. Роботы — старшие братья людей, более мудрые, чем они сами, более сильные, но тем не менее любовно и милосердно относящиеся к своим странным творцам. Рассудочные роботы — эгоисты, мечтающие при случае вырваться из-под власти человека на свободу и создать своего рода роботоавтономию. Наконец, роботы-человеконенавистники, объявляющие смертельную войну не только своим создателям, людям, но и всему живому, устанавливающие в конце концов машинное царство не только на Земле, но и во всей Галактике.

— Вам их жалко? — глухо прозвучал голос Узанги.

— Да.

— И мне жалко. — Начальник смены помолчал, внимательно разглядывая Лорку. — Знаю, что это глупо, что это бесчувственные машины, а жалею.

Узанги повернулся и молча зашагал по дороге, обозначенной золотистыми огоньками. Лорка шагал вслед за ним и угрюмо думал о том, что правда не всегда бывает сладкой, бывает и горькая правда. Но это все-таки правда, и уже поэтому она имеет право на существование. Что уж тут поделаешь, если роботам нет места среди людей! Слуги? Зачем это! Разве человек не в состоянии сам позаботиться о себе, а если нужно, то и о своих близких? И это не только нужно, но и доставляет радость. Комнатные, бытовые роботы — большая фантазия, рожденная плохой эгоистической жизнью. Роботы — братья и друзья? В этой идее чувствуется пусть легкая, но уловимая психологическая извращенность. Человек должен прежде всего любить человека; замещение партнера машиной, конечно, чем-то обогащает его, но чем-то и обедняет.

Узанги тоже молчал, думая о своем; так, не проронив ни слова, они добрались до централи западного поста. Тут и выяснилось, что Лорка опоздал и что Виктор Хельг минут десять тому назад закончил де-

журство и отправился в гостиницу. Узанги с легкой покаянной улыбкой сказал:

— Это я виноват. Можно было ехать напрямую.

Лорка нашел Виктора на спортивной площадке, размещенной на крыше высотного здания. Внизу, над самой землей, тянулись облака, а здесь ослепительно сияло веселое хрустальное солнце, и небо было таким пронзительно синим, что при взгляде на него болели глаза и оскомина чувствовалась во рту. Виктор, разгоряченный тренировкой на льду для фигурного катания, со смуглым румянцем на щеках, отдыхал, опираясь на перила ограждения крыши, и смотрел на сплошную пелену белых, чуть курчающихся облаков. Он был без шапочки, его черные жесткие волосы лохматил ветер. Стройный, в белых брюках и толстом красно-синем свитере, он был чудо как хорош, так и просился на картинку о здоровье и молодости. А ведь до этой тренировки четыре часа провел в мрачном царстве Аида — в горячей зоне радиотермальной энергостанции!

Похоже, что Хельг по-настоящему обрадовался, увидев Лорку, любопытствовал, почему Федор в последнее время пропускает тренировки в фехтовальном зале. А когда Лорка предложил ему место в разведотряде, протянул ему свою изящную, но сильную руку.

— Спасибо, Федор. Это большая честь для меня.

Не успел Лорка как следует подумать о том, что Виктор возмужал за последнее время, как Хельг сразу опроверг это предположение.

— Мерзнешь? — спросил он, глядя на Федора своими насмешливыми, опущенными густыми ресницами глазами.

— Мерзну, — со вздохом согласился Лорка, поправляя меховую шапку. Он и правда мерз под пронизывающим ветром, хотя был одет заметно теплее Хельга. Поглядев на белозубую улыбку Виктора, на его открытую смуглую шею, Лорка еще раз вздохнул и добавил доверительно: — Я ведь рыжий, а стало быть, эксудатик. А эксудатики люди нежные, как цветы: в жару им жарко, в холод — холодно. И уста-

ют они быстрее прочих людей, и отдыхать им нужно дольше, чтобы восстановиться.

— Я вот не эксудатик, — с оттенком назидательности сказал Хельг.

— Зато у тебя есть другие недостатки, — добродушно улыбнулся Лорка.

— Как же ты решился взять меня в отряд?

— Не всякий недостаток — вредный дефект.

Они посмеялись, после чего Хельг снова оперся о перила ограждения и перевел взгляд на белую облачную пустыню.

— Ты можешь мне назвать состав разведотряда? Хотя бы примерный? — неожиданно спросил он.

Федор начал перечислять. Когда дошел до Соколова, Виктор сдвинул брови.

— Соколов? Не припомню такого.

— Профессиональный эксперт-социолог Александр Сергеевич Соколов, — представил Лорка с улыбкой. — Вел расследование по делу Тимура Корсакова.

— А-а! Такой кругленький, с лицом невинного младенца и фигурой тяжелоатлета?

Лорка утвердительно кивнул головой.

— Да зачем он тебе понадобился? Что он понимает в инопланетных делах? — Виктор был само недоумение.

— У него железная логика, беспощадный, острый ум. Он замечает такие мелочи, на которые мы с тобой никогда не обратили бы внимания. А уцепившись за них, идет до конца.

Выражение лица Хельга явно свидетельствовало, что он не понимает, каким таким расследованием Соколов может заниматься на Кике. И тогда Лорка посвятил его в историю угона гиперсветового корабля с Плутона и гибели его в кикианской атмосфере. Об угоне Виктор, как и все другие космонавты, знал, а вот весть о том, что корабль сгорел, была для него новостью.

— Н-да... — протянул Виктор и усмехнулся. — А если кикиане и наш корабль сожгут таким же образом?

— Сожгут? — машинально переспросил Федор.

Он вдруг удивился, что эта простая мысль, объясняющая причину гибели корабля, почему-то не пришла в голову ни ему, ни Ревскому. Наверное, мысли о злодействе и насилии стали чужды людям. А вот Хельгу это сразу пришло в голову.

— Ты не веришь, что кикиане могли расстрелять этот корабль? — Глаза Виктора смотрели на Федора с легкой насмешкой. — Представь себе, что в двадцатом веке у нас были бы в распоряжении звездные корабли. Полетели мы куда-нибудь на Альфу Центавра и вдруг возвращаемся оттуда на могучем, на века опередившем время гиперсветовом корабле, торжественно оповещая об этом Родину. Разве тогдашние наши враги не могли бы попытаться уничтожить этот корабль на подлете, чтобы лишить нас этого преимущества?

— Могли, — задумчиво ответил Лорка и поднял глаза на Хельга. — Ты полагаешь, что на Кике могут существовать две враждующие расы или группы сапиенсов?

— Вспомни историю землян.

— Честно говоря, ничего подобного мне и в голову не приходило. А об этом стоит подумать. На всякий случай.

— Стоит, — с легкой иронией подтвердил Виктор, — а то наша разведка может превратиться в похороны. Без всяких торжественных церемоний.

Глава 6

Домой, в дачный пригород, Лорка, возвращался уже в темноте. Он шел по синтездорожке, очень похожей на самую обычную тропинку, обозначенной по обеим сторонам крохотными мигающими лампочками, будто совсем не по сезону и не по климату в пожухлой траве и прелой листве прятались веселые золотистые светлячки. Лампочки начинали мигать шагов за десять до подхода к ним и угасали сразу же за спиной Лорки.

Дня два тому назад наступило потепление, прошли дожди, и выпавший было снег исчез бесследно. В темном воздухе стоял стойкий терпковатый запах прели. Прямо над головой мерцали крупные звезды, но уже неподалеку от зенита их начинала скрывать дымка, по мере приближения к горизонту она густела и наконец скрывала небо совсем. Стояла такая тишина, которая бывает глубокой осенью в неожиданную бурную оттепель, лишь за спиной Федора мягко, но мощно рокотал город, вовсе не торопившийся засыпать. Лорка представил себе красочные улицы, полные народа, залитые ярким светом, и невольно покосился через плечо на городское зарево, занимавшее добрую треть небосклона. Покосился и замедлил шаг, а потом и вовсе остановился; кто-то шел позади него в сотне шагов, освещая себе дорогу ярким фонариком. Чудак! Зачем освещать прекрасно обозначенную тропинку и нарушать тихое очарование влажной осенней ночи? Но недоумение Лорки тут же сменилось настороженностью: человек с фонариком шел не по тропинке, а прямо по целине, через кустарник. И что самое странное, Лорка не слышал ни шагов, ни шороха раздвигаемых ветвей, ни треска сучьев — яркий огонь двигался совершенно бесшумно, точно плыл в затуманенном воздухе.

Шаровая молния двигалась, лучше сказать — плыла, со скоростью быстро идущего человека на высоте около метра от земли, бесшумно волоча за собою пятно освещенности. На такой же высоте она облетела кустарник, всплывая от земли на два, а то и три метра, — вот почему Лорке показалось, что чудак человек держит фонарь высоко над головой. На таком же расстоянии она огибала стволы редких деревьев, причем лавировала так мягко и непринужденно, точно ее движением управлял опытный пилот. Молния была величиной с крупный апельсин и излучала желтовато-золотистый, солнечный свет, но временами ее наружная оболочка словно лопалась и сквозь эти недолговечные трещины проглядывало ослепительное голубоватое ядро. Движение молнии сопровождалось легким потрескиванием, похожим на шелест

сухой грубой травы. Когда огненный шар проплывал мимо, Лорка заметил, что за молнией тянулся тонкий искристый хвостик. Ну чем не реактивная струя миниатюрного плазменного двигателя! И на смену облегчению в душу Федора снова закрались смутная тревога и беспокойство. Отпустив огненный шар метров на двадцать, Лорка осторожно двинулся следом. Сокращать дистанцию Лорка опасался — у некоторых шаровых молний бывает страшно дурной нрав.

Шаровая молния вдруг скользнула вниз и скрылась из глаз. Оглядевшись, Федор подбежал к ближайшему дереву, подпрыгнул, ухватился руками за сук, подтянулся, вышел в упор и тут же увидел молнию. Огненный шар лежал в ложбинке между кустами, едва-едва касаясь своей поверхностью самых верхушек пожухлых травинок, которые не только не сминались, а, наоборот, тянулись к огненной поверхности, с которой сыпались мельчайшие, едва заметные глазам искорки. И вдруг прямо на глазах шаровая молния начала тускнеть, худеть и наконец с громким шипеньем угасла совсем. Секунду Лорка не мог поверить своим глазам, хотя знал, что такие случаи наблюдались и раньше. Потом, постаравшись возможно точнее запомнить направление, соскочил с дерева и пошел вперед. На ходу достал и включил карманный фонарик. Яркий сноп света, четко рисуясь во влажно-мглистом воздухе, прорезал темноту и светлым пятном лег на землю. Трава, опавшие листья, голые ветви кустарника, черные стволы деревьев. Лорка повел фонариком из стороны в сторону и правее впереди увидел ложбинку. Подойдя ближе, он осмотрелся, высветил дерево, с которого вел наблюдение, и окончательно убедился, что это та самая, а не какая-нибудь другая ложбинка. Тогда, опустившись на корточки, он принялся за тщательное обследование и не без труда обнаружил темноватое пятно — верхушки влажных жухлых травинок были слегка опалены. И все! Ничего больше. Федор выпрямился, испытывая странное двойственное чувство разочарования оттого, что никакой тайны не состоялось, и успокоения... все по тому же

поводу! На всякий случай, однако, повел фонариком вокруг себя и буквально в шаге от выжженного пятна, под кустом, там, где не росла трава, увидел на влажной земле четкие, довольно крупные звериные следы. Федор не был натуралистом, поэтому не мог определить, какому конкретно животному они принадлежат, хотя ему бросилась в глаза их развитая пятипалость. Но, как и любой космонавт-гипер-световик, он был достаточно опытным следопытом, а потому легко установил, что следы были совершенно свежими. Продираясь между кустами, Лорка проследил путь животного — на протяжении нескольких метров он совпадал по направлению с траекторией полета шаровой молнии и направлением тропинки. Но потом следы вышли под деревья, где земля была покрыта плотным ковром слежавшихся влажных листьев, и исчезли. Лорка принялся было обследовать периферию этого пространства, надеясь обнаружить выход следов, но потом передумал, кратчайшим путем вернулся на тропинку и быстро пошел к дому.

Окна были освещены, а возле кустарника, служившего живой изгородью, стоял небольшой мобиль-вездеход. Значит, либо Альта уже вернулась, либо его ждет кто-то из визитеров. Неизвестно почему, но от мысли, что в доме кто-то есть, Лорке стало спокойнее. Поймав себя на этом ощущении, он невольно замедлил шаг. Значит, он тревожится? Почему? Вспомнилось туманное гулкое утро, закончившееся его легкомысленным прыжком в овраг: «Как-то не так сегодня, Лорка. Как будто мы не на Земле, а в другом мире», — сказала тогда Альта. А Федор уверенно возразил ей, что они дома — все говорит за это: запахи, звуки, трава под ногами. Много ли времени прошло с той поры? Запахи, звуки остались прежними, родными. А мозг насторожен, чувства обострены, и на сердце тревожно, как будто бы Лорка не дома, а за десятки световых лет, в чужом мире.

Проходя мимо мобиля, Лорка машинально осветил его фонариком, дабы убедиться, что он пуст. Прежде, до кикианской истории, ему и в голову бы

не пришло проделать это. Войдя в прихожую, неярко освещенную дежурным светом, прислушался. Тишина.

— Альта, ты дома? — негромко окликнул он, снимая куртку.

Ответа не было. «Кто же тогда включил в гостиной свет?» — подумал Федор и прошел в комнаты. На пути ему попался клочок бумаги. Лорка поморщился, подобрал его и швырнул в утилизатор. И вдруг он вспомнил о клочке бумаги, который подобрал возле большого телеинформара. Бумажки были похожи и по размеру, и по фактуре. Мусор в целинной степи... Мусор в их чистеньком домике... Необычно и не совсем понятно. Простое совпадение? Вполне возможно, однако стоило бы рассмотреть этот клочок повнимательнее. Но тому, что попадает в эту ненасытную утробу, возврата нет, во всяком случае, в изначальном виде. Лорка с досадой толкнул ногой раструб задраенного крынкой утилизатора, задумался, поглаживая подбородок.

Вдруг его пронзило острое, сковывающее ощущение неведомой опасности, это был даже не «взгляд на затылке», а нечто гораздо большее. Привычным усилием воли стряхнув леденящий страх, Лорка резко обернулся. В прихожей что-то шарахнулось, распахнулась наружная дверь. Заглянув в гостиную и никого там не обнаружив, Лорка метнулся к выходу, по пути нажав кнопку наружного освещения. На пороге он остановился, мгновенно охватив привычным ищущим взглядом окрестности домика, залитые теперь ярким светом. Никого и ничего! Взгляд его невольно задержался на мобиле. В тот же миг, точно почувствовав это, машина тронулась с места и, стремительно набирая скорость, стала выворачивать на проезжую дорогу, ведущую к городу. Но, видимо, за рулем сидел неопытный водитель, выполняя крутой стремительный поворот, мобиль врезался в дерево и остановился.

Перемахнув с разбегу через живую изгородь, Лорка оказался возле машины. Обе дверцы распахнуты. Никого. Рука Федора скользнула за фонариком, но

остановилась на полдороге: он вспомнил, что фонарик остался в снятой куртке.

Лорка возвращался домой в глубокой задумчивости. Ведь впервые за всю эту путаную историю присутствие кикиан на Земле обрело хотя и таинственную, но зримую, осязаемую, материальную форму. Лорка был почти уверен, что за рулем мобили сидел не человек, во всяком случае, не обыкновенный человек — уж слишком неопытным оказался этот водитель. Даже гораздо более сильный удар не вывел бы машину из строя, у нее просто заглох двигатель. Запустить его нажатием кнопки и продолжить движение догадался бы и ребенок, уже в младших классах детей обучают вождению таких мобилей, причем не только в обычных, но и в аварийных ситуациях. Лорка не без удовлетворения думал о том, что явно враждебных намерений у кикиан нет — ведь они даже не попытались причинить ему какой-нибудь вред. Но и дружелюбием в этом происшествии совсем не пахнет! Ревский прав: можно ожидать не только прямого, но и косвенного удара, а потому жене вряд ли разумно оставаться здесь одной. Проблемы!

...Альта пришла возбужденная, на щеках густой темный румянец, светлые глаза блестят, как тающие льдинки. Лорка помог ей снять шубку и шапочку из темного меха. Мех был синтетическим, но, пожалуй, лишь искусственный специалист смог бы установить, что это не настоящий соболь.

— Что за иллюминацию ты устроил перед домом? — с порога спросила Альта.

Лорка не собирался рассказывать жене о своих приключениях, зачем ей лишние волнения?

— В честь твоего прихода. Где ты была так долго? — с напускной строгостью спросил он.

Альта загадочно улыбалась, за приоткрытыми губами блеснула сахарная полоска зубов. Лорка покачал головой, присматриваясь к ней.

— Что-то случилось? — подозрительно спросил он.

— Случилось! — явно скрывая торжество, ответила Альта.

— Раньше говорили: жена торжествует — жди беды.

— Жди!

Альта забила в уголок дивана, охватив руками колени. Федор пристроился рядом с ней на ковре.

— Так что же с тобой стряслось? — спросил он.

— Не со мной, а с тобой.

Синие глаза Альты задорно блеснули. Лорка хмыкнул, тщательно скрывая вдруг появившееся смутное беспокойство.

— Меня решили принудительно перекрасить — из рыжего превратить в жгучего брюнета?

Альта помотала головой, поддразнила:

— Я участвовала в заочном заседании Всемирного общества женщин.

— Вот как! А почему именно ты?

— Решили, что это будет полезно.

— Так, так. — Лорка сокрушенно вздохнул. — Разве не анахронизм это общество? Почему, скажи ты мне на милость, нет всемирного общества мужчин?

— Потому что у вас нет всеобщих мужских интересов, — отпарировала Альта.

— Как это нет? Разве обязанность ухаживать за женщинами, любить их и лелеять не всеобщая? Не понимаю, чего женщины так суеются! Вы требовали абсолютного равенства — пожалуйста! Так ведь не понравилось. Сами же установили равенство условное, со всевозможными привилегиями с одной стороны и ограничениями — с другой. Мы, мужчины, народ гордый и сговорчивый: условное равенство так условное, не возражаем. Что же вам еще такое потребовалось во всемирном масштабе? Решили создать поселение амазонок? Или учинить варфоломеевскую ночь и вырезать всех мужчин старше сорока и моложе восемнадцати? — Болтая, Лорка не переставал размышлять, и неожиданно у него сверкнула догадка: — Что-нибудь насчет Кики?

— Угадал!

— Ну, ну? — поторопил Лорка.

— Принято решение потребовать, чтобы в состав разведотряда была включена хотя бы одна женщина.

Альта было рассмеялась, глядя на ошарашенное лицо Федора, но сразу же заметила, что он расстроился всерьез, и положила ему руку на голову.

— Почему ты огорчился? У тебя теперь есть все основания взять меня на Кику.

— Об этом не может быть и речи, — резко ответил Лорка и, видя, как похолодели глаза Альты, мягко добавил: — Не будем возвращаться к нашим старым спорам. В моем обществе путь тебе на Кику заказан.

Альта покачала головой.

— Упрямый ты человек. И жестокий.

— Я уже слышал об этом. Вчера. От жены Соколова.

— И что ты ей ответил?

— Что справедливость нередко кажется жестокой тем, кому она невыгодна.

— Разве ты справедлив по отношению ко мне?

Лорка взглянул на жену.

— Милая моя девочка, речь идет о судьбах человечества. Ну разве можно приравнивать к ним наши взаимоотношения?

Альта посмотрела в зеленые, непривычно невеселые глаза мужа.

— Неужели дела обстоят так серьезно?

— Возможно. Я как-то запутался. Но у меня такое впечатление, что очень многое будет зависеть от того, насколько умело мы сыграем роль посланцев Земли на Кике.

— А если вы ошибетесь?

— Не знаю. Даже если всемогущие кикиане придут к выводу о безусловной космической вредности человечества, вовсе не значит, что они зададутся целью уничтожить его. Они могут изолировать нас, ограничить или просто прервать всякие связи с нами.

— Ты убежден в могуществе кикиан?

— Вовсе нет.

Альта с сердцем оттолкнула его тяжелую голову.

— Так зачем же ты меня пугаешь?

Зеленые глаза Лорки лукаво сощурились, но остались невеселыми.

— Я запутался, Альта, а поэтому и превратился в пессимиста. Если кикиане — друзья по разуму и морали, то почему они не выходят на прямые контакты? Если они враги, то почему так старательно избегают причинять нам явное зло? Не беру в расчет гибель людей на самой Кике, это могло быть недоразумением. Я не вижу границ их могуществу: они действуют незримо и неслышно, галактические расстояния нисколько их не смущают — и это меня пугает. Но рядом же я вижу их странное бессилие. И это вселяет в меня еще не совсем осознанные надежды.

Альта молча гладила его волосы и шею. Лорка, прикрыв глаза, говорил теперь словно про себя:

— Неведомо как они оказались на Земле, сначала погубили, а потом спасли Тима. Они ухитрились изучить нашу технику и угнали гиперсветовой корабль. Разве это не свидетельство их могущества? Но корабль сгорел в атмосфере! И разве это не говорит об их странной беспомощности?

— Загадочно все это, — после паузы проговорила Альта, соскользнула с дивана, прижалась к Федору. — И страшно.

— Страшновато, — согласился Лорка.

Альта потерлась щекой о его плечо.

— Скажи, почему ты против участия женщин в экспедиции? Я уже не говорю о себе. Ты вообще против, правда?

— Правда. Настолько правда, что сделаю все возможное, чтобы воспротивиться этому.

— Ты не считаешь нас достаточно храбрыми?

Федор уловил нотку отчуждения в тоне жены и обнял ее за плечи.

— Ты не подумай, я не против смешанных экипажей и отрядов вообще. Они существуют и прекрасно выполняют свои задачи. У смешанных отрядов даже больше гибкости, они легче переносят длительные невзгоды, устойчивее к стрессам. Но это если невзгоды не превышают критических величин, а стресс не оборачивается шоком. В экстремальных условиях я отдаю предпочтение чисто мужскому составу.

— А если чисто женскому?

— Возможно, — охотно согласился Лорка. — Не зря же существовали легенды об амазонках, и достоверно известно, что у многих африканских вождей существовала чисто женская гвардия — охрана. Но по космосу нет такого опыта.

— Боюсь, тебе одному будет трудно справиться с целым всемирным обществом, — не без лукавства заметила Альта.

Лорка усмехнулся, шуря свои зеленые глаза.

— На всякий случай у меня есть запасной ход.

— Какой? Секрет?

— Нет. Надо взять в отряд такую женщину, которая не вызывала бы у мужчин специфических эмоций и петушиного ража.

Альта засмеялась.

— Бабушку?

— Ну зачем брать в отряд балласт, если он даже добр и мил? Гораздо разумнее остановиться на полноценном человеке.

Альта вдруг отстранилась от мужа, глаза ее стали сердитыми.

— Уж не хваленую ли Эллу ты хочешь взять с собой?

— Да ты с ума сошла! Она же перебаламутит весь отряд, во всяком случае, постарается это сделать, и только после этого успокоится и будет по-настоящему работать. Морочить головы мужчинам для нее вопрос престижа. Нет, если так уж получится, я предложу место Нике.

Альта всплеснула руками.

— Названной сестренке? Она же совсем еще девочка!

Лорка покачал головой.

— Она так выглядит. А на самом деле ей уже шестнадцать лет, и она имеет право распоряжаться собой.

— Ты не шутишь?

Альта смотрела на мужа с удивлением.

— А ты и правда жесток, Лорка. Неужели тебе ее не жалко?

— Мне ее жалко, — хмуро ответил Федор.

— Ничего себе жалость!

— Она может отказаться.

— Ника не из тех, кто отказывается. И ты это знаешь.

— Я ее жалею, — упрямо повторил Лорка. — Если бы не это, я бы пригласил ее участвовать в экспедиции и без Всемирного женского общества. Но если я буду поставлен перед необходимостью, то первое предложение сделаю Нике. В таких делах личное ничто по сравнению с общественным долгом. Никто не простит мне ошибок.

Альта опять прижалась щекой к его плечу.

— Может быть, ты и прав.

— И еще одно. — Лорка помолчал. — Временно нам придется жить не здесь, а в городе.

Альта вскинулась, взглянула в глаза мужа.

— Почему?

— Пусть это будет моей маленькой тайной.

Глава 7

Игоря Дюка Лорка отыскал в бассейне. Собственно, это был не бассейн, а большой участок морской мелководной акватории, оборудованный для купаний, плавания, водных и подводных спортивных игр и прыжков. Игорь стоял в непринужденной позе на самом краю площадки десятиметровой вышки, небрежно опираясь на перила, и смотрел вниз на голубую, будто подкрашенную синькой воду, а поэтому не заметил приближения Федора. Лорка сел у самой воды на упругую, теплую скамью. Покосившись на безжалостное тропическое солнце, словно окутанное раскаленной шалью, Федор нажал клавишу комфортных условий. Позади него немедленно потянулся вверх штырь с набалдашником. Когда он достиг нужной высоты, над головой Лорки с сухим треском раскрылся большой зонт и из-под его голубого шатра повеяло легким потоком прохладного воздуха. Лорка распахнул ворот рубашки, блаженно откинулся на спинку скамьи. Теперь можно было заняться делом. Лорка посмотрел на вышку — поза Игоря из-

менилась, она приобрела настороженность, и смотрел Дюк теперь не на воду, а прямо на Лорку. Игорь вдруг театрально развел руками и радостно-удивленно крикнул:

— Федор!

— Это не я, — расслабленно ответил Лорка, подставляя прохладным струям воздуха то одну, то другую щеку.

— Федор, рыжий ты ангел.

Дюк на секунду вытянулся стрункой — темный силуэт на белесо-голубоватом небе. Тонкий, гибкий — прямо юноша, только развитые плечи да посадка головы выдавали его истинный возраст, — он хотел сделать тройное сальто, но перекрутил и, входя в воду, поднял косой веер брызг.

Вынырнув, Дюк выпустил изо рта струйку воды и наставительно сообщил:

— Вот как не надо делать тройное сальто с десятиметровой вышки!

— Верно, — согласился Лорка, — не надо так. Не хорошо. Неэстетично.

Дюк сделал несколько мощных гребков, выбрался на берег и, скаля зубы, принялся вытираться мохнатым полотенцем. Под загорелой кожей перекачивались и играли мышцы. Усаживаясь рядом с Лоркой, Игорь спросил:

— Ты один или с Эллой?

— А что, надо было привезти?

Игорь не ответил и, пристально глядя на воду, жестом призвал Лорку к молчанию. Федор ничего не понял, однако, подражая Дюку, принялся смотреть на воду. Но ничего не происходило, вода как вода.

— Ожидается явление Христа народу? — шепотом спросил Лорка.

Игорь скорчил презрительную гримасу.

— Дядька Черномор с прекрасными витязями?

С той же миной Дюк помотал головой. Федор хотел спросить еще о чем-то, но не успел. Вода легонько вспучилась, запузырилась, и на поверхности появилась хорошенькая девичья головка. Она встряхнула

коротко стриженными волосами, нараспев укоризненно сказала:

— Что же вы, Игорь?

Дюк не без торжества взглянул на Лорку и скороговоркой спортивного комментатора проговорил:

— Одно из торжественнейших событий сегодняшнего дня — рождение Афродиты из морской пены. Зовут Ладой.

Лада перевела взгляд с Игоря на Лорку, потом обратно, неторопливо вытерла еще раз ладонью лицо и так же нараспев выговорила:

— Болтун вы, Игорь. Неисправимый.

Пока она подплывала к берегу, движения у нее были плавны, изящны, но довольно энергичны, Дюк в том же репортерском тоне вещал:

— Неблагодарность свыше — проклятие рода человеческого всех времен и народов. Боги никогда не понимали людей. А если и понимали, то не так, как нужно. Когда же случилось понять по-настоящему, вместо наград на голову бедных смертных обрушивались всякие кары и злодейства.

Лениво вытираясь мохнатой простыней, «Афродита» с рассеянной улыбкой слушала болтовню Игоря. Она и правда была похожа на светлую богиню любви. Платиновые волосы, фиалковые глаза, мягкие черты лица, нежный золотистый загар и несколько массивные скульптурные формы. В ней не было элегантности Эллы, изящества Альты, спокойной женственности Валентины. В ее замедленных, льющих движениях была своя, особая грация, обращенная не на окружающих, а как бы внутрь себя.

Молодая женщина легонько шлепнула его по руке и с медлительной гибкостью поднялась на ноги.

— Забирайте его с собой, Федор... Для санатория у него слишком много энергии.

— Куда же я его дену, такого энергичного?

— На Кику. Да вы не удивляйтесь, он мне все уши прожужжал о вас и об этой планете.

Она перекинула простыню через плечо.

— Мне пора. До свидания, Федор.

Провожая ее глазами, Лорка спросил вполголоса:

— Влюблен?

— Пока нет.

— А потом?

— Кто из смертных может уверенно говорить о «потом»? — усмехнулся Игорь и добавил уже серьезно: — Я жалею ее. Не удивляйся — у нее искусственные легкие, оба. Поэтому и занимается подводным плаванием — соединяется приятное с полезным, под высоким давлением ускоряется функциональная приживаемость этих органов. А дыхательные пути и легкие ей выжгло дотла на заводе синтезпродуктов. Произошла утечка какого-то сверхъядовитого промежуточного вещества. Дыхательные пути ей регенерировали, а вместо легких — биомехи.

— Так она же здорова теперь. За что же ты ее жалеешь? — хмуро спросил Лорка.

По губам Дюка скользнула улыбка.

— По инерции. Ты видел ее? Разве не Афродита?

— Красивая женщина, — подтвердил Лорка.

— А красивые женщины очень уязвимы во всем, что касается их внешности, да и просто здоровья. У Лады была жестокая депрессия после реанимации. Она считала себя неполноценной, уродкой, помесью человека и механизма. Ей не хотелось жить. Двумя неделями раньше ты бы не узнал ее, это была тень теперешней богини. У меня сердце сжалось, когда я ее увидел. — Игорь плутовато усмехнулся. — И я принялся напропалую за ней ухаживать. Говорил комплименты, иногда выглядел таким прожженным ловеласом, что даже окружающие морщились. Изображал роковую влюбленность в духе рыцарского средневековья и страданий молодого Вертера. Специально перечитал эллинскую мифологию. Она быстро разобралась, что я дурака валяю, но незаметно втянулась в эту игру. Сказался инстинкт красивой женщины.

— Так и играете до сих пор?

Дюк задумался, пожал плечами и вдруг засмеялся:

— А черт его знает! Во всяком случае, мы по-настоящему подружились, и игра у нас уже другая.

Помедлив, Лорка спросил:

— Ты уж прости меня, но почему ты спросил про Эллу?

— А что, нельзя?

— Почему же нельзя?

— Вот я и спросил. — Дюк помолчал. — Недавно мы говорили с ней по видеофону. Спрашивает: «Навестить тебя?» Я говорю: «А это нужно?» — «Наверно, не нужно», — отвечает. — Игорь взглянул на Лорку и усмехнулся. — Трудно рвать старые цепи. Даже когда они насквозь проржавели и стали не крепче бечевки.

Лорка присмотрелся к его лицу и круто сменил тему разговора, благо он уже понял что к чему.

— Послушай, Игорь, а что, если тебе последовать совету Лады?

Дюк непонимающе взглянул на него.

— А именно?

— Отправиться со мной на Кику.

Игорь присвистнул, разглядывая Лорку, видимо, разбирался, не шутит ли.

— Ты для этого и прилетел, рыжий ангел? — проговорил он наконец.

— Дьявол, теперь уже дьявол, Игорь. Я же собираюсь утащить тебя на Кику, а это настоящая преисподняя, судя по всему.

Южное, чуть скуластое лицо Дюка стало сосредоточенным.

— Я и правда мечтал об этом, но справлюсь ли? Дело серьезное, надо подумать.

Лорка видел, что Игорь, как это иногда случалось с ним, немного актерствует, а поэтому сказал сухо-вато:

— Не строй барышню-дворянку, которой кузен предлагает руку и сердце. Время не терпит. Мне нужен ответ немедленно.

— Ишь ты, даже подумать нельзя!

— По-моему, ты уже давно обо всем подумал.

Игорь захохотал.

— Что верно, то верно. Что ж, поступим по рецепту древних храбрецов: вперед, на Кику! — Он

помолчал, теперь уж серьезно поглядывая на Федора, попросил: — Если не трудно, введи меня в курс последних событий. Хотя бы коротко.

Лорка отдавал себе отчет, что имеет дело с опытным космонавтом, не раз возглавлявшим экспедиции. Потому со всеми подробностями рассказал Игорю и о своих планах обследования Кики, и о последних событиях вплоть до гибели угнанного с Плутона гиперсветового корабля, и о происшествии с шаровой молнией. Это последнее заинтересовало Игоря больше всего.

— Ты знаком с гипотезой Тоницы? — спросил он.

— Не припоминаю.

— Очень любопытная гипотеза. Выдвинута в середине двадцать первого века, когда было создано несколько различных подобию шаровой молнии и когда окончательно выяснилось, что путей создания подлинной долгоживущей молнии без искусственной стабилизации и внешней подкачки энергии пока не существует даже в перспективе. Тоница на основании анализа огромного количества фактов утверждал, что под понятием «шаровая молния» обобщается целая группа плазменных объектов, имеющих принципиально различное происхождение, структуру и эволюцию. Тоница допускал, что некоторые из этих плазмоидов могут иметь искусственное происхождение — быть вестниками или разведчиками иных цивилизаций. Собственно, это уже другая гипотеза, о так называемых неопознанных летающих объектах. Она имеет древние корни, обширную литературу и... ни одного безусловного фактического подтверждения.

— Это мне известно, — начал было Федор, но Игорь не дал перебить себя.

— Погоди, я еще не выплеснулся до конца. Когда я усердно занимался своей любимой философией космоса, я наткнулся на теорию Сингха Ривейры. Системой строгих уравнений он показал, что так называемая субпространственная телетранспортировка может производиться плазменными объектами с достаточно высокой температурой.

— То есть сначала предмет или нас, грешных, надо преобразовать в плазму, а потом выполнить обратную трансформацию?

— Вот именно!

Лорка задумался и вдруг по какой-то прихотливой ассоциации спросил:

— Послушай, ты за последние дни не получал какого-нибудь странного послания?

— Какого послания? — удивился Дюк.

— Рукописного, на оберточной бумаге.

— На оберточной... — повторил Игорь сосредоточенно и как-то странно взглянул на Лорку. — Ты уверен, что это существенно?

Федор насторожился.

— Неужели получал?

— Представь себе. — Игорь смотрел на Лорку с некоторым недоумением. — Получал. И, по-моему, не успел еще выбросить.

Дюк еще посидел на скамье, что-то припоминая, потом поднялся и пошел к кабине, где висела его одежда. Он задержался там куда больше, чем рассчитывал изнывавший от нетерпения Лорка. Вернулся Игорь скорым шагом и, не присаживаясь, спросил:

— Шхуна — это корабль?

— При чем тут шхуна? Записка сохранилась? — нетерпеливо спросил Лорка.

— Шхуна — это корабль, ведь так? — с непонятной настойчивостью повторил Дюк.

— Корабль. Старинный парусный корабль с какой-то там специфической оснасткой.

Игорь сосредоточенно кивнул головой, потом протянул руку и разжал ладонь. На ней лежал сложенный вчетверо клочок бумаги.

— Нашел в кармане брюк дня три назад. Здесь же, в кабине, когда переодевался. Хотел выбросить, но потом решил показать Ладе, да забыл. Так и завалялась.

Рука Лорки дрогнула, когда он брал эту бумажку, годившуюся, казалось, лишь для утилизатора. Развернул. На ней была безграмотная надпись, сделанная корявыми, прыгающими буквами. «Черезсветная

шхуна сгорела ошибочным расчетом. Не надо быть опасаемыми. Это есть конец разговоров на знаках. Уходящий совсем последним».

Федор рассказал Игорю, при каких обстоятельствах приходилось ему самому находить такие же бумажки.

— Жаль, — сказал Дюк с искренней досадой. — Жаль, что тебе не пришло в голову как следует разглядеть их. Скорее всего они содержали какие-то сообщения.

— Скорее всего так, — уныло согласился Федор. — Но разве мне могло прийти в голову, что инопланетяне будут общаться с нами безграмотными записками на жалких клочках бумаги!

Игорь усмехнулся.

— Да и мне инопланетные контакты рисовались совсем по-другому. Что-то вроде дипломатического визита или симпозиума с использованием совершеннейших средств информации. Действительность, как и всегда, куда проще и вместе с тем гораздо запутаннее наших домыслов. — Дюк помолчал, сосредоточенно хмурия брови, и уверенно добавил: — Убежден, что, прежде чем обратиться к такому примитиву с записками, кикиане использовали массу других средств связи. Но не имели успеха.

— Если только это не был успех наизнанку, — невесело уточнил Лорка.

— Что ты имеешь в виду?

— Гибель людей на Кике.

— Вот как? А вообще-то вполне возможно. Попытки прямой передачи информации на мозг и на Земле кончались плачевно. Чуть больше, чем нужно, мощность, резонанс с биоритмами мозга — и либо припадок, либо смерть. — Игорь вздохнул. — Все-таки чертовски жаль, что ты не обратил внимания на другие записки.

Секунду Лорка рассеянно смотрел на товарища, что-то припоминая, потом не совсем уверенно проговорил:

— Подожди! Думаю, что еще одну записку мы найдем.

И он рассказал Игорю о своем странном разговоре с Тимуром.

Глава 8

У домика Тимура Лорка замедлил шаг. Всего неделя прошла, как он был здесь, а все изменилось, все погрузнело вокруг. Поредела роскошная крона раскидистой липы, опавшими листьями была усеяна не только земля, но и чурбаки, служившие стульями, и костер, превратившийся в грязное черное пятно, и синтетическая дорожка, убегавшая в глубь леса. Плавали листья в большой неожиданно чистой луже, равнодушно отражавшей скучные серые облачка и тревожную просинь небесных окон, из которых иногда выбрызгивало солнце.

Лорка отодвинул бесшумно скользившую дверь и с удовлетворением убедился, что Тим еще не покинул своего уединенного жилища и что заблаговременно обдуманый разговор с ним не придется откладывать. Лорка откашлялся, чтобы привлечь к себе внимание, в коридор выглянула Валентина.

— Федор! Как хорошо, что вы прилетели.

— Так уж и хорошо? — Лорка переминался с ноги на ногу, ожидая, когда искрящиеся ворсинки пышного ковра вычистят и высушат его сапоги.

— Конечно, хорошо. Да хватит вам топтаться, проходите!

Лорка прошел в гостиную, не без опаски опустился на изящный, хрупкий на вид дачный диванчик. Усаживаясь напротив, Валентина засмеялась, показывая крупные жемчужные зубы.

— Этот диванчик всех пугает.

Большие серые глаза Валентины следили за ним улычиво и приветливо. И оттого, что в этих глазах не было даже самого легкого недовольства или обиды, Лорка с новой остротой почувствовал свою невольную вину перед этой женщиной — ведь как-никак, а именно он разлучил ее с мужем и, может быть... У него мелькнула мысль — навсегда, но он тут же и очень сердито поправил себя: «Надолго, а не навсегда. Надолго!»

— Значит, напугала вас осень, удираете? — спросил он вслух, стараясь отвлечься от своих непрошенных мыслей.

— Да что вы! — откровенно удивилась Валентина. — Мы любим осень, особенно я. Даже вот такую, когда дождь, ветер и листья летят по воздуху. Сидеть у окна, слушать и смотреть на все это — ведь правда хорошо?

Лорка засмеялся — он, уроженец солнечного юга, терпеть не мог ветреной и дождливой погоды, она нагоняла на него тоску.

Глядя на оживленное лицо молодой женщины, Лорка снова, как укол, ощутил чувство вины перед ней.

— Валя, вы не сердитесь на меня? — вдруг чисто импульсивно спросил он.

Она подняла брови.

— За что?

— А за то, что я забираю в экспедицию Тима.

— Разве он не по своей воле летит с вами?

Большие серые глаза Валентины смотрели на Лорку ясно, покойно, даже простодушно, без самой малой капельки иронии. Федор ощутил сложное, противоречивое чувство: и облегчение, и стыд из-за того, что не сумел сразу оценить спокойную жертвенность и своеобразное величие этой жены и матери.

— Да и как ему не лететь, когда вы летите? Конечно, Кика — страшное место, но не так уж чтобы очень. Вы с Тимом бывали в местах и пострашнее, правда?

— Еще бы! — Лорка постарался не сфальшивить.

Валентина кивнула в знак согласия.

— Тим мне рассказывал. — Она подумала и рассудительно добавила: — Потом у вас очень сильный по составу разведотряд. Все в отличной форме. И еще... — Она вдруг осеклась, с каким-то лукавством и торжеством взглянула на Федора и, круто меняя тему разговора, вдруг предложила: — Хотите, я вам дочку покажу?

— Хочу. — Лорка поднялся с диванчика. — А где Тим? Спит или опять по грибы пошел?

— И не спит, и не по грибы, — с ноткой таинственности ответила Валентина. — Скоро придет.

— Придет? Откуда?

— Секрет. — Валентина осторожно отодвинула дверь детской.

— А почему удираете отсюда — тоже секрет?

— Тоже секрет. Да вы проходите.

— И тут секреты, — пробормотал Лорка, перешагивая вслед за Валентиной порог маленькой комнатки.

В колыбели, стоящей у стены, сладко спала голенькая, покрытая легким загаром девчушка — пухленькое существо с перетяжками на ручках и ножках. Лицо сосредоточенное, крохотный ротик приоткрыт.

— Спит, — прошептала Валентина.

— Знаете, Валя, — сказал вдруг Лорка. — Я вот боюсь младенцев. Честное слово! На расстоянии еще могу любоваться, а вот как дадут мне их на руки — боюсь: вдруг у них что-нибудь там поломается.

Валентина засмеялась.

— Ох и бестолковые вы, мужчины!

— Вы тоже хороши. Девочка спит, а свет как на солнцепеке. Нет бы выключить.

— Как можно! Днем дети должны спать при свете. Загорать и крепнуть. Разве можно ломать естественные условия и ритмы?.. Федор, да вы не слушаете меня!

— Слушаю. — Лорка улыбнулся. — Но еще и думаю о своем.

— О чем?

— О том, куда все-таки запропастился Тим.

Лицо Валентины вдруг отразило беспокойство.

— И правда, что-то долго его нет. Уж не случилось ли чего? — Она поспешно встала. — Пойдемте, Федор.

Выйдя из домика и пройдя шагов десять по синтетической дорожке, Валентина свернула к кустам и остановилась возле люка, закрытого крышкой и ведущего куда-то под землю.

— Здесь у Тима лаборатория, — пояснила она, нагибаясь к крышке.

Лорка с улыбкой отстранил ее.

— Только осторожнее, — поспешно предупредила Валентина.

Не поняв хорошенько, что бы могло означать это предупреждение, Лорка откинул неожиданно массивную крышку и увидел легкую лесенку, ведущую в хорошо освещенное помещение. Он еще успел подумать, на кой черт Тимуру понадобилось устраивать себе какую-то примитивную подземную лабораторию, как вдруг голова у него закружилась, а мысли спутались. Лорка распрямился. Его заметно шатнуло. Пошире расставив ноги, Федор огляделся: ему почудилось, что началось землетрясение, как будто он стоял не на твердой почве, а шел по бурному морю на небольшой яхте. Деревья, кустарники, трава и Валентина плавали в каком-то призрачном тумане, покалывало мышцы и ломило кости, откуда-то поднималось темное чувство страха.

— Отойдите от люка! — как сквозь ватную стену, донесся до него отчаянный крик Валентины.

И в тот же миг землетрясение прекратилось, исчез прозрачный туман, точно его сдуло ветром. Лорка прикрыл глаза и утомленно провел рукой по лицу, стирая капельки пота.

Глава 9

Ревский был сердит по-настоящему. В таком состоянии он никогда не повышал тона, не сверкал глазами и вообще не выказывал заметных эмоций, только четкие черты его рубленого лица становились еще резче, а морщины — глубже. Выслушав доклад Лорки и Тимура Корсакова, он долго сидел молча, погружившись в раздумье.

— Вы поступили как мальчики, увлеченные интересной игрой, но не как взрослые люди, которым поручено серьезнейшее и ответственное дело. Я не уверен, смогу ли я теперь доверять вам так, как доверял раньше. И я не знаю, как мне поступить, — сказал наконец Ревский.

Тимур, который не мог не чувствовать, что на его плечах лежит основная доля вины за скрытность и

самовольство, счел нужным заметить, хотя это и получилось у него не совсем уверенно:

— В конце концов, ведь ничего страшного не произошло. Наоборот, удалось узнать много нового.

Ревский остановил его сентенцию:

— Не все измеряется конечным результатом. Это лишь в старину, да и то беспринципные люди смели верить, что цель оправдывает средства.

Лорка вздохнул. Ревский, внимательно взглянув на него, грустно сказал:

— И ведь главная вина на тебе, Федор.

— Знаю.

— Почему? Это я все затеял, — возразил Тимур.

— Ты затеял, а он командир, — отрезал Ревский. — Что это за тайны и секреты от Совета космонавтов? Для чего тогда вообще существует этот совет? Лаборатории, научные станции и медицинские учреждения? На свой риск и страх занялся экспериментами!

— Право на риск — это мое право, — огрызнулся Корсаков.

— Да, у тебя есть такое право. Но это право простого человека. А ты сейчас не простой человек, а член особого разведотряда, наделенного чрезвычайными полномочиями и ответственностью. Случись что с тобой, и экспедицию на Кику пришлось бы откладывать до выяснения всех обстоятельств. А подика разберись во всей этой путанице с безграмотными записками и инфразвуковыми экспериментами!

— Я был очень осторожен, Теодорыч, — улыбнулся Тимур.

Но Ревский не принял его улыбки.

— Ты уж лучше молчи о своей осторожности! Выкопал себе нору и стал проверять, так ли он легко помирает, как другие!

— Нору я выкопал в порядке подготовки к экспедиции, — смиренно ответил Тимур. — Ты же сам утверждал программу тренировок, Теодорыч. Есть там и такой пункт, как постройка убежища.

— Есть, — подтвердил Лорка, пряча улыбку. — И даже с оговоркой, что убежище должно быть подземного или пещерного типа.

Ревский шумно вздохнул, побарабанил пальцами и буркнул:

— Ладно. Оставим пока ваше легкомыслие. Проанализируем ситуацию по существу. — И, хмуря брови, внимательно перечитал сообщение, коряво написанное на клочке бумаги. Там значилось: «Когда если не беретесь космичу настаиваете сильно. Большая будет предстоять польза. Страхов не надо быть имесным. Вы единственный с резервом инфразы».

Лорка не ошибся. Тимур действительно получил, причем ранее, чем кто-либо другой, таинственную записку. В отличие от Игоря ему и в голову не пришло, что это шутка. Какую-то роль сыграло и мнение Валентины, сразу уверившейся, что это сообщение от кикиан. В то же время Тимур не без оснований решил, что очень нелегко будет заставить других людей, особенно ученых, серьезно отнестись к этой безграмотной стряпне. Сначала надо было попытаться выяснить смысл этого не совсем понятного сообщения, поторопившись же, можно было лишь скомпрометировать себя.

Тим предположил, что после вмешательства кикиан в его жизнь он приобрел какое-то особое качество, резерв, как говорилось в записке, которое будет полезным ему на Кике, — свойство инфразы. Но что это за инфраза, черт ее подери? Может, он наделен теперь способностью понимать дотоле неизвестный, а именно кикианский, язык? Сославшись на перспективу участия в кикианской экспедиции, Корсаков прошел дополнительное и очень тщательное нейропсихическое обследование по разделу памяти. Однако ничто не свидетельствовало о том, что его мозг обладает каким-то скрытым запасом сведений и возможностей. Так, может быть, инфраза — это инфразащита, защита от низкочастотных колебаний, механических, звуковых, электромагнитных или каких-нибудь иных? Особенно заинтересовался Тимур инфразвуками. Как и всякий космонавт, Тимур был знаком с основами медицины. Он знал, что определенные спектры инфразвуков достаточной интенсивности могут оказывать на человека сильное

психическое воздействие, вызвать припадки эпилептического типа и даже смерть. Покопавшись в литературе, Корсаков обнаружил, что о воздействии инфразвука на людей знали еще в двадцатом веке.

Первым это совершенно случайно обнаружил ученый, физик Вуд. Стараясь придать звучанию концертного органа особые краски, он встроил в него трубы, издававшие инфразвуки. На особый эффект он не рассчитывал, но, когда эти органные трубы неслышно зазвучали, публика пришла в состояние необъяснимого ужаса и разбежалась из концертного зала.

Когда Тимур прочитал о том, что при воздействии некоторых инфразвуков смерть человека наступает от паралича сердца, он сразу же сопоставил это с гибелью людей на Кике. Полный параллелизм, если не совпадение! Он поначалу просто не мог понять, как ученые, анализировавшие обстановку на этой планете, могли пройти мимо такого объяснения. Когда Тимур поделился своим недоумением с женой, Валентина ненадолго задумалась, а потом с мягкой, грустной улыбкой проговорила:

— Люди быстро забывают то, что им становится ненужным. Разве мы умеем добывать огонь трением? Разве мы не забыли целую кучу кустарных, ручных промыслов?

И все-таки Тимур Корсаков с обстоятельностью, свойственной опытным гиперсветовикам, решил поставить эксперимент, прежде чем говорить о своих догадках Совету космонавтов. Готовой инфразвуковой аппаратуры он не нашел, но собрать ее было несложно. Не без труда сломив сопротивление Валентины — она считала, что лучше обратиться к специалистам или, по крайней мере, ввести в курс дела Лорку, — Тимур оборудовал лабораторию и принялся за опыты. Он сразу же выявил, что его чувствительность к амплитудному воздействию инфразвука самая ординарная и что, скажем, смерть от разрыва сосудов при частоте в 7 герц постигнет его столь же легко, как и любого другого человека. Но, когда он перешел к экспериментам с инфразвуком сложного спектра с психическим подтекстом, картина резко

переменилась. Инфразва, которую, как сообщала записка, имел в резерве Тимур Корсаков, действительно оказалась защитой от инфразвуковых излучений.

Когда в тот знаменательный день встревоженный Тимур выбрался из своей инфразированной лаборатории, Лорка еще не совсем пришел в себя.

— Надо было постучать, — укоризненно сказал Тимур Валентине и с улыбкой повернулся к Федору: — Жив?

— Наполовину, — хмуро ответил Лорка и тряхнул головой, окончательно приходя в себя. — Что там у тебя за чертовщина?

— Всего-навсего генератор инфразвука.

Лорка посмотрел на серые с синими окнами облака, на виновато улыбающуюся Валентину, перевел взгляд на Тима и, пораженный неожиданной догадкой, спросил:

— А тебе, стало быть, это хоть бы что?

— Ну не совсем так. Но, как я смог определить, чувствительность у меня на инфразвук примерно на порядок меньше, чем у неподготовленных людей.

Зеленые глаза Федора сощурились.

— А ну подавай сюда записку!

Лицо Тима вытянулось.

— Ты знаешь об этом сообщении? — Он обернулся и вопросительно посмотрел на Валентину.

— Сообщение, адресованное тебе, не единственное, — пояснил Лорка. — Оберточная бумага, корявые буквы, безграмотность.

— Все верно, — сказал Тимур, доставая из кармана послание.

Именно его и перечитывал теперь Ревский.

— Теодорыч, — осторожно проговорил Лорка, — после этих записок вряд ли можно сомневаться в дружелюбии кикиан.

— Пожалуй, — без особого воодушевления согласился Ревский. — Но записки записками, а нужно

детальное обследование разведотряда на инфраустойчивость. Нужно установить индивидуальные возможности каждого. Бывают же люди с уникальным слухом, зрением, голосом. Почему бы некоторым не иметь уникальную инфраустойчивость, пусть не такую, как у Тима, но все-таки.

— Нужна обоснованная система инфратренировок, — вставил Лорка. — Хотя приятного в них мало.

— Верно. И нужно срочное задание врачам. Не может быть, чтобы, навалившись скопом на проблему инфраустойчивости, наша славная медицина что-нибудь бы да не придумала.

— Должна придумать, — согласился Лорка.

— А сроки? — тихонько вставил Тимур.

Ревский сразу помрачнел.

— Да, сроки. В конце концов, их можно пересмотреть, оттянуть.

— Нежелательно.

Ревский не успел ответить. Экран видеофона осветился, и на нем обрисовалось лицо дежурного по совету.

— Вам срочная депеша с большого телеинформара.

— Давайте.

— Извлечение из гравитопосылки. Особой срочности. На Кике отмечены процессы, идентичные ядерным взрывам мощностью до нескольких мегатонн. Конец сообщения.

Космонавты переглянулись.

— Вот тебе и мирные намерения кикиан, — пробормотал Ревский и поднял глаза на дежурного. — Это все?

— Генеральный секретарь Всемирного совета просил встречи с Федором Лоркой. Если это возможно, то завтра в одиннадцать.

Глава 10

Кабинет начальника плутонского космопорта по земным масштабам был слишком велик и роскошен. Впрочем, такого рода излишествами страдали все по-

мещения на Плутоне: и общественные, и личные, и служебные, и бытовые. И в этом не было ничего удивительного. На Земле в распоряжении людей есть леса, парки, морские, речные и озерные зоны отдыха, горные регионы санаторного типа, и помещения играют скорее утилитарную, нежели эстетическую роль, хотя одно, разумеется, не исключает другого. В космических же условиях, будь то планетные гермогорода или базы открытого космоса, в зданиях проходит практически вся жизнь человека.

Окно в кабинете было громадным, во всю переднюю стену, поверхность его была цилиндрической и выступала из корпуса здания наподобие балкона. Через это хрустальной прозрачности окно в кабинет с черно-серебристого неба смотрели колющие немигающие звезды и лился странный, нежный и волнующий жемчужный свет. В нем не было ни щедрой теплой яркости солнечного света, ни призрачного таинства лунного освещения; свет этот был ласков и покоек — ни грусть, ни радость, ни явь, ни сон, а сладкая дрема.

Лорка вошел в прямой световой поток, провел по воздуху ладонью, точно пытался погладить или зачерпнуть этот сказочный свет, а потом взглянул в окно. Его глаза больно ужалила яркая золотая звезда — Солнце. Ужалила не только в глаза, но и в самое сердце — оно заныло, как всегда ноют человеческие сердца, когда еще свежи томление и своеобразное грустное счастье любовной разлуки. Лорка зажмурился, но все равно каждой клеточкой кожи, ресницами подрагивающих век он ощущал нежную, как дыхание ребенка, едва уловимую ласку далекого, а потому еще более родного светила. И еще он чувствовал взгляд Альты, он видел ее глаза — такие неожиданные, такие уккоризненные, такие светлые глаза на темном лице.

Стены кабинета имели розоватую окраску, потолок был светло-голубым, пол — светло-зеленым. Жемчужные лучи многократно отражались от этих полуполированных поверхностей, что создавало иллюзию дневного освещения.

Да, цветов и зелени в этом кабинете было предостаточно, а вот хозяина, начальника космопорта, Гаспара Тагоровича Аргоняна, не было — запаздывал. Лорка знал Аргоняна, потому легко представил себе, чем он сейчас занимается: конечно же, беседует с группой ведущих инженеров, начальников бригад, которые готовили «Смерч» к старту на Кику. Лорка пододвинул кресло, сел и подумал, что Тимур и Виктор Хельг, конечно, уже на корабле, а остальные вот-вот должны прибыть.

Лорка не ошибся: Игорь Дюк, Соколов и Ника Сонлей стояли в этот момент на шестом причале, где был ошвартован «Смерч», в кабине только что остановившегося лифта. Двери его бесшумно раздвинулись, Соколов шагнул было вперед, но нога его на полушаге повисла в воздухе. В отличие от всех других гиперсветовые корабли стартовали не с поверхности Плутона, а со старт-спутника, находящегося на стационарной орбите, поэтому Соколову почудилось, что он шагает прямо в открытый космос. Звезды, щедро, слишком щедро рассыпанные и размазанные по небу, смотрели на него со всех сторон. Смотрели сурово, холодно и осуждающе. Игорь засмеялся, осторожно отодвинул Соколова в сторону и шагнул вперед, на прозрачный композитный пол.

— Все в порядке, Александр Сергеевич. — Игорь притопнул ногой. — Прозрачен, но металлов тверже он и крепче пирамид.

Соколов усмехнулся, но шагнул вперед с опаской, точно на тонкий лед. Ника скорее машинально, чем сознательно, придержала его за локоть. Соколов укоризненно взглянул на нее.

— Это мне по рыцарским канонам положено предложить вам руку.

Прозрачный пол только намеком отражал их ярко освещенные фигуры, а сквозь него теперь просматривалась серебристо-серая поверхность Плутона, изрезанная извивами и иероглифами черных теней.

— Как, впечатляет? — спросил Игорь.

— Впечатляет, — спокойно согласился Соколов и еще раз, уже смелее, притопнул ногой. — Непонятно только, к чему такие театральные эффекты?

— А для того, — Игорь повел рукой вокруг себя, — чтобы можно было без помех пить настоящий на звездах волшебный напиток космических тайн.

Ника засмеялась и добавила:

— А еще для того, чтобы удобнее было следить за причаливанием, швартовкой, погрузкой и отходом кораблей.

Соколов достал из кармана большой белоснежный платок, не торопясь вытер лицо и шею.

— И везде-то они побывали, и все-то они видели, — пробормотал он, спрятал платок в карман и лишь теперь обратил внимание на мощную колонну, тянущуюся к звездам. — А это что за сооружение?

— Это и есть наш корабль, так сказать, вид вблизи. Прошу любить и жаловать.

Запрокинув голову, Соколов несколько критически разглядывал вздымавшийся над ним «Смерч».

— Ничего, — сказал он наконец, — но, судя по голограммам, я ожидал большего.

— Недостает иллюминации и цветочных ожерелий?

— Что цветы? Эфемеры! — невозмутимо ответил Соколов. — Дело в масштабах. Мне не раз приходилось вот так же, рядом, видеть планетарные лайнеры. Это действительно впечатляющие конструкции! Размеры, элегантность линий и внутренний комфорт. А это, — он еще раз, запрокидывая голову, оглядел корабль, — нечто вроде древних ракет на химическом топливе.

Слушая его, Игорь с нарастающим выражением грусти на лице покачивал головой.

— Древних ракет? Да что вы! Эта штука, — он презрительно кивнул на корабль, — хуже. Много хуже!

Соколов усмехнулся.

— Почему же?

— Потому что она опаснее.

Тень беспокойства скользнула по лицу Соколова, Ника с трудом сдерживала улыбку.

— Гораздо опаснее, — печально повторил Дюк и со вздохом погладил нейтридный корпус корабля ладонью. — Судите сами, чем заправлялись древние ракеты? Такими натуральными, домашними, хорошо прирученными веществами, как водород и кислород. Да их можно было черпать ведрами и носить в начальные школы, чтобы ставить там показательные опыты по влиянию низких температур на свойства материалов! Немыслимо, но даже при взрывах энергоустановок и двигателей у экипажа были шансы уцелеть. История космоса знает такие случаи. А теперь? — Игорь безнадежно махнул рукой. — Гипервещество, на котором работают ходовые двигатели, только и дожидается, как бы вырваться на свободу из-под контроля автоматики гашения и ахнуть так, чтобы от корабля вместе с его бедным экипажем не то что пыли, но и атомов не осталось.

Ника наконец не выдержала и сказала со смехом:

— Да не слушайте его, Александр Сергеевич! Он вас пугает!

Игорь прижал руку к сердцу.

— Я? — Он покачал головой и снова с грустью и нежностью погладил корпус корабля. — Ни в коей мере. Я только беспристрастно констатирую очевидные и, если можно так выразиться, вопиющие факты. А факты — вещь упрямая.

— Да, факты вещь упрямая, — хладнокровно согласился Соколов, тоже погладил ладонью корпус корабля и бодро сказал: — Что ж, сквозь тернии — к звездам!

Корабль будто услышал его призыв; с пугающей медлительностью в его корпусе раздвинулась, будто прорезалась, входная дверь, и мягко осветилась кабина внутреннего, корабельного лифта.

...В этот самый момент Лорка скорее услышал, чем почувствовал позади себя легкое движение, обернулся и увидел улыбающегося Аргоняна. Гаспар Тагорович был старчески массивен, по-рембрандтовски выразителен и медлителен в движениях. У него были умные, насмешливые, близко посаженные гла-

за, небольшой рот с полными, чувственными губами и большой мясистый нос.

— Здравствуй, командир, — певуче сказал он и, ласково приобняв за плечи, посадил на старое место поднявшегося ему навстречу Лорку.

— Здравствуй, Гаспар Тагорович.

Они были старыми знакомыми, собственно, все экипажи гиперсветовых кораблей были Аргоняну старыми знакомыми, но, помимо этого, несмотря на большую разницу в годах, они еще чисто по-человечески симпатизировали друг другу.

Неторопливо, основательно усевшись на свое рабочее место, а только с этого места начальник порта вел свои дела с командирами кораблей, Аргонян принялся с улыбкой разглядывать Лорку.

— Все такой же красивый и сильный. И все такой же бродяга и непоседа. Разве можно так часто оставлять одну молодую жену-красавицу?

— Приходится. А то у тебя все корабли разворуют, Гаспар Тагорович.

Скрывая смущение, Аргонян раскатисто откашлялся, но Лорка безжалостно продолжил:

— Как же это ты не уследил за «Вихрем»? Такой был корабль!

Аргонян покачал головой.

— Какая невоспитанная молодежь! Неделикатная, жестокая! — Он шумно вздохнул и, сменив тон, печально сказал: — Недоглядел, проворонил. Наверное, старый стал, на Землю пора, в Дом космонавтов, на покой.

Он сердито шевельнул густыми черными бровями.

— Но подумай сам, кто мог представить, что в наше просвещенное, интеллигентное время существуют космические жулики-рецидивисты? Ума не приложу, как, под каким соусом они в порт проникли? Прямо невидимки какие-то, духи астральные!

И непривычно серьезно, даже подозрительно взглянул на Лорку.

— Скажи по совести, тебе не страшно идти на Кику?

— Страшновато. Да ведь не первый раз, справимся.

— И еще один вопрос... — Аргонян облокотился на стол, спросил тихо: — Скажи, Федя, только по совести, почему ты не берешь с собой живности? Кошечку, собачку, попугая? В прежние рейсы ты всегда брал кого-нибудь.

Лорка улыбнулся, щуря свои зеленые глаза, уважительно проговорил:

— Ох и хитрый ты человек, Гаспар Тагорович.

— Должность, понимаешь ли, такая. Ну, ну?

Помолчав, Лорка коротко рассказал Аргоняну о своем ориентировочном предположении, что кикиане, пользуясь земными кораблями, могли заслать на базы да и на саму Землю искусно сделанных роботов. Но не в облике человека, такой робот, по общему мнению, был бы довольно быстро разоблачен — в поведении человека множество нюансов, тончайших физических и психологических штрихов, которые не поддаются моделированию даже людям, изучившим самих себя в совершенстве. Что уж говорить о попытках такого моделирования инопланетянами! На животных же, которые часто гостят на кораблях, обращают куда меньше внимания, да и поведение их гораздо примитивнее.

Лорка заметил, как преобразилось лицо Аргоняна, и замолчал.

— Продолжай! — сердито сказал Аргонян. — Я слушаю.

Лорка пожал плечами.

— Да я уже рассказал. Создание совершенной модели животного-робота не проблема, такие опыты ставились многократно. Такого робота можно наделить дополнительными функциями, вовсе не свойственными настоящему животному. Например, он может собирать и передавать информацию или даже... — Лорка не договорил и выразительно взглянул на Аргоняна.

— Договаривай, зачем стесняешься? Или даже угонять космические корабли из портов, которыми руководят старые растяпы. — Аргонян задумчиво потерел свой мясистый нос и спросил с откровенным интересом: — Слушай, а ты действительно веришь, что такое возможно?

Лорка засмеялся.

— Верить можно по-разному.

— Ты не крути, говори прямо. Это тебе не любовное объяснение.

Федор задумался. Верил? Пожалуй, нет. Слишком уж нелепо выглядел бы зверь за пультом управления корабля. Не столько разум, сколько все его существо протестовало против такой возможности. Не верил? Тоже нет! Он хорошо знал, как многое, казавшееся людям совершенно невозможным, вдруг становилось не только возможным, но и простым, более того — естественным, и тогда упрямое сердце переставало протестовать против этого. Он не то чтобы верил или не верил, а просто страховался, чтобы избежать даже маловероятного. Кроме того, кикианские роботы вовсе не обязательно должны иметь постоянный звериный облик. Это могут быть роботы трансформативные, которые в зависимости от обстановки или по команде меняют свой внешний облик. Зверь, человек, инопланетный сапиенс — все это может быть заключено в одной протоформе.

— И как же выглядит эта протоформа? — с интересом спросил Аргонян.

Лорка засмеялся.

— Ты слишком многого от меня хочешь. Я ведь не кикианин.

Щуря свои черные глазки, Аргонян покачал в воздухе поднятым пальцем.

— Ты не крути! Я тебя знаю — не поверю, чтобы у тебя не было каких-то предположений.

Немного поколебавшись, Лорка рассказал ему о встрече с шаровой молнией и о своих разговорах по этому поводу с Игорем Дюком. К его удивлению, Аргонян отнесся к рассказу очень серьезно.

— Скажу тебе по секрету, — хмуро сказал Гаспар Тагорович, — мне как-то докладывали о появлении шаровой молнии в районе космодрома. Но я их высмеял. Шаровая молния на Плутоне? Бред!

Приглядываясь к Аргоняну, Лорка счел нужным оговориться:

— Я вовсе не убежден в истинности своих предположений, Гаспар Тагорович. Просто боюсь, чтобы избежать маловероятного.

— Это ты молодец, — уважительно одобрил Гаспар Тагорович. — Командир! А я вот не подстраховался. — Аргонян шумно вздохнул и, словно осуждая самого себя, покачал головой. — Плохо, очень плохо. И знаешь, что плохо, Федя? То, что животные — это не люди. И по этой самой печальной причине их никто серьезно не учитывает даже на Плутоне. Ты хоть знаешь, что у нас есть зоопарк?

— Да, бывал как-то.

— Бывал, — презрительно процедил Аргонян. — Это наша гордость! Все, как у настоящих людей. Ты это должен хорошенько понять. — Он погрустнел и неохотно добавил: — Конечно, всяких тигров, крокодилов и бегемотов мы не держим.хлопотно! Все-таки Плутон, а не Копакабана. Но симпатичных птичек и зверюшек у нас немало. Даже еноты есть.

— Почему даже?

— А потому, что лапка у них как рука. — Аргонян для наглядности растопырил свою мясистую пятерню и пошевелил пальцами. — Смышленные, подлецы! Несколько раз умудрялись открыть запор. И разбегались! Хорошо помню, что последний раз это случилось как раз накануне угона «Вихря». Понимаешь ситуацию?

— Понимаю, — серьезно сказал Лорка. — Придется тебе, Гаспар Тагорович, произвести всеплутонную перепись зверей и птиц.

— Придется. Я же все время твержу, что бюрократия — это не только беда, но и благо!

Он присмотрелся к Лорке и тяжело поднялся из-за стола, понял, что тот засиделся и начинает нервничать — впереди ведь не что-нибудь, а старт в дальний космос!

— Будем прощаться, Федя.

Приобняв Лорку за плечи, он повел его к двери, но, войдя в полосу нежного света далекого солнца, приостановился, полез в карман и достал брелок с часами.

— Держи. Показывают не только часы, но и день, и месяц, и год. Без этого у нас на Плутоне совсем запутаться можно. Учти, это не просто часы, а талисман, приносящий счастье. Помнишь, я чудом уцелел при аварии вездехода? С тех пор всегда ношу их с собой.

— Спасибо. — Лорка взвесил брелок на ладони и положил в нагрудный карман. — Ты веришь в талисманы, Гаспар Тагорович?

Аргонян засмеялся.

— Ишь ты! Что я тебе, неандерталец или монах? Как это ты очень мудро говорил? Просто боюсь на всякий случай. — Он доверительно понизил голос. — Очень давно жил на свете такой ученый — Нильс Бор. Он собирал на счастье не то копыта, не то подковы, что-то в этом роде. Его спросили, неужели он серьезно верит, что эти штуки приносят счастье. «Нет, — сказал Нильс Бор, — конечно, не верю. Но знаете, говорят, что они приносят счастье даже тем, кто в это не верит!» — И Аргонян расхохотался. Возле самой двери он опять задержался. — Возвращайся, буду встречать тебя, Федя...

Глава 11

Передняя стена ходовой рубки гиперсветового корабля представляла собой экран в виде шарового сегмента — диаметром около четырех метров. На некотором расстоянии от него располагался дугообразный пульт управления, за которым сидел командир корабля Федор Лорка и его дублер Виктор Хельг. Позади них восседал Соколов, очень довольный и несколько торжественный. Присутствие Соколова в рубке было, вообще говоря, некоторым нарушением установившихся традиций: на старте посторонним в святая святых корабля находиться не разрешалось. Но эксперт сумел уломать Лорку.

— Понимаете, Федор, — проникновенно говорил он, — так уж странно сложилась моя жизнь, но я еще ни разу не переходил световой барьер!

Он заметил недоверие, отразившееся на лице командира, и поспешил добавить:

— В солнечной системе на сверхсвете не ходят, я имею в виду рейсовые корабли. Когда я был молодым, прогулочные сверхсветовые трассы еще не были введены, а когда их ввели, я стал уже солидным человеком, интересных дел хватало и без этой сверхскоростной экзотики. — Он доверительно улыбнулся. — Да и, если говорить честно, страшновато было без надобности пускаться в такую жутковатую авантюру.

Лорка усмехнулся, разглядывая Соколова. И Соколов, благо теперь это можно было делать без помех, разглядывал его с профессиональным интересом, который за годы экспертной работы стал неотъемлемым качеством его натуры. Лорка как-то плавно, незаметно, но ощутимо изменился за последние дни. Он стал собраннее, суше, глаза если и не совсем потеряли присущее им лукавое выражение, то стали строже, даже цвет их казался теперь не таким задорно-зеленым, как прежде. Лорка принял на свои широкие плечи тяжелый груз ответственности, который всегда лежит на командире корабля, и это не могло не сказаться на его состоянии.

— Хорошо, — после паузы решил Федор, — будь по-вашему. При одном условии — никаких восторгов и пустопорожней болтовни. И вообще ничего лишнего.

Соколов молча приложил руку к сердцу.

В общем, у эксперта были основания для торжественности, хотя к этому примешивалась и некая неудовлетворенность, если не сказать разочарование: уж очень примитивной, простой казалась ему ходовая рубка. Пульт управления разочаровал Соколова больше всего: он был ничуть не сложнее приборной панели простой авиетки или заурядного мобиля, кабины которых эксперту были хорошо знакомы. Хельг, заметив недоумение на лице своего подшефного, спросил с улыбкой:

— Я вижу, эта келья показалась вам скучноватой?

— Н-да. — Соколов оглядел ходовую рубку и снова задержался взглядом на пульте управления. —

Ваше святилище действительно скучновато. И как бы это выразиться поточнее? Простовато.

Огляделся и Виктор, улыбка его приобрела на-смешливый оттенок.

— Приборов можно понаставить столько, что не только рубки, но и всех остальных корабельных помещений не хватит. Не только черт, но и современный инженер ногу сломит. Вместо этого изобилия один прибор — нуль-индикатор. Если все идет по программе и укладывается в нормы допусков, стрелки этого прибора стоят по нулям, а пилот благодует. А вот когда одна из стрелок сходит с нуля, на эти вот экраны проецируются показания нужной группы приборов и параллельно бортовой компьютер выдает словесную информацию.

Как это ни странно, они быстро подружились, Хельг и Соколов, несмотря на большую разницу в возрасте и совершенное несходство характеров. Дело в том, что Виктор, в принципе, был добрым парнем, но у него был чрезмерно развит дух соперничества и соревнования. А в космосе Соколов уж никак не мог быть ему конкурентом! Поэтому Лорка, чутко подметив особенности характера неперебесившегося Хельга, и объединил его в паре с уравновешенным Соколовым. В особом примечании к судовой роли Виктор числился наставником эксперта — стажера-навигатора. А вот Ника была стажером-пилотом, наставником у нее был Игорь Дюк.

«Смерч» отвалил от причала космопорта на дополнительной тяге: к «брюху» гиперсветового корабля для этой цели пристыковался небольшой, но мощный буксир, который и вывел его на трассу разгона. Когда эта операция была закончена, прозвучал доклад:

— «Смерч» буксировку закончил.

— Внешнюю информацию на пульт и экран, — скомандовал Лорка.

— Выполняю, — откликнулся глубокий, хорошо поставленный мужской голос.

Соколов знал, что это голос бортового компьютера.

Ходовая рубка погрузилась в полумрак, который, впрочем, правильнее было бы назвать полусветом, а

обзорный экран потемнел и вспыхнул бесчисленной россыпью звезд и пятнами галактик. Серебряная вышивка по черному бархату, украшенная драгоценными камнями всех оттенков радуги. Это было изображение лобовой зоны, охватывающее шестую часть небесной сферы при трехкратном увеличении. Вообще говоря, увеличение могло меняться в очень широких пределах, соответственно менялся угол охвата изображения.

— Первая опорная звезда на сопровождении, — при этих словах компьютера в самом центре обзорного экрана вспыхнула и снова притухла небольшая звездочка, — индекс безопасности четыре девятки, маршевые двигатели на холостом.

— Буксиру — отцепка.

— Понял, ухожу.

«Смерч» легонько трянуло. Это сработали замки стыковочного узла, буксир отделился от корабля и, описывая плавную кривую, стал уходить из рабочей зоны корабельных двигателей.

— «Смерч», я буксир. Трассу освободил.

— Я «Смерч», прошу старт.

— Я главный пост. Стартуйте, «Смерч», чистой дороги.

— Понял. Стартую. Спасибо.

Соколов повел плечами, чтобы прогнать колющие мурашки, побежавшие по спине. Стартовая лихорадка? Она самая! Соколов чувствовал, что она владеет не только им, но и всеми: командиром корабля Федором Лоркой, экипажем скромного буксира, расчетом главного поста. Стоило лишь вслушаться в лаконичные, будто топором рубленные команды, в голоса, нарочито лишенные всякой эмоциональной окраски, чтобы понять это.

— Пошел!

Этот возглас Лорки потонул в мощном вибрирующем гуле. Он начался с низких басовых нот, но постепенно тон его повышался, частота вибраций росла. Соколову, вцепившемуся в подлокотники кресла, казалось, что вибрирующий вой ввинчивается ему в мозг. Когда терпеть эту пытку стало почти невозмож-

но, вой в какую-то секунду утончился, превратился в стон, в комариный писк и исчез. Остался мягкий, ровный шум, похожий на шорох сухих трав под горячим степным ветром.

— Вышли на разгон, — прозвучала информация компьютера.

Разгон! Полет на третьей производной, как говорят навигаторы. Ход с ускорением ускорения, когда скорость растет пропорционально квадрату времени. Если бы полет гиперсветового корабля был обычным механическим движением, колоссальные перегрузки, стремительно нарастающие на разгоне, в считанные доли секунды разломали бы корабль. Но движение «Смерча» было движением совершенно особого рода. Каждую секунду ускорение корабля возрастало на девяносто метров в секунду за секунду! Темпы роста скорости были поистине чудовищными, а в ходовой рубке покой и тишина, нарушаемая лишь дыханием маршевых двигателей. Сознание хотя и фиксировало этот лавинообразный процесс роста скорости, но тем не менее отказывалось воспринимать его в сколько-нибудь осязаемой форме. Жуткая, невероятнейшая штука!

Впрочем, если взглянуть на этот сказочный полет не с механической, а диалектической точки зрения, он превращался в довольно обыденное и простое явление. Нейролл — это тонкая материальная субстанция, которую сначала именовали эфиром, потом стыдливо называли вакуумом или пространством, наделяя тем не менее эти предельно «пустые» категории целым рядом конкретных материальных свойств; этот нейролл расступался перед острым носом корабля и снова смыкался за столь же острой кормой. Если угодно, полет «Смерча» можно было считать своеобразным, скоростным выходом в четвертое измерение за пределы действия обычных физических законов, определенных релятивистской механикой. «Смерчу» были не страшны атомные ядра, излучения, метеорная пыль и даже сами метеориты. Вместе с нейроллом они обтекали корпус корабля подобно тому, как сухие листья вместе со струями воды огибают

корпус лодки. Гиперсветовому кораблю были опасны лишь крупные небесные тела, массы которых сравнимы с массой самого корабля, но такие тела или обходят, или расстреливают.

Соколов вспомнил, что еще давно, когда он впервые познакомился с основами гиперсветового полета, его поразила мысль: как же тело, выведенное фактически в четвертое измерение, получает информацию об окружающем? Оказалось, что это и в самом деле головоломная проблема гиперсвета. Решить ее удалось не сразу — первые серии гиперсветовых кораблей на этапе разгона были слепыми, как кроты. И лишь точный расчет и прогноз обеспечивали их безопасность от столкновения с крупными телами. Разумеется, люди не захотели с этим мириться. Соколов знал, что картина звездного неба, которую он видел на экране, — модель, формируемая компьютером. Но с интервалом в несколько секунд специальный щуп выходит на контакт с нейроллом в лобовой зоне и, образно говоря, мгновенно фиксирует, фотографирует мир в зоне обзора, а по этим данным компьютер корректирует изображение на экране.

— До светового барьера три минуты, — оторвал Соколова от размышлений голос компьютера.

— Дублеру готовность на подчистку, — откликнулся Лорка. — Экипажу проверить фиксацию.

— Понял. — Хельг поставил ноги на педали и взялся за штурвал.

Распарывавший пространство корабль стремительно накатывал на световой барьер. Не будь «Смерч» в четвертом измерении, масса его сейчас непрерывно возрастала бы в тысячи, миллионы и миллиарды раз. Величина разгона постепенно падала, Соколов не видел прибора, но слышал информацию компьютера. «Смерч» мягко качнуло раз, другой, и вдруг кто-то невидимый, могучий швырнул Соколова вверх, а потом и вниз.

— Раскачка по тангажу, перегрузка — норма. До барьера минута, — это компьютер.

— Подчистка!

— Понял, — спокойно отозвался Виктор.

Через секунду перегрузки ослабели, а потом почти пропали — остались лишь их «плавающие» следы, словно корабль мчался, огибая вершины огромных волн. Виктор «подчищал» работу автоматики, вручную снимая помехи-перегрузки, которые оставались на ее выходе. Работал он виртуозно, с тем чуть небрежным изяществом, которое сопутствует высокому мастерству — действиям не на пределе, а с некоторым запасом возможностей.

— Всенаправленная раскачка, перегрузки норма. До барьера десять секунд... Пять, четыре, три, две, одна, барьер!

Прошел еще десяток секунд, Лорка скомандовал:
— Отбой!

Хельг бросил штурвал, который волшебным образом растворился в передней панели пульта управления, покосился на Соколова и озорно подмигнул.

С чудовищной быстротой наращивая свою, теперь уже сверхсветовую, скорость, корабль шел на разгоне в сто десять единиц.

Глава 12

До выхода на расчетную гиперсветовую скорость, хотя он выполнялся автоматически, Лорка, Виктор и Соколов оставались в ходовой рубке. Федор заполнял какие-то документы, Виктор скучал, а Соколов донимал его разными вопросами. Хельг отвечал будто нехотя, но обстоятельно. Но в конце концов дошлый эксперт ему, очевидно, надоел, потому что, лукаво щуря свои отененные пушистыми ресницами глаза, Виктор заговорщицки спросил:

— Скажите лучше, как я работал по подчистке? Хорошо?

— Хорошо, — не совсем уверенно одобрил Соколов, подумывая про себя: откуда ему, сугубо земному человеку, знать, как работал его космический наставник.

Виктор сокрушенно вздохнул и осуждающе покачал головой.

— Так буднично, так серо говорить об артистической работе! Я бы мог обидеться! Но уж ладно, не буду злопамятным и на первый раз прощу вас, — в глазах Хельга замерцали озорные искорки.

Соколов и поверил ему, и не поверил. И вообще, его так заинтересовал и сам Виктор, и вся эта история, что, выбрав удобный момент, он тихонько полюбопытствовал у Лорки — правда ли, что на подчистке его дублер работал мастерски.

— Блестяще, — не задумываясь, подтвердил Федор.

Соколов не совсем поверил и ему, а потому задал каверзный вопрос:

— А вы бы так смогли?

Лорка взглянул на него с некоторым удивлением.

— Конечно нет. Виктор — гений пилотажа. Из всех космонавтов, каких я знаю, а знаю я многих, пожалуй, лишь Тимур может с ним посостязаться. — И все еще разглядывая Соколова, Лорка с улыбкой спросил. — А зачем бы я брал его в экипаж, если бы не это качество?

Но дотошного Соколова не удовлетворил и этот разговор. Выбрав случай, он подсел к Виктору и поинтересовался теперь уже у него — правда ли, что Лорка пилотирует хуже, чем он, Виктор Хельг. Виктор нахмурился.

— Кто это вам сказал? — резко спросил он.

— Федор.

Виктор удивленно вскинул свои соболиные брови и расхохотался.

— Вот рыжий черт! — Задумался и уже серьезно сказал: — Вообще-то, конечно, я пилотирую лучше, какой тут может быть разговор? Но... есть тут и всякие но. Вы уж не сердитесь, Александр Сергеевич, но вам этих тонкостей не понять. Не надо — вы же не пилот. И не космонавт.

— Ну-ну, — благодушно согласился Соколов и вдруг спросил: — А как вы думаете, Виктор, почему Федор зачислил меня в разведотряд?

Виктор хмыкнул, критически разглядывая Соколова.

— Крепкое здоровье. Ясный ум, не затуманенный всякими превходящими соображениями и эмоциями. Приятный характер. — Хельг засмеялся: — А еще потому, что должен же меня развлекать кто-то в черных глубинах космоса!

Соколов помолчал, пожал плечами и подумал вслух:

— Вы-то хоть штурвал повертели, Виктор. А Федор? Так и просидел балластом в своем командирском кресле — ничего ведь не делал!

— Рад бы сказать вам какой-нибудь комплимент, Александр Сергеевич, да не могу. Темный вы еще человек в космических делах. Очень темный!

Соколов одобрительно усмехнулся.

— Так ведь и дела темные.

— Это верно, — согласился Виктор и уже серьезно, хотя и с некоторой хитрецей, пояснил: — Как это говорится? Командир, Федор Лорка, нес на своих плечах тяжелый груз ответственности.

Соколов склонил голову набок, обдумывая услышанное, и со свойственной ему дотошностью уточнил:

— Ответственности — за что?

— За все. За работу двигателей, за то, чтобы раскочка не вышла из нормы и не развалила нашу посудину. За то, что штурвал на подчистке держал я, а не он и не кто-нибудь другой. За то, что мы не вмазались в какой-нибудь дурацкий астероид или пылевое облако. И за все остальное. Я изложил понятно?

— Даже слишком.

— Ничего, это дело серьезное, его надо понять во всех деталях и нюансах. Понимаете, Александр Сергеевич, когда командир суетится, когда его деятельность так и лезет на глаза, значит, либо командир слабак, либо экипаж ни к черту не годится. Чем меньше командир замечен в обычных ситуациях, тем выше его профессиональный ранг. Командир нужен для того, чтобы принять мгновенное и правильное решение, когда дело пошло наперекосяк и пахнет жареным — аварией или катастрофой.

Лорка, оказывается, краем уха слышал этот разговор, потому что вдруг обернулся и сказал:

— Вообще-то говоря, Александр Сергеевич, на разгоне корабля можно было бы обойтись и без командира и без экипажа — одной автоматикой. Поставить десяток-другой лишних блоков, демпфировать околосветовую раскачку, автоматизировать подчистку. Но, наверное, вы заметили, что не только на гиперсветовом корабле, а и на любом другом транспортном средстве с людьми на борту за пультом управления всегда сидит человек? Побочных обязанностей у него может быть и больше, и меньше, но центральная задача одна: он должен быть готов в любое мгновение отключить автоматику и взять управление на себя. Обязательное включение человека в систему управления объясняется не техническими, не экономическими, а моральными причинами. Нессти бремя ответственности за людей может лишь человек, аморально поручать это сколь угодно высокоорганизованной машине.

Лорка помолчал, вспоминая свой визит в подземный зал энергостанции, и грустно добавил:

— Конечно, можно создать и ответственную машину, которой можно доверять так же, как и человеку. Но для этого ее надо наделить человеческой душой, ее эмоциями, страстями, умением любить и ненавидеть. А это аморально, жестоко уже по отношению к машине.

Боковым зрением Соколов вдруг перехватил взгляд Хельга. Виктор смотрел на Федора Лорку, как ребенок иногда смотрит на своего старшего брата, может быть, и не очень любимого, но надежного и уважаемого.

Глава 13

Показывая на зеленую кнопку-лампу, Виктор Хельг дикторским тоном проговорил:

— Зеленый свет — значит, путь свободен. Ну, а если бы вход в жилой отсек был запрещен — радиация, разгерметизация или какая-нибудь другая опасность, — кнопка горела бы красным светом. Ясно?

— Да уж куда яснее. — Соколов подумал, погладил указательным пальцем кончик носа и полюбоществовал: — Ну, а если бы я по рассеянности или, скажем, по злему умыслу все-таки нажал эту красную кнопку?

Хельг усмехнулся.

— А вы бы ее не нажали, в таких случаях она блокируется.

— Зачем же тогда вся эта игра в разноцветные огоньки?

— Чтобы какой-нибудь рассеянный пассажир не проявлял зряшней настойчивости, не насиловал кнопку и не пытался взломать дверь. Космическая техника безопасности, по образному выражению профессионалов, рассчитана на дурака.

Соколов весело хмыкнул:

— То есть на меня?

— Ну, зачем так прямолинейно! Вы просто младенец, космический младенец. А разве младенцев допустимо называть дураками?

— Н-да. А не великоват я для младенца?

— В самый раз, — успокоил Виктор и нажал кнопку.

Овальная дверь растаяла. В этом не было никакого волшебства. Соколов успел заметить, что она спряталась в обойму подобно диафрагме объектива, только движение это было очень быстро, почти неуловимо глазом.

— Прошу, — галантно сказал Хельг. — Вам, как детективу, полезно знать самые укромные корабельные уголки.

Жилой отсек корабля представлял собой цилиндр овального сечения, сделанный из гибкого и прочнейшего армированного нейтрида. В стартовом положении, на разгоне и торможении эта гигантская труба свертывалась плотной спиралью попеременно с витками оранжерейного и технологического отсеков, совершенно идентичной внешней конструкции. После выхода на стабильный гиперсвет или в инерциальном полете корабль, волею экипажа, вытягивался в длину в три раза. Плотная трехкомпонентная спи-

раль отсеков при этом распрямлялась как пружина, а сами отсеки словно разбухали, примерно вдвое увеличивая свой диаметр, и становились пригодными для комфортабельного использования и эксплуатации.

Шагая рядом с Хельгом по коридору жилого отсека, Соколов ощущал странную ироничную раздвоенность своего «я». Ему нет-нет да и начинало казаться, что рядом с Виктором шагает кто-то другой, его двойник, а сам он, истинный Соколов, сидит в зрительном зале и с любопытством смотрит некий приключенческий фильм. Секундами это ощущение было таким острым, что ему приходилось делать активное волевое усилие, чтобы убедить себя в реальности происходящего. В этой иллюзорности сущего была отчасти виновата обстановка: коридор имел овальное сечение и заметно изгибался выпуклой дугой, поэтому где-то впереди светящийся потолок натекал на пол. Потолок был именно светящимся, похожим на чисто вымытое прохладными дождями безоблачное синее-синее осеннее небо. Холодный его свет смягчался двумя окаймляющими оранжевыми полосами. Небо и солнце! Что может быть лучше? По всей длине коридора виднелись двери, врезанные в плоские ниши. Соколов знал, что они вели в индивидуальные каюты, в спортзал, фильмотеку и клуб. Салатные стены матово отражали свет, и эти отражения, оттенками разной насыщенности, образовывали приятные глазу абстрактные узоры и орнаменты. Под ногами мягко шуршал и пружинил ковер, который фактурой и цветом напоминал весеннюю траву. Никаких украшений, никаких углов и выступов, все так зализано и заглажено, что не за что ухватиться рукой.

Соколову вдруг пришла в голову озорная и пугающая мысль: стоит ему сделать волевое усилие, сдвинуть брови, как все вокруг волшебным образом изменится — сломается овальный коридор, приобретая привычную, прямоугольную форму, заострятся плавные обводы дверных ниш, ровный небесно-золотистый свет, разлитый по потолку, сконцентрируется в от-

дельных плафонах. А сам он мгновенно перенесется из дальнего космоса на Землю, из ближайшей двери выйдет жена и укоризненно спросит: «Где это ты пропадал так долго?» Соколов улыбнулся этому необычному чувству, и все-таки где-то в самой глубине души, вопреки логике и разуму, теплился жутковатый червячок сомнения — вдруг этот сказочный обтекаемый мир действительно можно разрушить одним движением бровей.

— А вот и ваша каюта, — отвлек Соколова от размышлений голос Виктора. — Заметались? Или уже тоска по родине?

Эксперт засмеялся своим странным мыслям и вслух сказал:

— Хуже. Тоска по чародейству.

— Ну, это пустяки. Сезам, откройся! — торжественно возгласил Хельг и нажатием на кнопку-лампочку «уничтожил» дверь. — Прошу!

Жилые каюты размещались в пространственных карманах отсека, которые формировались лишь на марше при полной развертке корабля. При стартовой и финишной свертке эти карманы ликвидировались, поэтому Соколова удивили и относительно большие размеры кают, и, главное, обилие расставленной в ней мебели. Вдоль одной стены тянулась широкая низкая тахта. Слева от нее стоял рабочий стол для чтения микрокниг и просмотра микрофильмов, а справа — некое устройство, похожее сразу и на универсальный музыкальный инструмент, симфонолу, и на пульт управления компьютером. Чуть подалее — шкафчик-тумбочка и дверь, ведущая в туалет, посередине комнаты круглый столик, а возле него стул и два мягких кресла. Стена напротив тахты была совершенно свободной. Соколов догадался, что это гигантский экран корабельного стереовизора. Каюта была отлично освещена по коридорному типу: небесно-синий потолок был окаймлен теплой оранжевой полосой. Светло-салатные стены не имели никаких орнаментов, а вот зеленый антисептический ковер-мусоросборщик был украшен россыпями золотистых и белых цветочков.

Пододвигая стул к пульту управления, Хельг поинтересовался:

— Как интерьерчик?

— Тесновато, — неопределенно ответил эксперт.

И в самом деле, мебель так загромождала каюту, что передвигаться по ней приходилось с определенной осторожностью.

— Тесновато, — согласился Виктор, делая на пульте несколько переключений. — Ничего, половину мебели мы сейчас изничтожим. Ап!

Столик, кресла и шкафчик мгновенно исчезли, только послышался сухой шорох да на ковре произошло какое-то шевеление, точно пронесся порыв ветра.

— Вот и волшебство, по которому вы тосковали. Садитесь.

— Я тосковал по чародейству, — с подчеркнутой серьезностью поправил Соколов и попробовал прочность тахты рукой. Хельг засмеялся.

— Садитесь, Александр Сергеевич, не опасайтесь. Соколов критически оглядел каюту и посожалел:

— А шкафчик-то вы зря изничтожили.

— Это дело поправимое.

Виктор поколдовал за пультом, миг — и шкаф-тумбочка снова оказался у стены.

— Электрофы?

— Они самые. Воплощение древней мечты о материализации духов.

Электрофами называли очень интересные и очень дорогие в производстве синтетические материалы. Их фактура могла варьировать в очень широких пределах: электрофы могли становиться и мягкими, как пуховая подушка, и жесткими, как каменный монолит. Кроме того, под действием достаточно сильного электрического поля и пропорционально ему объем электрофов мог уменьшаться в десятки и даже сотни раз, полностью восстанавливаясь после снятия напряжения. Это был идеальный материал для изготовления предметов, которые надо было хранить в компактном, сильно уменьшенном виде. Но не слишком ли он дорог для мебельного моделирования?

— Ну, как шкафчик, смотрится? В принципе, можно изменить его размеры и форму. Это касается и кресел, и всего остального.

— Пусть стоит как есть. Мебельным чародейством я сыт.

— В таком случае обратимся к стенам. Так сказать, от содержания к форме. Не кажется ли вам, что окраска несколько суховата?

Соколов еще раз оглядел каюту. Да, стены были суховаты. Никаких украшений, орнаментов, рисунков; теплые и нежные стены как таковые. Да что украшения, даже окна, иллюминатора в каюте не было. И хотя о казематах Соколову приходилось только читать, именно это слово само собой пришло ему на ум — красивый, благоустроенный каземат.

— Да-да, — угадывая его мысли, проговорил Хельг, — проведя в этой камере месяца два-три, вы будете кричать: «На волю! В пампасы!» — и биться головой об эти милые стенки. Кстати, они прекрасно амортизируют, так что это занятие почти безопасно. — Он принял заговорщицкий вид. — Хотите побывать на берегу моря?

Вопрос был чисто риторический, Виктор и не стал дожидаться ответа. Несколько переключений на пульте, свет в каюте на мгновение померк, и Соколов перенесся на берег моря, к самой кромке мелко-го золотистого песка — экран стереовизора сработал безупречно. Маленькие волны с шорохом подкатывались к самым его ногам, так что хотелось задрать их на тахту, золотистый песок темнел, покрываясь лопающимися пузырьками пены, быстро процеживал воду и приобретал прежний веселый цвет. Уходя вдаль, морская гладь сначала темнела, приобретая почти фиолетовый цвет, а потом опять светлела, туманилась и незаметно сливалась с небесной голубизной. Легкий ветер шевелил волосы Соколова, наполняя каюту острой влажной свежестью. Совсем близко взмахнула крылом чайка, так что Соколов отшатнулся. На него равнодушно взглянул круглый розовый глаз. «Эг! Эг!» — послышался удаляющийся картавый крик. Иллюзия морского побережья

была настолько полной, что Соколову время от времени приходилось делать усилие, заставляя себя вспомнить, что он находится вовсе не на лоне природы, а в каюте гиперсветового корабля.

— Ожившая голография, — пробормотал он.

— Не только ожившая, — наставительно поправил Хельг, — но еще и озвученная, и ароматизированная. В общем, композоника.

Да, это была композоника, художественное полотно синтетического искусства — единство света, объема, движения, звуков и запахов, созданное объединенными усилиями искусства, науки и инженерии.

Композоника родилась в космосе как прикладное искусство. Она родилась вместе с кораблями-рейдерами, которые уходили на многие месяцы и годы. Даже солнца не было там, где пролегали их маршруты, — только слабый свет звезд сопровождал их в дороге. От холода и вакуума безжизненного космоса экипаж защищали лишь стены да обшивка корабельного корпуса. И эти стены маячили перед глазами людей ежедневно и ежечасно — недели, месяцы, годы. Сочетание постоянства интерьера, пусть даже красочного, и скрытых за стенами помещений опасностей рождало у людей стойкое нервное напряжение. А напряжение приводило к странным и тревожным сдвигам в психике. Из надежного, по-своему родного дома корабль незаметно превращался в ненавистную тюрьму, из которой хотелось выбраться любой ценой. Все, что ежедневно попадалось на глаза, — мебель, приборы, оборудование, даже украшения, — начинало вызывать нарастающее раздражение, злость и, наконец, истерию, которая в тяжелых случаях заканчивалась настоящими психозами.

Соколова отвлекли от раздумий слова Виктора.

— Я вижу, уважаемый эксперт, морские пейзажи вызывают у вас меланхолию.

— Верно. Хочется поплавать, может быть, даже утонуть. А ведь невозможно!

— Хотите, я вас утоплю? Только не в воде, а в свете?

— Валяйте! — махнул рукой Соколов.

Миг — и море исчезло, точно это была паутина, которую смахнули небрежным движением руки. Каюта превратилась в радужный, мерцающий, колыхающийся мир. Это был трепетный свет, только что пробудившийся к жизни. Он струился сверху, с потолка, скользил по стенам и угасал на полу, его холодные голубоватые тона постепенно теплели и рассыпались золотистыми, огненными и рубиновыми искрами.

— А можно и так.

Каюта стала обычной, только стены ее теперь украшал затейливый абстрактный орнамент.

— Или так.

Абстрактный рисунок превратился в завесы мелких листьев с гроздьями снежно-белых цветов.

— В общем, не каюта, а кунсткамера, — глубокомысленно заметил Соколов, несколько утомленный этими демонстрациями, и, помолчав, уже серьезно спросил: — Как вы думаете, Виктор, почему композоника не прижилась на Земле?

Хельг удивленно взглянул на эксперта.

— Как это не прижилась? Разве вам не приходилось бывать на подземных и подводных станциях?

— Ну, эти станции — тот же космос, только не в фас, а в профиль! Я имею в виду обычный земной быт.

— А на черта нужна какая-то композоника, когда вокруг настоящая природа?

Хельг смотрел на Соколова недоуменно и, пожалуй, несколько насмешливо. Какое-то сложное чувство помешало эксперту продолжать разговор. Не то чтобы Хельг не был способен анализировать затронутую проблему, нет. Просто он не хотел ее анализировать! Она лежала вне круга его интересов, положение вещей казалось ему естественным, размышления о бытовых проблемах композоники представлялись ему зряшной потерей времени. Попутно Соколов сообразил, почему несмотря на блестящие психофизические данные Виктор так и не смог ни разу набрать в Совете космонавтики нужного числа голосов, что-

бы стать самостоятельным командиром. Разные люди созревают в разное время. Виктор, типичный акселерат, не созрел еще социально. Прекрасный пилот и специалист-гиперсветовик высокого класса, он был еще сущим подростком в широком плане разнородных проблем общечеловеческой культуры.

То, что Виктору представлялось очевидным, на самом деле обстояло много сложнее. Энтузиасты композоники одно время настойчиво пытались внедрить ее в земной быт. Были построены экспериментальные дома и целые жилые комплексы с композонным оформлением. Многие в этих домах было сделано на космический лад и даже еще более модерно: тающие двери и окна, управление которыми могло осуществляться и мысленными приказами, конформная мебель на основе электрофов, реконструирующиеся комнаты, композонное оформление и прочие фокусы. И никакого успеха! Больше того, у энтузиастов, обосновавшихся в этих домах, через некоторое время были обнаружены нежелательные сдвиги в психике. Соколову пришлось исследовать неурядицы, вызванные этим странным влиянием композонного интерьера. То, что было просто необходимо для космоса, оказалось ненужным и вредным на Земле. Наверное, есть какой-то разумный предел автоматизации и искусственности в обычной жизни. Все в меру! Большинство людей инстинктивно чувствуют дозволенные рубежи и отворачиваются от самых превосходных подделок реальности, а фанатикам моды приходится расплачиваться за свою прямолинейность бодростью духа и даже здоровьем.

Да, все обстояло много сложнее. Но странное дело! Критически и несколько свысока разглядывая белозубого задорного Виктора, Соколов какими-то уголками души еще и завидовал ему. Не высокому профессионализму и бесстрашию Хельга — нет. Скорее всего, зависть эта была своеобразным отражением вечной, хотя и тайной, тоски зрелого человека по беззаботному, безоблачному счастливому детству.

Пройдя вслед за Никой в оранжерею, Соколов невольно остановился.

Ярко сияло солнце, то есть, разумеется, солнца никакого не было, но искусно подобранное освещение создавало такую иллюзию. Затеняя этот свет, весь отсек за исключением узкого прохода заполняла сочная зелень и плоды томатов. Свежий, терпкий запах помидоров плавал в теплом влажном воздухе. Это был помидорный отсек, помидоры — и больше ничего! Но это было прекрасно. Каких только сортов тут не было! Пальчиковые помидорчики, похожие на кизил, овальные, носатые помидоры, которые легко было спутать с хурмой, и огромные помидорищи, величиной с небольшой арбуз. Если добавить сюда разнообразие окраски плодов, начиная от светло-кремового цвета и кончая почти черным с длинной цепью переходящих розовых, оранжевых и красных тонов, то станет понятным, почему Ника разглядывала эту картину как восьмое чудо света.

— Кому нужна такая куча томатов? Для межпланетной торговли, что ли? — сказал в пространство Соколов.

— А вспомните, что вы ответили в предстартовой анкете на вопрос — какие овощи вы предпочитаете, — усмехнулся стоящий за его спиной Дюк.

Соколов почесал затылок.

— Да я перечислил их десятка полтора, сейчас уж и не помню.

— Но помидоры-то упоминали?

— Не буду таиться, упоминал.

— И я тоже писала о помидорах, — сказала Ника.

— Видите, какое единство вкусов, несмотря на несходство характеров, — засмеялся Игорь и пояснил: — О томатах все говорили. Поэтому в оранжерее есть помидорный отсек.

— Так-так, — проговорил Соколов, оглядываясь вокруг, — значит томатное изобилие. Но я-то люблю и дюжину других овощей!

Ника засмеялась, глядя на его округлые румяные щеки и плотную фигуру.

— А на что синтезаторы? Из растительной массы можно изготовить все, что угодно. Даже то, что в природе не существует, например, гибрид клубники и редьки.

— То-то вместо спаржи подавали какой-то муляж. Синтетика, Игорь, все-таки типичное не то, особенно, когда это касается овощей и фруктов.

— Вопрос спорный, дорогой эксперт. Не будем увлекаться овощами. Нас ждет парковая зона!

Глава 15

Парковая зона оранжереи заставила Нику с недоумением обернуться к идущим позади Соколову и Дюку. Игорь понимающе развел руками.

— Анкета! Оказывается, никто из вас не любит полдень. Это наследие многих поколений предков, которые отдыхали в сумерках и ночью, а днем ломались в каторжном труде.

Ника стояла задумавшись, точно прислушиваясь к своим ощущениям.

— Если я и люблю солнце, то утреннее или вечернее, но уж никак не полуденное. Наверное, это плохо, что мы не любим полдень.

— А что хорошего в жарнице и белесом мутном небе? — Соколов машинально вытер платком лицо.

— А птицы? Они любят полдень.

— Например, совы, — пробормотал эксперт.

Ника засмеялась, а Игорь серьезно сказал:

— Какая же сова птица? Ведьма, кошка с крыльями.

Переговариваясь, они медленно шли по центральной дорожке. По обе стороны ее тянулись невысокие деревья, кустарник, а в самом низу — трава и цветы. Потолок парковой зоны светился рассеянным серосиним светом. Это был свет сумерек или пасмурного летнего дня, когда над головой медленно плывут пышные темно-серые облака и сеют мелкий теплый дождь. Легкий освежающий ветерок шевелил листву

и траву, звенели, свистели и щебетали птицы. Соколов знал, что ветер был, что называется, натуральным, а вот пение птиц — искусственным звуковым сопровождением. За растительностью, окаймлявшей дорожку, просматривались дали: зеленые луга, холмы, сколки леса, речка — все это тоже было порождением машинного моделирования пейзажа, композиции.

— А ведь парковая зона — тоже своеобразный синтетический продукт, гибрид из натуральных растений и композонной техники, — вдруг неожиданно для самого себя подумал Соколов вслух.

— Да, — с некоторым сожалением вынужден был согласиться Игорь Дюк, — это, конечно, не дикий уголок природы.

Наклоняя голову, чтобы не задеть свисающую с ветви золотистую, сладко пахнущую гроздь цветов, Ника полуобернулась.

— А я вот терпеть не могу эту дикуую неухоженную природу!

— Шутите? — улыбнулся Игорь.

— Вовсе нет. — В голосе девушки слышалось упрямство. — И не только не люблю сама, но и не понимаю, как это другие могут восторгаться этой самой дикостью.

— Максимализм юности, — вполголоса философски констатировал Соколов.

Ника оглянулась на эксперта.

— Нет, это мое мироощущение, Александр Сергеевич. Зачем нам, людям, дикая природа? С ее бессмысленным кипением жизни, неосознанной жесткостью и тупой ненасытностью? Будь моя воля, я бы всю землю превратила в цветущие луга, сады и парки.

— Долой заповедники? — уточнил Игорь.

— Не знаю, Игорь. Я еще многого не знаю. Но я прекрасно помню, как нас возили в Нгоро-Нгоро. Когда мы летели обратно, все восхищались этим диким уголком природы. А я молчала. Я не могла забыть, — голос девушки дрогнул, — как стая диких собак загнала импалу и как они рвали ее еще живое тело, а антилопа привставала на колени и пы-

талась бежать. Нам объяснили, что собаки убивают больных и ослабевших животных. Но ведь это еще более страшно и жестоко!

Они подошли к своеобразной площадке отдыха парковой зоны. Прячась в кустарниковой нише, выгнувшись дугой, стояла полумягкая скамья-диван. Напротив на ажурном постаменте покоилась большая чаша, светящаяся тусклым жемчужным светом. Из нее била подкрашенная розовым лучом звенящая струя воды, распространяя запах влаги и свежести. Он мешался с горьковатым ароматом нежно-голубых цветов, которые крупными гроздьями свисали из зеленой с прожелтью листовой завесы. Ника подошла к чаше ближе и протянула к ней руку — ладонью вверх. Ее тотчас же покрыли бисеринки водяных брызг. Рядом остановился Игорь.

— Место для раздумий и грусти, — вполголоса сказала девушка.

— А равно отдыха от себе подобных, для одиночества и отрешенности.

— Вы сейчас похожи на идолопоклонников, — тихо проговорил Соколов, усаживаясь на скамью.

Игорь рассмеялся и, присоединяясь к нему, спросил:

— А вам, Александр Сергеевич, никогда не хотелось сотворить себе кумира?

— Я его давно сотворил. Мой кумир — моя семья, — спокойно ответил эксперт и, оглядываясь вокруг, с едва уловимой ноткой иронии констатировал: — Прямо-таки дом отдыха, а не гиперсветовой корабль!

В глазах Игоря мелькнули насмешливые огоньки.

— Вам не нравится?

— Почему не нравится? Но не слишком ли избыточно, даже роскошно? Цветы, фонтаны, спортивные залы, светозвуковые театры в каждой каюте. — Соколов хитренько поглядывал на Дюка, ему хотелось знать, как Игорь относится к проблеме, о которой не желал думать Виктор Хельг.

— Разве океанские лайнеры, ходившие между Европой и Америкой и возившие богатых бездельни-

ков, не были комфортабельными? Пустой роскоши там было куда больше, чем на нашем корабле.

— Да, но космос не океан, а мы не бездельники!

— Вот именно, — спокойно согласился Игорь. — Мы не бездельники. Мы работаем, а поэтому нам нужен полноценный комфортный отдых. Изнуряющий тяжкий труд — удел прошлого. И несущественно, о каком труде идет речь — земном или космическом.

Ника обернулась.

— Верно, Игорь. Вы говорили о кумирах. И у меня есть свой кумир — человек. Все: и добро и зло, и жестокость и милосердие должны меряться его мерками, его любовью.

— Ника, Ника, — грустно проговорил Игорь. — Человек сложен и противоречив. Чего только не любили люди! Бои гладиаторов, религиозные таинства, эротические зрелища.

— Зачем ворошить прошлое, Игорь? Мы ведь не просто люди. Мы люди двадцать третьего века. Только от нас и больше ни от кого зависит, что мы будем любить и что ненавидеть.

На секунду воцарилась тишина, только розовая струйка воды вызванивала свою бесконечную мечтательную песенку.

— Зачем нам цепляться за прошлое? — тихо повторила Ника. — Не проще ли, раз пробил его час, дать ему умереть естественно и спокойно.

Соколов шумно вздохнул.

— Прошлое не умирает спокойно. — Он сцепил короткие сильные пальцы. — Оно кричит, бесится и судорожно цепляется за ускользающее время. И не так-то легко сбросить его иго, девочка.

Глава 16

Две трети пути до Кики корабль прошел без приключений, а потом...

Среди ночи Соколов неожиданно проснулся. В каюте горел ночной свет. Все было будто так же, как и

перед сном. Так же, да не так, а что не так, он спр-сонья понять сразу не мог. Вот и лежал с открытыми глазами, испытывая смутную тревогу и недовольство самим собой. Тревога не проходила. Соколов нехотя сел на постели, и тут неожиданная догадка кольнула его как игла, под ложечкой похолодело, а тело покрыла легкая испарина. Изменился шум работы маршевых двигателей! Это был уже не шорох, похожий на шелест сухих трав, колеблемых ветром, а гул, в котором слышалось нечто грозное и тревожное.

«Спокойно, старик, спокойно!» — сказал себе Соколов. Он сделал глубокий выдох, расслабил все мышцы и несколько секунд посидел в таком положении. Холодок под ложечкой постепенно рассосался, нервы пришли в порядок, мышцы обрели привычную гибкость. Тогда, встав с постели, Соколов подчеркнуто неторопливо оделся и вышел в коридор. Гул маршевых двигателей был тут еще тревожнее. Соколов заглянул в каюту своего напарника, и под ложечкой у него снова материализовалась и быстро рассосалась по всему телу льдинка страха — Виктора в каюте не было, хотя этой ночью ему полагалось спать. С некоторой надеждой Соколов заглянул в кают-компанию, но и там не было ни души. Тогда, неизвестно почему шагая на цыпочках, Соколов прошел к ходовой рубке и осторожно приоткрыл дверь. Игорь Дюк сидел на рабочем месте бортинженера, перед ним светился большой цветной экран. На экране был виден манипулятор, упрощенный и минимизованный робот-повторитель, ловко монтировавший какую-то кибернетическую схему. Движениями робота управлял Игорь. Кисти его рук пластично двигались в воздухе, а пальцы так и порхали, точно Дюк виртуозно играл на некоем невидимом музыкальном инструменте. Лорка стоял за спиной Игоря, опираясь левой рукой на спинку кресла, и внимательно следил за его работой.

Всем своим существом чувствуя, что на корабле произошла авария, Соколов шагнул было в ходовую рубку, но в этот момент Лорка обернулся. Лицо у него было спокойным, строгим, а взгляд — отре-

шенным. Лорка не сразу увидел Соколова, а когда увидел, то негромко, без тени эмоций приказал:

— Закройте дверь. — И отвернулся к пульту управления.

Соколов поспешно закрыл дверь и ретировался, окончательно уверившись, что на корабле неблагополучно.

О сне не могло быть и речи. Соколов прошел в кают-компанию, задержался у стола, зачем-то погладил его поверхность рукой, рассердился на самого себя и плюхнулся на диван. Но не прошло и минуты, как понял, что вот так просто сидеть он не в состоянии. Мешала тягостная неизвестность, хотелось что-то делать, работать наравне со всеми. Тяжела пассажирская доля, когда на корабле авария! Авария? Авария, это уж точно, его, стреляного воробья, на мякине не проведешь. У аварии своя, особая психологическая атмосфера, и он, старый профессиональный эксперт, на секунду заглянув в ходовую рубку, сразу ее почувствовал. Можно, конечно, заглянуть к Тимуру, но вероятность застать его мирно спящим в своей каюте в условиях аварийной обстановки равна нулю. Ну а к Нике заходить среди ночи попросту неудобно, да и зачем ее тревожить?

Мысли Соколова то и дело возвращались к ходовой рубке.

Услышав позади легкий шум, Соколов обернулся и увидел Хельга, входящего в кают-компанию. Виктор был возбужден, весел, на лице азартный смуглый румянец, в черных глазах озорной блеск. У Соколова сразу полегчало на душе.

— Рад вас видеть, Александр Сергеевич! Что это вы, подобно привидению, бродите по кораблю среди ночи?

Соколов откашлялся.

— Не спится.

Критически прищурясь, Виктор оглядел его с ног до головы и констатировал:

— Да, вид у вас действительно нездоровый, — и засмеялся. — Натерпелись страху?

— Что случилось, Виктор? — отбросив церемонии, требовательно спросил Соколов.

— Что случилось? — переспросил Хельг, с размаху плюхнулся в кресло, качнулся несколько раз на упругом сиденье и сообщил небрежно: — Ничего особенного, отказал левый двигатель.

— Как отказал?

— Полностью! Как будто кто-то выключил его. — Склонив голову, Виктор прислушался. — Зато правый — молодец! Слышите, как воет? Наверное, именно этот звук имели в виду древние, когда говорили о божественной музыке небесных сфер! Как вы думаете, Александр Сергеевич?

Соколов помолчал, поправил воротник своей куртки и спросил:

— И что же теперь?

— А ничего, — беспечно ответил Виктор, белозубо улыбаясь эксперту. — Так и пойдём на одном двигателе.

— Но это же запрещено!

Это было действительно запрещено. Инерциальный полет на гиперсвете невозможен. Если остановятся оба двигателя, то корабль мгновенно разрушится и высветится мощнейшим всплеском излучения Черенкова. Поэтому на гиперсветовых кораблях и ставят два маршевых двигателя. Откажет один, второй, работая на повышенной мощности, вытянет корабль в пространство Эйнштейна, где уже возможен инерциальный полет — на субсветовой скорости.

Снисходительно разглядывая Соколова, Виктор с ноткой гордости в голосе повторил:

— Это простым смертным ходить на гиперсвете на одном двигателе запрещено. А у нас экипаж экстра-класса. У Лорки открытый лист на любые действия. Как он скажет, так и будет. — И помолчав, вдруг заговорщицки спросил: — Трусите, уважаемый эксперт?

Соколов хмуро взглянул на него и признался:

— Есть немного.

Хельг хлопнул себя по колену.

— Молодчина!

— Это еще почему? — довольно мрачно спросил Соколов.

— А потому что не постеснялись признаться. Все мы прошли через это. Это ведь гиперсвет! А потом привыкли, каждый в меру своих сил и возможностей.

— И теперь уже вовсе не боитесь?

— Вовсе не боятся только идиоты, а я как-то избегаю зачислять себя в эту категорию. — На лицо Хельга легла тень легкого раздумья. — Но если я и боюсь, то самую малость и где-то там, внутри, на уровне подсознательных мыслей и образов, точно во сне. — Помолчал, поглядывая на Соколова, и доверительно добавил: — Понимаете, Александр Сергеевич, опасность, когда она в меру, это даже приятно. — Виктор шевельнул плечами, в его черных глазах снова замерцали озорные искорки. — Это возбуждает и бодрит! Побеждая страх, чувствуешь себя настоящим человеком, повелителем природы, хомо сапиенсом, а не скотиной, которая только и знает, что жевать да спать. И потом, это ведь совсем не страшно.

— Что не страшно? — не понял Соколов.

— Небытие. — Виктор засмеялся, очень довольный тем, какое он произвел впечатление на своего напарника. — Понимаете, Александр Сергеевич, стоит сейчас отказать и правому двигателю, как корабль со всеми своими потрохами высветится за какие-то пикосекунды. Вы ровно ничего не успеете почувствовать! Мгновенный переход материи из одного состояния в другое. Трах! И нет ни Соколова, ни Хельга, ни Ники, никого и ничего. Разве эту величественную, красочную картину можно сравнить с медленной агонией в отделении реанимации?

Соколов кашлянул и осторожно спросил:

— А что ремонтируют? Что поломалось-то?

В глазах Виктора замерцали веселые искорки, но ответил он обстоятельно:

— Чудеса, Александр Сергеевич, настоящие чудеса. Отказал не силовой узел, не агрегат горячей зоны, где господствуют колоссальные температуры. Вышел из строя коммутационный блок, кибернети-

ческая схема высокой надежности, работающая в почти идеальных условиях. С таким отказом я сталкиваюсь впервые.

Соколов нахмурился, он не скрывал того, что сообщение Хельга ему очень не понравилось.

Глава 17

Когда Тимур в сопровождении Ники появился в кают-компании, Виктор, мельком взглянувший на него, усмехнулся.

— У тебя такой вид, словно ты повстречал привидение.

— Я и точно повстречал его.

В голосе Корсакова прозвучало спокойствие, в котором слышались нотки безнадежности. На него сразу обратились заинтересованные и настороженные взгляды присутствующих.

— Из какой же сферы?

— Из астрономической, — повернулся Корсаков к Виктору. — Тебе знакома пятидесятка? Первая опорная?

— Пятидесятка? Эта звезда, так сказать, первой величины? А как же! Наш негасимый маяк во мраке галактической ночи. Красный гигант, шифр М-38-50, ну, а все остальные сведения, которые накопило о ней человечество, можно узнать, обратившись к компьютеру.

— Оказывается, человечество накопило не все.

Приглядываясь к Корсакову, Виктор шутливо проговорил:

— Не может быть. Человечество, друг мой, очень дотошное сообщество. Ты просто клеветешь на него, а зачем — не пойму.

Тимур вежливо улыбнулся и жестом пригласил товарищей пройти в обсервационную.

Координаты гиперсветового корабля относятся к сведениям высшей точности, их исчисление производится непрерывно, в автоматическом режиме. Однако самым совершенным устройствам и системам

свойственны погрешности, которые, постепенно накапливаясь, могут привести к крупным ошибкам. Поэтому раз в сутки в двенадцать часов корабельного времени вахтенный начальник «Смерча» производил ручную обсервацию: определение корабельных координат путем визуального наблюдения за тремя опорными звездами — лобовой, или, как ее чаще называли, первой опорной, и двумя вспомогательными. Термин «ручная обсервация» соответствовал действительности, разумеется, фигурально: без техники человек на космическом корабле был совершенно беспомощен, речь могла идти лишь о пропорциях между удельными весами автоматики и человеческого участия.

За минуту до начала обсервации, несмотря на то, что один двигатель не работал, а другой выл и стонал на форсированном режиме, Тимур Корсаков занял кресло наблюдателя. Ровно в двенадцать часов на контрольном табло вспыхнул сигнал начала этой операции, но обзорный экран не осветился, и начать наблюдения Тимуру не удалось: компьютер заблокировал операцию, в качестве объяснения на табло загорелась надпись «неустраняемая помеха». Корсаков не особенно удивился, время от времени случались сбои в работе самых разных устройств. Он быстро проверил исправность цепей автоматики. Оказалось, что все в порядке. Теперь уже вручную он нажал кнопку начала обсервации, но результат был тот же: стоп-сигнал и табло «неустраняемая помеха».

Тимур на секунду задумался, а потом перевел компьютер в речевой режим работы. После легкой паузы компьютер внятно проговорил:

— Первая опорная, шифр М-38-50, исчезла из лобовой зоны в 11 часов 48 минут за промежуток времени в доли секунды. Физический характер явления не устанавливается и аналогов не имеет. Конец расшифровки.

Несколько секунд Тимур сидел неподвижно, мысленно повторяя про себя информацию и стараясь полностью охватить ее смысл. Исчез красный гигант диаметром в несколько световых минут, колоссаль-

ная глыба раскаленного вещества, из которой можно построить несколько земных солнц! За такой ничтожный промежуток времени звезда не может ни погаснуть, ни экранироваться.

Оставив лишь локальное освещение пульта, Тимур включил обзор лобовой зоны — в наступившем полумраке на обзорном экране вспыхнули искры звезд и пятна галактик. Да, компьютер не ошибся! На месте первой опорной не было ничего. Ровно ничего! Как будто это была не звезда диаметром в орбиту Меркурия, а светлячок, плавающий в звонкой тишине летней ночи. Крохотный светлячок, который шалун мальчишка взял да и прикрыл ладонью. Черт знает что!

В обсерваторской, остановившись перед экраном с изображением лобовой зоны, Корсаков предложил: — Попробуйте отыскать наш негасимый маяк.

Виктор одним взглядом окинул изображение участка небесной сферы, наклонившись к пульту управления, проверил, точно ли это лобовая зона, и взгляделся в экран еще раз, теперь уже гораздо внимательнее. Заметил табло «неустраняемая помеха», не глядя, точным движением руки включил речевой режим расшифровки и прослушал сообщение компьютера.

— Вот это феноменчик! — ошарашенно пробормотал он. — Из лобовой зоны пропал красный гигант с массой в десять солнечных — М-38-50. Объявляется розыск в галактическом масштабе. О находке просим срочно сообщить по адресу: Млечный путь, сектор Б, корабль «Смерч», начальнику вахты Тимуру Корсакову. Наградные гарантируются. — И, положив руку на плечо товарища, засмеялся. — А тебе ведь попадет от командира! Как же ты не усмотрел за такой драгоценной звездой? Нехорошо!

Тимур вздохнул.

— Бесследно исчезает целый мир! Может быть, с целым комплексом жизней и цивилизаций, а ты преспокойно шутишь. — И меняя направление разговора, добавил: — Однако хватит острословия. Что будем делать? У тебя есть рациональные идеи?

— Нет, — признался Виктор. — Исчезновение пятидесятки действительно похоже на черную магию.

— А у меня есть идея, и, по-моему, очень рациональная, — хладнокровно заявил Соколов и, дождавшись, когда на нем сосредоточится общее внимание, не без скрытого лукавства сказал: — Надо сообщить обо всем командиру.

— Разумно. Но стоит ли беспокоить его в такой момент? Подождем, пока заработает левый двигатель.

— У меня есть идея, — сказала Ника вполголоса, точно про себя.

— Поделись.

— Я подумала, а вдруг исчезновение пятидесятки — сигнал?

— Сигнал? — переспросил Тимур.

— Да, сигнал. Причем, обращенный к нам. — В голосе Ники послышались нотки упрямства. — Погасла первая опорная, звезда, по которой фиксирован в пространстве курс нашего корабля. Разве это нельзя истолковать как информацию об опасности, как своеобразный приказ: «Стой! Ни шагу вперед. Опасность!»

В обсервационной воцарилась если не тишина, то ее относительное подобие.

— Если учесть, что кикиане пытались всячески затормозить наш отлет с Земли, то в этом предположении есть нечто разумное, — не совсем уверенно проговорил наконец Соколов.

— Гасить и зажигать звезды! — недоверчиво подумал вслух Виктор и белозубо, озорно улыбнулся. — Впрочем, а почему бы и нет? Наверное, ведь и нам, людям, когда-нибудь будет доступно такое!

— И двигатель отказал, отказал странно. Совпадение? — Тимур потер кончиками пальцев лоб. — Крутится у меня в голове какая-то космическая легенда, связанная с угасанием звезды. Но какая?

Виктор нахмурил свои соболиные брови.

— Погоди-погоди, мне тоже помнится. Сейчас... Кранц? Кунц?.. Вспомнил — Лунц! Легенда о командире Лунце.

Тимур остро взглянул на Виктора, припоминая что-то, и нажал кнопку вызова командира корабля, сжато, но очень четко обрисовал ситуацию.

Пауза длилась не больше нескольких секунд.

— Понял, — проговорил Тимур, и лицо его посуровело. Подняв глаза на присутствующих, он негромко, внятно проговорил: — Ходовая тревога! Срочное, аварийное торможение.

Глава 18

Занимая место рядом с командиром, как это и полагалось по ходовому расписанию, Тимур спросил:

— Надо ли так спешить? На одном двигателе?

— Надо, Тим, — сказал Лорка, кладя руки на штурвал. — Я все объясню потом.

Даже через амортизацию боевых кресел ощущались содрогание и вибрация корабля: происходило экстренное свинчивание его маршевых отсеков, корабль сжимался, уменьшая свою длину и диаметр до стартовых параметров. Съезживалась электрофная мебель, ликвидировались карманы кают, «худела» оранжерея: центральная аллея ее исчезла, растения вплотную придвигались друг к другу.

Срочное торможение проводится еще более стремительными темпами, чем сам разгон, — корабль должен стать предельно прочным, монолитным.

— Корабль в полной готовности, — доложил компьютер.

— Вижу! — буркнул Лорка, этот сигнал уже высветился на контрольном табло. — Внимание экипажу! Срочное торможение!

Щелкнул переключатель реверса хода, нога начала выжимать ходовую педаль. Тревожный гул двигателя перешел в резкий многоголосый вой. Миг, и корабль словно уткнулся в невидимую, упругую стену, его качнуло, тягуче, мягко, глубоко, а потом вдруг бросило вправо, вверх, ухнуло вниз. Не спуская глаз с пульта-индикатора и до боли напрягая свои стальные мышцы, Лорка с натугой ворочал

штурвалом. Через несколько секунд Тимур, умница Тим, поймал ритм и точной подчисткой снял часть нагрузок, стало полегче. Но все равно ныли кости и соленый колющий пот заливал глаза. Лорка, не закрывая, только шуря их, стряхивал его резким движением головы. «Проклятый эксудатик, — презрительно клял себя Федор. — Понесло тебя в космос! В командиры! Посмотри-ка на Тима, не человек, а огурчик!»

Да, Тимур казался человеком, изваянным из мрамора, но и ему было нелегко, хотя львиную долю нагрузок принимал на себя командир. Как и любой классный пилот, работал Тим автоматически, сознание как бы дежурило, готовое мгновенно включиться в работу при всплеске неожиданного и необычного. И это дежурство не мешало, а даже стимулировало прихотливое течение мыслей. Ему вдруг вспомнилось, например, как несколько лет тому назад на тренировочном экстренном торможении пожелал присутствовать один видный теоретик-космонавигатор, рассчитывавший оптимальные трассы гиперсветовых кораблей. Несмотря на противоперегрузочную и вестибулярную профилактику, космонавигатора вынули из кресла полумертвым, даже не бледным, а каким-то голубым и таким мокрым, как будто его облили водой. Когда он пришел, а вернее его привели в себя, космонавигатор разразился шумной негодующей речью. «Что это за пляска святого Витта? — кричал он. — Что это за издевательство над человеческой природой? Да я берусь за месяц разработать аппаратуру, которая компенсирует эти бултыхания!» Ему вежливо объяснили, что такая аппаратура давно разработана, но чтобы разместить ее на корабле, пришлось бы ликвидировать комфортную зону. Не слишком ли велика жертва? Ведь экстренное торможение применяется раз в год и то по обещанию!

— Перегрузки у нижней границы допусков, — бесстрастно проинформировал компьютер.

Тимур метнул недовольный взгляд на Лорку и невольно пожалел его: напряженное, красное от натуги, злое лицо, крупные капли пота на лбу.

— Куда так спешим, командир?

— Потом, — выдавил сквозь зубы Лорка, однако несколько сбросил мощность двигателей, — потом объясню.

Действительно, Федору было бы очень непросто аргументировать свое мгновенное решение о срочном торможении корабля. Это был один из тех редких случаев, ради которых командиров и наделяют полнотой власти. Совещаться и советоваться было некогда, да и незачем. Надо было решать самому, потому что промедление было смерти подобно в буквальном смысле этого слова. С одной оговоркой, если поверить командиру Лунцу. Если же происшествие с Лунцем только легенда, психоз, нервный срыв, дело не в словах, то решение Лорки можно было бы расценить как акт перестраховки и даже паникерства. Что бы потом ни говорилось, но Лорка ставил на карту свое реноме руководителя, командира, да и просто гиперсветовика. Конечно, в случае ошибки ему не грозило наказание, дело обстояло много хуже — он становился смешным. Но на другой чаше весов — жизни дорогих и близких ему людей, успех экспедиции, и Лорка не без усилия, но бестрепетно откинул все эгоистические сомнения и страхи. Если верить Лунцу, в их распоряжении до начала непонятной катастрофы оставались считанные секунды. И Лорка отдал приказ о срочном торможении! Если верить Лунцу... Конечно, принимая решение, он опирался не на одну легенду. Было учтено все: общая ситуация полета на Кику, отказ левого двигателя, догадка Ники. Все легло на весы разума и совести, легенда о командире Лунце была последней соломинкой, спусковым механизмом единоличного волеизъявления. Как бы то ни было, Лорка поверил Лунцу. А если так, то их единственным шансом избежать внезапной катастрофы было скорейшее, экстренное торможение. Вот почему Федор так безжалостно терзал корабль, экипаж и самого себя.

Легче, а точнее сказать, бездумнее всех переносил торможение Соколов. Он был одним из тех людей,

у которых глубокая болтанка, чередование периодов невесомости и переменных нагрузок не вызывало ни головокружения, ни тошноты, но зато приводило в состояние своеобразной прострации. Он совсем потерял представление, где верх, где низ, в голове не было ни единой мыслишки, а вокруг кипел веселый, разноцветный мир. Только при особенно резких бросках корабля он радостно и бездумно, как птичка, вскрикивал, но не вслух, а про себя: «Эх, как! Вот как!» Если бы кто-то сказал, что в эти моменты его лицо искажают мучительные гримасы, он бы ни за что не поверил.

Нике было тяжело. Она была выносливой девушкой, но болтало так крепко, что ее скоро начало мутить. Вся силу воли она сосредоточила на том, чтобы не расклеиться. Какой стыд, если ей будет плохо! Это сильнейшее, хотя и пассивное напряжение воли, надежно оберегало ее от размышлений о случившемся, а стало быть, и от страха, который неизбежно приходит к бездействующим, но понимающим. Это было великое благо, о котором она и не подозревала, борясь со своей дурнотой.

Этого блага, увы, не было ни у Виктора, ни у Игоря. Они отлично владели собой, все видели, все понимали, всеми своими чувствами ощущали, что происходит с кораблем, но никак не могли повлиять на его судьбу. Они могли только следить за тем, что делают другие, а другие ведь часто делают не так, как хотелось тебе! Особенно трудно было активному Виктору. Пока Тимур не включался в подчистку, он кричал Дюку, перекрывая вой двигателей:

— Разве это пилоты?

— Ничего, — хладнокровно бормотал Игорь, — сейчас Тим работает.

Когда Лорка вывел корабль на грань допустимых перегрузок, Виктор, пилот милостью Божьей, без всяких приборов почувствовал это.

— Да они же развалят корабль!

Из маршевой сотки осталось сбросить лишь около десятка световых скоростей, когда Лорку точно ледяной водой окатили, даже взмокшие волосы ше-

вельнулись на голове: в ровном пронзительном вое двигателя слышались... нет, не сами перебои, но их бледные и все равно страшные тени. Признаки, тени перебоев уловило и чуткое ухо Тимура. Краем глаза Лорка видел, как напряглось его лицо, но это никак не отразилось на работе — подчистка сохранила свою четкость и филигранность.

Что делать? Лорка знал, что на таком предаварийном режиме двигатель может тянуть неопределенно долгое время, а может и мгновенно отказать. Но надежд на то, что двигатель проработает долго, было мало: Лорка ни на секунду не забывал о капитане Лунце. Надо было рисковать! Надо было во что бы то ни стало ускорить торможение! Стиснув челюсти, Лорка вывел дроссель тяги за вторую защелку на предельный сверхфорсированный режим. Вой двигателя превратился в истошный визг и вопль.

Федор поймал тревожный взгляд Тимура.

— Надо сбросить тягу, — сквозь зубы выдавил Корсаков.

— Нельзя.

Сбросишь тягу, затянешь время торможения. А ведь у Лунца двигатели отказали почти одновременно!

— Надо сбросить тягу!

— Нельзя! — отрезал Лорка. — Я объясню потом.

Изошренное в инженерии ухо Игоря Дюка тоже уловило в работе двигателя то, что еще не фиксировали приборы — первые, медленно прогрессирующие признаки перебоев.

Игорь похолодел, обежал взглядом лица товарищей и опустил веки, чтобы не выдать грубого, животного страха, который сейчас корежил, ломал, но никак не мог сломать окончательно его самообладание. Каждый человек — хозяин своей судьбы. Красиво сказано! Только не совсем правильно. У человеческой судьбы есть и еще один хозяин — капризный, переменчивый и всемогущий. Случай! Говорят, он благоволит к сильным духом, благородным и храбрым. Но это не вся правда. Случай благоволит и к хитрым, двуличным, коварным, на то он и случай.

Капризный случай! На чьей ты сейчас стороне?

Когда воющий гул двигателя внезапно оборвался, Соколову показалось, что он вдруг оглох. Несколько секунд он прислушивался к этой пронзительной тишине, а потом открыл глаза и удивился этому процессу — вообще-то он был убежден, что глаза у него все время были открыты. Посредине операторской стоял Виктор и делал легкую гимнастическую разминку. И Игорь разминался, но не стоял, а сидел в кресле. Соколов тряхнул головой — она была пустой, тяжелой и как-то неопределенно качалась на плечах. И осведомился: — Все уже кончилось?

Виктор засмеялся, он был свеж и оживлен.

— Кончилось. Рубикон перейден, Харон оттолкнул свою лодку, оставив нас по ту сторону добра и зла. В чистилище было шумновато, зато рай примерно такой, каким он мне и представлялся.

Заметив, что Ника собирается встать, Виктор удержал ее.

— Сидите! И нечего стесняться, новички обычно чувствуют себя много хуже. — Хельг проговорил это искренне, без обычной насмешки или озорства.

Игорь улыбнулся девушке.

— Хотите стакан тонизирующего сока? В начале космической карьеры это средство хорошо помогало мне в подобных ситуациях.

Ника слабо улыбнулась ему в ответ.

— Я и не знаю.

— Выпейте, — серьезно посоветовал Виктор, — отличное средство!

Дюк, шагая с преувеличенной четкостью, направился к бару, нацедил стаканчик и обернулся к Соколову.

— А вам, Александр Сергеевич?

— Я уж как-нибудь обойдусь и без сока, — бодро сказал эксперт, храбро поднялся на ноги и вдруг судорожно вцепился в спинку кресла — операторская качнулась и плавно закружилась вокруг него, как детская карусель. Виктор живо подскочил и усадил его обратно в кресло.

Игорь нацедил два стакана сока и подал один Нике, другой Соколову, подождал, пока они выпьют, и с пустыми стаканами вернулся к бару. К нему подошел Виктор.

— Пожалуй, и нам следует поднять бокалы, а?

— Надо, — серьезно ответил Дюк, наполняя два других стакана. — Причем, не с соком, а с шампанским.

— Как на свадебном вечере?

— Нет, как на дне рождения.

Они чокнулись. Виктор вполголоса спросил:

— Мы ходили по самому краешку, ведь так?

Игорь взглянул на него с уважением.

— Ты тоже понял, что двигатель начал вянуть?

Хельг залпом выпил тоник и покачал головой.

— Не буду хвастаться, не понял. Просто я видел твое лицо, коллега.

Игорь усмехнулся.

— А что, был красив?

— Очень. Только слегка похож на покойника.

— О чем это вы там шепчетесь? — подозрительно спросил Соколов.

Виктор обернулся.

— Обсуждаем меню праздничного обеда по случаю благополучного прибытия в пункт промежуточного назначения.

В этот момент в ходовой рубке был закончен финишный комплекс работ и операций по обеспечению безопасности корабля.

— Еще бы секунд тридцать, от силы минута — и второй двигатель тоже бы отказал, — устало проговорил Тимур и посмотрел на командира.

Лорка старательно вытирал лицо, шею и волосы большим платком, платок был мокрый.

— Вот, — вид у Федора был очень довольный, зеленые глаза лукаво щурились, — а ты хотел, чтобы я сбросил мощность. Послушался бы — разлетелись бы мы, грешные, по всей Вселенной радиоактивной пылью.

Тимур следил за ним без улыбки.

— Как ты догадался, что двигатель вот-вот выйдет из строя?

Лорка спрятал платок в карман.

— Лунц помог. — Он поднялся на ноги и повел плечами, разминая ноющие кости. — А подробности — чуть позже. Посмотри, что с экипажем, а я поработаю с фильмотекой. Это ненадолго.

— Понял.

Получив задание, компьютер провозился с ним довольно долго — легенда о командире Лунце была совершенно неординарным материалом.

Глава 20

Вводную часть легенды Лорка пробежал мельком, по диагонали: хотелось поскорее добраться до сути. И потом речь шла о событиях почти вековой давности, о полетах на гиперсветовых кораблях второго поколения. А «Смерч» — уже шестое!

Находясь на хорошо облетанной гиперсветовой трассе, командир Лунц в самой обычной обстановке отдал приказ о срочном торможении. Выйдя на досветовую, инерциальную скорость, Лунц не снял положения тревоги и после пятиминутной паузы отдал приказ о запуске двигателей. Во время их опробования двигатели один за другим вышли из строя. Поломки оказались несущественными, были ликвидированы силами экипажа, однако выполнение задания было прекращено, и корабль досрочно вернулся на базу. Техническая экспертиза пришла к выводу, что такое редчайшее происшествие, как одновременная авария обоих двигателей, произошло вследствие недостаточно умелой эксплуатации их командиром Лунцем в ходе экстренного торможения. К тому же Лунц не мог или не хотел дать ясных объяснений своему неожиданному решению. По совокупности причин Лунц был освобожден от космической работы и добровольно согласился пройти тщательное медицинское обследование.

Проскочив частокोल несущественных моментов в этой истории, имевших чисто медицинский интерес, Лорка остановил взгляд на стенограмме беседы Лун-

ца и астрального психолога. Старый командир, а Лунцу было шестьдесят два года, отвечал на вопросы сухо, кратко, явно не желая углубляться в психологические тонкости и мотивировки.

«— Что побудило вас отдать приказ о срочном торможении? Ведь это экстраординарная мера.

— Я поступил в полном соответствии с рекомендациями древних мореходов.

— Это любопытно! А конкретнее?

— У них было твердое правило: если сложилась неясная обстановка, застопори ход, положи корабль в дрейф, осмотри, прикажи штурману уточнить координаты, а уж потом принимай решение.

— На корабле сложилась неясная обстановка? Вы никогда не говорили об этом прежде.

— Зачем говорить, если наперед знаешь, что тебе не поверят?

— Но я врач, а не пилот.

— Поэтому я и отвечу вам. Было около полуночи. Экипаж отдыхал. Я лично нес вахту и собирался начать суточную обсервацию, как вдруг обнаружил, что в лобовой зоне по непонятным причинам исчезла первая опорная звезда. Вам известно назначение опорных?

— В общих чертах известно.

— Я посчитал феномен помехой в работе обзорной аппаратуры. Но проверка показала, что аппаратура в полном порядке. Пришлось признать факт исчезновения звезды, голубого гиганта класса «О», объективной реальностью. Пока я оценивал ситуацию, в работе правого маршевого двигателя начались легкие неполадки. Они укладывались в нормы критических допусков, но настораживали. Двигатель не отказывал, он барахлил. Еще раз взвесив все обстоятельства, я принял решение о срочном торможении.

— В частных беседах с товарищами по профессии вы говорили, что посчитали исчезновение звезды целенаправленным сигналом, адресованным персонально вашему кораблю. Что-то вроде: «Стой! Дорога дальше закрыта!» Не так ли?

— Во всяком случае, я допускал такую возможность.

— Кто-нибудь из экипажа может подтвердить факт исчезновения первой опорной звезды?

— Нет.

— Почему?

— Потому что, закончив торможение, я обнаружил первую опорную на ее законном месте.

— Вас это удивило?

— Удивило — не то слово. Я подумал о том, что теперь мне будет очень трудно, почти невозможно разумно объяснить свои действия.

— Понимаю. А не пришло ли вам в голову, что загорание звезды — это тоже сигнал — путь свободен?

— У меня возникла такая мысль, но она показалась мне спорной. Поэтому так и осталась мыслью.

— Вы решили опробовать двигатели — почему?

Я уже говорил, что в ходе торможения правый двигатель забарахлил. Не совсем нравилась мне работа и левого двигателя в заключительной фазе торможения. Мне казалось, что двигатели могут отказать. Я торопился проверить свои предположения, пока мое командирское реноме еще не подверглось сомнению. В своих предположениях я не ошибся.

— Вы допускали, что угасание звезды — это сигнал. Кто же мог подать вам его? Каким образом?

— Я не вижу границ могуществу разума.

— Вы имеете в виду неземной разум?

— Разум — понятие собирательное.

— Понимаю. Но окрестности первой опорной звезды были обследованы самым тщательным образом. Там не найдено никаких следов высокой цивилизации. Тем более такой, которой было бы доступно управлять свечением звезд.

— Я знаю об этом.

— И каков же ваш окончательный вывод о случившемся?

— Мой учитель, Иван Лобов, говорил: мир велик, а мы знаем так мало».

Лорка задумался, подперев рукой свою рыжую голову с нерасчесанными, слипшимися волосами. Его

выручила ненасытная любознательность, а память не подвела: достаточно было Тимуру упомянуть имя капитана Лунца, как основные факты и смысл его легенды всплыли в сознании. Лорка знал, опоздай он с торможением на считанные минуты, а может быть, и секунды, и корабль бы взорвался. И катастрофа была бы зачислена в разряд тех неразгаданных происшествий, которые время от времени случаются в дальнем космосе. Федор Лорка оказался на высоте положения: его интуиция вкупе с сознанием сработали в нужный момент, а волевое решение было принято без промедления. Странно, но он не испытывал ни ликования, ни торжества, только усталость и грусть. Поймав себя на таком настроении, он сначала не понял, в чем дело, и даже удивился самому себе. Лишь покопавшись в душе, — признаться, он не очень любил это занятие, — Лорка догадался в чем дело: ему было обидно и больно за старого командира Лунца. Правда, Лунца давно нет в живых, но что из того?

Ведь Лорка только шел по чужим следам. А какое мужество, какое провидение требовалось от Лунца! Как он был высок и горд в своей молчаливой обиде на экипаж, который не поверил на слово своему командиру. Наверное, это был не совсем здоровый экипаж, раздраемый какой-то внутренней психологической несовместимостью. Лорка был убежден, что если покопаться в архивах, то наверняка можно убедиться, что коллектив просуществовал недолго и вскоре развалился. Есть герои, имена которых звучат на устах множества людей и навеки остаются в анналах истории. А есть герои, которые вершили не менее великие подвиги и остались безвестными. Разве так уж мало громких имен, нафаршированных чужими мыслями и славой? И разве мало безвестных тружеников и бойцов, которые достойны самого высокого пьедестала почета?

Лорка провел ладонями по лицу, шумно вздохнул и вызвал Корсакова.

— Наверное, догадались запараллелиться на просмотр легенды?

— Догадались.

— Пятидесятка на месте?

— Нет.

— Как? — удивился Лорка.

— Пятидесятка так и не появилась, — уже обстоятельнее пояснил Тимур. — Как будто растаяла!

— Понял, — пробормотал Лорка.

Он надолго задумался. Значит, случившееся происшествие, исчезновение первой опорной звезды, — не полностью аналогично феномену, который наблюдал капитан Лунц. Может быть даже, это и не аналогия, а простое совпадение, одно из тех сказочно-счастливых совпадений, которые, несмотря на свою научную невероятность, все-таки время от времени случаются в жизни. С этой историей стоило разобраться подробно и во всех деталях, но это потом. Потом! Когда отдохнет усталый мозг и измученное перегрузками тело. А теперь сон — лучший лекарь, а утро вечера мудренее.

— Отбой ходовой тревоги. Всем спать. На завтра объявляю дневку: отдых экипажу, компьютерный ремонт двигателей.

Глава 21

Тимур заснул как убитый. Сказалось нервное напряжение экстренного торможения и последующая разрядка. Перед тем как отправиться на покой, они с Лоркой, не тревожа остальной экипаж, около часа колдовали над главной гравитостанцией. Был послан вызов на связь, но ответного контрольного сигнала корабль не получил. Непрохождение гравитоволн или поломка станции связи? Проверка показала, что гравитостанция в полном порядке. Оставалось надеяться, что к утру гравитационная обстановка станет более благоприятной.

Проснулся Тимур внезапно, от сильного испуга, и некоторое время не мог понять, где он и что с ним происходит. Сердце в груди стучало гулко и часто, по лицу и груди стекали струйки липкого пота. Такое

случается, когда снятся кошмары, но Корсаков спал без сновидений. Скорее машинально, чем сознательно, он включил дневной свет и сел на постели. Пульс понемногу приходил в норму, но по всему телу были разлиты слабость, утомление, точно Тимур только что совершил длительную пробежку. Вяло вытираясь полотенцем, он взглянул на часы — четыре часа утра с минутами, до подъема еще далеко. Рассеянно оглядываясь по сторонам, Корсаков почувствовал смутное, подсознательное беспокойство, словно из его памяти выпало нечто важное, о чем сейчас следовало бы вспомнить обязательно, или взгляд натолкнулся на какой-то незримый источник опасности.

Отбросив полотенце, Тимур огляделся вокруг теперь уже цепким, оценивающим взглядом. И удивился! В каюте стоял довольно большой шкаф, которого не было ни вчера, ни позавчера — вообще никогда не было! Иллюзия?

Помедлив, Корсаков встал с постели, подошел к загадочному шкафу и, преодолев некоторое внутреннее сопротивление, положил на него ладонь. Ничего не случилось. Тимур оглядел шкаф внимательнее. Самый обыкновенный шкаф, отчасти похожий на бытовой термостат для хранения продуктов! По своей форме и расцветке он хорошо вписывался в каютный интерьер, отнюдь не бросался в глаза, а поэтому несмотря на солидные размеры его было не так просто заметить. Не исключено, что он уже стоял в каюте, когда утомленный Тимур, приняв душ, свалился на постель и заснул мертвым сном. Корсаков пошлепал шкаф ладонью, а потом и огладил его. Рука, тактильное чувство не могли ошибиться: шкаф был сделан из электрофа, из того самого материала, из которого была создана и вся остальная каютная мебель. Сев за пульт управления, Тимур за какую-нибудь минуту мог сработать десяток таких шкафов. Но он не делал этого! Может быть, это невинная шутка одного из товарищей? Скажем, Виктора или Игоря? Нет! По неписаному кодексу космонавтов даже заходить в каюту в отсутствие ее владельца считалось неприличным, а уж хозяйни-

чать в ней — тем более. Да и ситуация на корабле была не из тех, что располагают к таким шуточкам. Откуда же взялся этот проклятый шкаф?

У шкафа, как и полагается, была дверца во всю переднюю панель, а на дверце — обычная ручка. Тимур наперед знал, что обязательно откроет дверцу и посмотрит, что находится внутри, но оттягивал операцию. Кто знает, что произойдет, когда распахнется эта тонкая, заурядная на вид дверца! Взрыв? Чепуха! Но вдруг этот шкаф нечто вроде сосуда Пандоры? Стоит открыть его, и множество странных неземных бедствий незримо, но властно волеется в корабельную жизнь! Или наоборот, шкаф — своеобразный рог изобилия, который наделит космонавтов, да и все человечество, массой удивительных неведомых благ. Боже, какие только глупости не лезут в голову в таких ситуациях! Корсаков коснулся пальцами ручки шкафа. Может быть, и не открывается он вовсе? Может быть, дверца всего лишь декоративное украшение? Казалось, ладонь Тимура сама собой надела на ручку, он ощутил легкий щелчок — это сработал стопор, удерживающий дверцу в закрытом положении. Тимур перевел дух: сомнения насчет назначения дверцы отпали сами собой.

Ожидание становилось тягостным. Сказав себе, что он лишь на мгновение приоткроет дверцу и в случае чего тут же захлопнет, Тимур осторожно потянул ручку на себя. Нервы его натянулись как струны. Дверца подалась легко, без шороха и скрипа. Когда образовалась щель в два пальца, Тимур придержал руку... Ничего! Из темной щели не доносилось ни звука. И все-таки каким-то шестым чувством Корсаков понял, что в шкафу кто-то или что-то есть. Прошло несколько полновесных, длинных-длинных секунд, пока Тимур не догадался наконец в чем дело — запах! Слабый, но достаточно отчетливый аромат доносился из-за приоткрытой дверцы. Запах не был неприятным. Наверное, так пахнет земля, с которой лишь кое-где под лучами весеннего солнца сошел снег. Из шкафа пахнуло весной! Странно, но именно поэтому Тимур окончательно осмелел и распахнул

дверцу. Внутренне Корсаков был готов немедленно же захлопнуть ее, но содержимое шкафа было таким банальным и нелепым, что он сразу забыл о своем намерении. В шкафу лежал объемистый мешок из светло-серой ткани! Тимур отпустил ручку и присел на корточки, чтобы удобнее было разглядывать содержимое. Вообще говоря, мешок не лежал, а стоял, занимая внутренний объем почти полностью — свободного пространства оставалось совсем немного. Мешок имел округлые формы, напоминая собой гигантское ассиметричное яйцо: вверху оно было заметно сужено, внизу основательно утолщено, а посередине имело легкую перетяжку. Своими формами это образование напоминало матрешку, а все-таки это был мешок, куль, потому что ткань, из которой он был сделан, местами морщилась, образуя складки. Тимур протянул было руку, чтобы потрогать эту диковинную вещь, но, испугавшись, рефлекторно отдернул ее. «Подожди, — сказал он себе, — в этой ситуации надо разобраться обстоятельно и не торопиться».

Шкаф. В шкафу куль, сделанный из синтетика, напоминающего лосиную кожу, наполненный чем-то неизвестным. Все это неким таинственным способом появляется в жилой каюте гиперсветового корабля, который от ближайшей звезды находится на расстоянии в полтора световых года. Нелепо? Пожалуй. Смешно? Не очень. Если это не идиотская шутка, а это маловероятно, то этот мешок — послание кикиан и предназначен экспедиции. Но почему мешок? Не контейнер, не футляр, не какое-нибудь иное совершенное устройство, а примитивный мешок! Во всяком случае, стоило вскрыть его и посмотреть, что находится внутри. Но сколько Тимур ни всматривался, он не мог заметить на мешке ни застежек, ни молнии, ни просто шва — он казался отлитым, а может быть, надутым из цельной заготовки. Руки так и тянулись ощупать эту странную посылку, но осторожность брала свое. Борясь с искушением, Корсаков вдруг мысленно чертыхнулся. А нейтральные перчатки? Как он мог забыть об этой надежной, даже сверхнадежной защите?!

Торопливо поднявшись, Тимур подошел к встроенной в стену вешалке, на которой хранилась защитная спецодежда, и натянул на кисти рук тончайшие перчатки, сделанные из практически непроницаемой нейтридной ткани. Конечно, они не могли защитить от удара и других механических повреждений, зато намертво ограждали руки от воздействия температуры, радиоактивных излучений, химических ядов и других агентов, воздействующих на организм на основе контактного прикосновения. Вернувшись к шкафу, Тимур опустил теперь уже не на корточки, а на колени, чтобы удобнее производить осмотр. И насторожился. Форма мешка изменилась! Слегка, но тем не менее заметно для глаза изменились пропорции между отдельными его частями, резче обозначилась перетяжка в верхней части; наряду с ней заметно ниже начала образовываться и вторая перетяжка. Корсаков еще и еще раз пробежал глазами по мешку и вдруг отшатнулся: по мешку медленно прокатилась волна, его поверхность вздувалась и снова опадала, верхняя перетяжка обозначилась еще заметнее. Молнией сверкнула ослепительная догадка и смешала, спутала все остальные мысли. Мешок живой! Да и никакой это не мешок, это рождающееся, формирующееся существо. Если сначала мешок был похож на старинную русскую игрушку-матрешку, то теперь он напоминал архаичные скульптурные фигурки, изображающие человека весьма условно и стилизованно — ни рук, ни ног, но уже намечены общие контуры тела, обозначены голова и грудь. Преодолевая страх и, уж если говорить честно, некоторое отвращение, Тимур положил правую ладонь на поверхность мешка. Он был мягок и упруг, напоминая собой круто заваренное желе, упакованное в замшу. Не рукой, на ней была надета нейтридная перчатка, а всей поверхностью лица Тимур почувствовал поток тепла, шедший из шкафа. Несколько раз сменив положение ладони, Тимур наконец нащупал то, что интуитивно искал: «Тук-тук-тук!» — несколько торопливо, ударов сто двадцать в минуту, но четко и мощно билось чужое сердце.

Глава 22

Соколов понимал, что дневку и отдых экипажу Лорка объявлял совершенно правильно. После пережитой встряски космонавтам надо было прийти в себя, обрести хорошую психологическую форму, а уж потом, так сказать, со свежими силами браться за такое тонкое дело, как ремонт маршевых двигателей. Но были у эксперта и некоторые сомнения: разумно ли бездельничать, когда корабль не имеет хода? А если над кораблем вдруг нависнет некая опасность и возникнет необходимость срочно покинуть этот аварийный район?

Соколов органически не терпел непонятного, а поэтому утром, после завтрака, обратился за разъяснениями к своему напарнику, Виктору Хельгу.

— Мы будем отдыхать, — сказал Виктор, подчеркивая слово «мы», — но это вовсе не значит, что будет отдыхать и командир.

— Почему не значит?

— А потому что он — командир, — ласково пояснил Хельг. — Мы ведь уже говорили с вами об этом, Александр Сергеевич. Аварийные ситуации — командирский хлеб насущный. Ну, а по мере необходимости Федор будет привлекать к отдельным работам и других.

Соколов пожал плечами.

— Какой же это отдых?

— Отдых, Александр Сергеевич, отдых — сами увидите. Например, Федор будет устанавливать связь с Землей, это совершенно определено. Разве вы откажетесь участвовать в такой работе?

— Какая же это работа? Праздник!

— Это как сказать. — Виктор усмехнулся, разглядывая эксперта, и посоветовал: — Празднуйте, отдыхайте, только не слишком молодейте, а то жена не узнает.

— В каком смысле не молодейте? — насторожился эксперт.

— В самом прямом. Мы же вышли в пространство Эйнштейна, стало быть, на нас теперь распро-

страняются все эффекты теории относительности. Время на Земле сейчас летит с головокружительной быстротой! По сравнению с нашим, корабельным.

Виктор лукаво подмигнул и испарился, оставив эксперта в состоянии определенной растерянности. Соколов машинально опустил в кресло и задумался. Виктор был прав! Как ему самому это не пришло в голову? Корабль вышел в пространство Эйнштейна и летит где-то у самого рубежа скорости света, значит, корабельное время сильно замедлено по отношению к земному. А земное ускорено! Дни и недели там сейчас летят, с точки зрения Соколова, с головокружительной скоростью, а стало быть, его жена и дети начали стремительно стареть. Эксперт похолодел: его вовсе не привлекала перспектива, вернувшись из экспедиции, встретиться с женой-старушкой, а то и того хуже — найти лишь памятник на ее могиле. Некоторое время Соколов пребывал в состоянии прострации, потом пожалел, что не расспросил Виктора как следует, и даже собирался пойти к нему, когда ему на глаза попался Лорка. У Федора был вид человека вполне довольного жизнью. Судя по всему, эффекты теории относительности его немало не смущали, а ведь и у него осталась на Земле молодая жена! Что-то было в этой истории не совсем так, как обрисовал Виктор. Поэтому Соколов призвал себя к спокойствию, скорее всего скорость корабля не так уж велика, и не без некоторого душевного трепета уточнил значение этого параметра через компьютер. Бесстрастный ответ заставил его похолодеть: «Смерч» шел на «двух девятках», всего одна сотая отделяла его от светового барьера! Призрак дряхлой жены и солидных дочерей, окруженных детьми — его внуками, — снова встал перед внутренним взором эксперта. Но теперь Соколов уже владел собой, он не стал пугать себя фантазиями, а сел за вычислитель и сделал простенький расчет. Выполнив заключительную операцию по извлечению квадратного корня, он вздохнул с облегчением и поздравил себя с тем, что не стал приставать к товарищам с наивными вопросами. Лукавый Виктор, оказывается,

попросту разыгрывал его! Выяснилось, что «две девятки» — это совсем не страшно, корабельное время замедлялось при этом по сравнению с земным всего в два раза. Сколько времени может продлиться вынужденная субсветовая станция? Неделю, максимум две. Ну и что? Что из того, если его семья постареет на полмесяца или на месяц? Такие вещи в обыденной жизни неощутимы.

Успокоившись насчет влияния эффектов теории относительности, Соколов, поразмыслив, отправился в плавательный бассейн. Он любил воду и в космосе отнюдь не изменил своих привычек, кроме того бассейн пользовался общей популярностью, и эксперт не без оснований надеялся встретить там кого-нибудь из своих товарищей и, на всякий случай, все-таки уточнить сведения об этих проклятых эффектах субсветовых скоростей. По пути ему встретился Корсаков. У Тимура было осунувшееся, утомленное лицо, сразу чувствовалось, что он работал — провел напряженную бессонную ночь. О непрохождении гравитоволн и отсутствии связи с Землей утром было объявлено официально, Тимура на завтраке не было. Мысленно связав оба эти факта, Соколов сочувственно спросил:

— Так и не ладится со связью?

Корсаков невидяще посмотрел на эксперта.

— Доброе утро, Александр Сергеевич.

Соколов хмыкнул, разглядывая ставшего столь необычно рассеянным товарища.

— Что-нибудь случилось?

Тимур лучезарно улыбнулся, улыбнулся хорошо, без натяжки, хотя от усталости едва стоял на ногах.

— Случилось! Непрохождение волн, будь оно неладно.

— Это я знаю. — Соколов подозрительно разглядывал Корсакова: утомлен, измучен, а надо же — настроение хорошее. — Думал, что-нибудь еще стряслось.

— Все страшное позади, Александр Сергеевич. Вы извините, тороплюсь — работаю с гравитостанцией.

Тимур удалился, причем пошел он не в ходовую рубку, а к себе в каюту. Странно он работает с гра-

витостанцией! Покачивая головой и бормоча недовольно, что на корабле творится черт знает что, Соколов теперь уже нехотя поплелся в бассейн.

Корсаков потом не мог объяснить даже самому себе, почему, внимательно и хладнокровно прослушав биение сердца и даже определив зону, в которой оно прослушивалось, он вдруг отдернул руку, вскочил и захлопнул дверцу шкафа. В этом поступке вылились все его чувства: страх перед неведомым и необъяснимым, брезгливость — мешкоподобное желеобразное существо отнюдь не выглядело хоть чуточку симпатичным, недоверие к самому себе, желание выиграть время и подумать как следует. Почувствовав слабость в коленях, Тимур сделал два шага и опустился, скорее упал в кресло. Передохнув, он начал было машинально стягивать с рук перчатки, но передумал. Мелькнувшая мысль, что разумнее было бы не снимать перчатки, а полностью облачиться в защитный костюм, заставила его бледно улыбнуться. Итак, на корабле, который находится в открытом космосе на удалении около полутора световых лет от ближайшей звезды, появился «посторонний». Корсаков наконец-то осознал этот факт во всей его неожиданности, непонятности и, если угодно, во всем его величии. Могли бы люди осуществить такую транспортировку на чужой корабль? Нет! Человечество еще не доросло до этого, не видно даже подходов к путям решения такой задачи. Вывод мог быть лишь один: скорее всего, существо, находящееся в шкафу, и есть кикианин.

Тимур встал и, краем глаза поглядывая на шкаф, в волнении прошелся по каюте. Неужели свершилось? Неужели это событие, происшедшее в его апартаментах глубокой ночью, и есть тот великий контакт с братьями по разуму, которого так ждало человечество многие столетия? Тимур не был потрясен, не испытывал благоговения или каких-нибудь других возвышенных чувств. Скорее, он был разочарован, может быть, даже раздосадован. Примерно такую же досаду он испытал в юности, когда впервые увидел в подлиннике картины великого Лео-

нардо да Винчи. Они были невелики по размерам, темны и, во всяком случае, выглядели заметно хуже прекрасных голографических репродукций, которыми он не раз любовался до этого. Великий контакт! Никто, в том числе и Корсаков, не знал, как он состоит, но во всяком случае ему представлялось нечто действительно великое. Конечно, это наивно и, видимо, глубоко субъективно, но Тимур всегда представлялось, что великий контакт — это великий праздник. И вдруг — заурядный шкаф, похожий на термостат для хранения продуктов, а в шкафу нечто бесформенное и студнеобразное. Конечно, Тимур, как и все другие люди, не знал внешнего облика кикиан, но воображение назойливо, в разных вариантах, но упорно рисовало их ему изящными, одухотворенными и прекрасными созданиями. Ведь все совершенное по-своему прекрасно, а разве разум, созревавший миллиарды и миллиарды лет, может быть несовершенным?

И всего-то, на что может откликнуться человеческая душа, — это уверенный, мощный, хотя и несколько торопливый стук сердца.

Тимур вдруг остановился, испуганный неожиданной мыслью. Может быть, шкаф на самом деле пуст и нет в нем никакого мешкообразного существа? Может быть, мешок — это сон, бред, сновидение, наваждение, иллюзия, мираж, галлюцинация — все, что угодно, но только не реальность! Тимур провел рукой по лбу и машинально отметил, что она чуть подрагивает. Разыгралось воображение, а вслед за ним и нервы, это естественно, но это и плохо. Нет, хватит вариться в собственном соку, сомневаться в собственной неполноценности, брать всю ответственность за развивающиеся события на себя! Надо известить о случившемся командира и уже вместе с Лоркой решать, что и как, и разрабатывать дальнейшую линию поведения. Все правильно, но... все-таки стоит еще раз убедиться, что он, Тимур Корсаков, не стал жертвой разыгравшейся фантазии. Иначе, подняв ложную тревогу, он поставит себя в глупое и смешное положение. Риск-то невелик! Од-

нажды Тимур уже открывал шкаф, и ничего страшного не случилось, теперь его нужно приоткрыть еще раз и в случае чего тут же захлопнуть. Что может быть проще?

И снова случилось неожиданное. Тимур психологически был готов ко всему: что увидит все тот же подрагивающий, лениво пульсирующий волнами складок мешок, к тому, что шкаф окажется пустым, к тому, наконец, что произойдет нечто страшное. На самом же деле из глубины шкафа на Тимура взглянули удлинённые угольно-черные глаза, распахнулась и слабо задвигалась прореха черного жрта, и хриплый, квакающий голос неловко, с трудом проговорил:

— Не надо бояться. Я есть друг. Я не могу, не умею и не хочу причинить вам вреда.

От неожиданности Тимур, что называется, онемел и опустился перед шкафом на корточки, безуспешно стараясь привести в порядок разбегающиеся мысли. Мешка, похожего на матрешку, в шкафу не было. За то короткое время, пока Корсаков прохаживался по каюте и размышлял, куль из грубой серой кожи успел превратиться в примитивное подобие человека. Скрестив ноги и положив толстые обрубки рук с едва намеченными пальцами на пухлые колени, в шкафу сидело существо, напоминавшее кое-как, наспех сляпанную статую будды. Но этот неземной будда не улыбался, у него и лица-то в человеческом понимании этого слова не было. Не было ни волос, ни лба, ни бровей, ни носа, ни подбородка. Вместо привычной скульптурной лепки и прописанных лицевых линий — голый яйцевидный череп и неподвижная тестообразная маска. На этой маске зияли три черные раны с разошедшимися краями, точно они были пропороты тремя грубыми, но уверенными движениями тупого ножа. Две прорехи в верхней части маски — это глаза, одна в нижней, подлиннее — это рот.

Лишь колоссальным усилием воли Тимур взял себя в руки. Наверное, неземной будда почувствовал его состояние, потому что проквашал:

— Не надо быть испуганным. Это большая помеха. Я прислан с сообщениями важности чрезвычайной. Надо спокойно слушать с вниманием всех возможностей.

Сделав усилие над собой, Тимур ответил:

— Я слушаю.

— Настораживайтесь. Корабль, в котором происходит наше местонахождение, не должен лететь на Кику. Дублирую с подробностями: не есть необходимо выходить на гиперсвет в ориентацию Кики. Если случится эта чудовищная оплошность, произойдет взрывание корабля. Неисправимая катастрофа.

— Угасание опорной звезды — ваш сигнал? — импульсивно спросил Тимур.

— Точная истина. Мы есть рады вашим пониманием.

— Катастрофа — почему?

— Все есть сложно до чрезвычайности, а я еще очень плох и утомлен. Мне нужен покой и время для совершенствования. Но будьте уверены в моих словах, они — точная истина.

— Вы — кикианин? — Тимур подумал, что буддаобразный сапиенс может не понять его, и уточнил: — Вы — посланец планеты Кика?

— Это не есть истина. Кика не имеет разума. Кика имела быть промежуточной станцией. Станция перестала быть существующей. Полет на Кику — катастрофа!

— Я понял. Но кто вы? Откуда? Кем посланы? — Тимур не мог да и не хотел удержаться от этих вопросов, которые жгли ему мысли и язык.

— Я — немид, посланец немидов. Немиды — другой мир, другая Вселенная, другие звезды.

— Не понимаю, — после паузы признался Тимур.

— Все есть сложно до чрезвычайности, а я несовершенен и утомлен. Мне нужен покой. Я стану лучше, разумнее, мне будет легче ответить вопросам.

— Понимаю.

Посланец неких немидов, о которых до настоящего времени не знал никто и ничего, действительно

терял силы буквально на глазах. Его сероватая кожа стала еще бледнее, на теле, которое сначала выглядело туго надутым, появились отежные складки, стало слышным дыхание, вырывавшееся из черного провала рта.

— Я все понял, — повторил Тимур. — Отдыхайте.

— Деталь важнейшая: вы должны быть в каюте. Спать, гулять, читать, думать — не есть важность, но быть. Только так будет успех в моем формировании и прогрессе разума.

— Хорошо.

— Деталь вторичная: плохо знать другим про я. Другие мысли, другие чувства, разные страхи и удивленность. Я не буду знать, кому держать подражание, прогресс расщепится, я буду плохой, с отсутствием истины. Вы должны терпеть и молчать. Как терпеть и молчать имею я.

Тимур задумался и, если говорить честно, насторожился. Подозрения, хотя и туманные, ожили и зашевелились в его сознании. Кто знает, кем станет это человекоподобное существо, этот неземной будда после завершения процесса своего формирования? Кто ведаёт, какие желания у него возникнут и какими возможностями для их удовлетворения он будет располагать? Но с другой стороны, Корсаков, несмотря на сложившуюся ситуацию, полностью отдавал себе отчет в безмерном величии свершившегося — он вышел на прямой контакт с неведомым, неземным разумом. И отчетливо представлял себе меру ответственности, которую случай взвалил на его плечи.

— Я сделаю все, как вы говорите, но, — в голосе Тимура послышались нотки деликатного упрямства, — командиру я сообщу о случившемся. Хотя бы в самых общих чертах.

— Ваши обычай и дружность известны. Такой вариант был предусмотрен. Командиру, но больше никому! Когда много людей, много мыслей и эмоций. Хаос и потеря разума. И тогда все напрасно!

— Обещаю. Когда, — Корсаков на секунду замаялся, — когда разбудить вас?

— Это не есть необходимость. Я пробужусь сам собой.

Голова посланца немидов мягко склонилась на грудь, тело расслабилось, опало, точно проколотый мяч. Испытав острый прилив неожиданной жалости и более сложного, тревожно-брезгливого чувства, Тимур осторожно прикрыл дверцу шкафа.

Глава 23

Соколов с удовольствием плескался в воде, плавал, нырял и сопел, как дельфин, когда на пороге бассейна появился Виктор. Минуту-другую он с завистью наблюдал за экспертом, судя по всему, испытывая жгучее желание к нему присоединиться, но вслух сказал совсем другое:

— Корабль не имеет хода, отсутствует связь с Землей, а вы купаетесь. Это же безнравственно!

— После экстренных торможений все нравственно, коллега.

— Вылезайте! Есть дело.

— И не подумаю. — Соколов нырнул, проплыл под водой метров пять и, отдуваясь, хладнокровно уведомил: — Командир приказал отдыхать, вот я и отдыхаю.

— Нельзя понимать приказы буквально. Прогулка в космосе — тоже отдых.

— В космосе? В этом ледяном погребке с безвкусной иллюминацией? — Соколов лег на спину и выпустил из рта струйку воды. — Здесь гораздо уютнее.

— Надо облетать космокатор, в порядке отдыха. Это приказ. — Виктор белозубо улыбнулся. — Как говорил Сократ, переноси с достоинством то, что изменить не можешь.

Соколов усмехнулся.

— Это сказал не Сократ, а Сенека.

— Не придирайтесь. Не важно, кто сказал, важно — что сказано. Вылезайте!

Эксперт со вздохом покорился.

Ангар, где хранились корабельные транспортные средства, размещался в кормовом отсеке. Соколов и Виктор добрались туда лифтом, который ходил по специальному колодцу корабля. Космокатер стоял в хорошо освещенном миниатюрном эллинге с таким низким потолком, что высокий Виктор едва не упирался в него головой. Рядом с катером была пустая площадка с направляющим желобом. Соколов вопросительно взглянул на Хельга.

— Игорь с Никой уже в космосе, — пояснил тот.

Соколов кивнул и неторопливо обошел вокруг катера, вороненой сигары длиной метра два и высотой ему по пояс. В передней, расширенной части катера располагалась четырехместная кабина — два места впереди, два сзади. Кабина была покрыта высоким эллипсовидным фонарем, таким прозрачным, что его контуры угадывались с трудом, лишь по бликам света. Ни на корпусе катера, ни на фонаре не было ни швов, ни сочленений, ни заклепок, конструкция казалась выточенной или отштампованной из цельного куска некоего сплошного, двухкомпонентного материала. Хельг небрежно хлопнул катер ладонью.

— Последняя модель на гравитационном принципе.

— Прошу! — галантно предложил Виктор, показывая на правое переднее сиденье.

Соколов заглянул внутрь катера, помедлил и перевел взгляд на Хельга.

— А скафандры? Разве не полагается?

Виктор передернул плечами.

— Зачем? С ними столько канители! А если случится несчастье, нас запросто реанимируют. Космический мороз — отличный консерватор. — Виктор выдержал паузу и захохотал. — Шучу, Александр Сергеевич, шучу. Этот катер — надежнее всякого скафандра.

Он помог эксперту забраться в катер, а потом обогнул катер со стороны носа и занял левое, командирское кресло. Соколов огляделся — управление самое элементарное, почти в точности копирующее управление прогулочной авиетки; сидел он, почти по пояс

возвышаясь над бортами. Это создавало ложное ощущение неустойчивости, ложное потому, что кресло мягко и уверенно держало его в своих объятиях, это знакомое тактильное чувство успокаивало.

— Готовы?

— Готов! — бодро откликнулся Соколов.

Виктор протянул руку к пульту, и сейчас же фонарь, облизывая борта кабины, пополз вверх.

— Прошу выход в космос.

— Выход свободен. Безопасность — три девятки, — ответил компьютер.

— Стартуем, Александр Сергеевич.

Появилась легкая продольная перегрузка, ярко освещенные стены эллинга двинулись назад. Движение быстро ускорялось — темнота, свет, негромкий щелчок, и катер окунулся в звездное небо. Откуда-то сбоку брызнул белый, с просинью свет, профиль Хельга мраморно-скульптурно вспыхнул на фоне звездного океана, черная тень от борта катера поползла по коленям Соколова. Впечатление было таким, точно темной летней ночью, прогуливаясь на мобиле по степи, они попали в луч далекого прожектора. Но звезды светили здесь не только над головой, они были повсюду: сплошным кольцом опоясывал этот огненный черный мир серебряный дым Млечного Пути. Отыскивая источник неожиданного прожекторного света, Соколов повернул голову и инстинктивно прикрыл лицо ладонью — прямо в глаза его ужалила огненная искра нестерпимой яркости.

— Нам повезло, — сказал Виктор, искоса наблюдавший за экспертом, — неподалеку белая звезда. Диска простым глазом не видно, а освещенность в пять раз больше, чем во время земного полнолуния.

Дождавшись, когда перед глазами перестали плыть разноцветные пятна, Соколов открыл их и почувствовал легкое головокружение — небо плавно опрокидывалось как-то наискосок, через плечо. С некоторым усилием Соколов понял, что это Виктор поворачивает катер.

— Посмотрите-ка на наш красавец «Смерч». Справа, Александр Сергеевич, справа.

Небо остановилось, в тот же миг Соколов увидел корабль и не сдержал улыбки — так он был похож на детскую игрушку, на деталь из конструкторского набора для детей младшего возраста: цилиндр, длина которого была в десять раз больше толщины, украшенный с обоих торцов решетчатыми конусными насадками. Черный, как и у катера, корпус корабля таинственно мерцал, закрывая собою звезды: примерно так же светится черный бархат, освещенный полуденным солнцем. Поскольку рядом с кораблем никого и ничего не было, о его истинных размерах судить было очень трудно, однако нечто, скорее всего монолитность и отсутствие деталей, подсказывало разуму, что они велики и исчисляются многими десятками метров.

Небо, а вместе с ним и корабль снова начали опрокидываться, теперь уже прямо через голову. Хотя Соколов и знал, что упасть в этом мире невозможно, да и падать-то, вообще говоря, некуда, он невольно уперся руками в борта. Странный мир! Громада корабля послушно вертелась вокруг крошки катера, словно Хельг ради забавы раскручивал ее на невидимой веревочке. Соколову представилось, как эта веревочка отрывается, «Смерч» по касательной уносится в бесконечность, а они с Виктором остаются одни в этом пустом мире, где нет ничего, кроме света звезд, в мире, по сравнению с которым земные пустыни — это роскошные райские сады. Плавное вращение звездного мира, послушного самому легкому движению штурвала, завораживало и укачивало. Соколов почувствовал, что еще немного — и он начнет впадать в то состояние прострации, которое он уже испытал в ходе срочного торможения.

— Смотрите, — услышал он голос Виктора.

Проследив за направлением его взгляда, Соколов в сотне метров увидел катер-двойник, который выполнял на фоне звезд какой-то хитроумный пируэт, за его кормой тянулась тонкая ниточка голубого пламени.

— Вот на что способны девушки, уважаемый эксперт, — назидательно проговорил Виктор.

— Девушки легкомысленны, мой друг. А мы с вами солидные зрелые мужи.

Когда в соответствии с планом контакта, разработанным вместе с посланцем немидов, экипаж отправился на облет космокатеров, Лорка, оставив Тимура дежурить в ходовой рубке, с бьющимся сердцем подошел к заветной каюте и постучал.

— Войдите, — слышался баритон.

Через растаявшую дверь Лорка вошел в каюту и приостановился на пороге. Посланец немидов стоял возле стола, опираясь на него кончиками пальцев. За несколько часов, которые прошли с того момента, когда Лорка, услышав несколько путанный доклад Тимура, поспешно пришел в каюту и, осторожно приоткрыв шкаф, несколько мгновений разглядывал спящего неземного будду, посланец стал настолько похож на человека, что в сумерках где-нибудь на людной набережной на него никто бы не обратил внимания. Сходство с людьми подчеркивал костюм, точно такой же, какой был надет и на самом Лорке, пропорциональная фигура, шапка темных вьющихся волос. Но лицо! Оно по-прежнему было жутковатой карикатурной маской.

— Рад встретить вас, Федор Лорка, на звездной дороге.

Лорка машинально отметил, что по своей тональности голос посланца очень напоминал голос бортового компьютера.

— И я рад приветствовать вас на борту земного корабля. Ради этой встречи мы проделали длинный путь в космосе.

— И не только в космосе, не правда ли?

— Верно, дорога была длинной во всех отношениях, — улыбнулся Федор.

Безжизненная маска посланца как-то странно сморщилась, черный провал рта растянулся. Лорка импульсивно испугался не за себя, — за него, но тут же догадался — посланец улыбнулся в ответ, только и всего. Уж лучше бы он не улыбался! А собственно почему? Посланец продолжает свое самоформирование, он просто обязан тренироваться.

Лорка выбрал кресло, стоявшее рядом со столом, на котором стояли сифон с чистой, газированной водой и стакан. Посланец сейчас же подошел к бару, достал оттуда еще один стакан и поставил перед Лоркой. Двигался посланец легко и непринужденно, но было в его движениях нечто подчеркнуто законченное, марионеточное, точно начав действие, он боялся не довести его до конца или сбиться на полпути. Пальцы, охватывающие стакан и поставившие его на стол, были хорошей формы с удлиненными благородными ногтями, но Лорка с некоторым сожалением отметил, что, судя по всему, у них пока еще не было суставов: они эластично изгибались как единое целое, словно были сделаны из резины.

— Вы знаете мое имя, — проговорил Лорка, откидываясь на спинку кресла, — но я не знаю вашего.

Этот простой вопрос не то удивил, не то встревожил посланца немидов, во всяком случае, он приостановился посреди каюты в несколько неудобной позе и ответил не сразу.

— Мое имя осталось в мире немидов. Стоит ли на несколько суток создавать его грубый и неточный эквивалент? — Он помолчал и добавил: — Я знаю, вы называете меня посланцем. Пусть это слово и будет моим именем.

Этот необычный отказ назвать свое имя не то чтобы прошел мимо сознания Федора, но был отодвинут на второй план более важной информацией — сроками контакта. Лорка был не только удивлен, но и поражен.

— Вы пробудете с нами так недолго?

— К сожалению.

— Но и вы и мы затратили столько сил для организации этой встречи! И вдруг такая поспешность. Разумно ли это?

— С этим ничего не поделаешь. Срок моего визита удлинить невозможно, никто не в силах тут помочь. Мой визит носит духовный характер. Я должен сделать все возможное, чтобы наши очень далекие и несовместимые цивилизации поняли и, может быть, полюбили друг друга. Что же касается научно-техни-

ческой информации, то вы получите ее по другим, более надежным каналам буквально на днях. Но это не главное! Повторяю, главное — понять и, может быть, полюбить друг друга, все остальное приложится само собой. И я рад, что лично вы разделяете нашу точку зрения, это многое упрощает.

— Почему вы уверены, что разделяю?

— Уверены — не то слово. Мы знаем.

— Вы умеете читать чужие мысли?

— Нет, сопереживать, воспринимать эмоции даже очень сложные — да, а мысли — в самой общей форме. Но мы имели возможность следить за вашими поступками и слышать некоторые разговоры.

Лорка вдруг почувствовал, что теряет нить беседы. Теряет потому, что все больше и больше забывает о том, что говорит с инопланетянином. Он ведет себя с ним как с человеком, пусть необычным, даже экстравагантным, но все-таки человеком, совместно с которым ему нужно решить сложную и ответственную проблему. Правильно ли это? И допустимо ли? Не лучше ли соблюдать более внушительную дистанцию, известную отстраненность? Чтобы решить, как правильно вести себя, надо было прояснить один вопрос, который с самого начала несколько тревожил не только его, но и Тимура.

— Простите, — вслух проговорил Федор, тщательно подбирая слова, — но прежде, чем продолжать беседу, я бы хотел уточнить — кто вы?

— Я посланец, полномочный представитель цивилизации немидов. И этим все сказано.

— Вы робот? — после некоторого колебания спросил Лорка. Он был не совсем уверен, поймет ли его посланец, а если поймет, то не будет ли для него обидно такое резюме.

— Нет, — сейчас же возразил посланец, — я не робот. Все гораздо сложнее. И в то же время проще!

— Вы говорите загадками.

— Вынужденно. Я гибрид двух цивилизаций, первый грубый прототип синтезоида. Меня можно считать копией человека, созданной из немида. В эту

минуту я еще плохая копия. И вряд ли мне удастся достичь совершенства.

Откровенная горечь, прозвучавшая в словах посланца, заставила Лорку задуматься.

— Первый шаг велик сам по себе, — буднично, даже сухомерно заметил он, — потомки такого не забывают. Думаю, что бессмертие вам обеспечено.

Масковидное лицо посланца застыло, он словно фиксировал взглядом собеседника. Нелегко было выдержать этот незримый, нематериальный взгляд пустых глазниц — черных прорех под высоким сводом черепа.

— Да, — согласился наконец посланец очень спокойно, — бессмертие мне обеспечено.

Он прошелся по каюте. Странно, но в этой уверенной неслышной походке Лорке почудилось что-то очень знакомое. Когда он, наконец, уловил легкую хромоту, то исчезли и последние сомнения: конечно же посланец копировал его, Лоркину походку. Наверное, посланец перехватил его несколько настороженный взгляд, потому что, приостановившись, подтвердил:

— Да-да, вы не ошиблись, сейчас я подражаю именно вам. — Посланец усмехнулся, и это получилось у него почти здорово. — Кое-что я заимствую у человечества в целом, кое-что у отдельных личностей — особенно активно этот процесс идет в ходе прямых контактов. Так что не пугайтесь, если заметите в моем облике знакомые для себя черты.

— А я и не пугаюсь, — хладнокровно сказал Федор, поудобнее устраиваясь в кресле. — Чего нет, того нет.

Лорка не лгал: да, он волновался, испытывал определенную неловкость, несколько жутковатое, хмельное чувство чудесности происходящего — встречи с неземным, чужим существом. Но боязни и страха не было. Видимо, сказывалась закалка, приобретенная за долгие годы космической работы, помноженная на ответственность за судьбу экспедиции и судьбу контакта. Бояться было просто некогда.

Посланец некоторое время вглядывался в лицо Федора и признал:

— Это правда. — Он стоял в очень знакомой позе — скрестив ноги и прислонившись спиной к стене. — Из всех людей, с которыми мне пришлось общаться, вы меньше других подвержены чувству страха.

— Разве вы общались со многими? — удивился Лорка. — Мне представлялось, что до встречи со мной вы общались лишь с Тимуром Корсаковым.

— Со многими, — мягко подтвердил посланец. — Но это сложный вопрос. Я бы не хотел касаться его сейчас.

— Понимаю. — Лорка думал о чем-то своем. — Скажите, а почему для первого контакта вы избрали именно Тимура?

— Потому, что он специально был подготовлен для этого: устойчивость к инфравоздействиям у него на порядок выше, чем у кого-нибудь другого.

— Так вот в чем дело! — пробормотал Федор.

Об этом можно было догадаться и раньше, но иногда даже самые очевидные соображения почему-то не приходят в голову. Стало быть, формирование человеческой части личности посланцев, по крайней мере на первом этапе, связано с моделированием основных ритмов биотоков мозга, а потом уже и более тонких психологических составляющих высшего порядка. Между прототипом и копией устанавливается своеобразная инфрасвязь — психический резонанс. Для копии это источник самой жизни в ее новом обличье, для прототипа — угрожающая раскачка всех биологических процессов, нервное потрясение, а то и сама смерть. Вот почему Тимур проснулся в таком испуге и чувствовал себя измученным и разбитым! Его смял, изломал инфраконтант с возникающим из небытия, а точнее из другого мира посланцем. Не будь он специально подготовлен, этот контакт скорее всего закончился бы потрясением, болезнью, а может быть, и смертью, подобно тому, как гибелью Петра Лагуты и других поселенцев заканчивались контактные эксперименты немидов на Кике. Как величествен, последователен, а вместе с тем и беспощаден их замысел: гаснет земная жизнь, и от ее

предсмертной вспышки загорается другая — на чужом, неземном материале! Но вместе с величием в этом замысле есть и нечто темное, жестокое, ущербное. Могло бы человечество пойти на такой шаг? Никогда! Посланец будто прочитал его мысли.

— Тимуру Корсакову не грозила опасность, — негромко пояснил он. — Не только ему, никому из находящихся на корабле.

— А на Кике? Там тоже никому не грозила опасность? — не сдержавшись, сухо спросил Лорка.

— Это результат незнания. Кто мог предполагать, что люди сверхчувствительны к инфрарезонансу? С тех пор метод контактного формирования улучшен. Однако, — в голосе посланца Лорке почудились странные, сразу и грустные и ироничные ноты, — он до сих пор остается несовершенным и в известной мере рискованным.

— Допустимо ли рисковать жизнями разумных другого мира?

— Риск иногда неизбежен. Разве человечество не рисковало своими сынами, осваивая планету, а затем и космос?

— Человек волен сам решать свою судьбу. Но допустимо ли, чтобы за него такой крайний выбор делали другие?

— Мы приносим свои самые глубокие извинения, — после довольно долгой паузы проговорил посланец. — Но когда риск обоюден, многие возражения снимаются сами собой.

— Обоюден? — насторожился Лорка.

— Да, обоюден, но я бы пока не хотел входить в обсуждение этого сложного вопроса. — Посланец, до сих пор стоявший на ногах, опустился в кресло и принял одну из любимых поз Тимура, высоко закинув ногу на ногу и сцепив на колене пальцы рук. — Главная цель моего визита — усвоить духовный мир людей, весь комплекс их эмоций, мораль, эстетику. Пока я не усвоил всего этого, мне трудно входить в обсуждение этических проблем. Поймите всю ответственность моего, да и своего положения. Ведь лишь усвоив вашу мораль и эстетику, мы, немиды, можем

по-настоящему понять человечество, разделить его надежды и тревоги.

— Немиды, — вслух подумал Лорка и поднял глаза на посланца. — Но кто такие немиды? Вы говорили Тимуру, якобы немиды — обитатели другой Вселенной.

— Я был несовершенен и неточно выразился. Мы, немиды, — обитатели другой субвселенной. Не Вселенной, а субвселенной.

— Поясните.

— Большая Вселенная — четырехмерный мир, в котором расположено бесчисленное множество трехмерных свертков пространства, рожденных сверхмощными взрывами первичных протоформ. Вы называете такие взрывы биг-бангами, а зарождаемую им субвселенную — файрболом. Вы, люди, живете в одной трехмерной субвселенной; мы, немиды, — в другой. А между нами незримый барьер четвертого измерения. Пока он еще непреодолим для вас, а мы уже преодолеваем его, хотя и с большим трудом. Это не удивительно, наша цивилизация возникла на целый миллиард лет раньше вашей.

— На миллиард? — почти по слогам переспросил Лорка.

— Да, около этого. Именно с таким интервалом произошли большие взрывы, породившие наши субвселенные. — Посланец помолчал и добавил: — Мой рассказ о мире немидов уже хранится в памяти компьютера. Я воспользовался закрытым каналом информации, который выделил для меня Тимур.

Глава 25

Игорь предоставил Нике полную свободу, и девушка с удовольствием занималась пилотажем, хотя в космосе это занятие довольно однообразно: разного рода вращения с переменными продольными ускорениями. Скоро Игорю все это надоело, но ему жаль было тащить девушку на корабль — щеки у нее покраснелись, разгорелись глаза. Поэтому он предложил:

— Может быть, отправимся в настоящий космос?

Ника ловко сбалансировала катер и взглянула на Игоря с недоумением.

— А это разве не настоящий?

— Не совсем, — ответил Игорь и пояснил: — Тут есть корабль, точка опоры для глаз. Поехали?

Девушка покосилась через плечо на эту точку опоры и сразу же уловила его мысль.

— Поехали!

Она развернула катер так, чтобы «Смерч» остался прямо за кормой, и плавно выжала ходовую педаль.

Ника не была таким новичком в космосе, как Соколов, и все-таки ей трудно было вжиться в ощущения космического полета. Выжав ходовую педаль, она подсознательно ожидала, что катер, что называется, птицей рванет с места. А на деле ничего такого не произошло, просто на секунду спина ощутила легкую перегрузку, корпус катера мелко задрожал, а кабину заполнило негромкое гудение — вот и все. Светлячки звезд впереди и по сторонам были, как и прежде, недвижимы и холодны. Только повернув голову назад, Ника заметила, как быстро уменьшаются размеры «Смерча» — точно он был резиновым и из него выходил воздух. Скоро корабль превратился в черточку, потом в искру и наконец затерялся в ворохе звездной пыли. Ника почувствовала, что Дюк берет управление на себя, и выпустила штурвал.

Вокруг не было ничего, кроме звезд. Звездный мир. Звездный океан. Звездная бездна. Звездная геометрия и звездный орнамент. Звездная наука и звездная поэзия! Звездный ад и звездный рай! Острый и пряный звездный напиток, который можно пить большими глотками, пить неустанно, чувствуя лишь все возрастающую хмельную жажду. Трепетный звездный свет, сотканный из миллиардов разноцветных искр, то остро жалящих, то благородно покойных, то едва уловимых, как тревожное воспоминание раннего-раннего детства. Ника почти физически чувствовала, как ее взгляд, цепляясь за эти искры, летит, пронзая пространство, в этот странный, нечеловеческий мир без конца и края, летит и

безвозвратно тонет в нем. И каждая крупинка света, которую встречает взгляд на своем пути, — это гигантский сгусток странного, будто живого вещества, которое, сжигая самое себя в гневном и бесшумном хаосе ядерных реакций, сеет вокруг драгоценнейшие семена жизни и разума. Сердце Ники билось от сознания безмерной величины Вселенной, от жгучего понимания собственной мизерности и ничтожества перед лицом этой сияющей вечности, от безмерной гордости за человека, который, благоговей перед этой вечностью, тем не менее дерзает постичь и покорить ее! Тишина. Боже мой, какая тишина! Тишина и неподвижность. Все замерло и застыло, даже свет хрупок и звонок, как иглы инея. Застыло если не навсегда, то так надолго, что думать об этом и сладко, и страшно. Только сердце, человеческое сердце, билось гулко, робко и гордо. Да, это был настоящий космос! Он ощутимо давил своей безмерной сияющей массой на крошечный, до смешного маленький и хрупкий катер, и если бы это суденышко вдруг со звоном рассыпалось на мельчайшие кусочки, Ника ничуть бы не удивилась.

Игорь смотрел на четкий профиль девушки, по которому скользил звездный свет и звездные тени, с радостью, завистью и грустью. Ему было приятно, что Ника смогла понять величие Вселенной и еще больше величие человеческих дерзаний — лицо сейчас было открытой книгой ее души. Он завидовал первозданной остроте и яркости ее переживаний. Он знал о них разумом, воспоминаниями, но уже не ощущал их сердцем. Как жаль, как это глупо, что люди Земли так редко видят ночное небо во всей красе! Небо затевают облака, дожди и туманы, ветви деревьев и крыши домов, огни городов и промышленных комплексов. А больше всего — жизненные будни и хлопоты, которые и тревожат, и баюкают человека на его коротком пути.

В районе субсветовой станции небо было совсем не похоже на земное, ни одного знакомого узора созвездий! И была огромная, больше десятка граду-

сов диаметром, черная и лохматая, похожая на чудовищную кляксу туши, пылевая туманность. Вращаясь вместе с небосводом, она проплывала перед носом катера и, казалось, вот-вот готова была ухватить его сотнями своих щупалец, сотканных из голого мрака. Воспоминание, а может быть, и предчувствие, вдруг сжало сердце Игоря. Он машинально сбалансировал катер, направив его острый нос прямо в этот черный провал Вселенной. И продекламировал слова древней книги, которые только что, вдруг, нечаянно, всплыли в его памяти:

— На закате жизни наступает миг, когда огни позади тускнеют и гаснут, а впереди уже ничего нет, кроме мрака. И тогда человек один встречает своих богов!

Секунду Ника недоуменно смотрела на него, а потом быстро прикрыла глаза ладонью.

— Я испугал вас? — покаянно спросил Игорь после долгой паузы.

Не отнимая руки, она затрясла головой.

— Тогда что с вами?

— Мне вдруг стало жаль, что все это, — она повела вокруг рукой, — было! Уже было в моей жизни! И такого больше не будет никогда.

Невозвратимость времени, тонущего в прошлом! Осознание этого происходит не сразу, вместе с крупными зрелости, замещающими юность.

— Граница зоны безопасности, — предупредительно проговорил компьютер.

И Игорь Дюк послушно взялся за штурвал, выводя катер на обратный курс — к кораблю, к людям.

Глава 26

Пока шел облет космокаторов, а затем производился их послеполетный осмотр, пока участники облета делились впечатлениями и готовились к обеду, Лорка, уединившись в своей каюте, познакомился с рассказом посланца. По существу это была популярная лекция о происхождении мира немидов и

поразительных отличиях этого мира от земной субвселенной.

Все в мире немидов было и похоже и не похоже на земное. Недоброжелатель сказал бы, что субвселенная немидов — своеобразная карикатура на земную, впрочем, с неменьшим основанием справедливой была и противоположная точка зрения — все в мире относительно, лишь сама относительность абсолютна. Галактики в немидской Вселенной заметно меньше земных, а вот размеры, массы и светимости звезд — больше, причем, спектры их излучений сдвинуты в область ультрафиолета. Совершенно иначе выглядела у немидов периодическая система элементов, иные значения имели магические ядерные числа, выше была максимальная валентность, а стало быть, более многообразен был мир химических соединений, особенно органических. Основу периодической системы немидов составляли малые периоды не из восьми, как в земном мире, а из десяти членов, лишь на одиннадцатом элементе свойства начинали повторяться.

Самый гибкий химический элемент в субвселенной немидов, занимающий среднее, пятое место в малом периоде системы элементов, естественно, не имел и не мог иметь аналога среди земных простых веществ. Условно его можно было назвать биородом, потому что именно на его основе в субвселенной немидов развивались высшие формы жизни. Параллельно длительное время, порядка миллиарда лет, существовала и более примитивная жизнь на основе аналога углерода, но в конце концов все ее формы были подавлены биородными существами. Кстати, проуглеродная жизнь и генетически, да и в основных фенетических проявлениях была гораздо более похожа на земную, нежели биородная. Из-за существенных генетических отличий немидской биородной и земной углеродной жизнью многое кажется немидам в человеческой истории странным, нелогичным, почти непостижимым. Ведь эти отличия тайно и явно сказываются и на уровне разума, особенно проявляясь в сфере интуиции и морали.

Соколов сидел в своей каюте, лениво-благожелательно созерцая одну из композиционных картин, весеннюю степь с ковром тюльпанов всевозможных расцветок. Когда сквозь шелест трав и птичьи трели ему почудился какой-то стук, сначала он не обратил на него внимания, но стук повторился еще и еще раз. Соколов насторожился, стук доносился со стороны наружной стены. Поспешно поднявшись, он выключил экран и прислушался. Стук, слабый, но хорошо различимый, повторился опять, и не было никаких сомнений — он шел от той стены, которая отделяла Соколова от космоса. Что за чертовщина? Но подумать толком над этой загадкой, как он это любил делать, эксперт не успел, мысли его перебил всезнающий компьютер, деликатно проговоривший:

— Если угодно, можно открыть иллюминатор.

Соколов немедленно сделал это. Несколько секунд, пока сдвигалась наружная нейтральная защита, пришлось подождать, а потом внутренняя шторка диафрагма растаяла, и Соколов с екнувшим сердцем отшатнулся в глубь каюты: из космоса, четко рисуясь на фоне звездного неба, упираясь в прозрачный иллюминатор самыми кончиками пальцев одной руки, на него смотрело человекоподобное существо. На нем не было ни шлема, ни скафандра, оно было одето в голубое спортивное трико с незатейливым орнаментом по вороту и на рукавах. Это было настолько ни на что не похоже — человек в обычной одежде в ледяной безжизненной пустыне, что Соколов, как это говорится, просто оцепенел. Космический человек, видимо, понял его состояние, потому что широко улыбнулся и приветственно помахал рукой. Только теперь Соколов узнал Игоря Дюка, в сердцах чертыхнулся и скорее упал, чем сел в кресло. Игорь беззвучно захохотал, оттолкнулся от иллюминатора и, сделав классический гребок брассом, всплыл вверх. Иллюзия того, что Дюк находится не в вакууме, а в темной, эффектно подсвеченной воде, была полной! Выйдя из корабельной тени,

Игорь окунулся в световой поток белой звезды, вокруг его головы слабо засиял серебристый венец. Соколов догадался, что это прозрачайший яйцевидный шлем, и окончательно все понял.

Лорка, зашедший к Соколову через минуту, нашел его сердитым и насупленным.

— Что-нибудь случилось? — встревожился Федор.

Соколов покосился на него, потом на иллюминатор и ворчливо посетовал:

— Ну что вы за народ? Не можете без фокусов!

Лорка заметил удаляющуюся фигуру Игоря, все понял и не сдержал улыбку.

— Напугал?

— Не то слово, ошарашил. Является точно какой-то джинн из бутылки. — Соколов аккуратно сложил платок, спрятал его в карман и уже заинтересованно спросил: — Что за скафандр такой? Никогда не видел и не слышал.

— Последняя модель.

Соколов хмыкнул.

— Я гляжу, у вас все последняя модель: каюты, космокатера, скафандры.

— Верно. Может быть, это и звучит помпезно, но мы — посланцы Земли, которым доверено представить ее другому миру. Нас собирала в путь вся планета. Чего же удивительного, что у нас все — самое лучшее?

Соколов пожал плечами и полушутливо сказал:

— Н-да, даже мурашки бегают от ответственности. — Он помолчал, и в голосе снова зазвучали ворчливые нотки: — А почему это, уважаемый командир, вы истязали меня на Земле и на Плутоне всякой ерундой, похожей на рыцарские доспехи, а в этом новейшем скафандре потренировать не догадались?

— В этом нет необходимости.

Соколов кивнул головой на иллюминатор.

— И стало быть, Игорь будет нежиться в свете звезд, а меня вы запихаете в бронированные латы?

Лорка засмеялся.

— И вам не чужды веяния моды? Успокойтесь, со временем и вы облачитесь в такой же элегантный

костюм. Но это потом. Сейчас перед вами стоит гораздо более важная задача.

— Какая?

Лорка оценивающе оглядел Соколова и, поколебавшись, ушел от прямого ответа.

— Вам все объяснит Тимур. — Федор дружески прикоснулся к плечу эксперта. — Он ждет вас в кают-компании.

* * *

— Готовы ли вы? Я собираюсь пригласить на встречу с вами нашего психолога-эксперта Александра Сергеевича Соколова.

Посланец, сидевший в кресле в свободной, очень человеческой позе, помедлил, точно проверял свое внутреннее состояние.

— Да, — проговорил он наконец, — я готов.

— Простите, но могу я предварительно задать вам несколько вопросов? Вопросов не очень легких. Но ответ на них позволит упростить общение с вами моих товарищей.

— Пожалуйста, — с некоторой запинкой согласился посланец и уже более уверенно повторил: — Пожалуйста, задавайте.

Корсаков задумался, формулируя вопрос.

— Полагаю, земная цивилизация — не единственная, с которой вы поддерживали односторонние, а может быть, и двусторонние контакты?

— Совершенно верно.

— Из вашей записи я понял, что наши цивилизации разделяет множество препятствий и труднопреодолимых преград. Это так?

— Вы не ошиблись. Их даже больше, чем вам сейчас представляется.

— Что же заставило вас, немидов, обратить внимание именно на человечество? Чем мы, люди, заслужили такую честь?

Опершись локтями на колени и уронив кисти рук, посланец долго вглядывался в лицо Корсакова. И Тимуру было нелегко сохранить невозмутимый

вид под пристальным и неуловимым взглядом пустых глазниц.

— Может быть, отложить обсуждение этого вопроса на более поздний срок? — наконец спросил посланец.

— Почему?

Посланец замялся, обдумывая свой, очевидно, нелегкий ответ. И в этот момент догадка, бродившая в мозгу Тимура, обрела наконец сознательные формы.

— Вы жалеете нас? — в упор, грубовато спросил он.

Посланец медленно откинулся на спинку кресла.

— Да. Мы жалеем вас, — сказал он и, несмотря на мягкость тона, в нем слышалось нечто уверенное, похожее на упрямство. — Но мы и восхищаемся вами.

Корсаков молчал, не зная, как реагировать на эту фразу, а посланец негромко, без эмоциональных нажимов и акцентов продолжал:

— Нас восхищает ваше неумное стремление к вселенскому самоутверждению, но мы скорбим, замечая, как вы наивны и беспомощны в бытовых, житейских делах. Нас трогает ваше упрямство, с которым вы пытаетесь сбросить бремя животного прошлого, но пугает странное бессилие перед грубыми голосами древних инстинктов. Мы понимаем и разделяем человеческую готовность к самопожертвованию во имя счастья других, но нас настораживает глухая вражда, которая вдруг и по мелочным поводам вспыхивает между отдельными людьми. Нас страшит тревожное соседство, в котором расцветает любовь и ненависть мужчин и женщин. Струны этих накаленных чувств спутываются иногда в такой клубок, что распутать его невозможно — его можно лишь рассечь или уничтожить, а за этой мучительной операцией всегда стоит трагическое потрясение. Как нам не пожалеть вас и не пожелать большей простоты и ясности в общении друг с другом? — Приглядываясь к погруженному в раздумье Корсакову, посланец добавил совсем тихо: — Мы понимаем — вы другие, совсем другие. Было бы глупо

мерить ваше добро и зло, вашу радость и ваше горе нашими, немидскими мерками. Но разве можно запретить сострадать вам и восхищаться вами?

Глава 28

Соколов сидел напротив посланца невозмутимый, приветливый, с легкой улыбкой на круглом румянном лице, но такая раскрепощенность давалась ему не легко.

Почти машинально обмениваясь с посланцем приветственными, самыми обычными фразами, Соколов вдруг профессиональной цепкостью подметил, что тот похож на Виктора Хельга. Сходство не было полным, далеко не таким, каким оно бывает, скажем, у родных братьев и сестер, но некоторые «фамильные» черты просматривались хорошо. Со свойственной ему прямоотой Соколов сказал об этом посланцу.

— Это вынужденный шаг, — ответил тот. — Мне приходится максимально экономить время, а копировать некоего конкретного человека проще, чем создавать обобщенный тип. Но у каждого человека я заимствую, в конце концов, то, что помогает мне понять человечество в целом.

— Так-так. — Соколов сцепил руки на животе и на секунду прикрыл свои голубые глазки. — Вы не обидитесь, если я задам вам несколько прямых и совершенно откровенных вопросов?

— Собственно, я и пригласил вас для этого.

— Вот как? — Соколов прямо, без улыбки, более того — очень серьезно заглянул в глаза посланца. — Кто вы?

— Я посланец немидов, — после некоторой паузы ответил собеседник эксперта. — По-моему, вы осведомлены об этом.

— Да, но вы же сами говорили, что вы и не человек, и не немид, а нечто третье.

— Совершенно верно. Пока лишь на таком, модельном уровне возможно прямое общение между нашими цивилизациями.

— Значит, вы не немид, — вслух подумал Соколов и снова поднял глаза на посланца. — Вы не немид, но тем не менее делаете ответственные заявления, к чему-то обязывающие человечество вообще и экипаж этого корабля в частности. Не будучи немидом, вы выступаете полномочным представителем чужой, незнакомой нам, великой цивилизации, ими созданной.

— Вы, — посланец не сразу сформулировал свою мысль, — не доверяете мне?

Соколов отмахнулся досадливым движением головы.

— Доверяете — не то слово! Где гарантия, что, не будучи немидом, вы правильно усвоили и точно излагаете то, что эти разумные хотели сообщить нам? Где гарантия, что неточности и ошибки в передаче инопланетной информации исключительной важности не приведут к нежелательным последствиям, которые для нашего корабля могут приобрести фатальный характер?

Посланец склонил голову, по губам его скользнула легкая улыбка.

— Понимаю! Вы хотите, чтобы я, образно говоря, вручил вам свои верительные грамоты?

Соколов не принял легкого тона и остался совершенно серьезным.

— Совершенно верно. В этом дипломатическом акте был глубокий смысл. С одной стороны, они снимали всякое сомнение в личности посла, с другой — подтверждали его ответственнейшее право одному говорить от лица целого государства и выражать его волю.

— Так вот что вас беспокоит!

— Да, — твердо заявил Соколов, — меня беспокоит именно это. Я убежден, что девиз «Подвергай все сомнению» правомерен не только в рамках науки, в сфере общения человека с природой, но и на любом другом ответственном уровне контактов. А инопланетные разумные контакты, как мне представляется, являют собой высшую степень ответственности.

Посланец молчал, опустив голову. Поколебавшись, Соколов беспощадно добавил:

— Я поднимаю все эти вопросы еще и потому, что многие прежние встречи людей и немидов кончались для моих сородичей трагически. Погиб Петр Лагута, первооткрыватель планеты Кика, пострадали и другие поселенцы этой планеты. Федор Лорка в разговоре с вами уже поднимал этот аспект наших взаимоотношений. Вы ушли от объяснений, попросив отсрочки, и получили ее. Думаю, что настало время объясниться откровенно.

— Вы задаете трудные вопросы, — сказал посланец.

Соколов вздохнул, усмехнулся, щуря свои маленькие хитроватые глазки, и доверительно сказал:

— Полагаю, именно за эту способность меня и включили в состав экспедиции. Больше как будто не за что.

Посланец вежливо улыбнулся и задумался.

— Хорошо, я отвечу на ваши трудные вопросы. С одним условием: этот разговор пока останется между нами.

— Я не могу обещать этого! — решительно заявил эксперт.

— Пока, — подчеркнул посланец. — И потом, все секреты, которые я сообщу вам, носят личный характер — касаются меня и не имеют отношения к общению наших цивилизаций в целом.

Соколов откровенно удивился, поерзал в кресле, поразмышлял и наконец решил:

— Хорошо, на таких условиях я готов помолчать. — Он окинул посланца взглядом, в котором теперь было нечто профессиональное, и добавил успокоительно, но с оттенком грусти: — Это далеко не первый личный секрет, о котором мне придется узнать.

— Тяжела доля эксперта?

— Тяжела. Но и доля посланца, я думаю, не легче?

— Не легче.

Они посмеялись, а потом посланец деловито, без эмоций пояснил, как обстоят дела с его официаль-

ным и неофициальным статусом в земном мире и в мире немидов. Соколов был потрясен.

— Я не верю вам! — быстро сказал он, хотя сердцем уже поверил, лишь разум его еще сопротивлялся.

— К сожалению, все именно так.

— Неужели не было другого, более гуманного выхода?

— Мы торопились, ведь вы могли попасть в беду.

— Но это жестоко!

— Что значит жестокость по отношению к одному, когда речь идет о благоденствии многих? А потом, после неудач на Кике мы чувствовали себя в долгу перед людьми.

— И ничего, совсем ничего нельзя сделать?

— Ничего.

Соколов замолчал, потом достал из кармана большой платок и, не стесняясь присутствия посланца, вытер сначала один глаз, затем другой, бормоча:

— Что подделаешь! К старости некоторые люди становятся сентиментальными. — И, спрятав платок в карман, деловито спросил: — Чем я могу помочь вашей миссии?

— Доверием!

Глава 29

Вернувшись на корабль и переодевшись, Игорь зашел к Лорке. Федор сидел в кресле, погруженный в глубокое, спокойное раздумье.

— Присаживайся, — рассеянно сказал он товарищу и снова, как это говорится, отрешился от мира сего.

Игорь сел и некоторое время разглядывал хорошо знакомое ему тяжелое лицо с непривычно глубокими складками возле рта и морщинками на лбу.

— Лорка, — проговорил он наконец, — я готов поклясться, что у нас есть гравитоконтакт с Кикой.

Федор удивленно вскинул голову, но удивление тут же сменилось лукавством, замерцавшим в его зеленых глазах.

— Я знал, что рано или поздно, но ты догадаешься об этом сам.

— Но это же виктория, как восклицали древние! Победа! Слава! — Дюк запнулся, закусил губу и после паузы спросил: — Но почему вы с Тимуром окружили контакт тайной? Теперь уже и Соколов знает?

— Знает.

— Тайна — требование кикиан?

— Верно. Но не кикиан — немидов.

Игорь сбросил ногу с колена, приглядываясь к Лорке.

— Немиды? Кто они? Откуда?

— Те самые разумные, которые использовали Кику как промежуточный пункт для контактов с нами. Контакт, кончавшихся так трагически.

Повисла долгая пауза.

— Я вижу, ты не шутишь, — проговорил наконец Игорь.

Не отвечая на эту реплику, Федор спросил:

— А как ты представляешь себе не гравитоконтакт, а саму встречу с немидами?

Лицо Игоря вытянулось, в нем прописались непроницаемые и загадочные — ацтекские черты.

— Наверняка тебе чудится некое торжество, приветственные речи, не так ли?

Игорь наконец обрел дар речи.

— Неужели? — В голосе его прозвучало не изумление, не радость, а скорее грустная покорность обстоятельствам. Лорка утвердительно кивнул.

— Они на борту?

— На борту. Но не они, а он — один.

Игорь провел рукой по лицу.

— Знаешь, — неожиданно сказал он, — у меня сейчас такое же состояние, как в студенческие годы, когда я в составе отряда из трех человек впервые в жизни взошел на вершину Джомолунгмы. Мы шли без кислорода, дорога была тяжелой. Я шел первым, как в полусне, шел механически, ни на что не надеясь: мне чудилось, что длинной дороге не будет конца. И вдруг меня словно током ожгло — я понял, что следующий шаг поведет уже не вверх, а

вниз. Я крикнул хрипло: «Вершина!» — и с трудом распрямил спину. Мир был прекрасен! Пронзительная небесная синь, нестерпимый, яростный блеск бледно-золотого солнца и ангельски чистые снеговые громады гор. Мир был прекрасен, а мне было грустно — ведь дело было сделано, ведь остался лишь один путь — вниз.

— «Мне грустно и легко, печаль моя светла», — вполголоса продекламировал Лорка. — Это пройдет, Игорь. Это быстро пройдет, я знаю по себе.

Глава 30

Остальные космонавты узнали о присутствии на борту посланца немидов и самих немидов во время обеда при обстоятельствах, которые можно назвать драматическими. Обед подходил к концу, когда компьютер с присущей ему корректностью сообщил:

— В дальней зоне обнаружения засечена ассоциация глобул космопланктона. Траектория глобул с местом корабля не пересекается, но интервал сближения расценивается как опасный.

Хотя Лорка призвал к спокойствию, хотя тут же выяснилось, что противостояние глобул произойдет на вторые сутки, обед был скомкан и быстро превратился в своеобразный симпозиум по проблемам космопланктона. Слушая причудливо ветвящиеся споры, Соколов мысленно похвалил себя за любознательность. Всего несколько дней тому назад он знал о космопланктоне не больше, чем, скажем, о привычках бронтозавров или обрядах рыцарского ордена тамплиеров. Но как-то он стал свидетелем оживленной полушутливой-полусерьезной пикировки по поводу космопланктона между Игорем Дюком и Виктором. Игорь утверждал, что встреча с глобулой может явиться причиной аварии двигателя как раз того типа, который имел место — в результате повреждения ливнями сверхтяжелых частиц отдельных узлов кибернетических схем.

Виктор слушал Дюка скептически и, в конце концов, заметил с иронической усмешкой:

— Когда-то все непонятное объясняли божественными помыслами, потом магнетизмом и гравитацией, а теперь вот настала очередь космопланктона.

— Дань моде — еще не ошибка!

— Хотя бы знали толком, что такое космопланктон, — насмешливо продолжил Хельг. — А то одни ученые считают его неживым, другие живым, а третьи — пограничным, квазиживым явлением. Квази-поля, квазисилы, квазичастицы, а теперь еще и квазиз жизнь. Черт знает что!

Игорь дружески приобнял товарища.

— Не надо так расстраиваться, Виктор. Я и сам терпеть не могу этих квазиявлений природы. Если бы это было в моей власти, я бы с радостью освободил мир от этой чертовщины. Представь себе, как бы тогда чудесно жилось на свете ученой братии. Все природные явления с легкостью необыкновенной укладывались бы в наши теории, законы и формулы. Никаких исключений, одни правила. Рай для науки!

— Наука и с квазиявлениями устроилась неплохо. Навесил «квазиярлык» на непонятный факт — и спи себе спокойно.

Заинтересовавшись этим разговором, Соколов прочитал и посмотрел в корабельной фильмотеке все, что было ему понятно и доступно.

Оказалось, что подобно тому, как верхние слои земных океанов заселены тучами мельчайших живых существ — планктоном, вокруг некоторых голубых и белых звезд обитают массы звездного или космического планктона. Поначалу его считали скоплениями обычной космической пыли. Однако же выяснилось, что рои этих пылинок обладают хорошо выраженной целесообразностью поведения. Наблюдения показали, что над переменными звездами космопланктон держится на некоторой оптимальной высоте: выше, когда светимость звезды возрастает, и ниже, когда она уменьшается. Явление это никак не укладывалось в рамки обычных физических законов. Молодой ученый Василий Решетов высказал кощунственное

предположение, что пылинки космопланктона — это вовсе не пылинки, а крошечные живые существа, которые «сознательно» держатся в комфортной зоне обитания, там, где им не «холодно» и не «жарко».

Решетов считал частицы космопланктона своеобразными миниатюрными котлами, в которых реакции ядерного распада компенсировались соответствующими реакциями синтеза. На возражение, что такого рода атомные мини-котлы с точки зрения ядерной физики невозможны, Решетов резонно отвечал, что с точки зрения классической химии существование сложнейших мини-комплексов живых клеток тоже невозможно, однако они существуют и благоденствуют. Крупная серия научных исследований показала, что прав дерзкий астроном, а не биологи.

Было в существовании космопланктона и немало загадочного, расшифрованного наукой лишь приблизительно. Иногда, по неизученным еще причинам, частицы космопланктона обнаруживали тенденцию к слипанию и образовывали шаровидные скопления — глобулы. Были обнаружены глобулы диаметром до нескольких десятков и даже сотен метров.

Глобула — своеобразная микроспора космопланктона. В глобульной форме космопланктон «живет» за счет внутренних энергетических ресурсов, вне зависимости от внешнего притока излучения. Поэтому глобулы могут странствовать в межзвездном или даже в межгалактическом пространстве. Попадая в благоприятные радиоактивные условия, глобулы, как правило, взрываются, образуя облака, состоящие из «живого» космопланктона и отходов, накопленных за время спячки, — пылинок мертвой материи.

Глобулы определенно нуждались в притоке энергии со стороны. В открытом космосе таким источником не могли быть ни далекие звезды, ни еще более далекие галактики. Поэтому и было выдвинуто предположение, что глобулы некоторым образом паразитируют на черных мини-дырах, этих реликтах, рожденных на ранних этапах развития фэйрбола, ухитряются как-то «сосать» через них энергию.

Симпозиум по космопланктону, сам собой организовавшийся в кают-компании, имел практический уклон. Дело в том, что был хорошо известен дурной и капризный нрав глобул — они могли вдруг взорваться без всяких видимых на то причин. Поэтому постепенно выкристаллизовалось общее мнение: надо форсировать ремонт хотя бы одного двигателя и уходить из опасного района.

— Ни в коем случае! — вдруг сказал Лорка, вернувшийся в кают-компанию после небольшой отлучки, которую, честно говоря, кроме Тимура никто не заметил.

Игорь, собравшийся возразить, сопоставил заявление Федора с присутствием на борту посланца немидов и промолчал. Но Виктор откровенно удивился.

— Не узнаю тебя, Федор! Зачем же рисковать понапрасну? Ситуация не из тех, когда надо идти на жертвы ради науки.

— Я слышу речь зрелого мужа, — выжидательно одобрил Игорь.

— Надо объясниться начистоту, командир. Пора, — негромко посоветовал Корсаков.

— В самом деле, — Соколов не мог скрыть беспокойства, — зачем нам лезть на рожон?

В зеленых глазах Лорки заблестели лукавые искорки.

— А затем, дорогой Александр Сергеевич, что на одной из глобул находится инопланетная посылка для нас. На какой — неизвестно, а поэтому придется обследовать их поочередно. Так что уходить из этого района неразумно.

Наступила мертвая тишина.

— Откуда это известно? — строго спросила Ника.

— Из первых рук. От немидов.

— Каких еще немидов? — возмутился Виктор. — Я чувствую, что на борту идет какая-то тайная игра. Мне непонятны и даже оскорбительны загадки и недоговоренности!

— Мы были вынуждены пойти на это. Не сердись, Виктор.

— Я не сержусь. Но я не прошу, а просто требую объяснений!

— Виктор прав, Лорка, — негромко подтвердила Ника.

— Я все объясню. Садитесь, друзья. Приготовьтесь не только слушать, но и читать записи и смотреть.

— Ничего не понимаю!

— Сейчас я все объясню, — терпеливо повторил Лорка.

Глава 31

Контакты с посланцем немидов, последовательность которых планировалась им самим, составляли конечно же главную, но не единственную задачу экспедиции на текущем этапе. Другой, может быть менее ответственной, но столь же важной, — был поиск информационной посылки, помещенной на одной из глобул космопланктона.

Посланец немидов подтвердил то, о чем догадывалось человечество.

Во-первых, глобулы в открытом космосе действительно паразитировали на черных мини-дырах, из которых они черпали необходимые для своего функционирования запасы энергии. Во-вторых, черные дыры действительно представляли собой своеобразные выходы из земной субвселенной в четвертое измерение. Некоторые из них замыкались на других субвселенных, в частности, и на мире немидов.

Черные дыры определенной, подходящей величины, занимавшие стабильное положение возле Кики, немиды и использовали для передачи вещественных и информационных посылок сначала на Кику, а затем уже, путем вторичной подпространственной телепортации, — на Землю.

Черные дыры были не очень-то надежным средством трансвселенского общения. В субстанционально-информационные передачи они вносили то большие, то меньшие помехи, состоявшие из собственных гравитационных шумов. Немиды не могли пойти на транспортировку полных и полноправных моделей самих себя: получив транспортировочные

искажения, такое существо могло повести себя самым неожиданным образом и наделать немало бед. Они ограничивались пересылкой биороботов с локальными возможностями, которым придавался самый разнообразный внешний облик: от абстрактных плазмоедов, похожих на шаровые молнии, до совершенных моделей земных животных, наделенных повышенными интеллектуально-моторными способностями. Даже для создания таких, довольно примитивных моделей требовались обширные заимствования человеческого интеллекта и психики, нужны были тесные контакты с людьми, которые порою кончались трагически.

После гибели нескольких поселенцев на Кике проблема надежных контактов с человечеством приобрела для немидов не только познавательный, но и принципиальный, моральный характер. За счет колоссальных энергетических затрат на трассе Земля — Кика ими был создан искусственный пространственный канал. Некоторое время он имел размытую структуру, занимал огромный объем и был дифференцирован на множество канальцев разного сечения. В этот период данный участок пространства был практически непреодолим: и немиды делали все возможное, чтобы оттянуть старт земной экспедиции на Кикю. Лишь в самый последний момент канал связи удалось «собрать» воедино, интегрировать и использовать для транспортировки на борт остановленного земного корабля полномочного представителя немидской цивилизации.

Предварительные расчеты показали, что эта ответственной операция исчерпает ранее накопленные энергетические запасы немидов более чем на две трети. В последний момент, в связи с необходимостью «угасания» первой опорной звезды, что достигалось локальной сверткой пространства по лучу зрения, расходы энергии возросли до трех четвертей их наличия. Выяснилось, что оснастки уже не хватит для транспортировки на корабль информационной посылки, основу которой составляли тщательно подобранные инженерно-научные материалы.

Конечно, можно было и вовсе отказаться от посылки, но, к счастью, был найден компромиссный вариант, который энергетически «проходил» даже с некоторым запасом: для передачи посылки решили воспользоваться черной мини-дырой, замыкавшейся на глобуле космопланктона. Теперь космонавтам предстояло поочередно обследовать глобулы до тех пор, покуда информационная посылка немидов не будет найдена.

— Неужели ее нельзя было маркировать? — полюбопытствовал Виктор.

— Она маркированная, — ответил Федор, — но в результате каких-то накладок транспортировки, операция-то сверхсложная, радиус действия маяка резко снизился.

Решено было экипировать две поисковые группы на космокатерах. На одном — Игорь и Ника, на другом — Виктор и Соколов. В задачу групп входила высадка на глобулы и пешее исследование их по зигзагообразному маршруту, осью которого является терминатор глобулы. Глобулы ассоциации были пронумерованы и в соответствии с этим получили названия: первая, вторая, третья и так далее, нечетные номера достались Игорю и Нике, а четные — Виктору и Соколову.

Глава 32

С первых же минут, даже секунд встречи Хельг подметил, что посланец общим выражением лица, манерой двигаться и говорить определенно напоминает Игоря Дюка. Это развеселило Виктора и позволило ему быстро освоиться, да и вообще он был не из тех людей, которые склонны к сомнениям и зряшному самоанализу.

— Честно говоря, — сказал Виктор, разглядывая посланца с тем непосредственным интересом, с каким он рассматривал бы и неизвестный минерал и неведомое дотоле животное, — я не перестаю удивляться тому, что, несмотря на поразительные разли-

чия наших миров, мы одинаково мыслим. А стало быть, в разных субвселенных — однотипный разум, разве это не чудо?

Посланец по-дюковски усмехнулся и дипломатично поправил:

— Ну, это не совсем так.

— Почему же не так? Мы же прекрасно понимаем друг друга!

— Конечные результаты нашего мышления действительно однотипны. Иначе и быть не может, иначе мышление пришло бы в противоположность с реальностью и дискредитировало бы себя. Но самые процессы мышления у нас различны. Вы мыслите в плоскостной системе координат, а мы в пространственной.

— Туманно, коллега, — сказал Виктор, поразмыслив.

— Попробую пояснить. У людей мозг, как и компьютеры, ими созданные, работает в двоичном коде, а у немидов — в троичном. Все мысленные образы человек строит из двух элементарных кирпичиков, а немид — из трех.

— Стало быть, ваш мозг лучше, многограннее? Я правильно понял вас?

Посланец, очевидно, уловил нотки обиды и некоторой надменности в словах Хельга.

— Нет, неправильно. Так ставить вопрос попросту нельзя. У вашей системы мышления — свои преимущества, у нашей — свои; и у той и у другой есть собственные, специфичные недостатки. Разве правомерно решать, что вкуснее — томат или огурец, яблоко или груша? Арбуз или дыня?

Виктор белозубо рассмеялся.

— Но мозг — не огурец и не груша!

— Верно, мозг — это логическое устройство. Он может иметь разное быстродействие. Человеческий мозг, в принципе, работает быстрее немидского. Образно говоря, у землян — разум-спринтер, а у немидов — разум-стайер. Человеку легче стать высококлассным узким специалистом, немиду — универсальным инженером или ученым. Картина мира,

которую рисует мозг немидов, создается заметно медленнее, но она полнее, точнее человеческих представлений о тех же самых реальностях. Мировоззрение человека и человечества в целом — карандашный рисунок, акварель, живопись. Мировоззрение немидов — барельеф и даже объемная структура.

— А конкретнее?

— Например, немиды хорошо представляют себе пространство четырех измерений. Между тем для человека четырехмерные фигуры — всего лишь математические абстракции. Людям дано вторгаться в этот мир лишь косвенно, путем оценки математических выводов, его натуральное воображение тут бессильно.

— А вы, стало быть, можете зримо представить себе четырехмерный шар или конус? — с любопытством уточнил Виктор.

— Разумеется, — не без гордости ответил посланец.

— Завидую!

— А я завидую вашей способности почти мгновенно оценить сложную ситуацию и принять верное решение.

Они посмеялись, с явной симпатией поглядывая друг на друга. Посланец сказал, что мягкость и скульптурность немидского мышления сказались и на самом характере их истории. Начиная с самых ранних этапов развития их цивилизации вражда, войны, драки играли в сообществах немидов гораздо меньшую роль, чем на Земле. Обычно торжествовало здравомыслие, желание и умение понять друг друга, а стало быть, и пойти на взаимные уступки. Из-за этого немидская история протекала, если применить к ней человеческие мерки, замедленно, даже вяло, но зато она была куда менее жестокой и кровавой. Если человеческую историю можно сравнить с горной речкой, которая то мчится, стиснутая скалами ущелья, то срывается в неизвестность многометровыми водопадами, то история немидов — это полноводная равнинная река, если она и разливается, то всего лишь раз в году.

Человечество привлекло немидов не схожестью, а отличиями и даже несопоставимостью. Не так-то про-

сто оценить свои собственные достоинства и недостатки и уверенно провести грань между ними. Инерция эволюции способствует переразвитию некоторых общественных благ, иногда из стимуляторов прогресса они становятся его скрытыми, тайными тормозами. И порою достижения превращаются в изъяны, в своеобразных троянских коней цивилизации, из которых в самый неподходящий момент могут вырваться злые силы и затормозить процесс, а то и отбросить общество вспять. Привыкают и к собственным достоинствам, начинают относиться к ним без должной бережливости и внимания, случается, что эти достоинства начинают угасать, трансформироваться, приобретая иные, далеко не очевидные в перспективе свойства. Внутреннему наблюдателю, лишенному сторонних контактов и материалов для сравнения, привычный мир являет собой картину, освещенную ровным рассеянным светом. При таком свете трудно разглядеть мелкую социальную структуру: бугорки и впадины, морщины и трещины общественной жизни. Все меняется при встрече двух разных цивилизаций! Чуждые миры словно освещают друг друга резким боковым светом. Длинные тени, бегущие от малейших неровностей, позволяют обнаружить все дотоле тайное и скрытое: и зло, и благо.

Виктора интересовал, даже беспокоил один вопрос, который так и просился ему на язык. Нетерпеливый Хельг несколько раз порывался задать его и не без труда удерживался — неудобно же все-таки перебивать гостя, да еще такого почетного. Но как только в рассказе посланца наступила пауза, Виктор сейчас же вклинился в нее.

— Простите, но у меня складывается странное впечатление, что немиды наибольшее значение придают духовным, моральным ценностям других цивилизаций. Так ли это?

Посланец некоторое время молча смотрел на собеседника, чувствовалось, что он удивлен и даже несколько ошарашен.

— Да, это так, — наконец ответил он. — Но почему вам кажется это странным?

Пришел черед удивиться Виктору.

— Да потому что я всегда считал, что инопланетные контакты полезны прежде всего в научно-инженерном плане! Обмен познанием, теоретическими идеями, искусством машиностроения, самими машинами и устройствами. Да разве это не главное?

— А обмен мироощущением?

Виктор вздернул соболиную бровь.

— Что это дает?

Посланец улыбнулся и вздохнул.

— Молодость!

— Чья молодость?

— Ваша. Молодость людей вообще. Молодость земной цивилизации в целом. В молодости все кажется простым и доступным, нужен только хороший инструмент, ясная голова да крепкие руки.

— А разве не так? — белозубо улыбнулся Виктор.

— Все гораздо сложнее, юноша. — Посланец заметил недовольное движение Виктора и поспешил добавить: — У меня и в мыслях не было обидеть вас. Юность прекрасна! Она прекрасна даже своими ошибками.

Взгляд Хельга приобрел насмешливый оттенок, не ускользнувший, видимо, от посланца.

— Я не хочу сказать, что наука и инженерия — несущественны, это необходимейший атрибут всякой высокоразвитой цивилизации. Но наука и инженерия — дело наживное.

— Не в этом счастье?

— Я не хотел бы уводить разговор в эту сторону. Притягательность счастья, как и многого другого в нашем большом мире, в его загадочности и непостижимости. Стоит ли спорить о непостижимом? Вернемся к нашей проблеме. Окиньте взглядом земную историю! Человеческий разум постепенно, но неуклонно вгрызался в плоть природы, срывая один за другим покровы с ее тайн и загадок. Все новые и новые стихийные силы обуздывало человечество, заставляя служить себе, все дальше и дальше проникало оно в просторы космоса и глубины микромира. И нет пределов этому движению!

— Так уж и нет?

— Нет! Полноценное общество разумных может прогрессировать практически бесконечно. То, что не завоевано сегодня, будет завоевано завтра — через десяток, через сотню или тысячу, через миллион или миллиард лет. Но для такого неустанного движения нужно духовное здоровье, нужны мощные, негасимые стимулы прогресса — восхождение трудно, порою тяжело, иногда мучительно.

Разве в годы грандиозных свершений, когда человечество стало полновластным хозяином планеты и вышло в космос, оно едва-едва не погубило себя в пламени всеуничтожающей ядерной войны? По узкой жердочке, оступаясь на каждом шагу и едва балансируя, люди кое-как прошли над пропастью, готовой поглотить все сокровища культуры, бережно накопленные и сохраняемые тысячелетиями. Разве наука и инженерия удержали людей от падения и гибели? В дальней дороге людей подстерегает немало испытаний и опасностей, которые пока еще незримо для них таятся в космосе. Без крепкого духовного здоровья и непреклонной решимости справиться с этими трудностями невозможно!

— Вы не убедили меня, — сказал после паузы Виктор, хмуря свои соболиные брови. — Нет, не убедили! Но заставили крепко задуматься.

* * *

Игорь был наслышан, что посланец всегда был похож на кого-то из экипажа, причем всякий раз на другого. Идя на встречу, он гадал, чьи черты ему придется угадывать в облике загадочного инопланетного существа? Лорки, Соколова, может быть, свои собственные? Но сколько ни вглядывался Игорь в лицо и фигуру посланца, сколько ни присматривался к его жестам и мимике, он не заметил никакого сходства ни с собой, ни с кем-либо из товарищей. Посланец был самым собой, немолодым, может быть, пожилым человеком с утомленным лицом, но необыкновенно ясными, живыми глазами. Он явно как-то повзрослел

по сравнению со своим изображением на голографических, которые довелось видеть Игорю, стал суше, подтянутее. Его движения обрели непринужденную точность, которую дают людям многолетние и серьезные занятия спортом. Постарел? Над этим стоило потом подумать.

Может быть, эти смутные размышления и заставили Игоря спросить:

— Простите, а каков ваш истинный облик? — Дюку подумалось, что вопрос прозвучал не совсем тактично, и он поспешил добавить: — Я имею в виду облик немидов.

Посланец кивнул в знак понимания, но отвечать не торопился. Игорь решил ему помочь.

— Я понимаю, что различия между нами могут быть очень большими. Но пусть это не тревожит вас. Полагаю, что люди уже достаточно морально повзрослели для того, чтобы примириться с любым, даже самым неожиданным обликом своих разумных собратьев.

Игорь мог поклясться, что взгляд посланца приобрел ироничный, насмешливый оттенок. Но сказал он вовсе не то, что ожидал услышать от него Игорь.

— Вы, люди, часто говорите о неземных братьях по разуму. Но это заблуждение. И опасное заблуждение.

— Опасное?

— К сожалению. Мы, немиды, убедились в этом на своем горьком опыте, поэтому очень осмотрительны в своих контактах. По разуму могут быть не только братья, не только друзья, но и злейшие враги. Истинные братья — это братья по морали.

— Нечто подобное я уже слышал от Федора Лорки.

— Это меня не удивляет. У него прекрасная интуиция! Он угадывает истину так же легко и просто, как зверь чувствует добычу. Иногда я, немид, — в голосе посланца прозвучали странные, смешанные нотки гордости и насмешки, — завидую ему, а это что-нибудь да значит.

Вообще-то Игорю было приятно, что этот симпатичный, удивительно человеческий инопланетянин хвалит его. Но в тоже время он ощутил приметный

укол неприятного чувства. Пожалуй, зависть. Самая обыкновенная, житейская, древняя, как и само человечество. Мелочная зависть к тому, кто лучше, умнее, удачливее тебя. Когда же, в конце концов, удастся людям вырвать корни проклятого эгоизма из своих душ? Поистине, люди — не боги!

— Есть между людьми и немидами и различия, различия немалые, — продолжал между тем посланец. — Но мы идем по общей дороге, к одним и тем же целям. А дорога трудна, в дальнем пути так одиноко! Поэтому мы и протягиваем вам руку дружбы.

— Вы правы, в дальней дороге трудно одному.

— Ну, а внешность, облик — дело второстепенное. Эти отличия куда глубже, чем вы думаете. Они имеют даже не вещественную, не субстанциональную, а функциональную основу — у людей и немидов разная генетика.

— Не совсем понимаю.

— У людей, как и у всех других земных организмов, генотипы связаны с фенотипом в двоичной системе, а у немидов — в троичной.

Игорь подумал и признался:

— И все-таки я не понимаю сути.

— Постараюсь пояснить.

Посланец сказал, что в отличие от земных генотипы немидов собраны по трилельной схеме: каждый элементарный признак организма определяется тремя генами — аллелью, которая подобна земной, и третьим, нейтральным геном. Ни один из аллельных генов не является доминирующим, они равноправны; доминирование одного гена осуществляется за счет подсоединения к нему нейтрального гена.

— Честно говоря, не вижу особых преимуществ в таком, троичном способе компоновки признаков. — Игорь улыбнулся. — То же самое сооружение, только не из трех разных кирпичиков. На выходе — тот же самый набор элементарных признаков.

Ответная улыбка посланца приобрела насмешливый оттенок.

— А лабильность, подвижность? — спросил он и провел в воздухе изящную волнистую линию.

— Подвижность чего?

— Признаков, коллега, признаков. Благодаря жесткой доминантности генов, земные генотипы — это структуры с набором постоянных признаков. А генотип, лежащий в основе нашей жизни, — качающийся, плавный. Если нейтральный ген подсоединится к одному аллельному гену, реализуется один признак, откачнется к его контрагенту — получит силу признак противоположный. Фенотип, облик организма будет гибко и причудливо меняться.

Посланец сделал паузу, наблюдая за реакцией Дюка, тот медленно прозревал, но возникавшая картина была столь невероятной, что он отказался себе верить.

— Да-да, — подтвердил посланец, чутко уловивший его состояние, — вы не ошибаетесь: у немидов нет постоянного внешнего облика, они могут его менять в широких пределах по своему усмотрению. Конечно, период из одного воплощения в другое не происходит мгновенно. В естественных условиях для этого требуются недели и месяцы — все зависит от дистанции, которая разделяет между собой эти, с позволения сказать, ипостаси. С помощью специальных мер стимуляции, разработанных генной инженерией, сроки перевоплощения могут быть резко сокращены — до нескольких суток и даже часов.

— Черт знает что! — повторил Игорь, однако было видно, что он уже несколько освоился с услышанным и начинает, как это говорится, раскладывать факты по полочкам.

Не стоит так удивляться. Даже ваш двоичный, окаменелый организм обладает большой подвижностью. Вспомните, кем вы только не побывали в ходе своего становления: оплодотворенной яйцеклеткой, морулой, рыбообразным эмбрионом с жабрами, скрюченным уродцем с огромной головой. И все это был Игорь Дюк!

Игорь невольно усмехнулся, представляя эту цепочку поистине сказочных превращений, а посланец продолжал:

— Взрослые земные животные утрачивают способность к трансформации, их генотип окончательно

костенеет. А вот немидские сохраняют свою способность к направленным превращениям на протяжении всей жизни. Не правда ли, все довольно просто?

— Да, — протянул Игорь. — Вдумываясь в ваши слова, начинаешь в них верить. Хотя здравый смысл протестует!

Глава 33

Информационную посылку немидов Виктор Хельг обнаружил на четвертой глобуле. Не успели они сделать и двадцати шагов от того места, где был установлен выпел, эту операцию не без удовольствия и некоторой гордости проделал Соколов, как Виктор услышал в своих микрофонах торопливый, глухой стук, словно чье-то сердце билось лихорадочно, торопливо, боясь запоздать.

— Александр Сергеевич! — окликнул Хельг товарища и довольно буднично уведомил: — Кажется, дело сделано.

Соколов негромко ахнул и, неуклюже-торопливо переступая на гравитоподошвах, поспешил к Виктору. Прислушиваясь, он подтвердил наличие ритмичного стука с частотой в пять с половиной герц. Сомнений быть не могло — посылка! Лорка через катер-ретранслятор слышал все их разговоры между собой и без промедления санкционировал дальнейшие действия. Виктор запеленговал точку, в которой посылочный сигнал имел наибольшую амплитуду, и забил в этом месте щуп генератора-передатчика.

— Начнем, пожалуй? — спросил он, обращаясь не столько к эксперту, сколько к невидимому Лорке.

— Начнем! — бодро ответил Соколов, лишь теперь начиная по-настоящему волноваться.

— Секунду! — послышался голос Федора. — Отойдите от щупа на всю длину кабеля. Сколько это будет, двадцать метров?

— Ровно двадцать, — подтвердил Хельг уже в движении, он понимал, что спорить с командиром бесполезно. — Береженого — Бог бережет, — пояснил

он негромко Соколову, который старательно вышагивал рядом с ним.

Когда кабель, связывающий щуп с генератором, был полностью размотан, Лорка приказал:

— А теперь опусти катер, но не приземляй его — подвесь в полуметре от поверхности.

— Надо ли? — усомнился Виктор.

— Надо. На-до!

— А не боишься остаться без связи с нами? — корабль находился вне зоны прямой видимости с поверхности глобулы, поэтому снижение катера нарушало связь.

Было слышно, как Лорка усмехнулся.

— Да уж как-нибудь перетерплю. Действуй!

Соколов невольно поднял голову. Проблесковый рубиновый огонек, мерцавший среди неподвижных звездных искр, дрогнул и начал стремительно падать вниз. Скоро в лунном свете белой звезды обрисовались контуры космокатера, уже замедлявшего свое падение. Еще несколько секунд, и катер завис над поверхностью глобулы в трех шагах от космонавтов.

— Ну, поехали? — обернулся Виктор к Соколову.

— Поехали. — Виктор включил генератор импульсов. И... ничего не произошло! Через пять секунд, как это и было предусмотрено программой, генератор выключился. И опять ничего не произошло. Щуп, который теперь работал не как передающая, а как приемная антенна, выдавал те же ритмичные колебания с частотой в пять с половиной герц. Прошло секунд тридцать, и Соколов недоуменно пожал плечами, однако же Виктор поднял руку и пригласил эксперта подойти поближе. Кивком головы Хельг показал на индикатор, который держал в руке.

— Амплитуда колебаний растет, — почему-то шепотом сказал он. — Медленно, почти незаметно, но растет.

Соколов присмотрелся и уточнил.

— Со спадами.

— Верно, Александр Сергеевич, со спадами и провалами.

Они погрузились в изучение характера колебаний. Соколов, на мгновение оторвавший взгляд от индикатора, вдруг замер в неудобной позе, неверным движением показал на горячую точку, в которой был установлен щуп, и выдавил:

— Та... Там!

Хельг вскинул голову. Поверхность глобулы в горячей точке словно ожила, вспучиваясь, будто резиновая, плоским пузырем около метра диаметром, и снова опадая. Это настолько выходило за рамки обычного и даже просто допустимого, что космонавтов поразили некий психологический шок. Они не ужаснулись, не взволновались, а просто, не вполне веря своим глазам, ждали, что же будет дальше. Пузырь корчился, образуя ассиметричные вздутия величиной в арбуз то в одном, то в другом месте колышавшейся как трясина поверхности. Соколову даже чудилось, что он слышит натужное пыхтение и уханье, будто кто-то старается поднять непомерную, смертную тяжесть, старается и никак не может. И вдруг, как бы нащупав самое слабое место, вздувшийся сгусток-арбуз стал быстро, в форме пузырчатой колонны, постепенно утолщавшейся у основания, расти, покачиваясь из стороны в сторону. Соколов почувствовал дурноту, которую приписал острой необычайности происходящего, но в тот же миг боковым зрением уловил близкую вспышку. Он сразу понял, что Хельг выстрелил из лучевого пистолета. «Зачем?» — мелькнула мысль. Лучевой импульс обрушился на шарообразную верхушку тянущейся вверх уродливой колонны. Она вспыхнула, точно ее осветили изнутри мощным прожектором. Верхушка колонны беззвучно взорвалась, рассеявшись в пространстве облаком быстро расширяющегося газа. Остальная ее часть рассыпалась, точно куль вытряхнутого песка. В тот же самый миг Соколов испытал новый, гораздо более сильный приступ дурноты. В этом мире без тяжести упасть было невозможно, к тому же гравитоподошвы цепко держались за поверхность глобулы, но тело эксперта обмякло и повисло, точно оно было резиновым и из него выпустили воздух. В голове вяло, уже угасая, шевельнулась

мысль об инфрачастоте в пять с половиной герц, о таинственной гибели людей на Кике и о том, что объективная устойчивость Виктора к инфраколебаниям повыше, чем его собственная. Что-то рвануло Соколова вверх и в сторону, дурнота тут же рассеялась как ночной кошмар, и эксперт понял, что Виктор попросту поднял его и швырнул в катер. Вслед за тем Хельг, Соколов успел заметить его злое, искаженное напряжением лицо, акробатически взлетел на место водителя, задвинул фонарь, задрал нос космокатера и выжал ходовую педаль — глобула тут же начала проваливаться, падать вниз. Соколов туповато и счастливо улыбнулся Виктору и совершенно неожиданно для себя и для своего напарника потерял сознание — будто заснул. Он и правда заснул через какую-нибудь секунду-другую, ибо принадлежал к тому довольно редкому и счастливому классу людей, у которых обморок длится недолго, не оставляет дурных последствий, а сразу переходит в глубокий сон.

Очнулся Соколов из-за того, что ощутил какой-то резкий, хотя далеко не неприятный запах. Он дернул головой, поморщился, чихнул и пришел в себя окончательно. Звезды над головой, рядом улыбающееся лицо Виктора, забрало гермошлема откинута. Соколов похлопал глазами, вспомнил, что случилось, и, выпрямившись, глянул вниз, через борт космокатера: там серела и слегка искрилась, разрисованная черными иероглифами теней, поверхность четвертой глобулы. Катер висел над ней довольно низко, присмотревшись, Соколов разглядел даже вымпел, который сам и устанавливал, неподалеку — кратер, углубление двухметрового диаметра с валом сыпучих материалов вокруг. Брови эксперта нахмурились.

— Это здесь? — спросил он и движением рук и пальцев показал, как росла и корчилась колонна.

— Здесь, — подтвердил Виктор и не без ехидства добавил: — Ну и владения вы себе отхватили, Александр Сергеевич!

Соколов покачал головой.

— Да уж! Ведь и во сне не пригрезится такое. — Он снова уткнул голову в боковое остекление, по-

смотрел на кратер и повернулся к Хельгу. — Но что это было? И где посылка?

Виктор показал пальцем вниз.

— Там, в кратере. По крайней мере часть ее.

— Почему часть? И что все-таки это было? А может быть, и не было, может быть, мне это почудилось?

— Было, Александр Сергеевич, было.

Соколов сосредоточенно смотрел на Виктора.

— Слушайте, — вдруг сказал он удивленно, — а ведь вы спасли мне жизнь, а?

Виктор улыбнулся, показав полоску белых зубов, и мягко возразил:

— Не преувеличивайте, до райских куш было так же далеко, как и до Земли. Но в общем-то нервотрепка приличная.

Он пояснил, что пока Соколов изволил почивать, сам Виктор успел переговорить с Лоркой, Федор обсудил происшествие с посланцем, и все разъяснилось. Все посылки, которые немиды транспортируют в земную субвселенную, представляют собой свернутые, до предела уплотненные зародышевые программы. Любую такую программу, в принципе, можно считать квази-живым существом. В земном мире эти программы выходят в режим формирования и разворачиваются, развиваются до намеченных пределов. Этот процесс имеет грубое сходство с формированием цыпленка в яйце. В немидских условиях этот способ передачи информации детально отработан и реализуется обычно без погрешностей. Но при транспортировке информационных посылок из одной субвселенной в другую наблюдаются систематические сбои и срывы при разворачивании программы. Примерно каждая вторая посылка оказывается не совсем удачной и содержит искажения. В чем тут дело, до конца не выяснено, но в принципе — это искажения перехода, перебрасывания объекта из одного трехмерного мира в другой. Иногда часть информации посылки отпочковывается и как бы обретает самостоятельность. Эта часть программы начинает разворачиваться в своих собственных целях, как бы приобретая самосознание, часто на

самом примитивном уровне, скажем, на уровне земных насекомых или моллюсков. В результате формируются причудливые квазиживые создания, которые могут существовать обычно весьма ограниченное время в самых неожиданных условиях, вплоть до открытого космоса. В одну из таких химер и перевоплотилась часть информационной посылки немидов, находившаяся на четвертой глобуле.

— Разве там была какая-нибудь зверюга? — удивился Соколов и невольно покосился вниз.

— А вы не видели? — в свою очередь удивился Хельг.

— Я видел колонну: она корчилась и извивалась, словно живая, но это все, что я видел.

Виктор насмешливо улыбнулся.

— Понятно. Вы ведь не космонавт и привыкли к обстоятельному анализу без спешки и суеты. — Виктор помолчал. — Верхняя часть колонны начала пухнуть, точно расцветать. Из этого цветка выползла клешня и башка, величиной с бычьей. А на башке два огненных глаза по кулаку величиной!

Соколов недоверчиво хмыкнул.

— Почудилось! Да и не мудрено.

Хельг вздохнул, снисходительно разглядывая эксперта.

— Темный вы человек в космических делах, Александр Сергеевич, очень темный! Я не только все это видел, но и успел зафиксировать на пленку. Фильм транслировал на корабль, там его посмотрели, обсудили и решили, что я прав.

— В чем?

— А в том, что я вдребезги разнес эту чертовщину. — Виктор помрачнел. — Я бы стерпел, если бы не эти огненные глаза. Думаю, немиды немидами, посланец посланцем, а жизнь жизнью. Да тут еще и эта инфратрясучка усилилась. Ну, я и полоснул лучом.

Соколов задумался, хмуря свои белесые брови.

— А почему посланец не предупредил нас о такой возможности?

— Вот этого я не знаю.

— Странно все это!

— Странно, — согласился Виктор, — но все, что ни делается, — к лучшему. Если бы я вовремя не разнес эту зверюгу, она, как говорит посланец, пожрала бы на создание своего естества куда больше полезной информации.

Соколов уткнулся носом в остекление, разглядев образовавшийся кратер.

— Но где же посылка?

— А вот сейчас подойдут Игорь с Лоркой и начнем раскопки.

Эксперт медленно повернулся к напарнику и даже запыхтел от обиды.

— Как? Мы старались, можно сказать, рисковали жизнью, а пожинать плоды будут они? Решительно протестую!

Виктор затрясся от смеха, уж очень был комичен раздувшийся от обиды Соколов.

— Да не волнуйтесь, всем работы хватит. — И, помолчав, добавил: — А я думал, что вы побоитесь снова лезть в свои владения.

Глава 34

Лорка прямо с порога, не считая нужным скрывать свою радость, сказал посланцу:

— Все кончилось не так уж плохо: исчезло или искажено не более тридцати процентов посылки. И главным образом финальная часть.

Неземлянин пошевелился в кресле, словно хотел встать, да потом раздумал.

— Я рад, — глуховато прозвучал его голос. — Если бы отпочковалась начальная часть информации, было бы гораздо хуже. Вы садитесь, Федор Лорка.

Опустившись на диван, Лорка продолжал:

— Странно, но я, впрочем, почему только я?.. Мы, люди, не представляли себе, что сгустки информации могут давать такие странные плоды.

— Сгусток, — раздельно проговорил посланец, — хорошее, емкое слово — сгусток, не правда ли? Не-

миды, люди, животные — тоже своеобразные, особым образом организованные сгустки информации.

Лорка засмеялся.

— Я понимаю. И все-таки мне дико, энциклопедия превращается в огромного паука или крокодила!

— Вы столкнетесь с проблемой отпочкования, когда будете транспортировать огромные объемы информации. Энциклопедия, хотя и организована определенным образом, бесструктурна, а информационная посылка имеет структуру и способность к саморазвитию. Перечень веществ, из которых состоит паук, и правил, по которым из них собрано его тело, еще не самый паук. А вот крохотное оплодотворенное яичко, отложенное паучихой, — потенциальный паук. Большие структурные объемы самой абстрактной информации стремятся к самосознанию и саморазвитию по пути, который наиболее рационален с собственных, внутренних позиций.

Посланец полулежал в кресле, будто утонув в нем, голос его звучал глухо. Лорке показалось, что за те два часа, что они не виделись, посланец постарел: как-то высохло тело, похудело, вытянулось лицо, глаза стали больше и светлее. Но может быть, это лишь казалось? Во всяком случае, это плохо вязалось с тем, какую энергию развил посланец в рубке, фактически взяв в свои руки организацию раскопок, извлечения и доставки кассет информационной посылки и приложенного к ним проектора. Когда все это было нагружено на космокатора, посланец попросил разрешения уединиться часа на два: он пояснил, что сейчас же, по ходу дела ему нужно надиктовать несколько важных сообщений. Пока посланец отсутствовал, была выполнена сверка информации, делалось это с помощью проектора чисто механическим путем. Информация была научно-технической, любая погрешность в формуле, таблице или графике была нетерпимой. Поэтому посылка была триплексной, каждое сообщение буквально повторялось трижды и формировалось в ходе «рождения» по независимым каналам. Сбой с отпочкованием части программы произошел главным образом по одному каналу, лишь незначи-

тельно затронув два других. Первичная сверка информации проводилась путем наложения трех повторяющихся сообщений. Безусловно достоверным считалось то, что было одинаковым во всех трех дубликатах, условно достоверным то, что буквально повторялось в двух сообщениях, а недостоверными признавались полностью несовпадавшие фрагменты. И более чем на семьдесят процентов посылка оказалась безусловно достоверной. Вот почему радовался Лорка. Теперь, когда он обратил внимание на внешний вид посланца, ему было неловко за свою радость.

— Может быть, вы утомлены и вам лучше передохнуть? — рискнул вслух предложить Федор.

Посланец взглянул на него пристально.

— Соколов ничего вам не говорил про меня? — ответил он вопросом на вопрос.

— Нет. Он лишь заявил, что доверять вам можно безусловно.

— Вот как?

— Именно так. — Лорка крепко сцепил пальцы сильных рук. — Соколов не сказал, но я сам догадался о многом. Думаю, что вы скоро покинете нас.

— Верно, интуиция вас не подвела.

— И, полагаю, обратный путь в родной мир, к братьям будет нелегким и опасным.

Посланец ничего не ответил, но смотрел поощрительно, и Федор продолжил:

— Вы говорили, что лишь каждая вторая информационная посылка приходит из вашей субвселенной в наш мир без искажений. Наверное, это справедливо и для обратной транспортировки. А для живых существ, для разумных в особенности, информационные искажения — та же смерть.

Посланец кивнул в знак согласия, но так и не проронил ни слова. Лорка расцепил пальцы и положил ладони на колени.

— Если учесть все это, то шансов остаться в живых при обратном путешествии у вас немного, всего двадцать пять процентов, четыре против одного. — Лорка помолчал. — Я высоко ценю вашу миссию, восхищен вашим личным мужеством и сделаю

все возможное, чтобы помочь вам. Все, что в моих силах!

Посланец слабо улыбнулся.

— Благодарю. Но помочь мне невозможно. Лоог, пожалуй, так можно транскрипировать на земной язык мое бывшее имя, умер две недели назад и похоронен с соблюдением всех должных обрядов и почестей в родном поселке рядом со своими родичами.

— Вот как! — после долгой паузы проговорил Лорка.

— Так. — Посланец жестом усталым, но не лишенным изящества, провел рукой вдоль своего тела. — Все это — временное пристанище моего сознания. Оно быстро, очень быстро ветшает и приходит в негодность. Так и было задумано, и с этим ничего нельзя поделать. Я думал, что проживу с вами еще несколько дней, но вдруг случившийся провал памяти — я ведь забыл, забыл сообщить вам об опасностях, связанных с получением информационной посылки, — открыл мне глаза и развеял иллюзии. Незачем вам видеть разложение моей личности, прогрессирующий маразм. Я умер достойно там, у себя дома, достойно решил умереть и в этом мире. И принял свои меры: мне осталось жить, — посланец взглянул на часы, — не более часа. А потом наступит стремительное угасание.

— Почему вы, немиды, избрали такой жестокий путь? Путь, у которого нет обратной дороги?

— Мы были вынуждены, — посланец снова откинулся на спинку кресла, — особенно я, координатор программы внешних контактов. Мы потерпели много не совсем объяснимых неудач. Когда на Кике гибли люди, одновременно погибали и немиды, которые выходили на эти контакты — риск был обоюдным, я уже говорил вам об этом. Не совсем удачными были попытки удержать вас от преждевременного полета. И уж совсем накалилась обстановка, когда ваш корабль вышел в опасный регион, когда опасность углублялась с каждой последующей минутой. И я решился и сделал то, что должен был сделать. С моего мозга, как с матрицы, был сделан информационный дубликат.

В ходе этой операции координатор Лоог погиб. Транспортировка дубликата выполнялась в обстановке нервозности и спешки, она прошла не совсем удачно, поэтому мне, посланцу немидов, и была уготована такая короткая, но, право же, интересная жизнь.

— Вы не должны были так поступать! — тихо сказал Лорка.

— Должен. Я бы не простил себе несчастья с вашим кораблем. — Посланец вдруг усмехнулся. — Да и вы, Федор Лорка, на моем месте поступили бы точно так же.

— Возможно.

— Вот видите!

Лорка потер ладонью лоб.

— Что я могу сделать для вас?

— Свою личную просьбу я выскажу позже, сначала послушайте пожелание всей нашей цивилизации: мы ждем ответного визита, транспортировку дубликата берем на себя, смерть человека-матрицы вовсе не обязательна. Вероятность успеха, вы оценили ее верно, около пятидесяти процентов. Операция должна быть выполнена на основе одного из членов вашей экспедиции в течение ближайших десяти дней, иначе обстановка станет гораздо менее благоприятной.

Лорка все понял с полуслова и колебался какую-нибудь секунду.

— Я готов, — просто заявил он.

Посланец покачал головой.

— У вас есть гораздо более подходящие кандидатуры.

— Кто?

— Ника Сонлей или Виктор Хельг.

Лорка пропустил мимо ушей имя Виктора.

— Ника? — переспросил он.

— Почему вы удивились? — спокойно спросил посланец. — Вы ведь и брали ее специально для контактов с нами.

Лорка долго молчал, прежде чем ответить.

— Хорошо, я передам ей ваше пожелание. — Он снова задумался. — Ника — это понятно, но почему Виктор?

Посланец улыбнулся.

— Если Ника к нам ближе многих других людей, то Виктор Хельг — дальше. Он слишком мужчина, слишком человек со всеми своими достоинствами и недостатками. Нам, немидам, полезен контакт и с такими людьми.

Посланец все еще говорил — мы, немиды! Или он это делал специально?

— Не откажется и Виктор, — вслух подумал Лорка.

— Нет.

— У вас есть ко мне и личная просьба?

— Да. Вы проводите меня.

— Куда?

— В космос, метров на двести от корабля. Дальше я пойду один. — Посланец потянулся к кнопке и нажал ее. В каюте погасло освещение, открылся иллюминатор, через который на Лорку глянули тысячи и тысячи звезд. — Что такое человек или немид среди сообщества себе подобных? Звездная искорка в океане космоса!

Посланец обернулся к Федору.

— Второй раз я хочу умереть не на операционном столе, а в одиночестве и звездной тишине.

— Почему не в кругу друзей?

— Друзей? Не преувеличивайте, звездные дороги много сложнее простой дружбы. Нет, я не хочу пошлыми секундами своей кончины обременять себя и вас. Я устроен так, что могу, недолго правда, жить и в открытом космосе, среди звезд. Звезды, вечность и... я! Разве это так уж плохо?

Лорка не ответил, и посланец спросил с оттенком нетерпения:

— Так вы проводите меня?

— Да-да, — ответил Федор, — конечно, провожу. Непременно!

КРАСНЫЕ ЖУРАВЛИ

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Лейтенант Гири́н вел самолет на дальнюю приводную радиостанцию аэродрома. По району полетов бродили грозы, поэтому радиокompас работал неустойчиво: его стрелка нет-нет да и начинала мотаться по шкале. Александр больше полагался на гироиндукционный компас, периодически запрашивая «Прибой» для дополнительного контроля курса. Он старался действовать строго по науке, «как учили»; полет был контрольным — в задней кабине самолета сидел штурман эскадрильи майор Ивасик, человек добродушный, но специалист отменный и въедливый.

Над головой Гирина парил небосвод пронзительной синевы, почти в зените ярилось маленькое хрустальное солнце, а внизу, метрах в четырехстах под самолетом, расстилалась белоснежная кудрявящаяся равнина облаков. Из недр этой равнины и тут и там пучились, клубились и упрямо тянулись вверх башенки, башни и целые облачные горы, будто вылепленные из нежнейшего сливочного крема. Красиво! Особенно для тех, кто в летном деле ничего не понимает. Через Средиземное море в район полетов прорвался редкий метеорологический гость — неустойчивый и влажный, насыщенный теплом и электричеством экваториальный воздух, отсюда и это причудливое сочетание слоистых облаков и кучевки всех мастей и рангов.

Как назло, одна величественная облачная башня рисовалась вдали прямо по курсу, и каждый шаг

секундной стрелки приближал к ней самолет на добрых полторы сотни метров. Верхушка этой громадины где-то на десятикилометровой высоте расщеперилась, точно старая метла, ошетибилась расходящимися облачными струйками, окуталась полупрозрачной дымкой — облако разворачивало мощную предгрозовую наковальню. Пройдет совсем немного времени, и этот эфемер великан, пресытившись переохлажденными каплями влаги и градом, потемнеет, нахмурится, грозно заблещет вспышками молний и начнет буянить на радость и горе всему живому. Типичное кучево-дождевое облако, его надо обходить, но с какой стороны? Черт его знает, какова обстановка за этим рыхлым влажным телом многокилометровой толщины! Впрочем, стоит ли ломать над этим голову? Все равно для изменения курса нужна санкция руководителя полетов. Гири уже перенес палец на кнопку передатчика, но в этот самый момент в наушниках его шлемофона послышался характерный, чуть гнусавый голос подполковника Миусова:

— Двести тридцать пятый, на связь.

— Я двести тридцать пятый, слышу хорошо! — бодро откликнулся Гирин.

— Отворот вправо на шестьдесят, курс триста сорок.

Гирин невольно улыбнулся. Когда полетами руководит Николай Петрович Миусов — за высокий профессионализм и принципиальность в разговорах между собой пилоты иногда величают его Железным Ником, — можно быть спокойным: он, точно по волшебству, угадывает те кризисные моменты, когда летчик нуждается в его помощи и подсказке.

— Понял, двести тридцать пятому курс триста сорок, — ответил Гирин и с некоторой лихостью, с хорошим креном, но очень координированно вывел самолет на новый курс, выбранный для обхода опасного облака. Теперь оно неторопливо-торжественно проплывало по левому борту в ощутимой близости. С этой дистанции было хорошо видно, что невинное белоснежное одеяние, делавшее облако похожим на

гору сливочного крема, всего лишь камуфляж, маска, нечто вроде ослепительной доброй улыбки на холодном лице расчетливого и жестокого бизнесмена. Мутно-серая облачная утроба кипела и ярилась, ее прерывистое мощное дыхание все больше тревожило машину. Самолет болтало все сильнее и резче, размашистые броски вверх и вниз сочетались с тряской; казалось, великан-невидимка то гневно раскачивал самолет, то принимался в ярости колотить по его обшивке своими пудовыми кулаками. И все-таки Гирина, который весьма дорожил своим пилотским реноме, удавалось держать самолет в жесткой узде и вести его почти по ниточке. Ивасик оценил его старания.

— Молодца, шикарно режишишь.

— Как учили! — живо откликнулся Александр, в глубине души очень довольный: уж кто-кто, а опытный штурман хорошо знал, что «мертво» выдержать прямую на заданном режиме ничуть не легче, чем загнуть лихой иммельман или закрутить бочку. За весь полет Ивасик обронил всего две или три фразы, уж такой у него был обычай: «Считай, что меня в кабине нет, и действуй самостоятельно». Он умел довериться чужим рукам, терпеть до последнего и не надоедать мелочными подсказками; за это редкое качество пилоты прощали ему многое.

— Двести тридцать пятый, — слышался в шлемофоне голос Миусова, — разворот влево на сто тридцать, курс двести десять, посадка с рубежа.

— Двести тридцать пятый понял, курс двести десять, посадка с рубежа.

Выполнив разворот, Гирин убедился, что Миусов принял, пожалуй, единственное разумное решение: вывел самолет на свободное пространство вразрез между двумя облаками. Кучево-дождевое облако стало понемногу удаляться, смягчилась болтанка, Александр вздохнул свободнее и размял плечи, чувствуя, как липнет майка к взмокшей спине. Нелегко хлеб пилота! И в этот самый момент всплеск жгучего пламени ослепил Гирину и швырнул его в небытие.

Глава 2

Очнувшись, Гири́н испугался: машина резко кабрировала с правым креном, теряя скорость: еще две-три секунды, и самолет непременно свалился бы на крыло. Действуя чисто автоматически, Александр прибавил двигателю обороты, убрал правый крен и привел самолет к горизонту. Выполняя эти нехитрые операции, Гири́н насторожился — с самолетом творилось что-то неладное. Секундой позже он понял, в чем дело: приборная доска была полумертвой. Не горели сигнальные лампы и табло, застыло в неподвижности большинство стрелок и шкал. Из-за этого и сам самолет, хотя он хорошо слушался рулей и, набирая скорость, все плотнее садился в воздух, казался больным, ущербным. Но часть приборов, а именно мембранно-анероидная группа — высотомер, указатель скорости, вариометр, — все-таки работала. Жить было можно!

Гири́н облегченно вздохнул и, только теперь задумавшись о случившемся, сразу же и без колебаний решил — молния! Удар молнии в самолет — случай редчайший и очень опасный, хорошо еще, что беды ограничились отказом электрических приборов и сигнализации. Но... ограничились ли? Александр obeжал взглядом приборную доску, оглядел арматуру и остекление кабины, носовую часть самолета, плоскости, приемники воздушного давления, прислушался и приняхался... Как будто все было в целости, двигатель работал как часы, но Гири́ну почудился слабый, едва уловимый посторонний запах — запах гари. Выполняя мелкую змейку, небольшие отвороты вправо и влево, что позволяло хорошо рассмотреть спутную струю самолета, Гири́н, выворачивая шею, обернулся назад. Сердце у него екнуло — за самолетом тянулся след не очень густого, но хорошо заметного дыма. Пожар! Пожар — в этом не было никакого сомнения.

Гири́н принял обычную позу, машинально выровнял самолет. Окружающий мир, мир огромный, необъятный — небо, солнце, облака — и мир крохот-

ный — тесная кабина, забитая приборами и арматурой — неуловимо изменился, словно на все сущее упал резкий и яркий боковой свет. Замедлился самый бег времени, оно начало совсем другой — мерный, звенящий и тревожный аварийный счет. Пожарная сигнализация не сработала, но Александр не стал обольщаться — ведь отказали все сигнальные устройства. Скорее всего отказала и система тушения пожара, но Гири́н все-таки включил ее и, нажав кнопку передатчика, доложил на КП:

— Я двести тридцать пятый! Отказали приборы. Предположительно молния. Пожар в зоне двигателя. Противопожарную включил, иду по горизонту. Как поняли? Прием.

Гири́н почти выкрикнул свой позывной, сам услышал этот зажатый крик и устыдился. Эмоции — плохой помощник в аварийных ситуациях! Да и что подумают о нем Миусов и пилоты, когда услышат его на КП? И свой доклад Александр закончил размеренным, подчеркнуто спокойным тоном.

Земля молчала. С трудом выдержав паузу, Гири́н начал докладывать во второй раз, но осекся на полуслове. Вышла из строя вся система сигнализации, отказали все приборы с электропитанием, не работали и гироиндукционный и радиоконпасы. Значит, надо смотреть правде в глаза — отказала и командная радиостанция. Докладов Гирина никто не слышит, никто не знает, что творится с самолетом. Он один в этом странном, противоестественном мире, собранном из тесной кабины и огромного сияющего простора. Он один! И должен рассчитывать только на самого себя. Вдруг Александра словно током ударило — как один? А Ивасик?

— Командир! — импульсивно закричал Гири́н и покачал самолет с крыла на крыло. — Командир!

Ивасик не отзывался.

Стало быть, его или контузило ударом молнии, или...

— Ивасик! — заорал Гири́н, не желая додумывать до конца эту мысль, и еще глубже покачал самолет с крыла на крыло. Штурман так и не подавал призна-

ков жизни. Гири́н обернулся назад. Теперь уже не надо было делать и змейку, чтобы заметить за хвостом шлейф дыма, — он стал шире, чернее, гуще. Пожар с каждой секундой набирал силу. Скорее всего горел не двигатель, как Гири́н решил поначалу, а топливный бак, расположенный сразу же за кабиной летчиков. Под ударом одной из ветвей молнии бак треснул, и керосин, отсасываемый изнутри встречным потоком воздуха, загорелся. Если так, то жить самолету в самом благоприятном случае осталось немногие десятки секунд. Надо катапультироваться! Кто осудит его, молодого летчика, за то, что он покинул горящий, обреченный самолет? Разве он виноват, что майор Ивасик не подает признаков жизни? А если штурман попросту убит ударом молнии? Да и в конце концов кто и как узнает, что произошло в воздухе на самом деле? Ведь нет ни связи, ни свидетелей: небо, солнце, облака — вот и весь мир!

Но эта мысль вспыхнула и пропала без следа, как зарница. Бросить майора Ивасика? Бросить командира?

Поступить так Александр не мог. Не мог, и все! По крайней мере, до тех пор, пока огонь не подобрался к кабине, а самолет держится в воздухе. Гири́н приготовился к катапультированию, сбросив фонарь кабины. Но терпеть решил до последнего! Он понимал, что если и на самом деле горит топливный бак, то самолет в любую секунду может взорваться. Не найдут тогда, наверное, ни Александра Гирина, ни майора Ивасика, похоронить-то будет нечего. Все это Гири́н отлично понимал. Мысль о самолете, одним вздохом пламени превращающемся в реву́щий факел, все время шевелилась в сознании и жалила очень больно, но тут уж ничего не поделаешь. Надо было рисковать, терпеть! И Александр терпел, хотя страсть как не хотелось помирать вот так — ни с того ни с сего!

— Командир! Ивасик! Чтоб тебя! — давая выход напряжению, заорал Гири́н и прибавил в сердцах нечто уж вовсе непечатное, трехэтажное, но весьма впечатляющее. Как ни странно, но это помогло.

— Чего орешь? Спокойно! — слабо, но вполне отчетливо откликнулся Ивасик.

Переговорное устройство работало!

— Командир! — обрадовался Александр. — Командир, самолет горит!

Наверное, это радостное сообщение о пожаре в воздухе прозвучало совсем по-идиотски, но Ивасик не удивился.

— Вижу. Меня контузило. Левая рука отнялась, — голос штурмана звучал тихо, но удивительно спокойно. Это подчеркнутое спокойствие опытного пилота заново обнажило перед Гириным всю драматичность ситуации. Ивасик контужен, значит... Значит, всю ответственность должен брать на себя он, лейтенант Гирин. Как это делается в пехоте, когда командир ранен, контужен, убит, в общем, не может больше управлять боем? Слушай мою команду!

Гирин покосился назад. Дымовой шлейф приобрел пугающие размеры. Александру почудилось даже, что он разглядел языки пламени, но может быть, это лишь почудилось. Как бы то ни было, медлить было равносильно самоубийству.

— Приготовиться к катапультированию, — с неожиданной даже для самого себя решительностью приказал Гирин.

Он немного гнусавил, явно подражая Миусову, но, конечно же, не подозревал об этом. Подчеркнутая решительность объяснялась тем, что Александр опасался спора и возражений со стороны Ивасика — по формальному статусу командира тому полагалось покидать самолет последним. Но спора не произошло.

— Сам-то готов? — как-то не по обстановке, по домашнему просто осведомился Ивасик.

— Связи с КП не имею, фонарь сбросил, ремни затянул, к катапультированию готов! — отчеканил Гирин. — Как вы?

— Порядок.

— Тогда вперед!

— Пошел!

Тугой выстрел, и Александр остался по-настоящему один.

— Я двести тридцать пятый. Командир контужен, катапультировался, — произнося эти слова, Гири́н дал рули на разворот влево. — Отворачиваю на безопасный курс.

Маршрут полета проходил через южную окраину промышленного города, растянувшегося вдоль реки. Катапультируйся Гири́н на исходном курсе, и горящий самолет, врезавшись в жилые или промышленные строения, мог стать причиной большой непоправимой беды. Конечно, вероятность падения самолета в городской черте была невелика, но в таком деле Александр не хотел и не мог рисковать. И он не колеблясь ввел горящий самолет в этот последний разворот, решив отвернуть по меньшей мере градусов на сорок пять. Но реализовать свое решение полностью он не успел. Развернувшись градусов на тридцать, самолет вдруг начал опускать нос и все больше заваливаться на левое крыло. Секунду-другую Гири́н инстинктивно предпринимал отчаянные попытки удержать машину, но потом понял, что это конец: либо перегорели тяги рулей, либо струями пламени сожгло и разрушило стабилизатор. Кончено! — Отказало управление. Катапультируюсь!

Глава 3

Выстрела Гири́н не слышал, но ощутил мощный удар снизу, спрессовавший его тело. Все это было привычно и много раз испытано во время тренировок на наземной катапульте. Но после первого удара он почему-то почувствовал и второй, не такой мощный, но гораздо более резкий, отдавшийся болью в тазовых костях. Наверное, Александр на какое-то время потерял сознание, потому что не почувствовал момента расстыковки с креслом. Очнулся он уже в свободном падении. Опытный парашютист-перворазрядник, Гири́н попытался было оседлать встречную струю, лечь на нее лицом вниз, крестом раскинув руки и ноги, но куда там! В турбулентном облаке, не видя ни земли, ни неба, сделать это было почти

невозможно — струя сбрасывала его как норовистый конь. Не желая падать совершенно беспорядочно — могло завертеть так, что и сознание потеряешь, — Гирин не прекращал своих попыток стабилизироваться, но и не особенно огорчался неудачам. Из предварительной информации руководителя полетов он знал, что нижняя кромка облаков лежит на высоте тысячи пятисот метров — вполне хватит времени, чтобы открыть парашют. Теперь же делать это было преждевременно: купол мог обернуться вокруг тела, перехлестнуться стропами, пойти колбасой — рисковать не стоило.

Так Гирин и летел в сером и влажном облачном мареве, в этом дурацком невесомом киселе, то более или менее успешно балансируя на струе, то срываясь и начиная выписывать затейливые фигуры. Мысли хаотично скакали с одного предмета на другой, не делая различий между существенным и пустячным. И каждая такая мысленная тропинка высвечивалась с неожиданной, ослепляющей яркостью. Александр подумал, например, о том, что в кабине самолета остался планшет, а в планшете — карта; по этому поводу уж непременно придется давать объяснения и писать какую-нибудь бумагу. Подумал он и о том, что давно не писал домой и что это с его стороны свинство. И о том, что он скажет сегодня Нине, когда они встретятся, как и всегда, возле фонтана в городском сквере. А на этом хаотичном и разноликом фоне какая-то тревожная острая мысль вспыхивала и гасла так быстро, что Гирин никак не мог за ней угнаться и понять, почему в смутном предчувствии неожиданной беды ноет сердце.

Земля!

Она открылась не сразу, а вырисовалась постепенно, по частям, как на снимке, погруженном в быстродействующий проявитель. Появилась, затянулась дымкой, пропала и появилась вновь, уже окончательно. Она была похожа на крупномасштабную карту, и Гирин сразу опознал район аэродрома: широкую ленту автострады, голубую змею реки, лесной массив и озеро на его западной окраине. Озеро не-

ожиданно глубокое, с неплохой рыбалкой и отличными местами для купания. Земной мир, в который Гири́н вывалился из сырой облачной преисподней, был удивительно не похож на ослепительную, сияющую обитель заоблачного поднебесья: он был дробным, многоликим, расчлененным на множество несхожих фигур и объектов, а его притушенные, смазанные краски казались выцветшими. Даже не верилось, что всего двумя тысячами метров выше так щедро брызжет лучами хрустальное солнце и тает под взглядом пронзительная небесная синь. Плавным движением всего тела, рук и ног Гири́н стабилизировал свое падение и перенес правую руку на вытяжное кольцо.

И тут тревожная мысль-заноза, долгое время остававшаяся неуловимой, обрела наконец четкие контуры. Ведь это не тренировочный прыжок, а катапультирование! Парашют должен был сработать от автомата сразу же после расстыковки с креслом, еще полминуты тому назад, а между тем купол так и не раскрылся. Почему?!

Гири́н не стал искать ответа на этот страшный вопрос, вместо этого он высвободил вытяжное кольцо из предохранительного кармана и рванул его от себя и в сторону. Кольцо не поддавалось! Гири́н нервозно повторил рывок и, опять не добившись успеха, ухватился левой рукой за кисть правой. В этот рывок обеих рук он вложил все свои силы, все, без остатка... И кольцо вылетело, увлекая за собой вытяжной трос!

Во время возни с кольцом Александр потерял равновесие. Воздушная струя теперь лениво вращала его тело, демонстрируя то рыхлую изнанку облаков, то приближающуюся землю. Плавным движением Гири́н начал ложиться на встречный поток. И в этот момент спазм страха сжал его сердце — он не чувствовал выхода купола! Короткий взгляд вверх и за спину окончательно поставил все на свои места — купола и точно не было. Не было совсем, пусть даже смятого, незаполненного, разорванного, тянущегося колбасой. Не было! Парашют отказал.

В сознании вдруг промелькнуло запоздалое воспоминание о странном двойном ударе при катапультировании. Скорее всего второй резкий удар, отдавший себя болью, пришелся парашютным ранцем по одной из деталей разрушавшегося самолета. И оказался роковым — что-то смялось, заклинило, сломалось. Какая разница? И какой смысл теперь думать об этом?

Гири́н падал лицом вниз, четко, как на соревнованиях, фиксируя положение тела. Странное спокойствие овладело им. Он отлично понимал, что обречен. Ничего, ничего невозможно было сделать! Оставалось только ждать. Пройдет два-три десятка секунд, и его тело врежется в летящую навстречу землю. Почему же он так странно, так нехорошо спокоен? Почему? Прошло несколько тягучих, сверлящих секунд, прежде чем Александр понял, в чем дело: он не верил, не хотел верить, отказывался верить происходящему! Смерть, такая внезапная, неотвратимая и грубая? Теперь, сейчас, когда за облаками так ярко светит солнце, а на землю сеет мелкий теплый дождь? Когда жизнь так прекрасна и удивительна? Когда вечером его ждет свидание с Ниной? Чепуха, это не может быть правдой! Просто его неожиданно сморил тяжелый сон, сон нежданный, может быть, прямо в кабине самолета. Очень просто, майор Ивасик взял управление, а он задремал. Сейчас, сейчас злые чары рассеются, и настоящая жизнь снова пойдет своим чередом...

Земля вдруг исчезла, затянувшись густой дымкой. Наверное, Александр попал в небольшое облако, проплывавшее ниже основного слоя. Трудно стало дышать, сковало движения и мысли. Словно попал не в облако, а в густой сироп и теперь барахтался в нем, быстро теряя силы.

Глава 4

Гири́н вздохнул, открыл глаза и увидел над своей головой странную серебристую решетку. Некоторое время он пытался разобраться, что это за решетка и где он находится, но в памяти был какой-то провал,

пустота. Оглядевшись, Гирин с некоторым усилием и скрипом вдруг догадался, что находится в клетке, задняя и боковые части которой выглядели как обычные стены, а верх и фасад забраны решеткой. Клетка! Смешно, непонятно и очень глупо. Александр пожал плечами и сел. Клетка, полумрак и мешанина странных, ни на что не похожих запахов.

Гирин похлопал рукой по мягкому топчану, который служил ему постелью. Топчан был низким, сантиметров тридцать высотой, и сделан из какого-то упругого губчатого материала. Встав на ноги и выпрямившись, Гирин с возрастающим недоумением осмотрел свою тесноватую клетку, примерно два на три метра, и только теперь перенес взгляд за нее, через решетку. Он увидел полутемный, нет, лучше сказать, полусветлый коридор, похожий на половинку тоннеля метрополитена: плоский пол, прикрытый сверху полуцилиндром. Только в сечении своем этот тоннель был заметно шире метрополитеновского. Вдоль цилиндрического потолка тянулась белесая светящаяся трубка вроде тех, что употребляются в рекламных целях, она-то и создавала странное ощущение полусвета-полумрака. И по всей длине коридора на небольших возвышенностях, вписываясь в его округлые стены, стояли два ряда серебристых клеток, разделенных полутораметровым проходом.

— О-хо-хо! — услышал Гирин тяжкий вздох, вздрогнул и обернулся.

Клетка, что располагалась напротив, представляла собой бассейн с водой. Из воды торчала седая голова с большими черными глазами, похожая на голову тюленя, с несоразмерно большим жабым ртом. Черные глаза чудища помаргивали и смотрели на Александра сочувственно и печально. Тяжко вздохнув еще раз, это бредовое существо, не отрывая источника всесветную тоску взгляда от Гирина, укоризненно покачало головой и пробормотало что-то вроде: «Не-хо-ро-хо! Ох, не-хо-ро-хо!» — после чего, шамкнув жабым ртом, голова скрылась под водой — только разбегающиеся круги говорили о реальности этого странного видения. Гирин несколько истери-

чески рассмеялся, ему было не по себе, хотя чудище выглядело действительно смешным и определенно безобидным.

Не успел Гирин прийти в себя и придумать хоть сколько-нибудь приемлемое объяснение происходящему, как его заставил вздрогнуть пронзительный, резкий крик, донесшийся справа. Это был странный набор звуков, похожий сразу и на вопль истеричной женщины, и на крик петуха, самодовольно вещающего о своем неоспоримом господстве над подданными. Психопатические вопли перебивались торопливой, обалделой скороговоркой, в потоке которой слова выстреливались с такой скоростью, что если бы и был в них какой-то смысл, то разобрать его все равно было бы невозможно.

— Некиричи! Рикинечи! — голосило существо.

Оно было и вовсе ни на что и ни на кого не похоже — химера, бред воспаленного мозга. Пурпурно-золотистая птица величиной с индюка. На длинной шее крупная кошачья голова. Впрочем, почему кошачья? Голова огромного филина с круглыми бешеными глазами, украшенная короной роскошных индиговых перьев. А вместо клюва розовый мускулистый хоботок сантиметров тридцати длиной. Хоботок то нервно скручивался в тугую спираль, то поднимался вверх, словно принюхиваясь, то принимался перебирать и подергивать прутья решетки. Когда существо приподнимало переднюю часть крыльев, от их кромки как бы отхлопывались две трехпалые ручки, такие же розовые и мускулистые, как и хоботок. Ручки цеплялись за серебристые прутья решетки и с неожиданной силой и остервенением принимались их трясти. В это время голос пурпурно-золотистой химеры и становился похожим на вопль петуха-шизофреника, мечтающего о мировом господстве.

— Некиричи! Рикинечи!

Вдруг кончив бесноваться, существо встряхнулось, взъерошив перья, отчего стало толще, по крайней мере раза в полтора, пробормотало что-то вроде «прости, Господи!», флегматично сунуло свою голову под крыло и погрузилось в дремоту.

— О-хо-хо! Не-хо-ро-хо! — слышался тяжкий вздох.

Гирин обернулся, но водяной, как он мысленно окрестил тюленеподобное чудище, смотрел не на него, а в сумеречную даль коридора на другую клетку, на полу которой лежало нечто беловатое, похожее на огромный, метра в полтора высотой и поболее двух метров в поперечнике, бугристый ком теста. Может быть, Гирин и не стал бы к нему присматриваться, но ком сладко похрапывал. Храп начинался на звонких высоких нотах и плавно переходил в низкие булькающие квакающие звуки, которые можно услышать, когда из вязкой грязи поднимаются и лопаются газовые пузыри. В этой фазе храпа тесто начинало крупно дрожать и конвульсивно, точно прогоняя незримого овода, подергиваться отдельными участками поверхности, а в нос ударяла волнапряного цветочного аромата. Александр долго разглядывал эту потряхивающуюся грудку, безуспешно пытаясь разгадать, что же это такое, так долго, что живое тесто, видимо, почувствовало его взгляд. На самой верхушке груды начал вспучиваться бугор, быстро принявший форму довольно тонконового гриба с увесистой конической шляпкой. Поднявшись макушкой сантиметров на тридцать, гриб грациозно качнулся из стороны в сторону... И вдруг под сводом шляпки распахнулся большущий, совершенно человеческий глаз, опушенный веером густых ресниц. Глаз сонно оглянулся, остановился на Гирине, недоуменно моргнул раз-другой и удивленно округлился.

— У-у-у! — прогудел мелодичный голосок.

Тотчас по левую и правую стороны от изумленно глазющего гриба вспучились два новых холмика и за какой-нибудь десяток секунд превратились в точно такие же зрячие грибы, только поменьше ростом. Некоторое время три наивных глаза ошарашенно разглядывали своего новоявленного соседа, а потом переглянулись друг с другом.

— И-и? — недоверчиво пропищали голоски крайних грибов.

— У-у-у! — прогудел центральный гриб, покачивая шляпкой.

Гирин почувствовал неловкость от такого бесцеремонного разглядывания и шагнул назад, чтобы укрыться за боковой стенкой.

— Хи-хи-хи! — послышался мелодичный смешок, точно колокольчики зазвенели.

Гирин осторожно выглянул из-за перегородки: далеко вытянув вперед и в сторону свои ножки-шеи, грибы, хлопая ресницами, пытались, в свою очередь, снова увидеть его. А когда увидели, восторженно округлили глазки, загудели и запищали. Александр спрятался окончательно и несколько смущенно чертыхнулся. Отсюда, от боковой перегородки, ему открывался вид на другую клетку — в противоположной стороне коридора. Сначала ему показалось, что эта клетка пуста, но, понаблюдав за клеткой некоторое время, Гирин уловил в ее глубине какое-то движение. Напрягая зрение и отклоняя голову то вправо, то влево, он с трудом разглядел сидящего на корточках человека.

— Эй, отзовись! — импульсивно окликнул он соседа, сложив ладони рупором. — Ты кто?

В ответ послышалось недовольное ворчание, сидящий шевельнулся, встал и подошел к решетке, попав в полосу прямого света, лившегося с потолка. Это был человекоподобный гигант, наверное, двухметрового роста, никак не меньше, суперштангист с мускулатурой, перекачанной до крайней степени. Бочкообразная грудь, голова с низким лбом и плоским затылком, сидящая на мощной короткой шее, колонны-ноги, могучие плечи тяжело висящих рук. Вместо глаз узкие черные прорезы, нос едва намечен, рот — прямая и грубая, точно топором прорубленная рана, убегающий назад подбородок. Воплощение слепой и грубой человекоподобной мощи. И вовсе не Геракл — Голем!

— Эй, ты кто? — уже не так уверенно и сбавив голос, повторил свой оклик Гирин.

— Руха! — трубно откликнулся Голем, и в узких прорезях его глаз сверкнула зеленая молния. — Руха!

Гигант тяжело возложил громадные кисти рук на серебристые прутья клетки и встряхнул их с такой силой, что клетка шатнулась, точно при землетрясении.

— Руха, — уже тише повторил Голем, словно убедившись в тщетности попытки освободиться, уронил руки вниз, повернулся к Гирину спиной и шагнул в полумрак, в глубину клетки.

Александр покачал головой и ладонью вытер со лба выступивший пот. Нет, с этим чудищем лучше не связываться! Он подошел к топчану и устало опустился на него, почему-то предварительно потрогав его рукой, — наверное, подсознательно опасался, что это и не топчан вовсе, а какая-нибудь чертовщина, способная вдруг запищать на разные голоса или укусить.

— О-хо-хо! Не-хо-ро-хо! — пожаловался Гирину водяной из клетки напротив.

Секунду Гирин вглядывался в его черные, истекшие печалью глаза, а потом отвернулся и с неожиданным равнодушием подумал: «Гори ты голубым огнем! И пусть вместе с тобой сгорят все остальные страхиладзе, которых на свете нет и быть не может! Снятся они мне, что ли?» Только теперь и как-то вдруг он заметил, что на нем надет его старенький, выцветший почти добела комбинезон — куртка и брюки. И сразу же вспомнил заход на посадку вразрез между двумя башнями облаков, ослепительную вспышку и серое безмолвие небытия! Итак, заход на посадку. Гирин несколько раз мысленно повторил эту фразу, поворачивая ее в сознании и так и эдак, стараясь восстановить ход последующих событий. Но хоть убей, не мог припомнить, что произошло после удара молнии! «Не торопись, не нервничай, — сказал он самому себе, — и рассуждай логически». Раз он жив и здоров, то совершенно очевидно, что самолет так или иначе, но благополучно приземлился. Видимо, майор Ивасик взял управление и посадил самолет, пусть не на аэродроме, пусть где-нибудь в поле или в лесу, но посадил. Но где самолет, где Ивасик? И что значит

весь этот бредовый зверинец? Этот цирк? Это дурацкое кино?

Вдруг простая, простая, как колун, мысль словно обухом ударила Гирина — бред! Все эти клетки и фантастические звери — горячечный бред больного, воспаленного мозга. Сидит сейчас Александр Гирин под плоскостью разбитого самолета или на больничной койке, а тяжкий морок туманит ему голову и рождает изломанные видения — причудливую смесь реальности и сказки. Он болен, он сошел с ума — только и всего! Гирин вздрагивающей рукой провел по лбу и затравленно огляделся. Безумие? Нет-нет, только не это! И потом, если все это бред и наваждение, откуда же такая звонкая ясность каждой мысли, каждого ощущения? Может быть, это не бред, не безумие, а самый обыкновенный сон, ведь только во сне могут привидеться такие чудеса! И полет с Ивасиком по маршруту — сон, и удар молнии в самолет — сон, и пожар в зоне топливного бака тоже сон. Мысль Гирина вдруг оборвалась — пожар? Пожар, шлейф жирного черного дыма за хвостом самолета, языки пламени — было все это или не было? Гирин крепко потер себе ладонью лоб... Нет, он не мог уверенно ответить даже на свои собственные вопросы. Может быть, было, но может быть, и не было, может быть, приснилось, как снится теперь, сейчас этот дурацкий зверинец!.. В памяти Гирина вдруг всплыла фраза Андрияна Николаева, прозвучавшая на государственном экзамене по космической технике: «Прежде всего сохраняю спокойствие».

Николаев попал под перекрестный огонь специалистов, творцов, а стало быть, и изощренных знатоков той самой техники, по которой будущий летчик-космонавт сдавал экзамен. Специалисты, как это иногда случается даже на экзаменах, увлеклись и буквально замучили Николаева всякими каверзными вопросами, связанными с действиями в особых случаях полета — при неполадках и отказах различной бортовой аппаратуры. Николаев подустал, да, видимо, и попросту несколько растерялся перед дружным натиском ученых мужей. Но не так-то просто было

сбить с толку Андрияна Николаева! Перед ответом на очередной хитроумный вопрос, сопровождаемый стандартным рефреном: «Ваши действия?» — Николаев помолчал, преодолевая минутную растерянность, и рассудительно сказал: «Прежде всего сохраняю спокойствие». После секундной паузы напряжение разрядилось общим смехом, государственная комиссия настроилась на более благожелательный к космонавтам, реалистичный лад, и дальше экзамены пошли куда более гладко.

Невольно улыбнулся и Гирин, вспомнив по-своему бессмертную фразу Андрияна Николаева. Да-да, прежде всего надо сохранять спокойствие! Спокойствие и капельку юмора, что бы там ни творилось вокруг. Только в этом случае он сохраняет какие-то шансы разобраться в том, что с ним происходит на самом деле. Пусть все идет своим чередом! Чем не гениальная мысль? В иных ситуациях главное не действие, а ожидание, точнее, выжидание. Надо дать событиям определиться, а потом уже действовать, действовать незамедлительно, ибо порой промедление смерти подобно.

С несколько более легким сердцем, с оттенком насмешки по отношению к самому себе и ко всему происходящему Гирин огляделся «окрест». Вцепившись мощными когтями в толстую жердь и спрятав голову под золотисто-пурпурное крыло, мирно дремал недавно такой неистовый «некиричи» — этакий капризный придворный щеголь, которого сморили изысканный ужин, доброе вино и любовные утехы. Водяной в очередной раз вынырнул из воды, поохал, вытянул из-под воды неуклюжую руку-ласт, очень человеческим движением почесал свою седую голову, с тоской покосился на Гирина и пропал — только круги пошли по темной воде. А Голем? Присмотревшись, Гирин обнаружил, что гигант сидит неподалеку от решетки в какой-то странной, не человеческой, а скорее кошачьей позе — скрестив ноги и опираясь ладонями выпрямленных рук о пол. Впрочем, разве Голем — человек? Разве другой сосед Гирина, водяной, — тюлень? Разве расфуфыренный некиричи со своим подвижным

хоботком-носом и складными ручками — петух? А колышущаяся груда теста с вырастающими из нее гластыми грибами — ведь это вообще черт его знает что! Гирин отвел взгляд от серебристых клеток своих соседей и задумался, подперев рукой подбородок. Какое слово недавно пришло ему на ум? Зверинец! Только не обыкновенный, а космический зверинец, в котором собраны животные из множества разных звездных систем Галактики. По крайней мере, среди тех зверей, которые доступны его взгляду, нет ни одного, пускай экзотического, но все-таки земного существа. Какие-то шалые химеры, фантазмагория во плоти и крови! И он, лейтенант Гирин, летчик второго класса, без пяти минут кандидат в военно-воздушную академию, содержится в этом зверинце в стандартной клетке, как самый ординарный экспонат. Веселенькая история! А может быть, это не зверинец, а обыкновенный ад, который после смерти, конечно же, уготован ему — атеисту, еретику и грешнику, каковым он, несомненно, является по суровым канонам христианства. Гирин рассмеялся, это был не истерический, но все-таки нервный смех: еще неизвестно, что лучше, а вернее, что хуже — банальный ад или неведомый космозверинец.

Но, оглядевшись вокруг, Гирин мигом посерьезнел: обстановка вокруг такая, что не до смеха. Конечно же, это какой-то инопланетный зверинец, скрытый в подземелье где-нибудь в горах Южной Америки неподалеку от таинственных знаков Наски, вычерченных на поверхности Земли как на листе бумаги. Гигантских и непонятных знаков, различить которые можно лишь с достаточной высоты полета или из космоса. Если верить некоторым ученым, а в особенности журналистам, то эти знаки как раз и предназначены для космической сигнализации; они нечто вроде створных знаков, обеспечивающих посадочные маневры звездных кораблей. Шутки шутками, а ведь и впрямь похоже, что этот фантазмагорический зверинец расположен под землей. Отсутствие окон и притока свежего воздуха, тоннельный характер помещения, очень сходного с простейшими за-

лами метрополитена. Может быть, здесь, в подземных залах, перевалочная база неведомой цивилизации, корабли которой, имея вид НЛО, бороздят в разных направлениях атмосферу Земли, вызывая разные происшествия и катастрофы, порождая множество дешевой газетной шумихи и серьезные научные дискуссии. А вдруг совсем неподалеку, в соседних залах, хранятся золото инков, тайные знания египетских жрецов, сокровища легендарной Атлантиды?

Глава 5

Странный скрип и скрежет привлекли внимание Гирина. Он поднял глаза и насторожился: у самых серебристых прутьев клетки стоял Голем во всей своей чудовищной красе, широко расставив свои могучие ноги-колонны, и потряхивал расслабленными руками примерно так, как это делают тяжелоатлеты, прежде чем нагнуться к штанге с рекордным весом. Голем глубоко вздохнул, его бочкообразная грудь при этом раздулась как резиновая, положил тяжелые кисти рук на прутья решетки, пошевелил пальцами, ухватываясь ими поудобнее, и напрягся. Буграми вздулись чудовищные мускулы, раздался скрип и скрежет. Короткие, но тягучие мгновения между серебристым металлом и мышцами титана-разрушителя шло молчаливое яростное состязание. Путь, один вправо, другой влево, выгибались все более крутой дугой, натягивались, точно тетивы чудовищных луков... И наконец со звоном лопнули! Голем с шумом выдохнул воздух, постоял, потряхивая руками, опущенными вдоль тела, а потом с видимым усилием, но без первоначального крайнего напряжения сил аккуратно отогнул концы разорванных прутьев кверху и книзу, образовав таким образом в решетчатой стене своей клетки достаточно широкий проход. Примерившись, титан не без труда протиснул в эту щель свое могучее тело и грузно спрыгнул на пол.

Пока Голем потрошил свою клетку, Гирин наблюдал за его неторопливой сокрушающей работой с со-

чувствием и восхищением. Это чувство было сродни тому, которое испытывает обыкновенный человек, наблюдая за выступлением цирковых силачей. Но когда Голем выбрался в коридор и принялся лениво-замедленно, точно при демонстрации рапидной съемки, оглядываться по сторонам, Гири́н ощутил тревогу. Куда пойдет этот титан? Какое примет решение? Для чего использует свою мощь, казавшуюся со стороны беспредельной?

Словно уловив тревогу, мелькнувшую в сознании Гирина, Голем повернулся всем корпусом и зашагал к клетке Александра. Он шел медленно, тяжело, но пластично, в его движениях была своеобразная тягучая непринужденность, слоновья грация. Голем подошел к клетке Гирина вплотную. Александр попятился назад и уперся спиной в заднюю стенку клетки. Сердце у него колотилось, мысль металась в поисках выхода перед надвигающейся, неотвратимой, словно сама судьба, опасностью и не находила его! Помаргивая глазами-щелями, Голем некоторое время наблюдал за Гириным, а затем глубоко вздохнул, неправдоподобно широко раздувая свою бочкообразную грудь, и уверенно положил тяжелые кисти могучих рук на серебристые прутья решетки. Наперед зная, что произойдет дальше, Александр вжался в стенку с такой силой, что заболела спина, точно надеялся, что стенка может податься и пропустить его. Расширенными глазами он машинально следил за тем, как легонько пошевелились толстые пальцы с грубыми восковидными ногтями, поудобнее ухватываясь за скользкий металл. Почти физически Гири́н ощутил, какой неимоверной силой наливается каждая жила, каждый, словно свитый из стали, мускул могучего тела. Будто морозный ветер пахнул на него, заставив больно сжаться сердце.

— Пошел! А ну пошел отсюда! — крикнул Александр, как обычно покрикивают хозяева на расшалившуюся собаку, но в его голосе прозвучала не уверенность, а безнадежность.

— Руха! — торжествующе ответил Голем, и в прорезях его глаз сверкнула зеленая молния. — Гаха!

Чудовищные мускулы напряглись, вздуваясь витыми змеями и буграми; поползли в стороны, натягиваясь звенящими дугами, серебристые прутья. Нет, ни в коем случае нельзя допускать это свирепое человекоподобное чудище внутрь клетки! Гирин оттолкнулся от стены, одним прыжком оказался возле решетки и каблуком своего ботинка ударил по грубым, похожим на корни дерева, напрягшимся пальцам. Ударил раз, другой, третий... И почувствовал острейшую жгучую боль: ненавистные пальцы точно тисками обхватили лодыжку его правой ноги.

— Гаха! — торжествующе прозвучал трубный голос.

Мощный рывок швырнул Гирина на пол клетки. Ударившись затылком о шершавый пружинящий пол, он окунулся в серую, безликую мглу небытия.

Глава 6

Миусов посмотрел на самолетные часы, смонтированные на диспетчерском пульте руководителя полетов. С момента аварии спарки, с борта которой катапультировались майор Ивасик и лейтенант Гирин, прошло сорок три минуты и двадцать секунд. Миусов отсчитал время с точностью до секунд чисто машинально, по привычке, сейчас в этом не было ровно никакой необходимости. Он с неприязнью смотрел на длинную и тонкую, почти невесомую секундную стрелку, легкомысленно скачущую по черному циферблату. Сколько товарищей-пилотов Миусов потерял из-за того, что эта торопыга не умела умерять свой танцевальный пыл, свою страсть к движению и переменам, не хотела подумать, оглядеться, хотя бы на краткий, но бесценный миг зависнуть в безвременье! Но сейчас легкомысленная стрелка раздражала Миусова по совсем другой причине — ее суетливое, скачущее движение было похоже на финишный бег окончательно выбившегося из сил стайера, энергично молотящего ногами, но еле-еле продвигающегося вперед. Миусову хотелось бы подстегнуть стрелку, подстегнуть хорошенько, так, чтобы зажужжала и за-

вертелась, сливаясь в почти неразличимый туманный круг. Миусов нервничал, хотя по его свободной позе и спокойному, утомленному лицу вряд ли об этом можно было догадаться.

Очень быстро, минут через пятнадцать после того, как летчики катапультировались, по телефону сообщили, что горящий самолет упал на убранное пшеничное поле неподалеку от железнодорожного разъезда. О падении самолета железнодорожники сообщили своему начальству, а оттуда догадались позвонить прямо на аэродромный коммутатор — вот чем объяснялась такая оперативность информации. А еще через двадцать минут пришло и радостное известие: майор Ивасик благополучно приземлился на огородах в двух сотнях шагов от сельсовета, в котором не раз приходилось бывать и самому Ивасику, и Миусову. Соседи! Штурман жив, здоров и выехал на аэродром вместе с председателем сельсовета, который примчался к месту приземления парашютиста на своем «газике».

Ивасик жив! Командный пункт некоторое время гудел возбужденно и радостно, как гудит готовящийся к роению пчелиный улей. Но шум быстро затих, все понимали, что по-настоящему радоваться рано — пока еще ничего не было известно о судьбе Александра Гирина. Потому-то и нервничал Миусов, потому-то и подгонял время — он ждал вестей о своем пилоте, о молодом офицере, с которым его связывали особые и непростые отношения.

Молодой лейтенант познакомился с пожилым по авиационным меркам подполковником сразу же после прибытия в полк: заместитель командира полка по летной подготовке имел привычку лично проверять технику пилотирования выпускников авиаучилищ. Лейтенанты, уже прошедшие через руки Миусова, наговорили о нем Гирину всяких страхов: педант, буквоед, придира и вообще человек ужасный, хотя летает классно, тут уж ничего не скажешь. Но Гирин сел в кабину самолета без боязни, с удовольствием и даже с некоторым задором. Александр летал хорошо и знал о том, что хорошо летает, природа наделила его отличной координированностью,

большим объемом внимания и гибкой мотосенсорикой, становление его как пилота dokonчили учеба и тренировки. В отличниках он не ходил, но и ниже четверок по теоретическим предметам не спускался, что же касается летных дисциплин, тут он всегда считал делом чести получить и получал на экзаменах максимальные баллы. Перейдя к летной практике, курсант Гирип быстро понял, что в авиации летное мастерство котируется на две головы выше всех других человеческих качеств, и в повседневной жизни слегка, более невольнo, чем осознанно, лукавил. Далеко он не заходил, не только по трезвому расчету, которого вовсе не был чужд, но и по естественной человеческой порядочности и чувству товарищества. Он мог иногда опоздать в строй, порой позволял себе «выцыганить» у летчика-инструктора внеочередную увольнительную и тому подобное. В полк Гирип прибыл в хорошей форме и боевом настроении и на полеты ходил как на праздник. В контрольном полете с Железным Ником он по-своему, как умел, выложился до конца: пилотировал свободно, раскованно, энергично и достаточно чисто. Докладывая о выполнении задания и о готовности получить замечания, Гирип, если уж говорить откровенно, ждал не столько замечаний, сколько комплиментов — печенкой чувствовал, что полет удался. Миусов внимательно оглядел молодого летчика, задержавшись взглядом на задорном улыбчивом лице. И в свойственной ему ленивой манере предложил:

— Садитесь, лейтенант.

— Ничего, я постою, — бодро ответил Гирип.

Эта фраза вырвалась у него импульсивно, от убежденности в том, что разбор полета не может быть долгим. Миусов усмехнулся и, еще больше растягивая слова, прогнусавил:

— Товарищ лейтенант, когда командир говорит вам «садитесь», то надо садиться, а не разговаривать.

— Есть садиться, товарищ подполковник! — с нарочитой бравадой откликнулся Гирип.

И картинно сел на грубую скамью возле врытой в землю железной бочки, куда курящим надлежало

бросать окурки и прочий огнеопасный мусор. Кстати, ни сам Гирин, ни Миусов не курили по одним и тем же принципиальным соображениям — оба считали, что хорошо летать может только абсолютно здоровый человек. Оглядев сидящего лейтенанта, Миусов еще раз усмехнулся и сел на скамью рядом с Александром, аккуратно положив на колени свой выдавший виды планшет. И в обычной манере, негромко, с легкой гнусавинкой выговаривая слова, начал разбор, скрупулезно анализируя действия молодого пилота, начиная с момента посадки в кабину и запуска двигателя. Миусов обнаружил в действиях Гирина массу неточностей, нарушения правил и некоторые прямые ошибки. Гирин поначалу оскорбился — взыграло молодое самолюбие — закусил удила и попытался спорить. Выслушав горячее, не очень-то толково сформулированное возражение лейтенанта, Миусов выдержал легкую паузу и невозмутимо прогнусавил:

— Товарищ лейтенант, настоящий летчик должен уметь не только пилотировать самолет, но и выслушивать замечания старших. Вы меня поняли?

Глядя в сторону, Гирин вздохнул и выдал:

— Понял, товарищ подполковник.

— Вот и хорошо.

Миусов на секунду задумался, расстегнул свой планшет, неторопливо достал из него инструкцию летчику по технике пилотирования и молча показал ее Гирину. Продолжив разбор и делая очередное замечание, Миусов теперь всякий раз ссылаясь на инструкцию, на основные правила полетов и другие источники, всю совокупность которых для удобства обычно называли руководящими документами. Эти руководящие документы Железный Ник знал великолепно и, когда это было нужно, цитировал на память, называя конкретные параграфы. Слушая Миусова, Гирин потихоньку увял, присмирел, а потом помрачнел. Спорить с Железным Ником было невозможно: по каждому отдельному пункту он был прав безусловно. Послушай кто-нибудь этот разбор со стороны, он ни на секунду бы не усомнился в

том, что заместитель командира полка совершенно справедливо и по заслугам «высек» молодого пилота. Другое дело, что нельзя судить о полете, искусственно разложив его на мельчайшие элементы, как нельзя судить о картине по отдельным мазкам кисти или о книге по случайным фразам, выхваченным из контекста, — куда важнее гармоничное целое! Но попробуй-ка грамотно сформулировать эту мысль и доказать ее справедливость такому вот летному бюрократу и педанту. Гирин совсем расстроился, и даже заключительная фраза беспощадного разбора: «Ну а в общем-то для начала неплохо, слетали вполне удовлетворительно» — не рассеяла его обиды и мрачного настроения.

Насупившийся Гирин не заметил, что командир его родной эскадрильи, поджидавший неподалеку Миусова, чтобы поехать вместе с ним на обед, и расслышавший заключительную фразу разбора, несколько удивился и с интересом взглянул на молодого летчика. Откуда было знать Александру, что «вполне удовлетворительно» в устах Железного Ника — весьма высокая оценка. Проводив взглядом Гирина, который уходил, с нарочитым старанием печатая шаг, Миусов ухмыльнулся, видимо, очень довольный собой. Потом, обернувшись к комэску и кивнув головой в сторону удалявшегося лейтенанта, уважительно обронил:

— Пилот! Пилот милостью Божьей. — Задумавшись, Миусов поморщился, точно попробовал кислого, и гнусаво добавил: — Но вольнодумец, воздушный кавалерист какой-то. Конкистадор!

И закинув старенький планшет на плечо, направился к уже пофыркивавшему мотором «козлику», жестом пригласив следовать за собой командира эскадрильи.

Глава 7

Миусова окрестили Железным Ником не случайно. Летному делу он служил преданно, кажется, и вовсе не помышляя о личной карьере, и даже со

своеобразным рыцарством, в котором иногда угадывалась известная театральность. Однажды на КП, где за столом руководителя полетов восседал Миусов, появился некий достаточно высокопоставленный генерал, раздраженный каким-то беспорядком на стоянке самолетов, и хотя и в сдержанном, но все-таки повышенном тоне принялся выговаривать Миусову за это. Не поворачивая головы, лишь на секунду скосив глаза и не выпуская из правой руки микрофона, Миусов в своей обычной ленивой манере обронил:

— Товарищ генерал, вы мешаете мне работать. — Он гнусавил заметнее обычного, и только это обстоятельство и выдавало его волнение.

Генерал на мгновение онемел. Свидетели этого разговора очень выпукло и в чисто авиационном стиле характеризовали потом этот драматический момент фразой: «Глаза у генерала стали квадратными!» Налившись кровью, генерал вспыхнул и, уже не сдерживая своего командирского голоса, в весьма красочных фразах принялся «чистить» и «регулировать» нарушившего субординацию офицера. Генерал был новым человеком в округе и плохо знал Железного Ника. Сохраняя каменную неподвижность лица и по-прежнему не поворачивая к началству головы, Миусов выжал тангенту микрофона и гнусаво-хладнокровно скомандовал самолету, который, заходя на посадку, только что доложил о проходе дальнего привода:

— Двести семнадцатый, посадку запрещаю, на второй круг.

После легкой заминки — все шло в норме и уж очень неожиданной была команда — пилот ответил:

— Двести семнадцатый понял, ухожу на второй круг.

— Поняли правильно.

Аккуратно положив микрофон на стол, Миусов встал по стойке «смирно» и негромко, невыразительно, без всякой тени эмоций сказал:

— Товарищ генерал, на связи восемь самолетов, три на посадочном маневре. Садитесь и руководите

полетами. Или, я убедительно прошу вас, не мешайте работать мне.

Генерал онемел вторично. Он был многоопытным человеком и хорошим специалистом, он отлично представлял, какое это сложное дело — руководство полетами, тем более что летали в облаках, — и как трудно, практически невозможно вот так, с ходу включиться в эту тонкую хитроумную работу. Знал он и ту практически безграничную власть над полетами, которой располагал человек со скромной повязкой, украшенной буквами РП на рукаве, и меру тяжелой ответственности, которую этот человек незримо нес на своих плечах. И, секунду помедлив, генерал резко повернулся и, печатая шаг, в мертвой тишине, нарушаемой лишь динамиком громкоговорящей связи, покинул КП.

В конце летного дня генерал присутствовал на разборе полетов. Кое-кто, кто с сожалением, а кто и со злорадством, ждал громов небесных, которые должны были обрушиться на Железного Ника за «непочитание родителей», но ничего такого не произошло. Генерал, ни словом не обмолвившись о происшествии на КП, устроил жестокую трепку командиру батальона и инженеру полка за беспорядки на стоянке и вскользь, будто нехотя, отметил четкое руководство полетами подполковником Миусовым. Полковое начальство сразу воспрянуло духом, а командир полка и в особенности замполит долго и слезно убеждали Миусова воспользоваться случаем и, пока не поздно, извиниться перед начальством. Миусов в конце концов согласился. В благоприятный момент его буквально подтолкнули к генералу. Глядя несколько в сторону, Миусов в обычной своей манере проговорил:

— Товарищ генерал, прошу прощения, если я был излишне резок с вами, — и набычившись, с заметно усилившейся гнусавинкой добавил: — Но это диктовалось необходимостью!

Приподняв брови, генерал некоторое время хмуро разглядывал ладную, подтянутую фигуру вытянувшегося перед ним офицера, его суровое лицо с рублеными, но правильными, почти классическими чертами.

Странно, это лицо вовсе не казалось красивым в расхожем смысле этого слова и вряд ли привлекало внимание женщин... И неожиданно расхохотался:

— Молодец!

Генерал долго тискал руку Миусова, похлопывал его по спине и повторял:

— Давно меня так не чистили. Молодец! Так и надо!

Интересно, что Миусов вовсе не выглядел смущенным и растроганным, он воспринимал слова генерала как должное и лишь чуточку улыбался уголками жесткого рта. Вот он какой был — Железный Ник!

Гирин был свидетелем и этой сцены, и сцены на КП. И в его отношении к суровому, педантичному подполковнику произошел резкий и окончательный перелом.

Глава 8

Чуть кружилась голова, побаливала щиколотка в том самом месте, где за нее ухватились железные пальцы Голема, но это была не та боль, на которую стоит обращать внимание. А самого Голема не было! Не было ни клетки из серебристых прутьев, ни таинственного полумрака, полного странных звуков и запахов, Гирин лежал в просторной светлой комнате, залитой солнечным светом, а рядом с ним сидел смуглолицый человек.

Человек! Он сидел в кресле, закинув ногу на ногу и опершись подбородком на кисть согнутой руки, локоть которой покоился на высоко поднятом колене. Обыкновенный человек, а не расфуфыренный некиричи, мечтающий о мировом господстве, и не груда теста, из которой вырастают глазастые грибы. Человек был похож на южанина. Об этом говорили смуглая кожа, черные глаза и черные же, слегка волнистые волосы. Не монгол, не африканец и не австралийский абориген — типичный европеец: узкое лицо, высокий лоб, крупный орлиный нос, малень-

кий, хорошо очерченный рот и длинный подбородок. Испанец? Может быть, грек? Нет, скорее всего француз, гасконец! Об этом Гирина подумалось потому, что незнакомец напоминал ему д'Артаньяна. Не того, которого можно лицезреть во французском кассовом кино, а того, которого описал Дюма-отец. Постаревший д'Артаньян из романа «Двадцать лет спустя», д'Артаньян чисто выбритый, с короткой современной прической, одетый в бежевый костюм спортивного покроя, состоящий из куртки и длинных брюк.

На этом месте размышлений мысль Гирина почему-то забуксовала, не желая двигаться дальше. Ему потребовалось известное усилие, чтобы сообразить, в чем дело: его старенький летный комбинезон исчез! Он был одет в точно такой же спортивный костюм, как и незнакомец, сидящий рядом, в кресле. Осторожно, стараясь не привлекать к себе внимания, Гирин огляделся.

На полу плотный коричневый ковер, заделанный под стены. Углы комнаты закруглены, в одном из таких углов какая-то непонятная аппаратура, может быть, радиокомбайн, а может быть, и детектор лжи. Никаких признаков окон или дверей, но на одной из стен портьера из тяжелой золотистой ткани. И роскошный диван, на котором лежал Гирин, диван широченный — на нем и четыре человека разместились бы с комфортом, обтянутый мягкой золотистой тканью. Но самым удивительным в комнате — наверное, именно поэтому Александр обратил на него внимание в последнюю очередь — был потолок: он светился всей своей поверхностью, заливая комнату рассеянным солнечным светом. Что это — последний крик зарубежной моды, прихоть скучающего миллионера? Необходимость, вызванная подземными условиями существования? Или же обычная система освещения, обычная для той неземной цивилизации, которая создала фантазмагорический зверинец?

Гирин перевел взгляд на незнакомца. Никакой это не д'Артаньян, как показалось Александру сначала. Не похож он пусть на лукавого, но храброго и верного своему слову гасконского дворянина. Слишком

жестко его лицо, есть в нем что-то хищное и вместе с тем легкомысленное, раздумчивое и озорное. Лицо скушающего человека... На кого же он все-таки похож? Вертится в голове чей-то образ, а не ухватишь — проскальзывает, как вода между пальцами.

Сквозь полуопущенные веки Гири́н долго разглядывал незнакомца. Наблюдал, как тот поглаживает длинный подбородок тонкими пальцами и чуть-чуть улыбается своим тайным мыслям. И вдруг Александра озарило: не на славного мушкетера был похож незнакомец, а на Мефистофеля! Прямо живая копия скульптуры сидящего Мефистофеля работы Антокольского — сходство позы и черт лица было поразительным. Вот это поворот событий! Дьявол во плоти и крови! Может быть, этот космический зверинец и в самом деле один из адских уголков чистилища, модернизированного и переоборудованного по последнему слову современной науки и техники? А эта каюта — приемная самого сатаны, решившего удостоить лейтенанта Гирина личной беседы! Как это там? «При шпаге я, и плащ мой драгоценен!» Хм, шпаги нет, а вместо плаща модный костюм спортивного покроя.

— Послушайте, — сказал Александр, обращаясь к незнакомцу, — а где же ваш плащ? И ваша шпага?

Мефистофель не вздрогнул от неожиданности, как этого можно было ожидать. Он просто откинулся на спинку кресла, отчего его сходство со скульптурой Антокольского сразу ослабело, слегка улыбнулся и спросил:

— Очнулись? Ну и слава Богу! — Он не без самодовольства оглядел себя. — Чем вам не понравился мой костюм? Право же, он моден! И зачем мне плащ и, простите, эта примитивная шпага?

Гири́н приподнялся на локте, критически разглядывая Мефистофеля.

— Но вы должны быть в образе! — убежденно сказал он. — О вашем облике литература говорит вполне определенно — «при шпаге я, и плащ мой драгоценен». А у вас ни того, ни другого. Это недопустимое нарушение!

Незнакомец на секунду задумался и весело рассмеялся, показав ровный ряд сахарных зубов.

— Вы намекаете на то, что я похож на дьявола? Лестное предположение! Ничто так не украшает умного человека, как демоническое начало. Особенно в глазах женщин. Не правда ли? Ха-ха-ха! — и, резко изменив тон, серьезно осведомился: — Надеюсь, вы не суеверны?

— Правильно надеетесь.

— И слава Богу! Терпеть не могу суеверных — за редкими исключениями, это ограниченные и ужасно подозрительные люди! Кстати, советую вам обратить внимание на то, что я ведь упомянул имя Божие, а небесный огонь отнюдь меня не испепелил. Стало быть, я не дьявол. Во всяком случае, не совсем дьявол, не вполне.

Этот неожиданно болтливый Мефистофель говорил по-русски свободно и без акцента, но некие нюансы произношения и ритмика речи определенно свидетельствовали, что этот язык для него не родной.

— Кто же вы?

— Странник! Не правда ли, красивое, емкое слово? Им можно наслаждаться, как хорошей стихотворной строфой. Странник! Это слово определено и в то же время неуловимо, как журчащая струя ручья. Это и странный человек, и вольный путешественник, подобно птице, кочующей из одной страны в другую. — И, сменив выпрешенный тон на деловитый, незнакомец добавил: — Зовите меня Люци, просто Люци.

— Мсье? Синьор? Может быть, милорд? — Гирин лукавил, надеясь таким образом выяснить национальность своего необычного собеседника.

Люци с пренебрежительной гримасой отрицательно покачал кистью руки:

— Нет-нет! Не надо ни титулов, которых у меня предостаточно, ни званий, которых у меня еще больше. Просто Люци — и ничего больше. Если не возражаете, и я вас буду звать так же просто и естественно — Саша.

Гирин удивился:

— Откуда вы знаете мое имя?

Люци ухмыльнулся, только что не подмигнул:

— Я многое о вас знаю, лейтенант Гирин. Я знаю даже ваши тайные мысли и желания. — Он наслаждался удивлением собеседника и доверительно понизил голос: — Я знаю, например, что вы влюблены в Ниночку, молоденького врача-терапевта, которая имеет честь иногда выслушивать ваше отважное пилотское сердце.

Александр покраснел. Он нередко краснел в самых неподходящих ситуациях и всегда злился и ненавидел себя за это. А Люци, очень довольный собой, покачиваясь на двух ножках откинутого назад кресла, все так же интимно-доверительно продолжал: — У вас даже и свидание с ней назначено — сегодня, на восемь часов. Но увы, ему не суждено состояться, — Люци сокрушенно вздохнул и картинно воздел очи к небу, — не судьба! И может быть, это даже к лучшему, если разобраться во всем философски, без ненужных эмоций и лишней горячности. Ведь Ниночка некоторым образом уже замужем, а? Угадал? Признавайтесь!

Гирин рывком сел на диване, спустив ноги на пол, сердито сказал:

— Не суйтесь не в свое дело!

— Я и не думал вас обидеть, Саша!

— Откуда такая осведомленность?

— Это моя маленькая тайна! Нечто спиритуозно-виртуальное. — Люци сделал пальцами порхающее движение в воздухе. — Пока ваша душа витала в эмпиреях, а тело возлегало на этом диване, я сумел детально познакомиться с вашим сознанием, с вашей долговременной памятью.

— Спиритуозно или виртуально, но шантажируете вы по мелочам. Ничего у вас не выйдет!

Лицо Мефистофеля приобрело серьезное, даже грустное выражение.

— Боюсь, вы неправильно оцениваете ситуацию, Саша. Мне незачем вас шантажировать.

— Я и без того в ваших руках, так, что ли?

— В какой-то мере так. Но не в этом дело.

— В чем же?

После небольшого раздумья Люци поднялся с кресла и подошел к золотистой портьере, которая закрывала часть стены, что напротив дивана. У него была хорошая походка: он шагал легко и пружинисто, как ходят спортсмены-гимнасты и манекенщики, демонстрирующие на выставках новые модели одежды.

— Подойдите сюда, Саша, — и, видя замешательство, может быть, настороженность Гирина, с улыбкой добавил: — Не бойтесь! Я не сделаю вам ничего дурного.

— Я и не боюсь!

И все-таки, когда Александр остановился рядом с Люци, его сердце билось тревожно от какого-то неясного предчувствия беды или опасности. Они были одинакового роста, и теперь Александр видел лицо своего загадочного собеседника совсем близко и в естественном ракурсе. Люци не выглядел молодым, но трудно было решить, сколько ему лет, наверное, столько же, сколько было Миусову или Ивасику. Глаза у Люци были небольшие, но живые и очень выразительные. Сейчас в них читались насмешка, снисходительность и легкая, но осязаемая грусть. Люци словно бы знал заранее, что ему придется огорчить Гирина, и не только торжествовал, как нередко торжествуют те, кто в силах дарить и радость и горе, но и сожалел об этом, сочувствовал Александру. Может быть, от понимания этого сочувствия и билось тревожно сердце молодого человека?

Гирин ждал объяснений, но вместо этого Люци протянул руку и нажал одну из кнопок, целый ряд которых был вделан в стену, заподлицо с ней. С легким шорохом золотистая портьера медленно, как показалось Александру, торжественно раздвинулась, открывая за собой большое, не меньше двух метров в поперечнике, овальное окно. За окном Гирина чудилось нечто серебристое, колышущееся, но яркий свет мешал рассмотреть это подвижное, непонятное нечто. И оттого, что ничего нельзя было понять и трудно было о чем-нибудь догадаться, сердце Алек-

сандра забилося еще тревожнее. Люци поднял руку и нажал другую кнопку. Потолок мгновенно погас, но комната не погрузилась в темноту: из овального окна на Александра плеснул звездный океан. Звезды и звезды кругом! Звезды вверху и звезды под ногами, звезды всюду, куда только достигал взгляд. Это было странное, чужое небо — Александр не мог разглядеть ни одного знакомого узора созвездий. Не было тут ни Ориона, ни Большой Медведицы, ни Кассиопеи. Все небо было сплошным созвездием, сплошным узором! Никогда еще в жизни Александр не видел такого обилия серебряного дыма туманностей, лохматых скоплений огненной пыли и ярчайших, колющих глаз разноцветных звезд: белых и голубоватых, желтых, зеленоватых и рубиновых, похожих на живые капельки крови. Общий свет этого буйного, хмельного неба был так же ярок, как свет полной земной луны. Он неслышно лился в комнату через овальное окно, рисуя новыми сказочными красками ее интерьер: встроенный в стену шкаф, стол на широко поставленных ножках, точно приготовившийся к прыжку, кресло, испуганно прижавшееся к дивану, и сам благодухный надежный диван, похожий на огромного, мирно спящего медведя.

Люци стоял впереди, почти прижавшись лбом к стеклу и жадно глядя на сверкающий мир звезд. Лицо его, четко рисовавшееся на фоне пышущего светом неба, казалось бледным и вдохновенным, и без того четкие черты своеобразной физиономии прописались с особенной остротой, в глазах мерцали холодные разноцветные искорки. Что это? Быль или небыль? Звезды, только звезды вокруг! Голова Александра чуть кружилась, а в ушах стоял звон, точно он только что выполнил вихревой каскад фигур высшего пилотажа.

— Где мы? И что все это значит? — медленно выговаривая слова, спросил Александр.

Люци покровительственно положил руку на его плечо:

— Мы в космосе, Саша. В открытом космосе. А это, — Люци повел рукой вокруг, — звезды. Звезды, только и всего!

— А Земля?

— Земля далеко. До нее двадцать пять тысяч парсеков, или, может быть, так вам будет понятнее, восемьдесят тысяч световых лет.

Глава 9

Видимо, какой-то период времени Гири́н был не в себе. Не то чтобы он потерял сознание, этого еще не хватало, просто увиденное было так ошарашивающе, что какой-то промежуток бытия выпал из его памяти как не стоящая внимания мелочь, как пустяковина. Психологическое грогги! Он не помнил, как Люци включил свет и задернул портьеру, не помнил, о чем они говорили, да и говорили ли вообще. По-настоящему Александр пришел в себя уже сидя за столом с бокалом шипучего зеленоватого напитка в руке. Перед ним стоял большой сифон из граненого хрустального стекла, напротив, тоже с бокалом в руке, сидел Люци и непринужденно болтал:

— Чудесная вещь! Ни капли алкоголя, а бодрит как купание в проруби. За странствующих и путешествующих, к славной когорте которых теперь принадлежите и вы. Виват!

Александр машинально опорожнил бокал. Напиток был незнакомым, непривычным: вовсе без сладинки, с вяжущей горьковатой остротой, но довольно приятным на вкус.

— Ну вот, теперь вы снова в седле. А космос — это ерунда! Что такое космос? Самая невинная и безопасная штука на свете — пустота, многие кубические километры которой сдобрены пригоршней молекул и политы ложечкой реликтового тепла. Не стоит тревожиться.

— Космос меня и не тревожит, — рассеянно ответил Гири́н.

Люци засмеялся, но спросил отнюдь не насмешливо, деликатно:

— Что же вас тревожит, юноша?

Этот простой вопрос если и не смутил, то поставил Александра в тупик. Земля была так безмерно далека, что казалась теперь ненастоящей. Друзья и близкие словно выцвели, растеряли реальные черты, приобрели характер символов. Ведь их разделяла такая бездна пространства, которое даже молниеносный свет преодолевает лишь за время, которое в несколько раз больше всей человеческой истории! Александр сожалел об утратах, но сожалел странно. Так сожалеют о только что растаявшем чарующем сне, хорошо сознавая, что это сон. Сон — и ничего больше!

С полгода тому назад Гирин в составе группы самолетов по делам службы летал на юг. За час с небольшим они преодолели больше тысячи километров и оказались в стране гор, гранатовых деревьев и цветущих магнолий. На аэродроме он встретил товарища по училищу, они обрадовались друг другу и, сколько могли, поболтали, сидя в тени старых кипарисов. А потом — команда «по самолетам», обратный полет, и через какой-нибудь час они снова были дома. Отдыхая после полета теперь уже в тени берез, Гирин заметил на траве им же забытый часа три тому назад потрепанный журнал. Он взял его в руки, рассеянно полистал и вдруг поймал себя на странном, очень остром чувстве — ему не верилось в реальность встречи с товарищем, который служил среди кипарисов так далеко от этих берез! Да и вообще, был ли весь этот двухэтапный, скоротечный перелет? Может быть, он просто заснул тут, на весенней травке, и ему пригрезились и ровный шум двигателя, и заоблачные выси, и разговор по душам?

Нечто подобное Александр переживал и теперь. Чудовищная отдаленность от всего земного потрясала, но причина тревоги, которая, как заноза, сидела в самом сердце, была в чем-то другом. А в чем, Александр никак не мог ухватить! Кстати, ему и в голову не приходило, что Люци мог его обмануть или хотя бы преувеличить. Слишком ярким и осязаемым и вместе с тем фантастически неправдоподобным было зрелище чужого звездного мира. Ложь

не такова, она всегда правдоподобна, она вынуждена рядиться под истину, иначе будет уже не ложью, а глупой выдумкой, чепухой.

— Почему столько звезд? Почему их так много? — так и не разобравшись в себе самом, спросил Александр.

Люци воспринял этот вопрос как должное.

— Мы находимся почти в самом центре тридцать третьего шарового звездного скопления. Плотность звезд тут в десятки раз выше, чем в окрестностях вашего любимого Солнца. Поэтому небо и имеет такой театральный, фейерверочный вид. Порой эта небесная иллюминация ужасно раздражает! Особенно во время ночной охоты, когда нужно незаметно подобраться к зверю.

— Вы охотник?

Люци хитро прищурился:

— Я странник! Но в некотором роде и охотник, точнее, ловец животных и собиратель растений, довольно известный в Галактике и ее ближайших окрестностях. — Видя, что Гирина не совсем понимает его, он охотно, с ноткой самодовольства пояснил: — Своего рода космический Джеральд Даррелл. До слез жалею редких и исчезающих животных, занесенных в Красную галактическую книгу, а поэтому отлавливаю их и передаю в крупнейшие зоопарки любителей первозданной природы.

— А есть такая книга?

— Разумеется. — В голосе Люци звучала снисходительность. — Или вы думаете, что человечество так уж оригинально в своих начинаниях? Красная книга — это банальность.

Хмуря брови, Гирин спросил, скорее подумал вслух:

— Значит, зверинец все-таки был?

— Какой зверинец? — насторожился Люци.

Гирин подумал и неторопливо объяснил. Люци расцвел в улыбке:

— Он не только был, но есть — здесь, на корабле, в двух шагах отсюда. Смеею надеяться, — в голосе этого галактического странника появились самодоволь-

ные нотки, — что мне удалось собрать превосходную коллекцию. Редкостные экземпляры!

Без улыбки разглядывая Люци, Александр спросил:

— Меня вы тоже отловили как редкостный экземпляр?

Люци откровенно возмутился:

— Да как вы могли подумать такое? Я чту галактический кодекс не меньше, чем собственные привычки. А согласно этому кодексу всякое разумное существо, как бы странно, как бы безобразно оно ни выглядело, священно! И это естественно! Обычное проявление джентльменства, своеобразный мораторий между коллегами, товарищами по оружию. Конечно, — по губам Люци скользнула и пропала лукавая улыбка, — бывают и сомнительные случаи, когда мы, ловцы-корсары, позволяем себе некоторые вольности. На лбу ведь у животного не написано, разумное оно или нет, тут иногда и сам Всевышний не разберется.

— Я — тоже сомнительный случай?

— Да нет же! Какой вы, однако, упрямый, — с некоторым недовольством констатировал Люци. — Просто мы, свободные ловцы, имеем разрешение брать на борт сапиенсов, когда они находятся в смертельно опасной ситуации, вероятность летального исхода которой близка к единице. Из двух, так сказать, зол выбирается меньшее, понимаете? Это и разумно и гуманно.

Александр перебрал в памяти все, что последовало после удара молнии в самолет. По крайней мере, в одном Люци не лукавил: когда парашют не раскрылся, Александр действительно попал в смертельно опасную ситуацию, выкарабкаться из которой было практически невозможно. С сочувствием приглядываясь к Гирину, Люци проговорил:

— Вас, наверное, интересуют подробности. Все делается автоматически — мгновенная телепортировка через подпространство, и вы на борту брогора, как имеют честь называться корабли, подобные моему. В момент вашей локализации я отсутствовал, осматривал любопытную планету, которая располо-

жена тут, неподалеку. Настоящий звериный рай! Ну, и поскольку вы были без сознания и установить уровень вашего интеллекта не представлялось возможным, вас на общих основаниях поместили в отдельную, так сказать, персональную клетку. — Люци не удержался и хохотнул: — Представляю, что вы подумали, придя в себя! — и наставительно добавил: — Впредь будьте осторожнее и в неясных ситуациях умейте отсидеться, не привлекая к себе внимания. Скажите спасибо, что я успел выцарапать вас из лап этого чудовищного рухши.

— Спасибо. И как же вы меня выцарапали?

— Это пустяки. Выстрел и, — Люци сделал паузу, — что бы вы подумали? Рухша убит, ранен, искалечен? Нет, я люблю своих животных как меньших братьев. Рухша погрузился в мирный глубокий сон. Я поместил его в отдельный бокс. Никогда бы не подумал, что эти антропитеки так чертовски сильны! Вас тоже зацепило периферией лучевого импульса, и вы погрузились в мирный сон. Я не стал будить вас раньше времени.

— Предпочли покопаться в моей долговременной памяти?

В глазах Люци мерцала хитринка:

— Жестокая необходимость! Я был вынужден это сделать. Где гарантия, что, придя в себя, вы, подобно рухше, не начали бы буяннить и крушить мебель в собственной каюте? Ведь это, — Люци не без торжественности повел рукой вокруг себя, — ваша личная каюта.

Гирин огляделся, задержавшись взглядом на золотистой портьере.

— Рассказываете вы мне разные сказки! А я и верить потихоньку начинаю.

— Сказки? — ядовито спросил Люци. — Вы можете предложить лучшее объяснение случившемуся?

— Нет. К сожалению, не могу, — признался Александр.

— Тогда какого черта? Надо верить!

— Легко сказать — верить! — Гирин снова оглядел каюту и перевел взгляд на собеседника. — Как

вы за восемьдесят тысяч световых лет ухитрились узнать, что я терплю бедствие, нахожусь в этой самой, летальной ситуации?

На смуглой физиономии Люци появилось таинственное выражение:

— Секрет фирмы! Специальная аппаратура и некоторые тайны, доставшиеся мне по наследству от моих беспокойных и веселых предков.

— Один миг — и я здесь?

— Совершенно верно! Один миг, и Александр Гирин в гостях свободного ловца-корсара. Нет ничего проще!

Заноза, сидевшая в самом сердце Александра, кольнула особенно остро, и он наконец понял причину своей тревоги.

— Но если так, то можно переправить меня и обратно. Миг — и я на Земле!

Сочувственно приглядываясь к Гирину, Люци отрицательно покачал головой:

— Все не так просто, юноша.

— Просто или сложно — какая разница? Я спрашиваю, можете ли вы переправить меня обратно, на Землю?

— Это очень, очень опасная операция!

— Да я не спрашиваю, опасно или безопасно! Я спрашиваю — возможно ли?

После паузы Люци с некоторым раздражением ответил:

— Допустим, возможно. Что из того?

Гирин облегченно вздохнул.

— Да ничего. — Помолчав, он доверительно пояснил: — Понимаете, Люци, мне все это даже интересно: телепортировка, космос, брогор, приключения. Интересно! Но без Земли все это теряет для меня смысл и цену. Если бы я узнал, что на Землю вообще нельзя вернуться, я бы, наверное, умер. Просто умер — и все!

— Понимаю. Вы не против туристского круиза по Галактике, но вам не терпится поделиться впечатлениями с друзьями. Как и Одиссея, вас тянет домой, странствия для вас хобби, но не дело. Вы из

ностальгйцев, Саша, — с некоторым разочарованием констатировал Люци.

— Из ностальгйцев?

— К сожалению. Понимаете ли, есть животные, которые хорошо приживаются в неволе. Одни сразу, другие постепенно, одних можно покорить кормом или удобной клеткой, других — лаской или мнимой свободой, но приживаются. Но есть и другие, они умирают, если их не вернуть на родину, умирают от тоски. Одни сразу, прямо на глазах, другие постепенно, отказываясь от пищи и воды, но умирают непременно. Таких мы и называем ностальгйцами.

— Я из ностальгйцев, — весело согласился Александр, заноза уже не колола, он был в отличном настроении. — Но вы меня сравниваете с животными!

Мефистофель ухмыльнулся:

— Прошу прощения, профессиональная привычка. К тому же мы все немного животные! Однако же перейдем к делам серьезным и животрепещущим.

Он ткнул своим длинным пальцем почти в самую грудь Александра и спросил:

— Вы хотите вернуться на Землю, не так ли?

— Хочу!

— Я обязуюсь вам помочь. Слово ловца-корсара! Сделаю все, что в моих силах. Но и вы должны мне помочь! Это ведь только справедливо — услуга за услугу.

— А в чем помочь? — осторожно спросил Александр: этот хитроумный Люци все-таки не вызывал у него большого доверия.

— Я уже говорил вам, Саша, что здесь, неподалеку, есть красавица планета. Настоящий обетованный рай! Мне нужно поймать там одно редкое, можно сказать, уникальное животное. Точнее, птицу.

Воспоминание о зверинце вызвало на губах Гири-на улыбку.

— Что-нибудь вроде некиричи?

— Да что вы! Некиричи — это фат, салонный шаркун, сплетник, сладострастник и дуэлянт. Петух! А красные журавли — гордые, вольные птицы. Что самое интересное, — на резко очерченной физиономии

Люци отразилось откровенное восхищение, — ведь все другие птицы прячутся от грозы, затаиваются, убираются прочь. А эти бесстрашно летят ей навстречу, врываются в клубящиеся черные тучи, где грохочет гром и сверкают голубые молнии. Некоторые из них гибнут, но большинство пробивается через хаос к солнцу и летит дальше. Куда — никто не знает! А гроза, — Люци сделал рукой плавное движение, точно дирижируя невидимым оркестром, — гроза после этого утихает, а на землю льет теплый дождь.

— И это правда? — недоверчиво спросил Александр.

— Вам представляется случай самому убедиться в этом!

Гирин задумался.

— А зачем вам красные журавли?

— Это уж мое дело, — сердито сказал Люци. — В конце концов, кому надо вернуться на Землю — мне или вам?

Глава 10

Стремительный, сверкающий полированным металлом космолет высокой горкой погасил скорость, снизился, сделав широкий круг, а потом как-то не по-машинному, а по-птичьи резво спарашютировал на желтую поляну неподалеку от озера. Открылась боковая дверца, и на траву прыгнул улыбающийся, оживленный Люци.

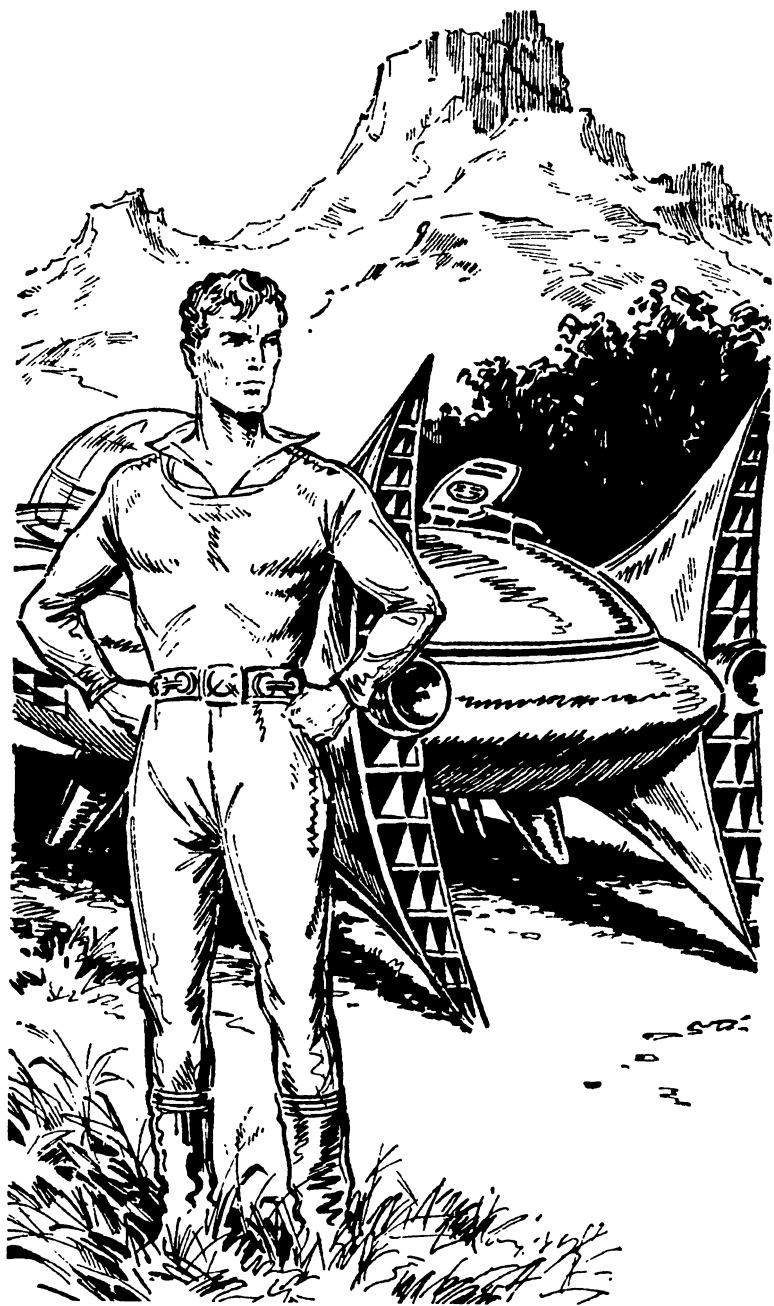
— Вот и все! Телепортировка в атмосферу, недолгий полет, и мы в раю — у желанной цели. Прошу!

В двери показался Александр, сощурился от утренних лучей хрустального солнца и тоже прыгнул на землю. Уважительно поглядывая на Люци, который наслаждался пейзажем и свежим воздухом, он проговорил:

— А вы отлично пилотируете!

Люци самодовольно покосился на Гирину:

— Если я что-нибудь делаю, то делаю это хорошо. Таково мое железное, незыблемое кредо. Но что

я, у меня богатейшая практика. Но вы! Я, конечно, знал, что вы хороший пилот, но такого не ожидал! — Люци прищелкнул языком и закатил глаза.

Александр засмеялся:

— Мы с вами словно кукушка и петух.

Люци кивнул:

— Верно. Хватит лести, давайте лучше впитаем в себя краски, звуки и запахи этого мира!

Вокруг расстилалась саванна — желтая степь с купами багряных деревьев. Желто-красная палитра, как пояснил Люци, вовсе не была признаком осеннего увядания — это была живая, полнокровная окраска растений. Среди золотистой травы горели яркие огоньки белых, зеленых и голубых цветов, в воздухе стоял посвист и щебет, очень похожий на птичий гомон, но самих птиц нигде не было видно. Саванна была напоена странным, диким и теплым ароматом: пахло полынной горечью и чем-то другим, едва уловимым и тревожным, похожим на дымок далекого костра. Мир, полный тихого, скромного обаяния, мир, так похожий на земной и так отличный от него деталями! Как будто кто-то специально искажил перспективу, сдвинул грани красок, звуков и запахов, чтобы сбить с толку и заставить думать о сущем как о сновидении.

— Вы не передумали? — рассеянно спросил Люци.

Гирин с недоумением посмотрел на него:

— Что я должен передумать?

— Ловить красных журавлей. — Люци полной грудью вдохнул теплый пряный воздух и повел рукой вокруг себя. — Когда после космоса видишь такое, так хочется жить! А когда хочется жить, так не хочется рисковать! Между тем ловля красных журавлей — рискованное дело. Очень рискованное!

— Но ведь это нужно?

— Нужно!

— Тогда о чем разговор?

Люци засмеялся и одобрительно положил руку на плечо юноши:

— Тогда вперед! Наша ближайшая цель — озеро.

Александр не стал задавать вопросов. Земные журавли обычно держатся возле воды, почему бы и красным журавлям не иметь сходные привычки?

Трава ощутимо пружинила под ногами и громко шуршала, словно хорошо просушенное сено. Из-под ног выпархивали радужные зверьки самых разных оттенков — синего, изумрудного, фиолетового. Гирин мысленно назвал их летающими лягушками; щебеча и посвистывая, они планировали, расправив радужную пленку, стягивающую короткие передние и длинные задние, истинно лягушечьи ноги.

Люци вдруг замер на полушаге, поднял руку, призывая к вниманию, и прислушался, склонив голову набок. Прислушался и Александр. «Олла! Олла!» — донесся до него далекий, но ясный, чистый звук. И после паузы как растянутый, двойной удар далекого колокола. «Олла! Олла!» Звук мягко падал из стратосферной синевы на золотисто-багряную саванну и растекался по ней еле слышными гудящими волнами.

— Красные журавли! — прошептал Люци, поднимая голову.

Смотреть было неудобно: солнце кололо глаза хрустальными стрелами. Александр прикрылся ладонью. Высоко в синем просторе плыл острый треугольник крупных пурпурных птиц. Мерно взмахивали широкие, сильные крылья, длинные шеи устремлены к неведомой цели, скрытой за дрожащей, колышущейся у горизонта дымкой. «Олла! Олла!» — мягко падал на саванну их зовущий и тревожный, постепенно затухающий клик.

— Красные журавли! — взволнованно проговорил Александр, провожая взглядом огненных птиц, тающих в синем просторе.

Возобновив движение, они некоторое время шли молча.

— Как-то нехорошо ловить таких птиц. Некрасиво! — вдруг сказал Александр.

Люци скептически покосился на него.

— Шашлык любите? — вдруг спросил он.

— Люблю, а что?

— И я люблю. А баранов, глупых, но мирных, никому не делающих зла баранов резать красиво? Ножом по горлу? Некрасиво! Но ведь режете! Что из того, что не своими руками? Это в принципе ничего не меняет.

Люци остановил взгляд на плоском замшелом камне, мох был какой-то страшноватый, фиолетовый. Посредине камня столбиком стоял восьминогий зверек, сложив в крошечные кулачки ненужные ему сейчас три пары ножек. Зверек посвистывал, точно флейта, и, поворачивая головку то вправо, то влево, разглядывал пришельцев большими и раскосыми, как у зайца, глазами. Люци махнул на него рукой. Зверек свистнул особенно громко, неожиданно высоко подпрыгнул, свернулся клубком и, как мячик, укатился в гущу травы.

— Садитесь, Саша. Камень большой, места хватит. — Он подождал, пока Гириной сядет рядом. — Красиво, некрасиво! Как изящна, легка и прекрасна была бы жизнь, если бы можно было руководствоваться одними эстетическими принципами. Шашлык сам по себе эстетичен ничуть не меньше, чем роза или порхающая бабочка. А вот баранов резать неэстетично! Приходится совмещать несовместимое. Дело в том, что шашлык не роза, он не только эстетичен — без него иной раз и с голоду умереть можно.

— Да вы философ, Люци.

— Я странник, Саша, а все странники немножко философы. Ловцам же без философии и вовсе обойтись невозможно. Философия для меня что-то вроде дымовой завесы или театрального занавеса, который можно поднимать или опускать по собственному желанию. Дешево и удобно!

— И все-таки зачем вам красные журавли?

— Экий вы любопытный! — в голосе Люци прозвучало недовольство. — Красные журавли — самые редкие и ценные птицы во всей Галактике. В конце концов, какая вам разница? Вы хотите вернуться на Землю, я хочу поймать хотя бы одного красного журавля, вы поможете мне, я помогу вам — по-моему, проблема исчерпана, не так ли? Я ведь не допы-

тываюсь, почему вам так приспичило вернуться на Землю!

— Странно все это.

— Что странно, юноша? — Люци, по-видимому, начинал терять терпение.

— Странно, что на свете существует телепортровка и я в одно мгновение могу оказаться дома, на Земле! Значит, межзвездные перелеты — самое обычное дело?

— Допустим.

— Но почему мы, люди, ничего не знаем об этом? Почему никто не посещает Землю? Почему в конце концов нам никто даже не откликается, хотя мы понастроили кучу специальных станций, слушаем, смотрим и на всю Галактику кричим о своем существовании?

Люци смотрел на Гирина с откровенной снисходительной насмешкой:

— О, святая людская простота! Да неужели человечество до сих пор не догадалось, что Земля находится в заповеднике?

— В каком заповеднике?

— В самом обыкновенном. Солнечная система вместе с любимой вами Землей находится в шестом секторе Галактики. Это сектор рассеянных, одиночных звезд и пар, не представляющий особого интереса в экономическом отношении, кстати, человечество — единственная раса разумных, обитающая здесь. Ну, и в порядке эксперимента высокие галактические цивилизации договорились закрыть этот сектор и посмотреть, на что способна эволюционирующая материя сама по себе, без внешнего разумного вмешательства. В общем, заповедник, что-то вроде звездного Серенгети или Беловежской пуши. В этом заповеднике находится несколько наблюдательных станций, все же активные контакты намертво блокированы. Время от времени в заповедник заходят контрольные корабли, случаются аварийные заходы, но в целом статус-кво изоляции соблюдается хорошо. Так что люди могут кричать о себе на всю Галактику хоть до второго пришествия — все равно им никто не ответит.

Гирин смотрел на собеседника недоверчиво.

— Странные вещи вы говорите, Люци.

— Глубокие истины всегда выглядят странновато. Особенно на первый взгляд.

— И я должен верить вам?

— Что ж, попробуйте придумать что-нибудь более подходящее для человеческого самолюбия. — Люци ухмыльнулся. — Надо же как-то согласовать ваше одиночество и ваши же идеи о множественности обитаемых миров. А пока вернемся к нашим баранам.

— К каким баранам?

— К красным журавлям! — Люци заговорщицки подмигнул. — Вам просто не хочется их ловить. Признавайтесь!

— Не хочется, — сознался Гирин.

— Так зачем ловить? Зачем насиловать себя и делать то, что не хочется? Пусть себе летают на здоровье!

— Вы серьезно?

— Уж куда серьезнее! — Присматриваясь к Гирину, Люци заворковал с плутоватой улыбкой: — Правда, с мечтой о возвращении на Землю придется расстаться, но что вам Земля, юноша? Мы с вами прекрасно устроимся и в космосе. Я говорю — мы. Мы, потому что я предлагаю вам свою дружбу и сотрудничество.

Гирин откровенно удивился:

— Дружбу? Это серьезно?

— Серьезнее и быть не может!

— Странно!

— Странно? Дружба представляется вам странной? О темпоре, о морес! Вы не верите в бескорыстие и чистосердечие! — Люци осуждающе покачал головой и подмигнул. — Но в принципе, вы правы: дружба дружбой, а дело делом. Я бы мог, дорогой Саша, наплести вам три короба разных небылиц, но видит Бог, мне претит лукавство и двоедушие! Около месяца тому назад погиб мой напарник. Глупый случай, от которого никто из нас не застрахован. И вдруг вы — летчик, пилот, который мне так нужен! Вас послала сама судьба. Хотите ко мне на корабль

помощником и вольным корсаром? Предлагаю от чистого сердца! Мы составим с вами отличную пару и пойдем по Галактике вместе и рядом, как Ромул и Рем!

— Как Кирилл и Мефодий, — в тон ему подсказал Александр.

— Кто такие? Не знаю! — заинтересовался Люци. Но Гирин не стал объяснять.

— Ну хорошо, — сказал он, — допустим, я останусь на корабле. Но что я получу взамен Земли?

Люци пристально взглянул на Гирина и прищурил один глаз:

— А что бы вы хотели?

— А что вы можете предложить? — входя в игру, спросил Александр.

Люци одобрительно покачал головой:

— Предусмотрительность — прекрасное качество, сестра мудрости. Мне, свободному корсару, доступно многое. Если эти возможности перевести на язык расхожих земных понятий, то можно сказать, что я богат. Богат как Крёз или, лучше сказать, как член семейства Морганов или Рокфеллеров. Поэтому не стесняйтесь в своих запросах. — Люци доверительно понизил голос и продолжал с видом опытного искusstителя: — Хотите виллу на берегу теплого моря с мраморными ступенями, сбегаящими прямо в воду? Пожалуйста! Цветной телевизор и магнитофон с квадрофоническим проигрывателем? Будьте любезны! Автомашину, гоночный мотоцикл, прогулочный самолет? Берите! Джульетту, Маргариту, Бабетту? Всех троих? Они будут счастливы подружиться с вами!

Гирин лишь посмеивался, слушая эти предложения, и Люци рассердился:

— Какого же рожна, простите меня за выражение, вам тогда нужно?

— Мне нужно домой, на Землю, — просто сказал Александр.

— Что вам Земля? Что вам Земля, если перед вашим взором будут открываться десятки и сотни разных миров?

— Земля — моя родина.

Люци передернул плечами и поморщился:

— Родина! У умного, интеллигентного человека родина там, где ему хорошо.

— Значит, я недостаточно интеллигентен.

Люци кивнул и без особого огорчения констатировал:

— Вижу, ностальгиец есть ностальгиец. — Он на секунду задумался, прогнал хитренькую улыбку, скользнувшую по губам, и предложил: — Тогда вперед, за красными журавлями?

— Тогда вперед.

По пути к озеру они пересекли полосу мелколистного кустарника с желто-зелеными листьями, на ветвях которого висели гроздья сухих синеватых ягод.

— Еще не проснулись, солнце низко, — пробормотал Люци, прикоснувшись ладонью к одной такой грозди.

Гирин не понял, что это значит, но уточнять не стал. Кустарник оборвался, и они вышли на широкую полосу мелкого прибрежного песка, имевшего необычный розоватый цвет. Люци приостановился и, словно приглашая гостя в свои личные апартаменты, сделал широкий жест в сторону озерной глади:

— Прошу! Красиво, не правда ли?

Да, озеро было красиво — бирюзовая гладь округлой формы в обрамлении розоватого песка с разбросанными по нему крупными камнями, желто-зеленого кустарника и багряных, точно пылающих, деревьев. Гирин шагнул вперед, к самой воде. В тот же миг голубое пламя ослепило и смяло его. Молния! Гирин пошатнулся. Ему вдруг почудилось, что он сидит за управлением в кабине самолета, а самолет с нарастающей интенсивностью заваливается в правый крен. Александр все пытался дать рули на вывод, но руки и ноги будто налились свинцом и не хотели слушаться! Он сделал последнее, отчаянное усилие, пытаясь выровнять теряющую управление машину, и окончательно потерял сознание.

Гирин очнулся, чувствуя разбитость, лень и странную воздушность во всем теле, точно он резко переломил самолет на выводе из пикирования, на мгновение потерял от перегрузки сознание и теперь летел по баллистической траектории невесомости. Прямо перед Александром расстилалась озерная гладь, над головой хмурилось серое небо и покачивались сосновые ветви. Страшно было пошевелиться! Гирину казалось — попробуешь, а тело вдруг да и не послушается, оттого и пробовать не хотелось, жутковато. Такое иногда случается после глубокого сна. Вот Александр и лежал на спине в своем удивительном состоянии земной невесомости, не совсем понимая, во сне все это происходит или наяву.

Удивительно знакомый, но в то же время и чуждый, словно неземной звук вдруг донесся до ушей Гирина. Будто где-то далеко-далеко ударили в колокол! Этот растянутый ясный удар мягко упал на озеро и уже по водной глади докатился до его ушей. Пауза — и снова: «Олла! Олла!»

— Красные журавли! — с улыбкой прошептал Александр.

— Он бредит, — слышался сочувственный голос Люци.

— Я не брежу, — снисходительно возразил Александр. — Летят красные журавли! Где-то гроза.

Преодолев наконец свою странную сонную лень, Гирин принял сидячее положение и осмотрелся. Бирюзовое озеро в окружении багряных деревьев, розоватый песок, синее-синее стратосферное небо и хрустальное солнце. Мир иной! Стало быть, ветви сосен над головой на фоне серого неба — это сон. Но где же Люци? И в конце концов, что произошло? Гирин отлично помнил, как сверкнула, ударила молния, едва он ступил на песок. Молния с ясного неба? Не иначе как наказание Божие! Удар молнии испепелил, как это и полагается, дьявола-искусителя, а заодно досталось и Александру. Не води дружбу с падшими ангелами!

Гирин засмеялся и, опершись рукой о песок, легко вскочил на ноги. Люци нигде не было видно, хотя влажноватый песок в тени кустарника еще хранил его следы. Самый кустарник теперь украшали пышные гроздья голубых цветов, наверное, распустились те самые сухие кисти, которые Александр поначалу принял за ягоды. Гирин ухватился за основание одной грозди, намереваясь сорвать ее. Гроздь вдруг ошетичилась, взъерошились венчики ее мелких цветов, и громко пискнула: «Пу-йи-и!» Александр испуганно, точно от раскаленного железа, отдернул руку и наказал себе впредь быть поосмотрительнее. Еще раз оглядевшись, он крикнул в сторону озера:

— Люци!

Крик прокатился по безмятежной озерной глади, отразился от багряных гигантов, росших на противоположном берегу, и негромким, но хорошо слышным стоном вернулся обратно. Александр удивился и крикнул еще громче:

— Люци!

Теперь он уже ждал возвращения эха, склонив голову набок. И когда эхо вернулось, засмеялся, удивленный и очень довольный: отзвук имел характерную миусовскую гнусавинку. Уникальное эхо! Гирин хотел крикнуть еще раз, но передумал — не гармонировал этот крик с тишиной и покоем, разлитыми вокруг, а если Люци где-то поблизости, то он и без того должен был его услышать. Вот если бы действительно можно было докричаться до Миусова, Александр кричал бы до хрипоты: Железный Ник, как и всегда, наверняка что-нибудь да придумал, помог, подсказал. Александр выбрал камень поудобнее и, решив подождать развития событий, задумался.

Как ни странно, как это было ни обидно Гирину, но не любили Миусова в полку по-настоящему. Его уважали и побаивались, им восхищались и гордились, на него злились, но не любили. Утомляла его дотошность и пунктуальность, раздражала мелочная требовательность и непробиваемое спокойствие, с которым он разрешал самые острые проблемы. Сердила железная логика и особое летное ясновидение, по-

зволювшие ему не только разложить по косточкам любое летное происшествие, но и докопаться до его движущих сил и психологических мотивов. Не хватало ему душевной теплоты и не стиснутой догмой «руководящих документов» доброты и милосердия. И к Миусову пилоты относились с холодком, а вот добряка и увальня Ивасика любили! А ведь летчик он был средненький, хотя в своем штурманском деле — дока, знаток всяких навигационных тонкостей и хитростей, общепризнанный мастер по девиационным и радиодевиационным работам. Ивасик, недолюбливавший высший, да и сложный пилотаж, планировался на такие задания неохотно и только в силу необходимости. Об этом знали все, от командира полка до рядовых летчиков, да и сам Ивасик не играл во всякие там тайны и загадки, как это нередко случается с пилотами, которые по тем или иным причинам теряют кураж и побаиваются летать. Со своей добродушной улыбкой он откровенно говорил: «Это все для молодых, которым еще скучна нормальная жизнь и нужно все наперекосяк. Ну в самом деле, чего хорошего в том, что человек, царь природы, болтается в воздухе как обезьяна, вниз головой?» Друзьям, а у него их было немало, Ивасик говорил еще откровеннее: «В истребители я попал случайно, мое место в транспортной. Я бы ушел, да знаю: посадят ведь на правое сиденье! Они без этого с нами, истребителями, не могут. И будешь год, а то и два пилить под началом какого-нибудь мальчишки и бегать по диспетчерам да метеостанциям с документами. Нет уж, я лучше поскриплю еще годок-другой, да и подамся на штабную или в преподаватели». Может быть, эта откровенность майора Ивасика и обезоруживала сослуживцев, позволяя им смотреть на штурмана немножко свысока, а заодно и прощать ему некоторые слабости? Что самое удивительное — Миусов и Ивасик дружили, а уж если выразаться точнее, то Ивасик был у Миусова единственным другом и понастоящему близким человеком. Они дружили не только между собой, но и семьями, вместе ходили в кино, проводили выходные дни и праздники. Вот и

попробуй разобраться в тайнах человеческих сердец! Полковые донжуаны, а их в авиации предостаточно, сначала многозначительно поговаривали: «Шерше ля фам!» — и искушенными глазами с интересом приглядывались, так сказать, к межкупужеским взаимоотношениям этой четверки. Но довольно скоро все убедились, что в этом плане там все чисто, пикантные разговорчики прекратились, а тайна дружбы двух совсем непохожих командиров и пилотов так и осталась тайной.

И все-таки Гирина казалось ужасно несправедливым, что Ивасика любят, а Железного Ника — нет. Дело в том, что Александр тайно, как ему представлялось, преклонялся перед Миусовым, подражая ему в манере ходить, закидывая планшет на плечо, одеваться, сдерживать свои чувства, облекать свои мысли в короткие и точные афористичные формулировки. А самое главное, в манере летать — пилотировать самолет смело, свободно и в то же время строго, так, что ни один проверяющий и инспектор не придерется. Гирин очень бы удивился, если бы узнал, что его преклонение перед Миусовым — тайна полишинеля, известная всем и каждому, а это было именно так. Гирин ничего не знал об этом потому, что в этом тонком деле насмешливые острозубые авиаторы проявляли на первый взгляд непонятную, а на самом деле совершенно естественную деликатность: подражать Железному Нику, оставаясь самим собой — общительным, добрым парнем, было ох и ох как нелегко! Особенно в манере летать. Это был своеобразный маленький подвиг, вызывавший и осознанное и подсознательное уважение. Ну а уж вовсе дубовых индивидуумов пилотский коллектив умел вразумлять быстро, крепко и надолго.

Любопытно, что и Миусов с неброским, но приметным уважением относился к молодому летчику и даже опекал его, правда весьма своеобразно, очень по-миусовски, так, как позволяли ему его характер и принципы. Однажды Александр шел с аэродрома в город пешком, просто погода была хорошая и захотелось пройтись, благо когда надоест, всегда мож-

но было сесть на рейсовый автобус. Стремительно мчавшаяся вишневая «Волга», жалобно взвизгнув тормозами, резко остановилась возле него, передняя дверца распахнулась, и холодноватый с гнусавинкой голос не то предложил, не то приказал: «Садитесь, лейтенант». Гирин поблагодарил и сел, машина птицей рванулась с места. Уже после того, как Гирин познакомился с Миусовым как с пилотом и командиром, он с нескрываемым удивлением узнал, что Железный Ник — шофер-лихач, впрочем, не имеющий за плечами не только аварий, но и официальных нарушений; орудовцы хорошо знали вишневую «Волгу» и относились к ее владельцу более чем снисходительно. Миусов держал все полковые рекорды по скорости езды с аэродрома до центра города на «Яве», «Москвиче» и «Волге» — все эти средства транспорта, поочередно сменяя друг друга, побывали в его руках. Командир звена, опытный летчик с незадавшейся служебной карьерой, учившийся в авиашколе вместе с Миусовым, в ответ на недоверчивые и недоуменные вопросы Гирина усмехнулся: «Ник — человек сложный, в нем с налета-переворота не разберешься. На колесах он душу отводит». Этот короткий разговор совершенно новым и очень ярким светом обрисовал в глазах Александра несколько загадочную фигуру подполковника Миусова. Старый командир звена, вечный капитан, как его называли в полку, вскоре убыл в другую часть с повышением, а за него остался старший летчик — «врио». И у Гирина начались первые и довольно неожиданные служебные неприятности. Этот «врио» вроде был неплохим офицером, приличным летчиком, хотя летал он осторожно и, как это говорится, звезд с неба не хватал. Но Гирин неведомо как, по какому-то наитию, сразу разобрался, что этот свойский парень, любитель застолий и любовных интрижек, в глубине души алчный, беззастенчивый карьерист, только и ждущий случая, чтобы по плечам других взобраться наверх. И «врио» быстро сообразил, что Гирин его раскусил. Сообразил и начал методично и достаточно тонко, это у карьеристов по призванию от Бога,

«кушать» молодого и самолюбивого лейтенанта, ловко выискивая причины, а главным образом поводы для придирок. Гирин храбрился, но служба предстала перед ним в новом и прямо-таки мрачном свете.

Посадив Гирина в машину, Миусов довольно долго молчал. Молчал, разумеется, и Гирин. Уже при въезде в город, сбрасывая скорость, Миусов спросил:

— Как служба, лейтенант?

— Нормально, товарищ подполковник, — коротко ответил Александр.

У него и мысли не возникло пожаловаться или пооткровенничать, всю околополетную суету он совершенно искренне считал чепухой и дребеденью. Ответ лейтенанта Миусов воспринял как должное и после небольшой паузы спросил:

— Куда?

Гирин не сразу сообразил, что подполковник спрашивает, куда подвезти его, Александра, а когда сообразил, то смутился и поспешно ответил, что ему все равно и что он может выйти где угодно. Миусов смерил его взглядом и с расстановкой, с оттенком раздражения прогнусавил:

— Куда?

Гирин помялся и назвал адрес. Эффектно затормозив в указанном месте, Миусов дождался, пока Гирин выбрался из машины, и лишь тогда спросил:

— В партию собираетесь, лейтенант?

— В принципе собираюсь. Кандидатский срок скоро истекает.

Это самое «в принципе», которое можно было оценить очень по-разному, вырвалось у Гирина нечаянно, как реакция на бесконечные придирки хитроумного «врио». Миусов усмехнулся:

— Завтра после предварительной зайдете ко мне. Подготовьте данные. Я напишу рекомендацию.

И хлопнув дверцей, сорвал машину с места, не оставив Гирину возможности как-то обговорить это предложение-приказание.

Рекомендация Железного Ника, который по линии справедливости и честности пользовался в полку абсолютным авторитетом, сразу все расставила по

своим местам. В партию Александра приняли единогласно, на этом памятном собрании выступил и волшебным образом преобразившийся «врио»: снисходительно, как бы мимоходом пожурив Гирина за некоторые недостатки, свойственные молодости, он сказал о нем немало красивых и добрых слов.

Вскоре «врио», совершенно неожиданно для многих, но, к слову говоря, не для Гирина, приказом командующего перевели в эскадрилью, базировавшуюся при штабе округа. А вакансию командира звена предложили Гирину! Разговор шел на уровне командования эскадрильи. Александр услышал о себе немало добрых слов: молодой, растущий, грамотный, хороший пилот, сдал на второй класс, хотя еще и не получил его, и тому подобное. Все это было правдой, но Гирин отказался наотрез — объективно он не был готов к амплуа командира, не хватало опыта, требовательности, организационного умения — и хорошо знал об этом. К тому же Гирин не без оснований полагал, что выдвижение на звено — это несколько запоздалый резонанс на партийную рекомендацию Миусова. Это соображение угнетало Александра и делало совершенно невозможным принятие лестного предложения.

Через несколько дней возле Гирина снова круто затормозила вишневая «Волга».

— Садитесь, лейтенант.

Гирин догадывался, что разговор пойдет о несостоявшемся выдвижении, о его излишне резком отказе, и заранее мысленно сжался — так неприятен и неловок был ему предстоящий разговор. И ошибся! Старый командир звена, вечный капитан, был прав — Железный Ник был человеком сложным.

— В академию собираетесь, лейтенант? — словно мимоходом спросил Миусов, обгоняя вереницу попутных машин так, что казалось, те стоят на месте.

— Собираюсь. Вот получу первый класс и подам заявление. — Гирин был несколько удивлен осведомленностью подполковника.

— А зачем тянуть и киснуть? Второй класс вы получили, сегодня документы пришли. Подавайте заявление, я поддержу.

Гирин смотрел на Миусова недоверчиво.

— А не рано?

— Почему же рано? На заочный командный факультет в самый раз.

— На заочный? — удивился Гирин, всегда мечтавший об очном образовании.

— Только на заочный, и никак иначе. — Миусов покосился на молодого летчика, чуть улыбнулся уголками жесткого рта и счел нужным пояснить: — Летная профессия — особая профессия, лейтенант. Тот же спорт на чемпионском уровне. А очное обучение — это по большому счету трехлетний перерыв в летной практике. Такие перерывы противопоказаны, особенно молодым. Конечно, командиром это вам стать не помешает, но уж настоящим классным пилотом вы не станете никогда.

Гирин как-то сразу, без раздумий поверил подполковнику, понял, что в чисто летном аспекте дела тот совершенно прав. Правда, и жизнь и служба не исчерпываются полетами, но что из того? Во-первых и прежде всего, Александр хотел стать классным пилотом, все остальное, по его представлениям, должно было организоваться само собой. Но для порядка — неудобно же на ходу менять убеждения подобно флюгеру — он сказал:

— Я подумаю.

— Подумайте, лейтенант, дело серьезное, — и резко изменив тон, с заметно усилившейся гнусавинкой добавил: — А то, что отказались идти на звено — правильно!

Александр заулыбался, у него точно камень с души свалился.

— Я вашим отцам-командирам устроил небольшую головомойку за эту инициативу, — продолжал Миусов уже с усмешкой. — Тоже мне передовики-новаторы, храбро выдвигающие молодежь! Вам, лейтенант, пока летать надо. Летать, а не командовать!

— Верно, товарищ подполковник. — С неожиданно вдруг прорвавшейся откровенностью Гирин вдруг признался: — Я ведь об отряде космонавтов мечтаю.

— И правильно делаете, — лицо Миусова сохраняло свое привычное, каменное выражение, но по каким-то почти неуловимым признакам Гирин догадался, что подполковник помрачнел. — Работа без мечты сушит человека.

Миусов вдруг резко подвернул к тротуару, взвизгнув тормозами, «Волга» замерла, осев на передние колеса.

— Дальше доберетесь сами, лейтенант. У меня дела.

Не слушая ответа Гирина, Миусов захлопнул дверцу, рванул машину с места и умчался, чистенько вписавшись в поток автомобилей. Александр еще долго смотрел ему вслед.

Глава 12

Шорох ветвей и сердитый писк голубых цветов привлекли внимание Гирина. Он огляделся и заметил, как шагах в десяти от него через кустарник к озеру протискивается огромная бульдожья голова с выпуклыми золотистыми глазами. Верхнюю челюсть ее украшали два направленных вниз голубоватых клыка — настоящие клинки по метру каждый, а то и больше. Высматривая что-то в воде, голова выдвигалась все дальше и дальше и тащила за собой изумрудную шею с хорошее бревно толщиной. Гигантская змея! Что-то вроде анаконды или питона! Но голова вдруг с верблюжьей замедленностью поднялась к небу, послышался треск кустарника, писк, и на берег вышел зверь ростом со слона, но с длинной, как у жирафа, шеей. Этаким саблезубый динозавр, точнее, динотерий! Он был покрыт короткой, лоснящейся на солнце шерстью, голова и шея изумрудные, спина и длинный, волочащийся хвост темно-зеленые, почти черные и бледное брюхо салатного оттенка. Динотерий вошел в воду по самое брюхо, пристально вглядываясь в глубину и нервно подергивая хвостом. Вдруг бульдожья голова изящно, по-лебединому запрокинулась назад, а потом,

выставив клыки-рапиры вперед и вниз, метнулась в воду. Взлетел радужный гейзер брызг, громкий всплеск ударил точно выстрел, по бирюзовой озерной глади побежали крупные атласные волны. Спустя секунду голова вынырнула из кипящей воды, на голубоватых, словно металлических, клыках ее билась большая черная рыба с сизыми глазами и громко стонала: «Йо! Йо!» Из ее крупных жаберных щелей, похожих на акулы, фонтанчиками била оранжевая кровь. Шея запрокинулась, закончив это движение рывком, черная рыба, не переставая жалобно стонать, взлетела и закувыркалась в воздухе. Бульдожья пасть расхлябилась пурпурным мешком и ловко подхватила рыбу на лету. По длинной шее пробежала судорога сокращений, зверь брезгливо передернулся, облизал языком-лопатой испачканные липкой оранжевой кровью клыки и, опустив голову, начал пить. Он не лакал воду, как это делают земные звери, а с шумом и всхлипом всасывал ее, а потом с наслаждением отдувался, точно гурман после глотка выдержанного вина.

Самое время удирать! Стараясь двигаться как можно осторожнее, Гири́н проскользнул в гущу желто-зеленых ветвей. И тут же поднялся громкий писк и стон — он совсем забыл о коварных голубых цветах! Александр отпрянул назад и, услышав громкий плеск за спиной, обернулся. Саблезубый динотерий шел к берегу. Его змеиная шея была поставлена торчком, бульдожья голова вознесена на высоту двухэтажного дома, золотистые глаза неотрывно смотрели на двуногую жертву, словно гипнотизируя ее. Вzbесившийся жираф, вооруженный двумя стальными клыками.

Бежать? Что толку? Неосторожное движение — и метровые клыки-рапиры обрушатся на его тело с шестиметровой высоты. Бульдожья голова зверя, изящно изгибая шею, начала откидываться назад. Гири́н почувствовал, что вот-вот последует удар, и присел на полусогнутых ногах. Сердце билось гулко, часто, но страха не было, только голову чуть кружил азарт предстоящей схватки. План действия родился сам собой: дождаться броска, увернуться, отпрыгнуть

в последний момент в сторону, — и в кусты, куда глаза глядят. Пока это чудовище вытащит из песка клыки, снова вознесет свою башку на шестиметровую высоту, проморгается и осмотрится, можно будет где-нибудь укрыться.

Вибрирующий пронзительный свист заставил Гирина вздрогнуть, свистел отнюдь не змей-горыныч, стоявший перед ним, пронзительный звук донесся откуда-то со стороны. Напряженная шея зверя ослабилась, голова с верблюжьей надменностью повернулась направо. Обернулся и Александр. И оторопел: метрах в десяти от него, опираясь на розовый песок крепкими загорелыми ногами, спокойно стояла молодая женщина в белой спортивной одежде. Женщина приложила указательный палец к губам, и снова воздух разорвал пронзительный вибрирующий свист. Монстр недовольно тряхнул головой, шумно чихнул, будто выстрелил, и шагнул навстречу дерзкой женщине, нервно подергивая хвостом.

— Бегите! — опомнившись, крикнул Гирин.

— Спокойно, — не повышая голоса, хладнокровно проговорила женщина.

И словно приветствуя бульдогоголового зверя, вскинула правую руку. Холодно сверкнула голубая молния, со звонким щелчком вонзившись в шею чудовища. Длинная шея надломилась у основания, тяжелая голова, украшенная сверкающими клыками, тяжело, точно куль с мукой, шмякнулась на песок. И уж потом ноги зверя подогнулись, он мягко, как в замедленной съемке, повалился на бок, взметнув шумные струи золотистого песка. Несколько раз судорожно дернулся толстый хвост, сбивая гроздь голубых цветов, бессильно приоткрылась пурпурная пасть, и зверь затих.

Только теперь Александр с неожиданной пронзительной ясностью понял, что нелепая смерть от клыков поверженного чудища буквально висела над ним. В ушах у него зазвенело, будто его атаковала стайка незримых комаров, колени ослабели. Он шагнул к ближайшему камню, сел и некоторое время отходил от напряжения. Услышав шорох песка, Гирин под-

нял голову — в трех шагах стояла его спасительница. Ровный загар ее кожи подчеркивала белоснежная одежда — рубашка с открытым воротом и шорты, тонкую талию перетягивал широкий пояс, темные, коротко стриженные волосы шевелил тянувший с озера ветерок, светлые глаза смотрели пытливо и доброжелательно. Это была не зрелая женщина, как показалось Гирину сначала, это была девушка, едва переступившая порог зрелости. Александр сразу почувствовал себя свободнее и признался:

— Без вас я бы пропал. — Александр еще раз, теперь уже с улыбкой оглядел девушку. — Вы как с неба свалились!

Усаживаясь напротив Александра у самой воды, камней на берегу было предостаточно, девушка засмеялась:

— Я и правда свалилась.

Устроившись на камне поудобнее и видя, что Александр не совсем понимает ее, она пояснила:

— Спешила очень. Не удержалась на ногах во время приземления и свалилась! Хорошо еще, что песок мягкий.

— Вы умеете летать?

— Умею, — спокойно ответила девушка.

Александр огляделся в поисках чего-либо похожего на летательный аппарат, но озерный берег был чист, лишь саблезубый динотерий лежал возле прижатых кустов.

— На чем же вы летаете?

— Просто так, сама по себе.

Александр недоверчиво усмехнулся и шутливо спросил:

— А меня научите?

— Если будете послушным и прилежным, научу. — Девушка засмеялась, она хорошо смеялась — зубы у нее были ровные, жемчужные. — И диких зверей укрощать научу.

Гирин покосился на поверженного зверя, на его страшную бульдожью морду с бессильно разинутой пастью, на сияющие стальной синевой клыки, наполовину зарывшиеся в песок, и невольно поежился.

— Да-а! — протянул он, оборачиваясь к девушке и словно заново оглядывая ее. — Честно говоря, я так и не понял, как вы с ним справились. Как будто стреляли, а из чего?

Вместо ответа, девушка протянула ему правую руку, ее указательный палец был украшен перстнем с большим зеленым камнем. Осторожно придерживая теплые загорелые пальцы, спокойно лежавшие на его ладони, Александр, и так и эдак наклоняя голову, долго разглядывал этот камень, пытаясь обнаружить в нем что-нибудь необыкновенное. Но ничего не заметил — камень как камень, самоцвет. Может быть, малахит, а может быть, и бирюза — Гирин плохо разбирался в таких вещах. Пожав плечами, он вопросительно взглянул на девушку. Она с улыбкой осторожно высвободила свои пальцы и слегка сжала их. И зеленый камень точно ожил, осветился изнутри, заискрился и засверкал.

— Любопытная игрушка, — заинтересованно сказал Александр.

— Это не игрушка, — в голосе девушки прозвучала новая, сочувственная, может быть, насмешливая и холодноватая нотка. Легко поднявшись на ноги, она огляделась и остановила свой взгляд на огненном дереве-гиганте, вздымавшемся не только над кустарником, но и над вершинами других деревьев. И вскинула сжатую в кулак правую руку! Плеснулось свирепое голубое пламя, с треском разорвав воздух, запахло острой свежестью. Вершина дерева-гиганта, точно срубленная незримым топором, дрогнула, качнулась и, ломая ветви, с нарастающей скоростью повалилась вниз. Тучей закружились и поплыли в воздухе огненные листья, протяжно заголосили звери, а может быть, и птицы. Девушка повернулась к Александру, который уже стоял рядом с ней.

— Это не игрушка, — повторила она уже более мягким тоном. — Моя опора и защита. Возникни нужда, я могла бы потопить корабль или сбить самолет.

Гирин сразу и безоговорочно поверил ее словам. Всплеск голубого пламени ожег ему сердце, оставив

в груди щемящий холодок, сорвал пелену недопонимания, открыл глаза на происходящее. Только теперь Александр по-настоящему и до конца осознал, что перед ним не храбрая земная девушка, а представительница чужой высочайшей цивилизации, намного обогнавшей человечество на длинном пути прогресса. Его природная и привычная человеческая гордость была уязвлена, он вдруг превратился в мальчишку, который с восторгом и недоумением смотрит на чудеса, которые на его глазах творят мастера-взрослые. Наверное, такими же глазами смотрел бы кроманьонец, искусный охотник с каменным топором и копьем в руках, на то, как странная девушка одним выстрелом из ружья свалила бешеного мамонта-одиночку, на которого он безуспешно охотился много дней, все время подвергая опасности свою жизнь. Дистанция знаний, отделявшая Гирина от юной повелительницы молний, обрела зримые границы и потому, что теперь, когда они стояли рядом, Александр заметил — у девушки были не просто светлые, а необыкновенные — серебряные — глаза! Их касались солнечные лучи, и они сияли, точно были полны расплавленным металлом. Эти глаза притягивали и пугали, как страшит и тянет к себе все неразгаданное и прекрасное. Как будто бы Александр с круто падающего обрыва смотрел в бездну, прикрытую тающим под лучами солнца туманом. Когда в бездонье уже просматриваются размытые контуры и детали, но картина в целом еще неясна и дополняется воображением, оставляя место для вольных фантазий и смутных тревог.

— У вас серебряные глаза, — сказал Александр, точно укоряя девушку за это.

Она улыбнулась:

— А у вас зеленые! Что из того?

Что из того! Как легко ей говорить об этом! Гирин перевел взгляд на бирюзовую озерную гладь, посмотрел на синее-синее небо с хрустальным солнцем, на огненное дерево со сломанной словно спичка верхушкой, на труп саблезубого динозавра, громоздившийся на розоватом песке. Как это ни странно, но

девушка права — когда случай занес тебя на восемьдесят тысяч световых лет от Земли, стоит ли удивляться такому пустяку, как серебряные глаза? И в то же время как им не удивляться? Александр повернулся к девушке. Десятки вопросов теснились у него в голове, он задал самый простой, но, пожалуй, и самый важный:

— Кто вы?

— Меня зовут Дийна.

Это было не совсем то, что рассчитывал узнать Гирин, но в ответ машинально представился:

— А меня зовут Александр, Саша.

Девушка кивнула:

— Я знаю.

Гирин смотрел на нее недоуменно.

— Откуда? Мое имя, русский язык — здесь, так далеко от Земли? Как вы тут оказались? Почему? — лицо Александра вдруг озарилось догадкой. — Вас прислал Люци?

Теперь уже в глазах Дийны отразилось недоумение.

— Какой Люци?

— Вы не знаете его? Тогда я ничего не понимаю!

— Я тоже не все понимаю, — призналась девушка и ободряюще улыбнулась Александру. — Но я думаю, что вместе мы во всем разберемся. Верно?

Она сказала об этом так просто, по-товарищески, что чувство отчужденности, охватившее было Гирину, начало таять. Он уже смелее заглянул в ее необыкновенные серебряные глаза и улыбнулся в ответ:

— Верно!

Они снова уселись на свои камни, и Александр по просьбе Дийны рассказал все, что с ним случилось. Рассказал сжато, без эмоций, как он привык это делать, докладывая о выполнении полетного задания.

— Люци недавно потерял своего напарника и все уговаривал меня не возвращаться на Землю и остаться у него вторым пилотом. Но я отказался, хоть он и уверял, что обратная телепортировка очень сложна и опасна. И вот здесь, на этом самом месте, Люци исчез, точно испарился. Усыпил он меня, что ли? — закончил вопросом свое повествование Александр.

— Возможно, — рассеянно ответила Дийна, что-то обдумывая. — Скорее всего именно Люци и послал аварийно-циркулярное сообщение.

— Какое сообщение?

— О том, что землянин Александр Гирин после летальной телепортировки терпит бедствие на берегу озера Ку.

— Значит, он все-таки был, — пробормотал Александр и пояснил несколько смущенно: — Мне иногда кажется, что не было ни космического корабля, ни Люци — приснилось мне это здесь, на берегу озера, вот и все!

— Нет, не приснилось, — уверенно возразила девушка. — К сообщению были приложены стандартные телепортировочные данные: галактические координаты Земли, ваша генетическая и цефалическая матрица, лексограмма русского языка — все, чтобы можно было общаться с вами и оказать посильную помощь. Вы, Саша, определенно побывали на каком-то космическом корабле, где установлена телепортировочная аппаратура, а уж с корабля попали сюда, на Альмиру, как мы называем эту планету.

Гирин усмехнулся:

— Ну и тип этот Люци! Не захотел обременять себя заботами и подкинул — оставил на ваше попечение.

Лицо Дийны отражало сомнение.

— Бросить разумного на произвол судьбы? Не могу поверить, хотя, конечно, в моральном отношении ловцы-корсары — народ очень сложный и пестрый. И потом, если он хотел незаметно оставить вас, зачем ему понадобилось посылать аварийное сообщение?

Гирину и самому не хотелось верить в вероломство Люци. Во всей этой непонятной истории была одна немаловажная деталь — красные журавли, на которых Люци собирался поохотиться вместе с Александром. Надеясь, что это прольет какой-то новый свет на случившееся, Гирин хотел рассказать Дийне о журавлях, но в этот момент краем глаза уловил движение на песке. Он обернулся и увидел, что саблезубый динотерий приподнял голову и об-

лизывает свои страшные клыки широким, как лопа-та, языком.

— Он жив!

— Жив, — спокойно подтвердила девушка. — Я только парализовала его. Это редкий зверь, зачем его убивать?

Гири́н посмотрел на редкого зверя, перевел взгляд на девушку и после некоторого колебания спросил:

— А он не вздумает снова поохотиться на нас?

Дийна засмеялась:

— У него головной мозг с детский кулачок величиной, больше одной мысли в нем не помещается. Сейчас он напуган и думает лишь об одном — как бы удрать! Я помогу.

Поднявшись на ноги, она щелкнула зверя слабенькой молнией, точно электрическим бичом. Саблезубый динотерий дернулся, помотал бульдожьей головой и с верблюжьей медлительностью вознес ее к небу. Снова щелкнула голубая змейка молнии, зверь с некоторым трудом поднялся на ноги, сначала на передние, потом на задние, еще раз тряхнул головой, кося на людей выпуклым золотистым глазом, и, ломая кустарник, кинулся наутек. В воздухе еще долго стоял постепенно затихающий треск, топот и обиженный писк голубых цветов. Гири́н проводил зверя взглядом и не сдержал вздоха облегчения:

— Не привык я к таким чудищам! У него хоть и одна мысль в голове, а кто его знает — какая? Уж лучше держаться от него подальше!

Обернувшись к девушке, он припомнил, что соби-рался сказать ей нечто важное, но Дийна предупредила его вопросы.

— Простите, Саша, может быть, мы на время отложим серьезные разговоры? — Она засмеялась и пояснила с обезоруживающей прямоотой: — Дело в том, что я очень хочу есть — аварийное сообщение помещало моему обеду. А как у вас с аппетитом?

Все это время Александр и не помышлял о еде, но сейчас, когда о ней заговорила Дийна, он вдруг почувствовал, что ужасно голоден.

— Да я с удовольствием! Только ни у вас, ни у меня, как я вижу, припасов нет. Может быть, рыбки наловим? — шутливо предложил он. — Тогда я вас ухой угощу!

Дийна отрицательно качнула головой:

— Угощать буду я! На правах хозяйки.

Глава 13

Дийна двигалась как будто не спеша, легко и свободно, но Гирин скоро убедился, что ему нужно поторапливаться, если он не хочет отстать. Они пересекли полосу прибрежного кустарника и поднялись на вершину плоского холма. Здесь девушка приостановилась, оглядываясь по сторонам. Впереди расстилалась золотистая, чуть всхолмленная саванна, на фоне синего неба пламенели деревья, эффектно подсвеченные солнцем, щеголая всеми оттенками крас-

ного цвета. Гири́н подумал, уж не заблудились ли они, но прямо спросить об этом постеснялся.

— Нам еще далеко?

— Далеко, — рассеянно ответила Дийна. — Но мы не пойдем, а полетим. Сделаем вам крылья и полетим.

Александр с сомнением посмотрел на нее:

— А вам крылья не нужны?

— Они у меня уже есть. — Дийна отыскиала наконец дорогу и пошла вперед, жестом пригласив следовать за собой и Гирина. Когда он поравнялся с ней, она сказала с оттенком лукавства: — Это особые, невидимые крылья!

Она говорила загадками. Александр, конечно, не понял, о каких крыльях шла речь, но не обиделся. Она вела себя как ребенок, которому приятно похвастаться перед гостями своими игрушками. Это и естественно — совсем еще девчонка! Но Гири́н выдержал марку, подавил любопытство и расспрашивать ни о чем не стал, чтобы Дийна не слишком зазнавалась.

Девушка подвела его к невысокому дереву с мелкой красноватой листвой, похожему на земную вишню, какой она бывает поздней осенью. Ветви дерева оттягивали тяжелые гроздья стручков длиной с карандаш и толщиной с палец. Гроздья были разных цветов. Дийна срывала, передавала их Александру и объясняла, что оранжевые, еще неспелые, плоды содержат вкусный сок, синие, зрелые, напоминают печенье, а самые красивые, оранжевые с просинью, перезрелые, полны маслянистого крема.

— Не дерево, а кондитерская, — скептически пробормотал Гири́н, шагая вслед за девушкой и с некоторой опаской разглядывая необычные дары чужой природы. — Гибрид банана, кокосового ореха и адамова́го дерева.

Видимо, уловив в его голосе разочарование, Дийна рассмеялась и успокоила:

— Это лишь на закуску. Настоящий обед будет в лагере.

— А лагерь большой?

— Огромный! Целый город с дворцами, парками и отелями.

Александр недоверчиво покосился на девушку, но лицо ее было серьезно. Немало озадаченный ее ответом, он хотел продолжить свои расспросы, но Дийна остановилась в тени раскидистого дерева, огляделась и решила:

— Вот здесь мы и займемся закуской.

С низко протянувшейся ветви она сорвала несколько бархатистых пурпурных листьев, по своей форме и размерам похожих на листья лопуха, застелила ими плоский старый пенёк, подала несколько листьев Гирину.

— Садитесь, Саша. Эти листья как коврики, на них даже спать можно. А меканы, да-да, эти стручки, кладите вот сюда.

Листья и правда были мягкими, бархатистыми не только на взгляд, но и на ощупь. Они слегка пружинили, точно войлочные, сидеть на них было удобно. Дийна, не обращая на Александра особого внимания, достала откуда-то из-за пояса сверкнувший полировкой нож и стала ловко отделять стручки от черенков, которыми они крепились к центральному стеблю.

— Давайте я помогу, — сказал Гирин, ему неудобно было сидеть без дела.

— Нет уж, сидите. Тут навык нужен, а то сок прольется, крем выдавится, — и без всякого акцента, мимоходом добавила: — Я ведь одна тут, на всей планете, и все привыкла делать сама.

До Гирина не сразу дошел смысл этих слов. Он смотрел, как ловко работают ее пальцы, как растет горка оранжевых стручков.

— Вы и поверили, что здесь целый город? — Рядом с горкой оранжевых начала расти горка перезревших плодов. — Весь мой лагерь — палатка. Можно было бы организовать обед и здесь, но в лагере — аппаратура, которая нам нужна.

— Вы тут одна? Совсем одна? — Александр наконец все понял и обрел дар речи.

Дийна печально кивнула головой:

— Совсем. Месяц тому назад мой корабль потерпел здесь аварию. Передатчик не работает, только приемник, да и то на аварийной волне. Сначала я потеряла голову, бегала по саванне как безумная, кричала, звала на помощь. Но мне откликались лишь динотерии и бескрылые хищные птицы. Разум мой чуть не помутился! Но понемногу я освоилась. Живу, питаюсь плодами и нектаром цветов, самое большое мое лакомство — летающие лягушки, хуже всего, что их приходится есть сырыми. — Дийна покончила с разделкой, взяла гроздь синих стручков, полюбовалась и положила на место. — Эти обработки не требуют: снимайте кожуцу — и печенье готово! Привыкайте, Саша. Жизнь тут нелегка, но вдвоем будет веселее.

— Вы серьезно?

Девушка тяжело вздохнула:

— Как бы я хотела, чтобы все это было сном! — Она подняла на него грустные глаза, в которых, однако же, мерцали озорные золотистые искорки, и вдруг расхохоталась: — А ведь вы поверили! Признавайтесь, поверили?

— Почти поверил. — Александр и посмеивался и сердился. — Я и так запутался, а тут ваши шуточки! Не совестно?

— Совестно, — призналась Дийна, но ее серебряные глаза смеялись. — Не сердитесь, Саша. Я и правда целый месяц одна на этой планете. И впереди еще два месяца одиночества! Ну как тут было не пошутить?

— Но почему вы одна? Что делаете здесь?

— Решила стать отшельницей. Посвятила себя Богу и заботе о страждущих и бедствующих.

— А если серьезно?

Дийна ответила не сразу, как-то вдруг она повзрослела, превратившись из озорной девушки в ту холодноватую представительницу высокой цивилизации, которую Гирин уже видел на берегу озера.

— Если серьезно, то я прохожу испытание на одиночество и самостоятельность. Есть у нас такой экзамен в программе аттестата зрелости — трехмесячное испытание.

Александр чувствовал: она уже не шутит. Он давно подметил любопытную особенность шуток и розыгрышей: остроумную, ловкую выдумку порой можно принять за правду и попасться на удочку, но настоящую правду не спутаешь с ложью — у нее особое, строгое лицо.

— Серьезные у вас экзамены!

— Нас с раннего детства приучают к самостоятельности и ответственности. Иначе невозможно. Слишком велика мощь, сосредоточенная в руках каждого гражданина, широки возможности, а ошибка нередко равносильна катастрофе.

Не желая оставаться в долгу, Гири́н хотел было воспользоваться случаем и пошутить над ответственностью своей озорной спутницы, но взгляд его случайно упал на перстень с зеленым камнем, украшавший ее указательный палец. Он перевел взгляд на ее строгое сейчас лицо с четко прописавшимися чертами, вспомнил свирепый всплеск голубого пламени, которое смело верхушку дерева-гиганта, и понял, что шутить по этому поводу неуместно.

— И все-таки жестокие у вас экзамены, — подумал он вслух.

Дийна улыбнулась ему, как иногда взрослые улыбаются детям, выслушивая их глубокомысленные реплики.

— Нет, Саша. Они не жестокие, они трудные. У нас вообще трудная жизнь — куда труднее вашей! Но зато и гораздо более интересная.

Александр взглянул на нее недоверчиво:

— Мы иначе представляем свое будущее.

— Мало ли что вы себе представляете. — Дийна засмеялась. — Этаким технологический автоматизированный рай, организованный на уровне ваших современных знаний. Нажал одну кнопку — потекло молоко, нажал другую — пиво, нажал третью — появился бифштекс с картошкой. Песни, пляски, любовь, путешествия и приключения, всеобщее счастье и благополучие. Так?

Конечно, Дийна нарисовала утрированную картину, но в ней было что-то и от фантастической ли-

тературы, и от личных представлений Александра. И поэтому он обиделся. Наверное, девушка заметила это, потому что мирно, хотя и с некоторой долей лукавства посоветовала:

— Да вы не обращайте внимания на мои слова. Я еще и не такое могу нафантазировать. Займемся лучше завтраком, это сейчас куда важнее структуральной футурологии. Зрелые меканы лучше почистить заранее, чтобы потом уж не отвлекаться. А чистить их нужно вот так. — Дийна показала, как это делается.

Повторяя действия девушки, Александр очистил один стручок, затем второй. Дело пошло, хотя, пока он успевал очистить один плод, девушка успевала управиться с двумя. Очищенные меканы больше всего напоминали восковые свечи, но пахли приятно — печеным тестом.

— Что ваша жизнь интересна, я верю, — сказал Александр между делом. — Но трудности, в чем они?

— В труде, в чем же еще? Наша жизнь — это труд: учеба, работа для создания собственных благ и пропитания, творческий поиск и его натурная реализация.

— А на песни и танцы, стало быть, времени не хватает, — не без ядовитости заметил Александр, вспомнив шуточные сентенции девушки.

— У нас на все хватает времени, — спокойно ответила Дийна. Ее склоненная голова, прядь волос, упавшая на чистый лоб, выражение лица вдруг показались Гирину удивительно знакомыми. Словно когда-то в своей жизни он уже сидел вот так, рядом с ней. — Мы живем творческими коллективами, коммунами, они спаяны не только трудом, но и взаимными симпатиями, не только творчеством, но и любовью и дружбой. Мы не только вместе работаем, но вместе живем и отдыхаем, развлекаемся, занимаемся спортом и путешествуем.

— У нас такое бывает только в юности, — с невольной завистью признался Александр.

— Наши коллективы-коммуны и складываются с детства. Перетасовываются, изменяются, единомыш-

ленники и друзья не сразу находят себя, а потом крепнут — и уже на всю жизнь большая дружная семья!

— Так уж и на всю жизнь?

— А как же иначе? Дружба и любовь на время, на день или на год? Это смешно и безнравственно! — Девушка распрямилась. — А мы увлеклись, хватит! Того, что начистили, вполне достаточно.

И в самом деле, штабелек очищенных, похожих на свечки меканов вырос до внушительных размеров. Гирин смотрел на них с некоторым сомнением. Дийна перехватила его взгляд и ободряюще сказала:

— Приступайте! Это довольно вкусно, если сдабривать кремом и запивать соком.

Она показала, как нужно обламывать уже надрезанную верхушку полузрелых стручков, а потом, как пасту из тюбика, выдавливать из них крем. С незрелыми плодами полагалось обращаться точно так же, но поосторожнее, чтобы не пролился сок. Именно сок и попробовал Гирин в первую очередь: ничего особенного, фруктовый кисло-сладкий сок, пить можно. Крем имел непривычный и настораживающий зеленоватый цвет, но вкус был отменный — в меру сладковатый с ореховым оттенком. А зрелые меканы с этим кремом напоминали обычные пирожные, которые можно купить в любом кафе по двадцать копеек за штуку.

— Коммуны — дело хорошее, — сказал Александр, выпивая очередной природный сосуд на два-три глотка прохладного сока. — Но в больших городах трудно жить обособленной внутренней жизнью. Интересы, симпатии, привязанности — все это перемешивается, по собственному опыту знаю.

Услышав смех Дийны, он поднял на нее глаза:

— Я чего-то не понимаю?

Она кивнула:

— Не понимаете. Самая обычная инерция мышления.

— Что еще за инерция?

— Я же говорю — обыкновенная. Да вы ешьте, Саша. Пока мы доберемся до лагеря и приготовим

обед, времени пройдет немало. Из-за этой самой инерции первый автомобиль был похож на повозку, фантастические воздушные корабли рисовали похожими на морские, а Землю помещали в центр мироздания.

— Когда это было!

— А теперь? Будущее представляется вам только в городском, урбанизированном варианте. Города обычные, города-здания, города-парки, города подводные, летающие, плавающие, но все-таки гигантские многомиллионные города — вот архитектурный облик грядущего, верно?

— Верно, — в раздумье согласился Гирин, он и в самом деле не мог представить себе будущего вне городской схемы. — А вам грядущее представляется иным?

Дийна ответила не сразу.

— Вы забываете, Саша. — Ее голос прозвучал мягко, но слишком ровно. — Я живу в грядущем. Наша цивилизация опередила земную примерно на десять тысяч лет.

Серебряные глаза смотрели на него доброжелательно, но холодновато. Может быть, Александру лишь показалось это, но он заново и довольно остро ощутил интеллектуальную дистанцию, отделяющую его от этой девушки.

— Да-да, — пробормотал он, — я понимаю.

У него вдруг пропал аппетит: меканы были слишком сладкими, крем — неприятно зеленым, у сока он обнаружил легкий, но приметный привкус плесени. Гирин нехотя пожевал уже просто для приличия и поблагодарил — сыт! Девушка поглядывала на него сочувственно, однако же и с некоторым лукавством.

— Вы на меня обиделись? — спросила вдруг она.

Врать Александру не хотелось, он ведь и в самом деле обиделся. Но на кого? Или на что? Разобраться в этом было нелегко. Нечто подобное он испытал однажды, случайно попав в компанию асов парашютного спорта, среди которых были чемпионы мира и континента. К нему, перворазряднику, отнеслись доброжелательно, но разговор все время шел как-то мимо него — он не сразу понимал шут-

ки, намеки, его реплики выслушивали с каким-то подчеркнутым вниманием. Гирин вдруг почувствовал себя чужим и ушел, его ухода не заметили или посчитали нужным не заметить. Он обиделся тогда, но не на мастеров-парашютистов.

— Я обиделся на себя, — сказал он Дийне.

Она удивилась:

— За что?

— За то, что я такой отсталый. За то, что у меня большая инерция мышления. — Он посмотрел на девушку и постарался придать своим словам шуточный оттенок. — И за то, что способен представить себе грядущее в одном лишь урбанизированном варианте.

— Это я виновата, — со вздохом покаялась Дийна. — Не сердитесь! Я иногда делаю глупости, но мне простительно — у меня ведь еще нет аттестата зрелости!

Она заразительно рассмеялась и поднялась на ноги.

— Однако нам пора в лагерь. — Она покосилась на Гирину и вкрадчиво спросила: — Ведь вы не против — научиться летать? Летать свободно, как птица! Без всех этих нелепых механизмов и машин?

Александр неуверенно улыбнулся:

— Опять шутите?

— Никаких шуток и розыгрышей: честное слово! Хотите? Тогда сидите спокойно и не мешайте. — В голосе Дийны появился оттенок таинственности. — Я сотворю для вас незримые крылья.

Из подсумка на своем широком поясе девушка достала что-то и, положив на раскрытую ладонь, показала Гирину. Это был шарик величиной с вишневую косточку, тускло сияющий перламутром.

— Жемчужина?

Дийна отрицательно качнула головой:

— Протоформа. Я могу сделать из нее все, что захочу: вездеход, авиетку, лагерный домик.

— А океанский лайнер?

— Для этого нужно много протоформ и много времени. А незримые крылья я сделаю за десять минут,

не больше. — Жестом предложив Гирину оставаться на месте, Дийна отошла на десяток шагов. Опустившись на колени, девушка очистила от крупных стеблей травы небольшую площадку, положила в центр ее жемчужину-протоформу и накрыла ладонью. В позе и выражении девушки не было ничего театрального, но сразу можно было заметить, что она глубоко сосредоточилась, полностью отключившись от окружающего, ушла в себя. Веки у нее были опущены, Александр только теперь заметил, какие длинные у нее ресницы. Долгую, полновесную минуту длилась эта пауза сосредоточенности и отрешенности. Потом Дийна вздохнула, точно пробуждаясь от сна, устало провела рукой по лицу и поднесла к лежавшей на земле протоформе зеленый камень своего перстня. Мягко сжались пальцы, и протоформа вспыхнула неярким серебристо-розовым светом, точно в траве зажгли маленький волшебный костер. Свет колебался, клубился. Дийна несколько мгновений вглядывалась в сердцевину этого странного бесшумного пламени, а затем поднялась на ноги.

— Вот и все, — с некоторой грустью сказала она Александру.

Но тех мгновений, когда розоватый свет смягчил четко прописанные черты лица Дийны, придавая им больше теплоты и душевности, оказалось достаточно. Дийна была похожа на Нину!

Глава 14

Нина работала врачом-терапевтом в полковом лазарете. Гирин познакомился с ней во время медицинского осмотра. Она замерила ему давление крови, пульс, а потом почему-то долго выслушивала сердце. Так долго, что Александр забеспокоился — пилоты ничуть не меньше пенсионеров пекутся о своем здоровье, забеспокоился и спросил:

— Что-нибудь не в порядке?

Она подняла на него строгие серые глаза и вдруг улыбнулась, отчего сразу похорошела и помолодела,

превратившись из официального врача неопределенного, с точки зрения Александра, возраста в молодую, милую женщину:

— Нет, просто очень хорошо стучит. Приятно слушать!

— Тогда слушайте! — великодушно разрешил Гирин, выпячивая грудь. — Я могу специально заходить, чтобы доставить вам удовольствие.

— Заходите, — сказала она после паузы.

Они оказались одноклассниками и сразу как-то по-простому, по-товарищески понравились друг другу. Официальные встречи врача и пациента, а случались они не так уж редко, неизменно заканчивались разговором на общие темы — чаще шутливым, иногда доверительным. В их отношениях не было ни расчетливого флирта, ни бездумной фривольности, не было ничего похожего и на постепенно зарождающуюся серьезную любовь. Ясные и чистые отношения родственных душ, которые не столько сознают, сколько следуют велениям этого внутреннего родства. Кто знает, как было с Ниной, но Гирин над их отношениями просто не задумывался, тем более что знал — такие вещи в авиационных полках всегда известны: Нина замужем.

Однажды в городском парке Александр нос к носу столкнулся с этой супружеской парой, и Нина познакомила его со своим мужем. Он тоже был врачом — крупный холеный мужчина с начинающей седеющей головой, уверенный в себе и насмешливый. В голосе и манерах Нины, когда она знакомила мужчин, было нечто странное, похожее на замешательство или смущение. Сразу-то Александр не обратил на это внимания, все это всплыло в его памяти позже, когда, возвращаясь из парка домой беспокойный и встревоженный, он восстанавливал случайную встречу по отдельным штрихам, по каплям. И ведь ничего, ну ничего не произошло! Но, пожимая мягкую и сильную, истинно докторскую руку мужа Нины, Александр вдруг ощутил непонятный, тупой укол ревности. Ему неприятно было смотреть и на самодовольного, явно молодящегося врача, по-хо-

зьяйски придерживавшего жену за локоть, и на притихшую, будто испуганную Нину. Александр смял ничего не значащий разговор и ушел.

А наутро обнаружил, что видеть Нину ему не хочется. Не хочется, и все тут! И он всячески избегал случайных встреч, подальше обходя и санчасть и лазарет. И на очередной осмотр ему идти не хотелось, но тут уж ничего не поделаешь — идти все-таки пришлось. Нина изо всех сил старалась держаться непринужденно, но это плохо у нее получалось. И разговор, их традиционный дружески-шутливый разговор не клеился. Взгляды, движения, самый голос Нины, который раньше так нравился Александру, — все раздражало Гирина! Неожиданно для самого себя он сказал ей какую-то колкость, а в ответ на ее несколько растерянную реплику — другую. С удовольствием отметив, что у Нины дрогнула рука, державшая стетоскоп, и от обиды порозовели щеки, Александр подчеркнуто галантно распрощался и ушел. А потом целый день ходил хмурый и «собачился», как определили его состояние друзья.

С той поры их взаимоотношения приобрели прохладный и официальный характер. Встречаясь, они здоровались, не глядя друг на друга. Однажды Александр заметил, как Нина, чтобы не встречаться с ним, пошла другой дорогой. Он мысленно посмеялся над ее дамскими выкрутасами, но в следующий раз, издали приметив Нину, вдруг и сам свернул на тропинку и обошел ее стороной. Как-то случай свел их в автобусе. Они поздоровались и десять минут простояли рядом как истуканы, не сказав друг другу ни слова. Но на выходе Нина вдруг обернулась, и Гирина показалось, что в ее глазах блеснули слезы. Мало ли что может показаться! Но, засыпая, Александр ясно, точно на фотографии, снова увидел ее грустное, в полуобороте лицо, прядь пепельных волос на лбу и слезы в серых глазах. Сердце у Гирина сжалось и заныло. Полчаса он ворочался с боку на бок и, что бывало с ним очень редко, никак не мог уснуть. А потом отбросил одеяло, сел на подоконник открытого окна и сидел там, слушая сверчков, до тех пор, пока не при-

шел его сосед по комнате Колька Баралов, пилот из братской эскадрильи, шумно удивившийся тому, что Александр, точно девица, мечтает у окна.

Через несколько дней на праздничном вечере в честь Дня авиации Александр увидел Нину в гарнизонном Доме офицеров. Она грустно в одиночестве стояла у стены и отказывала всем, кто приглашал ее танцевать. Отказывала с такой милой улыбкой, что на нее не сердились. Было в ее одиночестве нечто отдалявшее ее от случайных собеседников: переброшившись с ней несколькими фразами, они отходили. У Гирина екнуло сердце. Боясь передумать, он подошел и, пряча за холодной вежливостью свое волнение, пригласил ее на танец. Его не пугал возможный отказ, какой-то половинкой души он даже желал его — все-таки это был выход из неизвестности, с которой, он только теперь понял это, больше не было никакой возможности мириться. Но Нина не отказала, только посмотрела на него виновато, даже испуганно.

Добрую половину танца они молчали, избегая смотреть друг на друга. А потом их взгляды встретились, и отчужденность разом пропала, точно ее никогда и не было. Перебивая друг друга, сердясь и смеясь, ничего не говоря о любви прямо, они признались, что любят и не могут больше мучиться, не могут не быть вместе. Потом Нина вдруг заплакала, уткнувшись лицом в его плечо, и пришлось выйти из зала на свежий воздух, где так банально, точно в кино, светила полная луна. Стоя в тени старого тополя, они поцеловались. Притянув Александра за шею рукой, Нина поцеловала его еще раз и прогнала, сказав, что ей нужно прийти в себя и успокоиться.

Взъерошенный и счастливый, Гирин послушно вернулся в зал и пребывал в некой прострации до тех пор, пока к нему не подошел Колька Баралов. Здоровяк Колька скептически оглядел Александра, неопределенно хмыкнул и предложил пойти в буфет — откусать шампанского. Выстрелив пробкой в потолок, Баралов молча наполнил бокалы.

— За что? — спросил Александр.

— За легкокрылую удачу! — плутовато улыбнулся Колька и, ставя уже пустой бокал, казавшийся в его лапище скромной рюмочкой, присовокупил коротко: — Молодец!

— Ты о чем?

— Да ладно тебе! Правильно, что объяснился, сколько можно было мучить и ее и себя? Отличная будет подруга. Завидую!

У Александра опустились руки: всегда так — все и всё знали о его сердечных делах, только сам он не знал ничего! Гирин был и благодарен другу за эту поддержку, и злился на него за то, что он совался не в свои дела. А тот, снова наполняя бокалы, как бы мимоходом сказал:

— А если ее дражайший супруг будет вякать, скажи мне — я его быстренько приведу в порядок.

— Ты что, спятил?

Колька поморщился и повел пудовыми плечами:

— Не о физическом воздействии я глаголю, брат мой. Он немножко нехороший, этот Леонид Аркадьевич.

— Как это немножко нехороший?

— Сволочь, проще говоря. Известный бабник! Я его засекал несколько раз. Нина все равно уйдет от него рано или поздно. — И Баралов со своей доброй, плутоватой улыбкой поднял бокал с игристым вином: — За вас обоих!

Все должно было решиться на свидании, назначенном на восемь часов вечера. А свидание не состоялось.

Глава 15

Александр так задумался, что его вернул к действительности лишь голос Дийны:

— О чем вы размышляли, Саша? — Девушка усаживалась напротив него возле «обеденного стола».

Гирин заколебался — говорить ей или нет о ее загадочном сходстве с Ниной? Конечно, случай сам по себе очень любопытный, но ведь особый смысл

и цену он имеет лишь для Александра! Какое дело Дийне до молодой женщины, которую любит Гири́н и которая живет так далеко отсюда — за восемьдесят тысяч световых лет? Что по сравнению с этим чудовищным расстоянием сказочные «за тридевять земель»? А сходство было! В этом Александр убедился еще раз, разглядывая сейчас Дийну вблизи. Это было не сестринское, не родственное сходство, когда лица отливаются в одной и той же, но каждый раз как-то по-особому видоизменяемой форме. Это было сходство другое, не столь внешне заметное, но духовно глубокое, которое проявляется, несмотря на различия в прическе, цвете кожи и отдельных чертах лица. Два разных слепка с одной и той же духовной сущности — вот что такое были Нина и Дийна. И никакие восемьдесят тысяч световых лет тут были ни при чем!

— Вы разглядываете меня как музейный экспонат! — Дийна облокотилась на пень, в свою очередь приглядываясь к Гири́ну. — Что такое стряслось с вами?

Близко заглянув в неземные, серебряные глаза Дийны, Гири́н окончательно решил ничего не говорить пока о ее странном сходстве с Ниной.

— Я думаю о том, что сейчас там происходит. — Гири́н кивнул на сказочный розоватый костер, отблески которого ложились на траву и на листву низко расположенных ветвей.

— Протоформа превращается в крылья, на которых вы полетите вместе со мной в лагерь. Только и всего!

— А можно я поближе рассмотрю эту самую протоформу?

— Пожалуйста.

Девушка достала из подсумка серебристый шарик и положила Гири́ну на ладонь. Протоформа и правда походила на жемчужину, но была гораздо тяжелее, точно налита ртутью. Перекатывая этот весомый шарик на ладони, Александр снова как-то ненароком, по инерции обратился мыслями к далекой Земле, к Нине. Гири́н видел настоящий жемчуг всего один

раз в жизни — в Кремле, в Оружейной палате. Увидел и страшно разочаровался: жемчужины, украшавшие древние изделия и царские одежды, были тусклыми и невзрачными, будто потухшими. Честное слово, тот дешевенький поддельный жемчуг, который Александру доводилось видеть на девичьих шейках, был куда ярче и красивее! Позже Александр узнал, что жемчуг совсем как человек — живет, красуется, сверкает, а потом стареет, тускнеет и умирает, превращаясь в невзрачные округлые камешки. И чтобы жемчуг жил дольше, надо не прятать его в шкапулки, шкафы и сейфы, а носить так, чтобы он касался теплой и дышащей человеческой кожи. И с тех пор, как Александр узнал об этом, жемчуг стал ему как-то по-особому дорог, стал понятнее и роднее всех других драгоценных камней. Он решил, что, как только Нина станет его женой, он тотчас купит ей пусть маленькую, но все-таки настоящую ниточку жемчуга. И пусть она носит ее не по праздникам, а всегда — каждый день.

— Очень сложный, универсальный продукт нашего производства, — услышал Гири́н конец фразы Дийны, поднял на нее глаза и с некоторым трудом сообразил, о чем она говорит.

— Эта жемчужина?

— Эта протоформа! — поправила девушка. — Я могу превратить ее в любую вещь, в любую конструкцию, которую могу представить мысленно с достаточной полнотой.

Гири́н покосился на бесшумный, понемногу угасающий костер, перевел взгляд на серебристо-перламутровый шарик.

— Каким же образом?

Дийна смотрела на него доброжелательно, но снисходительно.

— Это очень, очень сложное искусство! Нас обучают ему с самого раннего детства, так же как ваших детей учат рисованию и грамоте.

Дийна оживилась, лицо ее приобрело важное и вместе с тем несколько наивное выражение. Она стала похожей на увлеченную старшеклассницу, ко-

торой не терпится поделиться с окружающими только что усвоенными знаниями, представляющимися ей исключительно важными и интересными.

— Любая четкая мысль, Саша, оформляется либо словесно, либо в виде зрительных образов — рисунков, объемов, чертежей и формул. Но, кроме того, она отражается всем телом, особенно лицом и руками, пальцами; это неудивительно: ведь именно руки — древнейшее орудие труда и воплощения мыслей. Колдуны, ясновидящие, гадалки — все они наделены даром чтения телесных мыслей, умеют паблюдать за лицом и руками, берут за руки и держат их в ладонях.

— Это правда, — согласился Гирин, вспоминая об опытах Вольфа Мессинга, о которых он, правда, лишь читал в журналах.

— Наши ученые, — продолжала Дийна увлеченно, — расшифровали телесный язык через микро-тремор мускулов, колебания электрического и магнитного потенциалов ладони и целую кучу других показателей. А конструкторы создали протоформу — автономное саморазвивающееся устройство, похожее на живую клетку, ну, как, допустим, самолет походит на птицу — функции одинаковы, а пути реализации разные. Понимаете?

— Пока понимаю.

— В протоформу вмонтировано универсальное программное устройство, как бы генотип, а генотип этот снабжен приемником телесного языка. Чтобы использовать протоформу, ее накрывают пальцами. — Дийна взяла жемчужину у Александра и показала, как это делается. — Мысленно включают приемник, а потом шаг за шагом представляют создаваемую конструкцию. По обратным сигналам эта конструкция как бы высвечивается в голове, неудачное можно стирать и формировать заново, в созданное можно вносить исправления. Когда конструкция готова, подается сигнал «стоп», а затем протоформа стимулируется внешним импульсом энергии — можно использовать перстень, можно подержать протоформу над пламенем костра. Вот и все! В протоформу

вмонтирован собственный микрогенератор энергии, а вещество она заимствует из окружающей среды.

— Вот и все, — пробормотал Гири́н, жестом попросил у девушки протоформу и бережно принял весомый шарик на ладонь. — Ну а если нужно создать что-нибудь сложное, громоздкое — космический корабль, подводную станцию, целый завод? Неужто и такие вещи можно целиком удержать в голове?

Дийна кивнула, соглашаясь с его сомнениями:

— Вы правы, есть, конечно, предел для мысленного моделирования. Для создания очень сложных и громоздких конструкций производятся протоформы не с универсальным, а со специализированным генотипом, в который введена и схема будущего конкретного творения, скажем, космического корабля, и программа его формирования. Такие специализированные протоформы большой мощности называют прототипами, их развитие обеспечивают внешние источники энергии, так удобнее.

Перекатывая на ладони тяжелый перламутровый шарик, Гири́н полюбостовал:

— А она у меня, случаем, не заработает?

Дийна засмеялась:

— Нет. Приемник запускается четырехзначным цифровым кодом, а вы его не знаете.

— Из какого-то шарика — целый корабль или завод. Чудеса! — Александр передал протоформу девушке.

Пряча протоформу в подсу́мок на поясе, Дийна снисходительно улыбнулась:

— Вы, Саша, мыслящий человек — продукт развития крохотной оплодотворенной клетки. И это чудо достигнуто в ходе стихийной эволюции материи! Неужели корабль сложнее человека, а разум слабее стихийных сил? И потом, разве ваши телевизоры, самолеты и автомобили не чудеса для людей каменного века?

— Уговорили. Но откуда берутся протоформы, с помощью которых можно творить чудеса-нечудеса?

— Ту, — Дийна кивнула головой через плечо, — из которой сейчас формируются ваши крылья, я собрала сама.

— Как собрала?

Девушка засмеялась и пошевелила в воздухе своими загорелыми пальцами:

— Руками. Сборка протоформ из подручных материалов предусмотрена программой испытаний. Ну а вообще-то протоформы и прототипы производятся централизованно несколькими мастерскими-автоматами, которые обслуживаются бригадами численностью по десятку человек.

— Мастерскими?

— По своим размерам — мастерскими, а по потенциальной мощности и разнообразию продукции — колоссальными комбинатами, которые сравнимы с земными промышленными районами.

Гирин не без труда осмысливал услышанное, картина технологии, которую рисовала Дийна, была совсем не похожа на сложившиеся у него представления о будущем.

— Переход на универсальную продукцию — протоформы, прототипы и сверхъемкие аккумуляторы энергии — избавил нас от громоздких заводов, — продолжала Дийна. — Сами собой рассосались раковые опухоли городов. Мы перешли к здоровой, нормальной жизни, к вторичному слиянию с природой.

— Раковые опухоли городов? — непонимающе переспросил Александр.

— Конечно, это утрированная оценка, зато наглядная! Правильнее назвать города возрастной болезнью цивилизаций. Города — печальная необходимость. В производство любой, даже самой обыденной вещи — автомобиля, радиоприемника или часов — у вас вовлечены миллионы людей. Интересы экономии и производства требуют, чтобы эти миллионы были сконцентрированы на крупных и сверхкрупных предприятиях, отсюда и безудержный рост городов, этого социального зла, которое приходится терпеть до поры до времени.

— Зла? Да земные города всегда были центрами культуры и прогресса! Нечего нам приписывать свои недостатки.

— Но у нас нет городов, — спокойно и снисходительно возразила девушка. — Как можно приписывать несуществующее?

— Совсем нет городов?

— Есть, но это города-музеи, которые мы охраняем так же, как люди охраняют дворцы, храмы и пирамиды.

— Жизнь без городов? — Гирин никак не мог освоиться с этой мыслью. — Хоть убейте, не могу представить себе этого!

— Инерция мышления, — хладнокровно констатировала Дийна.

— Опять инерция?

— Опять. Тысячелетиями человечество строит и разрушает города, разрушает и снова строит. Растет число городов, растут сами города, и вам уже кажется, что так будет всегда. Даже самое далекое будущее видится вам лишь в гипертрофированно-урбанизированном варианте. Но прогресс — это не летящий снаряд, а качающийся маятник. Придет время, и если человечество справится с трудностями и уцелеет, то в ходе строительства коммунизма и космического расселения маятник градостроительства качнется в обратную сторону. Города постепенно растают, исчезнут с лика планеты. Правда, — по губам Дийны скользнула недоверчивая улыбка, в которой был оттенок мечтательности, — наши социологи говорят, что, когда разумные начнут гасить и разжигать звезды, реконструировать галактики и осваивать соседние субвселенные, они снова начнут собираться в огромные поселения. Но когда это будет!

Такое далекое будущее мало интересовало Александра, он думал о своем.

— Рассеются города, что же останется?

— Поселения-коммуны в несколько десятков, ну сотен человек каждое. Останутся коллективы, спаянные не только трудом, но и дружбой, общими интересами. Люди, которые, помимо высокого творчества и созидания, занимаются еще и древними, милыми сердцу, такими увлекательными полезными

делами! Охотой, рыбной ловлей, коллекционированием, садоводством. В таких коммунах каждый человек на виду: он знает каждого и каждый знает его. Коммуны — единение братьев и содругов, в коммунах крылатые слова «один — за всех и все — за одного» не лозунг, не мечта, а сама жизнь. В таком мире содружества люди преодолевают свои слабости, ведут себя достойно, если даже кто-то или что-то соблазняет их и сбивает с правильного пути. Таким миром правит не только личная свобода, но и общественная необходимость, и царит в нем не одно доверие, но и высокая ответственность. У нас нелегкая, потруднее вашей, но зато такая интересная жизнь! Да ведь и у вас ростки духовного здоровья и новой морали пробиваются и крепнут прежде всего в предтечах коммун — в экспедиционных и студенческих отрядах, на зимовках, в молодежных бригадах, разве не так?

— Так, — согласился Александр в раздумье. — Но что же получается, назад, к природе? Голый счастливый человек на первозданной земле? Вы думаете, земные чудачки не мечтали об этом? О «назад, к природе» написаны многие тома, но это же пустые мечты, утопии!

— Не назад, к природе, а вперед, к природе, — с ноткой усталости в голосе поправила девушка, может быть, ей надоел сам разговор, может быть, утомила непонятливость Гирина. — Мы вернулись к природе, но мы отличаемся от первобытных охотников с каменными топорами так же резко, как этот охотник в эпоху своего господства отличался от диких зверей. — Серебряные глаза прямо взглянули на Александра. — Я одна могу сделать больше, чем целый земной город. Могу перебросить через реку мост, проложить в горах дорогу, построить дворец или океанский корабль.

— И разрушить город, — подсказал Александр. Ему было почему-то и грустно от той странной картины будущего, которую нарисовала ему девушка. — Разрушить большущий город вместе с копошащимися в нем в поисках счастья человечками!

Серебряные глаза холодно взглянули на Гирина, но голос девушки прозвучал с неожиданной, взрослой мягкостью.

— Города сами умрут, когда пробьет их час. Не города нужно разрушить, а создавать коммуны: отряды, бригады, поселения. И беречь как зеницу ока их особую, высокую мораль. В коммунах — ваше будущее. — Дийна поднялась на ноги. — Пойдемте, Саша. Ваши крылья уже готовы.

Глава 16

Гирин, разумеется, строил самые разные предположения насчет того летательного приспособления, которое Дийна несколько таинственно называла незримыми крыльями. И во всех вариантах ему представлялось нечто неопределенное, эфемерное, собственно крылатое — вроде крылышек стрекозы. Но увидел он совсем иное — на месте сказочного ковра в центре большого пятна увядшей, а по центру даже выгоревшей травы лежал широкий золотистый пояс, как две капли воды похожий на тот, что охватывал талию Дийны.

— Это и есть незримые крылья? — Гирин смотрел то на пояс, то на девушку недоверчиво и, пожалуй, иронически.

— Они самые. Надевайте!

Гирин не без опаски поднял пояс. Он был тяжелым, не меньше килограмма весом, гибким и податливо-упругим, будто сделанным из губчатой резины. Чувствовалось, что это не простая полоса кожи или плотной ткани, а нечто заполненное жидкостью или пастой, какое-то хитроумное устройство. Держа пояс на ладонях, Александр вопросительно посмотрел на девушку.

— Надевайте! — с улыбкой повторила Дийна.

Гирин накинул пояс и несколько замешкался — не знал, как его застегнуть. Дийна помогла — оказалось, что надо было попросту заправить в боковую щель массивной пряжки свободный конец.

— А как снимать?

— Поверните пряжку по часовой стрелке. Вот и все! Теперь застегнитесь снова. И поверните пряжку против часовой стрелки.

Когда Александр выполнял эту команду, он почувствовал, что пряжка проворачивается не свободно, как в обратную сторону, а с заметным усилием и стрекотанием, точно он заводил большие часы с тугой пружиной.

— Вот вы и готовы к полету! — весело констатировала Дийна. — Не побоитесь?

— Не побоюсь, — с некоторой заминкой ответил Александр.

Конечно, он не боялся, как, скажем, люди боятся переходить пропасти по шатким мостикам без перил. Это было гораздо более сложное чувство, и Гири́н не сразу в нем разобрался. Это была не боязнь, а опасение, естественная настороженность классного пилота, привыкшего обязательно проверять технику перед полетом, пусть ее готовили самые опытные и добросовестные специалисты, а теперь лишённого этой возможности. Память услужливо подсказала ему, что пояс изготовила девчонка, еще не получившая аттестата зрелости. Поэтому он и заколебался, прежде чем ответить утвердительно, но, ответив, тут же отбросил настороженность и сомнения. Это тоже была летная привычка: приняв решение, уже не сомневаться. Гири́н отлично усвоил афористический совет многоопытного и хитроумного Ассена Джордана — менять решение во время вынужденной посадки равносильно катастрофе.

— Не боюсь, — уже уверенно повторил Гири́н, чувствуя, что Дийна смотрит на него с сомнением.

— Тогда дайте руку.

Теперь они стояли рядом, взявшись за руки, точно дети из садика на прогулке. Дийна всего пальца на два была ниже Александра, а его Бог ростом не обидел. Ее сильные пальцы уверенно обхватывали запястье Гирина.

— Расслабьтесь. Вот так. Спокойно, не делайте ненужных движений.

В тот же миг, рассыпая волосы Александра, сверху с нарастающей силой подул ветер, а трава, кустарник, а потом и деревья начали проваливаться вниз. Сердце у Гирина сладко замерло, как это бывает при волшебнo-легких полетах во сне. Скорость подъема постепенно замедлилась, и на высоте около двухсот метров, как это по привычке оценил Гирин, Дийна плавно перешла на горизонтальный полет. Сцепленные руки были отведены назад, они летели рядом, свободно лежа на мягкой подушке встречного потока воздуха. Скорость полета была не так уж велика, километров пятьдесят в час, по прикидке Александра.

— Все дело в поясе? — спросил он.

— В поясе. И в умении!

Ее волосы струились по ветру, словно живые. На секунду Александру почудилось, что они и не летят вовсе, а плывут в почти невесомом и прозрачном водяном потоке. Сердце Гирина, сердце юноши и летчика, не могло остаться равнодушным к этому волшебному птичьему полету. Ему хотелось озорничать и делать глупости.

— А могу я лететь сам, без вашей помощи?

— Не побоитесь?

— Ну! — возмутился Александр и попытался высвободить руку, но девушка ее не выпустила, наоборот, крепче сжала пальцы.

— Вы прыгали с парашютом?

— Конечно! Я же летчик.

— Тогда представьте себя в свободном падении и управляйте своим телом. Но падайте не вниз, не на землю, а вперед — на линию горизонта. Понимаете?

— Как будто понимаю.

— И не суетитесь! Я буду рядом.

Александр сердито взглянул на девушку, но сказать ничего не успел: девушка разжала пальцы и отпрянула в сторону, ободряюще махнув рукой. Пролетев по инерции несколько десятков метров, Гирин начал подниматься, линия горизонта поползла вниз. Александр довольно легко сумел снизиться, уменьшив угол наклона тела по отношению к набегавшему

потоку. Так же легко он справился с неожиданным нырком вниз и покосился на своего необычного инструктора. Девушка летела справа, отстав метра на три. Ободряюще улыбнувшись Гирину, Дийна покачала кистями рук и начала плавно поворачивать влево. С некоторым трудом, зарываясь то вверх, то вниз, Александр последовал за ней. Потом они выполнили такой же плавный разворот вправо. Приблизившись, Дийна похвалила:

— Молодец! — и с ноткой вызова добавила: — А ну-ка, попробуйте поймать меня! — И резко увеличила скорость полета.

«Быстрее!» — чисто машинально пронеслось в сознании Александра. По свисту в ушах и разом возросшему напору воздуха он понял, что скорость послушно увеличилась. Он уже почти настиг девушку, но в самый последний момент она пошла на крутую горку... Трудно сказать, сколько времени они занимались воздушной акробатикой и каких только причудливых фигур не пришлось выполнить Александру, следуя за своим неуловимым лидером. Конечно, сначала Дийна попросту, даже не скрывая этого, играла с ним в поддавки. Но видимо, Железный Ник не случайно аттестовал Гирина как «пилота милостью Божьей» и не даром Александр имел первый разряд по парашютному спорту. Он учился премудростям свободного, дегравитационного полета буквально на ходу, точнее, на лету, и вскоре воздушная игра в «кошки-мышки» началась уже всерьез или почти всерьез. Гирин не на шутку раззадорился, даже рассердился. Несколько раз его отделяли от девушки считанные сантиметры, и всякий раз непринужденным пируэтом, выходящим за рамки самых сложных фигур высшего пилотажа, Дийна неожиданно ускользала. И все-таки в один из таких моментов, непостижимо, как это случилось, Александр перехитрил ее и обхватил рукой. Совсем близко он увидел пряди волос, чистую загорелую шею. Серебряные глаза взглянули на него без улыбки, но вовсе не сердито, а по-товарищески спокойно. И все-таки впервые за все время общения с Дийной Александр ощутил ее

не ангелом-хранителем, спасшим ему жизнь, не все-
сильной инопланетянкой, которая способна творить
чудеса, а прежде всего девушкой. Девушкой, кото-
рая, подобно земным девчатам, может смеяться и
плакать, грезить о счастье и горевать. Эта новая
Дийна, вдруг рожденная воображением Александра,
смutilа его. Он понял, как много разделяет и сбли-
жает их. Конечно, сходство Дийны с земными девуш-
ками всего лишь внешнее сходство, не более. Алек-
сандр и Дийна — порождения разных, несхожих
субстанций, дети самостоятельных очагов жизни,
вспыхнувших в разных точках Галактики с разрывом
во многие миллионы лет. Но так ли безнадежно глу-
бока разделяющая их пропасть? По мере восхожде-
ния человека по ступеням разума люди постепен-
но становились все более терпимыми по отношению
друг к другу. Они учились, и это была нелегкая
наука — не обращать внимания на различия в тело-
сложении и цвете кожи, на разницу в обычаях,
верованиях и языке. Может быть, разные расы га-
лактических сапиенсов тоже имеют право на сбли-
жение?

Они теперь уже не держались за руки, летели ря-
дом, бок о бок. Александр перевел взгляд вниз и
увидел две размытые голубоватые тени. Будто ско-
ванные незримой цепью, тени скользили по равни-
не, взлетали на холмы и съезжали в лощины.

Глава 17

Лагерь Дийны, просторная двускатная палатка из
голубой ткани, размещался в редколесье непода-
леку от широкой и спокойной реки, напоминавшей
Александрю Оку, на которой прошло его детство.
Высокоствольные деревья с густо-фиолетовой корой
и небольшими, но плотными алыми кронами были
разделены солнечными полянами, поросшими низ-
кой желтенькой травкой, в которой были разбро-
саны венчики и искорки синих, голубых и зеленых
цветов. Над рекой кружили птицы, оттуда доноси-

лись их странные крики, чем-то похожие на гудки автомобилей.

— А на озере птиц почему-то не было, — подумал вслух Гири́н, разглядывая излучину реки.

— Это соленое озеро. В нем живет лишь два вида крупных рыб, птицам и животным делать там нечего.

— А динотерий?

— Это вечные странники, которых можно встретить где угодно. Вы садитесь, Саша.

Возле палатки лежал древесный ствол метрового диаметра, тут же было оборудовано место для разведения костра. Гири́н потрогал гладкую фиолетовую кору рукой — она пружинила, точно резиновая — и осторожно сел. Дийна опустилась рядом. Хрустальный луч солнца серебрил ей волосы и ласкал загорелую щеку, черты лица ее смягчились, и она снова стала удивительно похожей на Нину. Наверное, если бы не было полета, сблизившего Александра с этой девушкой, он бы промолчал, но теперь невольно произнес:

— Как вы на Нину сейчас похожи! — Дийна подняла на него свои серебряные глаза и улыбнулась. — Если бы не глаза, я бы мог запутаться и подумать, что это Нина прилетела сюда, чтобы меня навестить.

Гири́н спохватился и хотел пояснить, кто такая Нина и почему он заговорил о ней, но не успел.

— Я и сохранила свои собственные глаза, чтобы вы окончательно не запутались, — спокойно сказала Дийна.

Гири́н не сразу понял смысл ее фразы, а когда понял, то растерялся.

— Вы хотите сказать, что... — он запнулся, — что вы... ненастоящая? Что-то вроде биоробота?

Дийна весело рассмеялась.

— Нет, я такая же настоящая, как и вы сами! Но это, — она прикоснулась кончиками пальцев к своему лицу, — не родной для меня облик.

И снова Александр не сразу ее понял.

— У вас что же, могут быть разные облики?

— Могут.

— Значит, вы умеете... перевоплощаться?

— Умею.

Гирин кивнул в знак понимания, но в голове у него была каша. Дийна поняла его состояние и будничным тоном, как будто бы речь шла о самом обычном деле, пояснила:

— Это называется у нас метаморфозом. Сознательно управляя генотипом, мы можем в известных пределах изменять свой фенотип, свой внешний облик. — Она помолчала, давая возможность Александру осмыслить услышанное, и продолжала: — Когда копируешь конкретную личность, о которой есть подробные данные, время метаморфоза сокращается в десятки раз, да и копия получается полноценнее. Я торопилась: ведь был аварийный вызов, а образ Нины в цефалограмме вашей памяти был так ярок и так хорошо прописан! Вот я и решила им воспользоваться: проще, быстрее, да и опыта метаморфоза у меня еще маловато. Разве лучше, если бы я предстала перед вами уродиной, говорящей с таким акцентом, что сразу и не поймешь!

И хотя Дийна закончила свои пояснения шуткой, Гирин остался серьезным. Он разглядывал теперь девушку, сидящую рядом с ним, и Нину и не Нину, без первой растерянности, снова и снова перебирая в голове ее слова.

— Значит, через Нину вы и получили все сведения о Земле, о наших обычаях, языке и всем остальном?

— Не совсем. Можно сказать, что через Нину я получила знание множества деталей и оттенков. И вообще, на все земное я смотрю как бы двойными глазами — и своими, и глазами этой молодой женщины. И на вас, Саша, я отчасти смотрю ее глазами. — Дийна улыбнулась и без тени кокетства, очень просто добавила: — Но без ее влюбленности, конечно. Земная, семейная любовь к нам вообще приходит очень поздно по земным меркам, лишь к сорока — сорока пяти годам мы расстаемся с юностью и становимся по-настоящему взрослыми людьми. Я отошусь к вам, Саша, как к доброму товарищу.

В другой ситуации Александра поразили и заставили бы задуматься слова Дийны о такой долгой-долгой

юности, но сейчас они прошли мимо его ушей — его смутило, что Дийна все, конечно же все знает о его любви. Гирина даже в жар бросило.

— Так вы и об этом знаете! — пробормотал он.

— В самых общих чертах, — поспешила успокоить его девушка. — Без особой необходимости такие тайны при чтении цефалогрaмм обходятся стороной, они даже и фиксируются специальным, как у нас говорят, личностным кодом.

Эти слова несколько успокоили Александра, но отнюдь не до конца: у него было такое чувство, будто он некоторое время прогуливался перед Дийной обнаженным и вот только теперь узнал об этом. Видимо, девушка понимала его состояние, она продолжала разговор и вела его с тем спокойствием, с каким говорят о вещах не то чтобы неинтересных, но безличных.

— Но я знаю Землю не только через Нину. Ваша планета, Саша, находится в заповедном секторе Галактики. Человечество — единственная развитая цивилизация заповедника, поэтому вашу планету, историю, особенности науки и культуры изучают в наших школах подобно тому, как у вас изучают Древний Рим или Египет.

Мысли Александра разом изменили свое направление, он вспомнил разговор с Люци — и тот говорил, что Земля находится в заповедном секторе Галактики!

— Значит, Люци меня не обманывал, — заметил он в раздумье.

— Нет, не обманывал, — подтвердила Дийна. — По-моему, он даже позаботился о вас, правда очень уж своеобразно. Он оставил вас не где-нибудь, а на берегу озера Ку — в пустынном и безопасном месте. Визит динотерия — это случайность.

— Любопытно!

Гирин перебрал по основным кускам свои взаимоотношения с Люци, вспомнил о красных журавлях и собрался было рассказать о них девушке, но Дийна опередила его:

— Он не обманывал вас, когда говорил о том, что возвращение на Землю — это сложная и очень опасная для вас операция.

— А конкретно, в чем опасность?

— Я и хочу об этом рассказать. Телепортировка связана с нарушением причинных связей, а поэтому сопровождается отдачей. Вроде отдачи при выстреле из ружья! Только при выстреле следует удар в плечо, а при телепортировке на месте акции выделяется огромная энергия. Может произойти землетрясение, пронестись ураган, разразиться гроза страшной силы, при бесконтрольной акции предугадать это невозможно.

— Стало быть, — догадался Александр, — из-за того, что я жив, здоров и беседую с вами, в районе аэродрома стряслось что-то ужасное?

Дийна отрицательно покачала головой:

— Нет. Вы же были в летальной ситуации, Саша. — Она замялась, подбирая нужное выражение.

— Понимаю, — пришел ей на помощь Гирин. — Я должен был разбиться, уйти из жизни, а поэтому, когда меня вдруг изъяли и перетащили сюда, то никакой отдачи не произошло.

— Верно.

— И если теперь меня вернуть на Землю, то там обязательно разразится катастрофа? Веселенькая история!

Дийна снова покачала головой:

— Нет. Катастрофа разразится здесь, на месте акции. Это не так уж страшно, я могу ввести выход энергии в определенное русло. Плохо то, что после телепортировки вы, Саша, попадете в ту же самую ситуацию, из которой вы были изъяты.

Гирин смотрел на девушку недоуменно.

— Как же это может быть? Ведь прошло столько времени!

— Это очень трудно объяснить. Не сердитесь, Саша, у вас просто нет нужных знаний. Вы уж поверьте мне на слово!

Гирин кивнул и задумался.

— Стало быть, — вслух подумал он, — я снова вдруг начну падать к земле с отказавшим парашютом? Вот это да!

Дийна ободряюще прикоснулась к его руке:

— Есть некоторые тонкости. Летальную ситуацию, из которой вы были изъяты, можно подправить. Ну, скажем, так, чтобы вы оказались с исправным парашютом.

Александр шумно вздохнул:

— Почему же вы сразу-то об этом не сказали? И не совестно?

— Это не все. Если мы подправим ситуацию, то отдача возникнет уже не только здесь, но и на Земле. И чем больше поправка, тем больше и эта вторичная отдача.

Александр чувствовал, что девушка сказала не все, что есть в этой коррекции еще какой-то неприятный момент, о котором ей не хочется, неприятно говорить, и напряженно ждал. И не ошибся.

— В стихийном развитии вторичной отдачи есть одна странность, можно сказать, даже пакостность. Она развивается как бы по законам предков: око за око, зуб за зуб. — Дийна снова помолчала. — Вы ведь не один летели?

— Нет. — Александр начал смутно догадываться о том, что скажет вслед девушка. — С майором Ивасиком.

— Он остался жив?

— Да. — Сердце у Гирина заныло, он уже наперед знал, что скажет ему Дийна, но, хотя это для него теперь не имело значения, по своей летной привычке к точности формулировок все-таки нашел нужным поправиться: — По всей видимости, жив. Ивасик и катапультировался раньше, и просто трудно допустить, чтобы разом отказали два парашюта.

Наблюдая за выражением лица Александра, Дийна негромко проговорила:

— Так вот, за счет вторичной отдачи, вызванной исправлением вашего парашюта, скорее всего выйдет из строя парашют Ивасика.

— Мне это не подходит, — поспешно сказал Александр, а когда сказал, ему сразу стало легче и сердце ныть перестало, он даже улыбнулся девушке.

Дийна вздохнула:

— Я так и думала. Но не отчаивайтесь! Иногда удается направить вторичную отдачу и по другому пути. Надо детально просчитать ситуацию. Я сейчас и займусь этим. Здесь, в палатке, у меня вычислитель — компьютер большой мощности. А вы, чтобы не так уж долго тянулось время, соберите пока топливо для костра. Вон в той стороне много сухих ветвей.

— Есть! — сказал Александр, поднимаясь на ноги.

Отойдя на несколько шагов, он обернулся. Дийна стояла у входа в палатку и смотрела ему вслед.

— Ни пуха ни пера! — машинально пожелал ей Александр, имея в виду предстоящие расчеты. И тут же пожалел об этом — ведь без нужного ответа это шутливое заклинание могло только навредить. Конечно, Гирин никогда не относился серьезно к этой словесной игре, но все-таки!

— К черту! — очень уверенно ответила девушка, помахала ему рукой и скрылась в палатке.

Глава 18

Александр не торопился, ему хотелось побыть одному, хоть немного отдохнуть от непрерывного потока нового и неожиданного. Шуршала золотистая трава, из-под ног с посвистом и щебетом выпрыгивали крылатые лягушки. Над невысокими оранжевыми деревьями, усыпанными зелеными цветами, сверкающим дымом вились не то мелкие птицы, не то крупные насекомые, издавая мягкие гудящие звуки. Несмотря на жар солнечных лучей, воздух был довольно свеж, едва уловимо пахло приятной горечью вроде полыни. Помимо цветов, в траве росли крупные грибы с ядовито-синими шляпками на высоких ножках. Когда Александр по нечаянности чуть было не наступил на один из них, раздался глухой хлопок — гриб, сложив свою шляпку как зонтик, стрелой взмыл вверх и в сторону — за ним тянулся шлейфик голубоватого дыма. Гирин испуганно замер на месте, провожая летящий

гриб глазами, и чертыхнулся. Достигнув высшей точки траектории, гриб торжественно распахнул свою шляпку и начал парашютировать, покачивая ножкой с узловатым утолщением на конце. Конечно, мысли Гирина были там, в палатке, где сейчас в какой-то мере решалась его судьба. Но как всякий летчик, как любой человек, привыкший к каждодневному риску, он давно научился отодвигать тревогу куда-то в глубь сознания. Без этого умения в некоторых профессиях просто невозможно: истерзанный опасениями и страхами, человек либо ее меняет, либо рано или поздно в решающий момент допускает фатальный промах. Вот и теперь, хотя Александр в известной мере и волновался, но это не мешало ему смотреть, слушать и получать от прогулки известное удовольствие.

Он еще издали заметил штабелек сухих ветвей, очевидно заблаговременно заготовленных Дийной. Подойдя ближе, он заметил и небольшую кучку хвороста, ему даже почудилось, что эта кучка шевелится. На всякий случай Гирин вооружился палкой, подобрал камень и швырнул в этот странный хворост. В цель он не попал, но хворост встряхнулся и превратился в престранное животное метрового роста. Оно стояло на четырех коротких лапах, туловище его словно обросло пучками серой соломы, ветками и сучками. В глубине веток пряталась взъерошенная птичья головка с длинным острым клювом. Точно змеиное жало, этот клюв, металлически пощелкивая, то высывался чуть ли не на полметра, то прятался, уменьшаясь до нескольких сантиметров. Александр не столько испугался, сколько поразился нелепости зверя. Воинственно взмахнув палкой, он громко крикнул и шагнул вперед. Зверь откликнулся каким-то ржавым голосом, точно передразнивая Александра, и неуклюже побежал, напоминая большого, наполовину ощипанного ежа.

Набрав охапку крупных ветвей и хвороста для растопки, Гирин вернулся к палатке. Дийну он заметил издали, и было в ее позе нечто такое, что заставило сжаться его сердце. Сбросив ветви на землю, Алек-

сандр начал аккуратно укладывать костер, так чтобы его можно было разжечь с одной спички.

— Плохо дело? — как бы между прочим спросил он.

— Неважно.

— Я так и догадался. — Гирина похлопал себя по карманам. — А спички?

— Вы о чем?

— Спички! Костер надо запалить.

Дийна несколько критически оглядела сложенные Александром ветви, потом поднесла руку и щелкнула перстнем. Заплясали язычки пламени, вверх потянулся голубоватый, пряно папахивающий дымок.

— К несчастью, Саша, — словно продолжая уже долго длящееся обсуждение, проговорила девушка, — поблизости от вашего самолета пролетал другой — большой лайнер с пассажирами на борту. И сколько я ни просчитывала вариантов, отдача все время ложится или на вашего спутника Ивасика, или на этот лайнер.

— И чем это грозит?

— Отдача будет иметь характер молнии — мощного электрического разряда, я это выяснила. Таким разрядом человек, конечно же, будет убит, а вот что случится с самолетом, сказать трудно.

Александр для чего-то погрел руки над костром, хотя и без того было жарковато.

— Лайнер мне тоже не подходит.

— Понимаю.

Из большой сумки, сделанной из той же голубоватой ткани, что и палатка, — Гирина лишь теперь обратил на сумку внимание, — Дийна достала пару рогулек с держателями, два вертела и большую салфетку. Рогульки девушка молча передала Александру, он так же молча начал пристраивать их у костра — дело для него, не раз выезжавшего на охоту и рыбалку, было привычное. На салфетку Дийна положила столовые приборы, два блюда. На одно блюдо были осторожно выложены крупные, с апельсин величиной, зеленые плоды, такие нежные и сочные, что они подминались под собственной тяжестью, на другое — розовые овальные корнеплоды и зеленые лу-

ковички. На каждый вертел Дийна насадила уже очищенную птичью тушку с рябчика величиной, а потом стала нанизывать попеременно корнеплоды и луковицы. Гирин взялся было за второй вертел, но девушка его остановила:

— Я сама, Саша.

Гирин не стал спорить, только заметил, оглядывая салфетку:

— Скатерть-самобранка! А сервировка у вас совсем земная.

— Это для вас. И потом, у физически сходных разумных существ сходны и предметы домашнего обихода. Подумайте, что можно придумать вместо ножа, ложки или топора? Стул, стол, диван, шкаф тоже практически универсальные предметы. Разворошите костер, Саша. Эти дрова быстро выгорают, но потом долго тлеют.

— Удобно.

Занимаясь костром, Александр размышлял о своем будущем. Возвращаться на верную смерть глупо, вернуться благополучно ценою чужих жизней омерзительно, Александр органически не был способен на такой поступок. В эти минуты ему почему-то нет-нет да приходили на ум слова князя Болконского, сказанные им уходящему на войну любимому сыну: «Тебя убьют, мне, старику, больно будет. А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно!» Отца у Александра не было, наверное, поэтому вместо князя Болконского ему представлялся подполковник Миусов. Остаться здесь, в этом чужом мире? Александру и думать об этом не хотелось! И так плохо, и эдак нехорошо. Куда ни кинь, всюду клин. Но что самое интересное — Александр не падал духом и смотрел на свое будущее довольно оптимистично. Сначала он и не отдавал себе ясного отчета, почему это так. Но, поглядывая на строгий профиль ушедшей в себя девушки, — раздумье не мешало ее рукам проворно заниматься своим делом, — Гирин вдруг понял, в чем дело — он попросту не переставал надеяться на ее помощь. Наверное, тут сыграли свою роль и рассказы Дийны о своей цивилизации, и за-

печатленная в памяти картина повергаемого на песок динотерия, и самый облик девушки: погрузившись в раздумье, она потеряла и часть своего сходства с Ниной, и свою детскость, стала старше, строже и как бы обязательнее, а золотые и рубиновые отблески костра в серебряных глазах делали ее облик и вовсе сказочным. А в сказке все возможно! Александр надеялся...

Дийна передала Гирину сначала один снаряженный вертел, затем другой. Александр пристроил их на рогульках, без расспросов догадавшись, как использовать имевшиеся для этого приспособления.

— У меня мало опыта, — словно укоряя себя, проговорила девушка и пояснила: — Я говорю о вашей телепортировке на Землю. В этом деле много хитростей, многое зависит от практики и интуиции. Придется мне ненадолго покинуть вас, слетать на станцию.

— Что за станция?

— Аварийной связи и телепортировки. Пользоваться станцией можно лишь в особых случаях, но случай с вами и есть особый. — Глядя на костер, Дийна задумалась. — Выйду на связь и попрошу помощи.

— А мне можно с вами?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Почему? Мы же с вами братья по разуму!

— Нет никаких братьев по разуму, Саша. Нет и быть не может. — Голос девушки звучал суховато, почти равнодушно; несмотря на свое сходство с Ниной, она казалась сейчас Александру далекой и чужой. — Разум так же безличен, как вот этот перстень или костер, как топор или нож, с его помощью с равным успехом можно творить и добро и зло. А что такое добро и зло, решает не сам разум, а мораль. В космосе, Саша, есть братья по морали, а не по разуму.

После паузы, в ходе которой Александр разглядывал строгое, даже суровое лицо девушки, он негромко спросил:

— А мы — вы и я, кто мы друг другу?

Дийна подняла на него глаза.

— Мы с вами братья. — Она засмеялась, и сразу же из нее выглянула озорная девчушка, еще не по-

лучившая аттестата зрелости. — Я хочу сказать, что вы можете меня считать своей сестрой, старшей сестрой по морали. Не будь этого, разве бы я приняла в вас такое участие?

— Бросили бы на произвол судьбы?

— Зачем так прямолинейно? Можно ведь спасти и муху, увязшую в сахарном сиропе. Но одно дело спасти, и совсем другое сопереживать и заботиться, — и, помолчав, Дийна рассудительно добавила: — И все-таки некоторые наши тайны знать вам преждевременно и даже опасно.

— А мы-то верим в бескорыстную помощь высоких цивилизаций! И на всю Галактику кричим о своем существовании.

Девушка кивнула, подтверждая, что это очень неразумный поступок.

— Вы похожи на маленьких детей, заблудившихся в лесу. Дети верят, что на их крики обязательно придет добрая бабушка. — Дийна засмеялась, ее серебряные глаза загадочно поблескивали отраженными огоньками костра. — А ведь может прибежать и серый волк.

— Может?

— Может, — успокоила Дийна. Ирония придавала странную весомость ее словам. — Бабушки обычно заняты добрыми делами, им недосуг прислушиваться, а волки голодны и рыщут в поисках добычи.

— Пугаете?

— Нет, просвещаю. Грубовато, но в общем правильно нарисовав физическую картину большого космоса, морально люди остались в плену у религии, — в голосе девушки послышались насмешливые нотки. — Космос представляется вам раем, в котором живут ангелоподобные сапиенсы, которые бескорыстно служат науке и прямо-таки разрываюся от желания устроить счастье рода человеческого. А космос далеко не рай.

— Ад? — саркастически уточнил Александр.

— Не ад, но и не рай. Сложное и противоречивое сообщество разных и непохожих цивилизаций. Разумные сильно отличаются друг от друга внешним обликом, физиологией и моралью. То, что хорошо для одних, плохо для других, добро для одной цивилизации

иногда оборачивается злом для ее соседей. В общем-то, сапиенсы живут мирно, но это сложный, трудный мир.

Дийна попробовала дичь ножом, удовлетворенно кивнула, сняла с огня вертела и воткнула острыми концами в землю.

— Готовы, пусть остывают. — Она подняла глаза на Гирина, в них мерцала холодноватая, может быть, даже насмешливая улыбка. — А когда остынут, мы их с аппетитом съедим. И нам не будет стыдно — мы ведь исповедуем одну и ту же мораль! А для некоторых разумных поедание животных — кощунство, мерзость, поступок куда более ужасный, чем каннибализм в глазах человека.

Они занялись едой, и разговор прекратился сам собой: жареная птица — это блюдо, требующее к себе повышенного внимания. А после того как с едой было покончено, Дийна сказала:

— Я покину вас, Саша. Придется вам побыть одному до утра.

— До утра? — Александр был неприятно удивлен. Он вспомнил о динотерии и с сомнением посмотрел на изящную, ненадежную палатку.

Дийна поняла его взгляд, подошла к палатке и щелкнула по ткани пальцем. К удивлению Гирина, раздался металлический звон, точно щелкнули по пустому ведру.

— Это нейтридная ткань. Палатка уцелеет, если даже на нее свалится вот это дерево или ударит молния. На ночь вы закроетесь, я научу вас, как это делать, и будете в полной безопасности.

— А говорили, что отлучитесь ненадолго. — Александр был огорчен и не сумел скрыть этого.

— Ненадолго. Дни здесь короткие, смотрите — солнце уже у горизонта. А ночи еще короче — темнота длится всего два часа. Утром, когда взойдет не это, хрустальное, а другое, голубоватое солнце, я буду здесь.

— В этом мире два солнца?

— Два. Два солнца и один Александр Гирин, — пошутила девушка и протянула вороненый пистолет. — А это на всякий случай.

Гирин после некоторого колебания взял оружие. Это был самый обычный макаровский пистолет, но без номера! Александр вынул обойму — она была заполнена стандартными патронами, оттянул кожух, заглянул в ствол — пусто. Гирин вхолостую шелкнул курком, загнал обойму в рукоятку и вопросительно взглянул на девушку.

— Сделала, пока вы ходили за хворостом, попутно с расчетами. Вам такое оружие привычно, да и мне спокойнее будет.

Она протянула ему еще один патрон, пуля которого была окрашена в ярко-красный цвет:

— Это на всякий случай. Если уж слишком надоест какой-нибудь динотерий. Только не промахнитесь.

Глава 19

Гирин проснулся от какого-то стука и не сразу понял, где он находится: полумрак, тесное помещение, диван. Стук повторился — глухой, негромкий, но отчетливо различимый. Теперь он сообразил, что находится в палатке Дийны и что стук доносится извне. Звонкий снаружи, нейтрал своей внутренней поверхностью размывал звуки, поэтому, коли уж Александр слышал стук, значит, стучали здорово. Пока он торопливо одевался, стук еще раз повторился. Как и советовала Дийна, Александр полностью выключил внутренний свет, включил обзор и воспроизведение. В стене палатки проявилось овальное окно, и Гирин на фоне фосфорически освещенного ночного пейзажа увидел Люци, на физиономии которого было написано насмешливое ожидание. Подняв палку, он еще раз и весьма бесцеремонно забарабанил по стенке. Теперь этот звук в полной своей мере отдался и внутри палатки.

— Что нужно? — сухо спросил Александр.

Люци удовлетворенно улыбнулся, отбросил палку, отступил на шаг и отвесил почтительный поклон, хотя, как было известно Гирину, видеть собеседника он не мог.

— Мне нужны вы, Саша. Простите, что я нарушил ваш покой. Миль пардон!

— Слушаю.

— У меня к вам разговор, представляющий обоюдный интерес. Может быть, рискнете выйти и побеседовать? Вдохнуть между делом ароматы ночи и обозреть звездное небо? Честно говоря, отсутствие зрительного контакта сбивает меня и лишает привычной остроты мысли.

— Выйти, чтобы вы опять устроили пакость?

Фигура и физиономия Люци были хорошо освещены — он словно находился в рассеянном свете прожектора. Поэтому Гирину было отлично видно, как на лице этого новоявленного дьявола отразилось благородное негодование.

— Я? Пакость? Побойтесь Бога, юноша! Это была невинная хитрость, благодаря которой я вас свел с всемогущими демиургиями.

— Демиургиями?

— Вам неизвестно, что ваша подруга — демиургия? Святая простота! Цивилизация демиургийцев — одна из самых высоких и отважных во всей Галактике. Я искренне хотел вам помочь, а вы толкуете о пакостях. Такова хваленая человеческая благодарность! — Сменив патетический тон на деловой, Люци продолжал: — Речь идет о вашем возвращении на Землю. Если вы не выйдете, я удалюсь в ночь и мрак, а вы всю оставшуюся жизнь будете клясть и корить себя за то, что меня не послушали.

Александр усмехнулся:

— Невинная хитрость! А если бы меня сожрал динотерий?

— Никогда! Я прятался в кустах и был готов в любой момент прийти к вам на выручку. Но моей помощи не потребовалось. Помощь свалилась к вам буквально с неба в образе прелестной среброглазой девушки. С переменной цвета был разыгран великолепный гамбит! В роли спасителя выступала красная девица, а в роли спасаемого — добрый молодец, хотя в ваших сказках все бывает как раз наоборот.

— И как вам не надоест паясничать!

— Надоедает. Если бы вы только знали, как надоедает! Но что поделаешь? Болтовня для меня то же самое, что тренировки для классного спортсмена. Выходите, Саша. Клянусь звездным небом, что сверкает над моей головой, на этот раз я не буду прибегать даже к самым невинным хитростям! А ведь речь идет не о пустяке, о возвращении на Землю! — заключил Люци с улыбкой опытного искусителя.

— Хорошо, — после паузы согласился Гирин.

Он выключил обзор и звук, проверил, на месте ли пистолет, поколебавшись, зарядил его, вогнав патрон в канал ствола, поставил на предохранитель и снова спрятал. Сделал он это на всякий случай, по авиационной привычке, которой, в противовес расхожему мнению, вовсе не чужда предусмотрительность и предосторожность; вообще же говоря, он поверил Люци, почувствовал, что тот действительно не замышляет ничего дурного.

Люци ждал Александра в нескольких шагах от палатки.

— Какая ночь! Какое небо! — сказал он подходящему Гирину, раскидывая руки, точно желая заключить и небо и ночь в свои объятия, и проникновенно добавил: — В такую ночь можно услышать, как планета вместе с солнцем ломится через пространство к своему будущему. Давайте отложим на минуту-другую дела и насладимся прелестями мира!

Александра поразило лицо ловца-корсара: оно было вдохновенным и печальным — не хитрая физиономия Мефистофеля, а лик философа и поэта, отрешившегося от мелочных забот. И с некоторым замедлением, точно пробуждаясь от дремы, Александр по-настоящему увидел окружающее.

Небо бушевало. Оно поразило Александра той же разгульной щедростью звезд, которую он уже видел в космосе. Но там они спали, а здесь жили — играли, танцевали и веселились. Самые крупные мерцали так сильно, что казалось, вот-вот взорвутся и рассыплются фейерверком разноцветных искр. Это буйное, злое и веселое небо светило много ярче полной луны. Здешняя ночь была подобна цветным су-

меркам, которые иногда можно видеть на Земле, когда воздух особенно чист, а закат ярок и щедр красками. Цветное сумеречное редколесье было полито ясным и мягким молочным светом, который исходил от плотного шарообразного скопления звезд, низко висевшего над горизонтом, — кусочка Млечного Пути с многократно увеличенной яркостью. Этот молочный свет с неожиданной контрастностью выделял все синие и зеленые тона, оставляя серой желтую траву и черной, бархатно блестящей, красную листву. Этот свет переполнял и заставлял звенеть от напряжения свежий воздух. Александр понимал, что звенят огненные рои насекомых, которые стояли там и сям над травой, точно размытые языки пламени громадных незримых свечей, но он не мог отделаться от мысли, что звучат молекулы воздуха, возбужденные потоком света. Гирин слышал в Якутии таинственный морозный звездный шепот, а вот теперь услышал звездный звон!

— Какая ночь! — повторил Люци и повернулся к Александру. — Ну как, не раздумали возвращаться на Землю?

Гирин вздохнул. Поэзия исчезла, возвратилась странная проза его теперешней жизни.

— Не раздумал.

— Ничего удивительного — вы же ностальгиец!

Любопытная мысль вдруг поразила Александра. Присматриваясь к лукавой физиономии Люци, он спросил:

— Послушайте, ведь и у вас, наверное, — Гирин очертил пальцем вокруг своей физиономии, — не собственный, не изначальный облик?

— Разумеется. — Люци подмигнул. — Представляю, как бы вы вытирашили глаза, если бы я появился перед вами в своем первозданном виде! Впрочем, как земные прелестницы забывают об истинном цвете своих волос, так и я начинаю забывать свой истинный облик.

— Вы серьезно?

— Вполне. Метаморфоз освоен всеми высокими цивилизациями, у одних он врожденный, у других

приобретенный через известную генетическую реконструкцию. Метаморфоз весьма упрощает межзвездные связи. Скажем, я просто не представляю, как бы без метаморфоза я охотился — ведь планеты так сильно отличаются друг от друга силой тяжести, температурными условиями и составом атмосферы.

— Стало быть, вы оборотень?

Люци оживился, физиономия его приобрела хитроватое, самодовольное выражение.

— Вот-вот! Вы нашли нужное слово. До дьявола я, конечно, не дотягиваю. Но вот оборотень — это как раз то, кем я являюсь на самом деле. Оборотень! Какое кругленькое и вкусное слово!

— Странно все это.

— Все в мире странно и естественно, сложно и в то же время просто. Се ля ви! — Люци доверительно понизил голос. — Лабильность фенотипа — его врожденное, изначальное качество, а вот жесткость — вторичное. Вспомните, кем только вы не были в своей жизни! Оплодотворенной яйцеклеткой, червяком, головастиком с жабрами, скрюченным уродцем с огромной головой и крохотными лапками. Лишь к двадцати годам вы стали тем, кем являетесь и сейчас, — Александром Гириным, способным к труду, наслаждению и продолжению рода. И зная об этой серии чудовищно глубоких превращений, вы еще сомневаетесь в принципиальной пластичности своего фенотипа? Где же ваша логика? Другое дело, что, став зрелой особью, вы потеряли способность к метаморфозу!

— А вы, стало быть, не потеряли?

— Я, стало быть, не потерял.

Гирин посмотрел на звездное буйство, на звенящее, колеблющееся пламя свечей-роев. «Уй-ду! Уй-ду!» — монотонно, но крикливо предупреждал на реке не то зверь, не то птица. И, вздохнув, Александр пробормотал:

— Хуже всего, что все это звучит очень убедительно.

— Я бы перестал уважать себя, если бы вдруг говорил неубедительно!

— А как далеко может зайти ваш управляемый метаморфоз? Снова в яйцеклетку превратиться сможете?

— Само собой. — Люци хитровато ухмыльнулся. — Только если вы и попросите меня об этом, я откажусь.

— Почему?

— Потому что я знаком с земной легендой о джинне, которого один неосторожный юноша выпустил из бутылки. Стоит мне в ходе ретроградного метаморфоза превратиться в червячка, как вы — раз! — прихлопнете меня ладонью. И от хитроумного Люци останется лишь мокрое место, — оборотень весело посмеялся вместе с Александром. — Шучу, юноша, шучу. Глубокий метаморфоз не только сложное, но и опасное занятие. Стоит угаснуть дежурным точкам сознания, которые контролируют этот процесс, как он станет необратимым. И останется ваш покорный слуга Люци на всю свою дальнейшую жизнь головастиком или динотерием. Оригинальная перспектива, не так ли? Ха-ха-ха!

У Гирина мелькнула было дикая мысль — уж не был ли чудище-динотерий воплощением хитроумного Люци, но это было так нелепо, что он спросил о другом:

— Откуда у вас земное? Я усвоил, что Земля — заповедник, что о ней написаны тысячи томов и все известно. Но откуда эти словечки, ухватки?

Люци склонил голову набок, разглядывая Александра с загадочным и несколько насмешливым видом.

— А вы не догадываетесь?

Гирин покачал головой.

— Между тем все просто до глупости, на меня, как рябь на поверхности моря, наложено ваше «я», Сашенька.

— Мое?!

— Ваше, Саша. Ваше! Расторженное, освобожденное от социальных запретов и моральных уз, несколько искаженное и кое-где вывернутое наизнанку, но все-таки ваше «я». — Люци поднял руку,

призывая к вниманию. — Близится рассвет, а я, как и все темные силы, должен исчезнуть с появлением голубой зари.

— Побайиваетесь Дийны? — усмехнулся Александр.

— Разумеется! Кто же не побайивается демиургийцев? Мужественная, непреклонная раса разумных! — В голосе оборотня прозвучали нотки если не восхищения, то почтительности. — Им, черт их побери, совершенно чужда этакая вселенская, всепрощающая доброта. Они карают то, что им представляется злом, не обращая внимания на моральные извивы и нюансы других цивилизаций. Карают если и не жестоко, то жестко. Но вы меня опять сбиваете! Времени мало, и пора от высокой философии обратиться к делам насущным. Итак, вы хотите вернуться на Землю?

— Мне надоело это повторять.

— Прекрасно. Вы уже знаете, в чем сложность этой операции, поэтому я не буду повторяться. Или я сильно ошибаюсь, или Дийна не привезет ничего нового и вам заново придется решать трилемму: оставаться ли в мире космоса, возвращаться ли на верную смерть или купить благополучие ценою чужих жизней.

Александр похолодел от этого пророчества.

— Не каркайте!

— У меня и в мыслях нет пожелать вам чего-нибудь плохого! Если демиургийка привезет позитивную программу, я буду радоваться вместе с вами. Но, — Люци поднял свой длинный сухой палец, — если демиургийка не привезет ничего нового, вспомните обо мне и о красных журавлях. Мое предложение остается в силе: если вы достанете мне красного журавля, я с некоторым, но не очень тревожным риском переправлю вас на Землю.

На лице Александра отразилось очевидное недоверие, что, видимо, ничуть не удивило оборотня.

— Вы можете откровенно рассказать обо всем Дийне и посоветоваться с ней. Увидите, она очень серьезно отнесется к моим словам. Дело в том, что у нас, ловцов-корсаров, есть свои профессиональные тайны, которые передаются от отца к сыну, из рук в руки. В целом мне, конечно, далеко до демиургийцев, но

мне доступно и кое-что, им неизвестное. Колдовские секреты, тайны цеховых мастеров, понимаете?

Гирин задумался, рассеянно вглядываясь в цветные сумерки сказочной ночи, облагороженные ровным потоком молочного света. В словах Люци было нечто заслуживающее доверия. Александр знал, что отдельные ремесла, секреты которых хранились в глубокой семейной или цеховой тайне, на целые века и даже тысячелетия опережали средний уровень земной культуры. Он, например, знал, что в Багдадском музее хранятся гальванические элементы, применявшиеся для электролизного покрытия, для гальванопластики и гальваностегии около трех тысяч лет тому назад. Тайна производства булатной стали хранилась веками и лишь с большим трудом была разгадана вторично. Австралийские аборигены во тьме веков изобрели хитроумнейший бумеранг, аэродинамика которого с большим трудом была просчитана лишь в самое последнее время, а древние инки, судя по всему, выполняли парящие полеты в предгорьях Анд над просторами Наски. Почему бы Люци не опередить в чем-то демиургийцев?

Убедившись по выражению лица Александра, что тот понял его и отнесся к его словам с определенным доверием, Люци вкрадчиво продолжал:

— Поймать красного журавля трудно, почти невозможно. Но если Дийна согласится вам помочь, дело будет сделано!

— На что вам журавль?

— Это уж мое дело. — Люци погладил щеку, с некоторым сомнением поглядывая на Александра, точно прикидывая, в какой степени ему можно быть откровенным. — Я вовсе не альтруист, Саша, и не благодетель-бессребреник. Я довольно эгоистичное и своенравное существо, я привык что-то получать за свои услуги. Вы — мне, я — вам, вы мне — красного журавля, я вам — программу телепортации на Землю. Ваша среброглазая демиургийка ее проверит, так что об обмане не может быть и речи. Как это говорят крупные? Джентльмены, делайте свою игру! Давайте и мы будем делать игру, Саша: вы — свою, я — свою.

— А как я вас найду? — спросил после долгой паузы Александр.

— Это деловой разговор! — Люци скользящим движением манипулятора вынул из нагрудного кармана блестящую гофрированную коробочку величиной с пятак, похожую на анероид высотомера. — Это пинкер, устройство аварийного вызова. Нужно крепко сжать его двумя пальцами — вот здесь, по самому центру. И все! И через некоторое время я возникну перед вами, материализуюсь.

— Один попутный вопрос.

— Попутный — это хорошо, плохо, когда вопросы встречные. Прошу!

Но Гирин заколебался, хотя этот вопрос уже давно, чуть ли не с самого начала беседы висел у него на языке.

— Смелее, юноша!

— Дийна тоже, как бы это сказать, метаморфизована?

— Разумеется.

— А... каков ее настоящий облик?

Люци весело захохотал.

— Ага! Заговорила все-таки кровь! Не сердитесь, Бога ради, — поспешно добавил Люци, видя, как разозлился Александр. — Это же естественно! Вы опасаетесь, что дева в своем истинном виде похожа на лягушку, как это случается в ваших сказках, угадал?

Он угадал! Гирину было совершенно все равно, как выглядит Люци на самом деле, а вот каков истинный облик Дийны, кто его знает почему, ему было очень даже не все равно.

— Я понимаю, — в голосе оборотня звучали интимные нотки. — Но опасаетесь вы напрасно: по земным канонам красоты Дийна — настоящая богиня. Думаю, что в своем истинном виде девушка не показалась вам специально.

— Почему?

— Жалела вас. — Люци доверительно понизил голос. — Боялась, что влюбитесь и будете сохнуть от неразделенного чувства всю оставшуюся жизнь.

— Не говорите чепухи, — устало сказал Александр.

— Как угодно! Но я сказал то, что думал. — Люци отвесил шуточный церемонный поклон. — А теперь я исчезаю — рассвет близок. Не забудьте о красных журавлях!

Глава 20

После ухода Люци Гири́н не вернулся в палатку — спать не хотелось. К тому же разговор с оборотнем заново пробудил его тревогу за свою судьбу, поселив вместе с тем и некие новые надежды. Он решил встретить восход солнца: ему пришло в голову, что, может быть, это вообще последний восход, который ему доведется увидеть в своей жизни. Шаровое скопление быстро клонилось к горизонту, молочный свет, заливавший все вокруг, блек и тускнел, постепенно сливаясь со светом бушующего неба. Темнело, выцветали краски, и, когда звездное скопление окончательно зашло, сумерки превратились в ночь. В странную лунную ночь без луны и без теней, полную вездесущего звездного света. Пламя свечей-роев стало истончаться, исчезать, а вместе с этим затихал и молочный звон. И уже трудно было разобрать, звенит ли это ночь, или просто шумит в ушах, настороженных и ловящих всякий звук. Невдалеке пронеслось стадо животных — длинное, аморфное скопление стелющихся над травой и почти неслышных теней. За рекой хрипло и трубно, точно готовящийся к отходу теплоход, заревел какой-то зверь. «Уй-ду! Уй-ду!» — время от времени крикливо предупреждала ночная птица, но никуда не уходила.

Стало прохладнее. Александр сложил костер, но зажигать огня не стал — передумал, просто присел рядом на поваленный древесный ствол. Когда он укладывал хворост, то ощутил его сырость, влажной от росы была и древесная кора. Потянул лениво ветерок, на некоторые из его порывов недовольным кожистым шорохом откликнулась листва над голо-

вой. Пейзаж почти неощутимо менялся, становясь все более выцветшим, как бы прозрачным. Александр не сразу понял, в чем дело, а когда понял, оглянулся — за его спиной занималась холодная зеленая заря, а он ее ждал в той же стороне, где зашло звездное скопление! Заря торопливо разгоралась, светлело небо, одна за другой гасли звезды, а самые крупные теряли свою игривость, превращаясь в сонные светлые точки. Разгораясь, заря не теплела, не наливалась золотом и медью, а как бы накалялась, приобретая пронзительный голубой цвет. Еще несколько мгновений — и над горизонтом показался быстро растущий сегмент ярко-синего солнца, голубевшего по мере своего подъема. Когда его лучи начали жалить и колоть глаза, Гирин отвернулся. Странно было окрест! Света много, но этот свет не радовал, он был мрачным, словно неживым. Все красное казалось коричневым, золотистая вчера трава стала грязно-белой, фиолетовые стволы выглядели совершенно черными, а зеленые тона попросту исчезли, превратившись в синеватые. Мир наполнялся тревожным ожиданием и страхом. Ощущение тревоги было знакомым. И, покопавшись в памяти, Александр понял, в чем дело: нечто подобное он испытывал во время солнечного затмения, когда от дневного светила остался лишь узенький серпик, и мир вот-вот готов был окунуться в неожиданную и нелепую темноту. Понял и улыбнулся — ему стало легче, понимание всегда снимает какой-то груз с души. Александр достал зажигалку, оставленную ему Дийной, и гудящим языком плазмы в нескольких местах, чтобы быстрее разгорался, запалил костер. Влажноватый хворост сначала горел неохотно, с шипением и треском, а потом разом, дружно запылал. И все волшебным образом изменилось, потеплело: ствол дерева стал фиолетовым, грязная трава заиграла золотом, а листва над головой вспыхнула алым огнем, контрастно высвечиваясь на фоне густо-синего неба.

Обернувшись на звук шагов, Александр увидел подходящую Дийну, за ней по росистой траве тяну-

лась ровная цепочка темных следов. В ее серебряных глазах играли теплые отсветы костра, и поначалу Александру показалось, что она улыбается, но он тут же понял, что это лишь показалось.

— Доброе утро, Саша.

— Салют! Только доброе ли?

— Не очень. — Дийна опустилась рядом, на древесный ствол. Лицо ее было не то чтобы печальным или расстроенным, но рассеянным, отрешенным, точно она все решала и никак не могла решить сложную задачу. Александр занялся костром, разгреб угли, подбросил топлива и попросил негромко:

— Не томите.

Дийна оценивающе взглянула на него:

— Есть один вариант возвращения. Но рискованный!

Александр улыбнулся, к риску он был готов, давно настроился на него. Дийна не ответила на его улыбку.

— Слишком рискованный!

— А нельзя ли поподробнее? — попросил Александр после паузы.

— Нельзя. Могу лишь сказать, что все будет зависеть от вас самого. Но во вторичной отдаче случайностей избежать невозможно! В целом вероятность успеха оценивается как один к десяти.

Александр присвистнул. Какой же это риск? Смертоубийство! Примерно то же самое, что, вынув из заряженного барабана нагана один патрон, вслепую покрутить его, а потом выстрелить себе в сердце.

— Негусто, — вслух сказал он, снова занявшись костром, хотя заниматься им сейчас не было ровно никакой необходимости.

Теперь Александр не сомневался, что надо рассказать Дийне о предложении Люци и посоветоваться. Кто его знает, может быть, с помощью поимки красного журавля и действительно все можно решить гораздо проще? Александр не знал, с чего начать, и довольно неуклюже, с принужденной улыбкой проговорил:

— А у меня был гость.

— Знаю, Саша, — поморщилась Дийна. — Я все знаю!

Александр удивленно взглянул на нее, но это удивление длилось всего секунду — он вспомнил, кто она — Дийна — и как многое ей доступно.

— И о красных журавлях знаете?

— И о красных журавлях.

Вот теперь, только теперь у Александра заняло сердце, и противный холодок тревоги сразу отяжелил тело.

— И что вы мне скажете?

— Скажу, что Люци можно доверять. Я навела о нем справки: это действительно искусный ловец-корсар. Авантюрист, пройдоха, но в делах честен — без этого ему нельзя.

Гирин пожал плечами.

— Высокие цивилизации, господство в космосе, телепортировки — и вдруг пройдоха и авантюрист! — Александр недоверчиво взглянул на девушку. — Как же так?

— Встречаются и у нас такие индивиды, которые не могут ужиться ни в своей коммуне, ни в других. А высокая техника предоставляет таким одиночкам разные и широкие возможности. Тот же Люци делает по-своему полезное и нужное дело — думаете, так уж легко отлавливать животных? Люци — авантюрист, но в делах ему можно доверять. Сложнее обстоит дело с красными журавлями — эти птицы находятся под нашей охраной и защитой.

Дийна замолчала. Может быть, обдумывала какие-то иные варианты телепортировки, может быть, колебалась, решая, в какой степени ей быть откровенной, о чем говорить и о чем умолчать, может быть, просто ждала вопросов Гирина. Но Александр ни о чем не стал спрашивать.

— Я понимаю, — негромко сказал он. — Если так, обойдемся без Люци и без красных журавлей.

— Без красных журавлей? — переспросила Дийна, провела ладонью по лицу и, отбросив какие-то свои невысказанные сомнения, лукаво улыбнулась, сразу превратившись из серьезной молодой женщи-

ны в девчонку, любящую поозорничать. — Нет, без журавлей нам не обойтись.

— Что ж, вам виднее, — после паузы и некоторого колебания согласился Александр.

— Верно, — спокойно согласилась девушка, — мне виднее. Пистолет при вас? Давайте его сюда, он вам не понадобится.

Гирин передал ей оружие. Мельком оглядев пистолет, Дийна небрежно швырнула его ко входу в палатку. Гирин протянул ей и красноносый патрончик, но девушка сделала поспешный отстраняющий жест.

— Нет! Оставьте на всякий случай, — и улыбнулась в ответ на молчаливое недоумение Александра. — На счастье! И на память обо мне.

— Спасибо.

Гирин не без удовольствия спрятал патрончик в карман — авиаторы, как и люди других профессий, в которых случай и везение играют не последнюю роль, любят счастливые приметы. Все знают, что предрассудок, но что из того? В рискованных делах ценна любая мелочь, прибавляющая уверенность в себе.

— А теперь, Саша, внимательно меня выслушайте. Красного журавля поймать можно только в небе.

Александр приглядывался к девушке, намеренно сделавшей паузу. Ему показалось, что она шутит.

— В небе?

— В небе, в полете. На земле это сделать невозможно! Ловцам доставались лишь мертвые журавли, ни одного и никогда живого! Дело в том, что это — электрические птицы. — Видя, что Гирин не совсем понял ее, Дийна пояснила: — На Земле живут электрические скаты, сомы, электрические угри, а красные журавли — электрические птицы. На клювах у них разрядники, они способны метать молнии. Мелких животных вроде крылатых лягушек эти разряды убивают, человека один на один журавль, конечно, не убьет, но первым, самым сильным разрядом с ног свалит. Если хотите, это птицы-громовержцы, Зевсовы птицы!

— Надо же! Теперь я понимаю, почему они так строго охраняются.

— Дело не в этом! — нетерпеливо, с досадой прервала Дийна, но в чем, объяснить не стала, а просто продолжила рассказ: — Красные журавли отважны, дружны вплоть до самопожертвования, живут стаями, но разбиваются на пары и супружескую верность хранят до самой смерти. Строят очень удобные, можно сказать, многокомнатные гнезда. Попадая в безвыходное положение, насмерть поражают молнией самих себя.

— На земле?

— И на земле, и в полете. Последним зарядом электричества, как воин, не желающий сдаваться в плен, последней пулей.

— Но вы сказали, что в небе их можно поймать!

— Можно. Только в один определенный момент, когда птицы-громовержцы пересекают грозовое облако. Теперь вы понимаете, почему их отлов опасен?

Гири кивнул. Грозовое облако — настоящий ад! Ураганные порывы ветра во всех направлениях, тяжелые, ливневые капли дождя, град, грохот и блеск молний многокилометровой длины. Во избежание катастрофы вход в грозовые облака запрещен всем типам летательных аппаратов, а, попав в грозу, экипаж должен сделать все возможное, чтобы покинуть опасный район скорейшим образом. И вот в таком аду Александр должен поймать легкокрылую птицу!

— Почему обязательно в облаке?

— Птицы впадают там в своеобразный транс, во время которого за счет грозового электричества подзаряжают свои аккумуляторы. Да-да, это строго установлено! Земные электрические рыбы располагают батареями, а красные журавли используют исключительно емкие аккумуляторы. Немало птиц гибнет во время грозовой подзарядки, вся жизнь летающих громовержцев — сплошной риск. Чтобы жить, они должны буднично играть с самой смертью. Это прекрасно. Но это и ужасно!

Лицо девушки было печальным. Гирин вдруг понял, что ему никак, ну никак не хочется ловить Зевсовых птиц! Было в этом лично для него нечто нехорошее, кощунственное, сродни тому, что уда-

рить женщину или сделать пакость товарищу, с которым летаешь в одной паре. В судьбе красных журавлей было что-то общее с судьбой летчиков, особенно тех, кто ведет неустанный воздушный бой на переднем фронте научного прогресса.

— А без красных журавлей никак нельзя обойтись? — осторожно спросил Александр.

Секунду девушка смотрела на него, похоже не совсем понимая, о чем он завел речь, а потом озорно улыбнулась:

— Можно. Но не нужно! Ваш путь домой через красных журавлей — самый короткий путь. Да и вообще, ловить журавлей в небе, разве это не интересно? — Она заговорщицки понизила голос. — Люци хитер, но ведь и мы с вами, когда это нужно, можем стать хитрыми. Журавля мы поймаем, но Люци его насовсем не отдадим.

— Каким же образом?

— А это уж не ваша забота!

Гирин задумался. Как это ни странно, а он был вовсе не против надуть лукавого оборотня! С полегчавшим сердцем он спросил:

— И что мы будем теперь делать?

— Завтракать. Отдыхать. И ждать. Как и земные перелетные птицы, красные журавли придерживаются определенных маршрутов. Один из них проходит прямо через лагерь. Около полудня птицы будут здесь. — И Дийна показала рукой на густо-синее небо, которое в одном месте было расплавлено и выжжено яростным голубым солнцем.

Глава 21

Время тянулось лениво, как оно тянется в ожидании летной погоды, когда эта самая погода все устанавливается, устанавливается и никак не может установиться. Дийна занималась своими делами, не совсем понятными Александру, непонятными прежде всего потому, что он не обращал на них сознательного внимания. Казалось, предстоящая опера-

ция поимки красного журавля нисколько ее не волновала, а Александр не находил себе места. Он еще и еще раз перебирал порядок своих действий: дожждаться пролета красных журавлей, взлететь вслед за Дийной и все время держаться рядом с ней, особенно после входа в грозовое облако, а затем по ее сигналу ринуться к красному журавлю и крепко ухватить рукой за длинный клюв, так чтобы он не мог его открыть. В трансе подзарядки птицы-громовержцы полностью отключаются от окружающего — кого им опасаться в чреве грозового облака! Но иногда реагируют на прямые прикосновения. Поэтому и нужно принять меры предосторожности: журавли мечут свои молнии через полуоткрытый клюв, стоит клюв зажать, как они лишаются своего грозного оружия. О Дийне ему не следует беспокоиться ни при каких обстоятельствах, она уверила Александра, что может создавать вокруг своего тела магнитную противозащиту разрядам и поэтому полная безопасность ей обеспечена. Он должен заботиться лишь о деле и о самом себе!

Еле слышный, но глубокий звук оторвал Александра от размышлений, точно вздохнуло само густо-синее небо. Гирин вскочил на ноги и крикнул девушке, рубашка которой голубела среди кустарника:

— Журавли!

Дийна вышла на поляну, посмотрела на солнце.

— Вам показалось, рано. Они пролетят примерно через полчаса.

— Нет, — уверенно возразил Александр, — я слышал. Летят красные журавли!

Дийна с сомнением взглянула на него, прислушалась, и снова глубокий звук, словно вздох, опустился с неба на редколесье.

— Они! Далеко вы их слышали.

— Я ждал. И ждал совсем не так, как ждали вы.

Девушка внимательно взглянула на него, но ничего не сказала. Крики журавлей становились яснее и звонче, скоро Дийна заметила птичий треугольник и указала на него Александру.

Птицы-громовержцы летели выше, чем в прошлый раз. В свете голубого солнца они казались не красными, а черными, лишь концы крыльев отсвечивали тусклым багровым огнем. «Олла! Олла!» — падал на редколесье звучный, зовущий крик.

— Пора, — сказала Дийна, следя глазами за птицами.

— Я готов.

— Пора, — повторила девушка, обращаясь уже непосредственно к Александру, и, мягко оттолкнувшись ногами, поднялась в воздух.

Они летели с Дийной в полукилометре от журавлиного строя, лишь немного поотстав, в правом пеленге. Скорость была большой, около семидесяти километров в час, нещадно палило солнце, но встречный поток воздуха не давал перегреться. Через час полета Дийна, подскользнув к Александру вплотную, крикнула, перекрывая свист ветра:

— Готовьтесь! И держитесь рядом со мной!

Впереди по курсу небо стало туманиться, теряя прозрачность, и сереть, понемногу вырисовывались очертания лохматой облачной массы. Круто развернувшись влево, Дийна зашла в хвост журавлиному строю и начала сокращать дистанцию. В левом ряду было четыре журавля, в правом — семь.

— Брать будете крайнего правого!

— Понял!

Облако было рядом, это было ощутимо и зрительно, и по резким порывам ветра, которые начали бесцеремонно швырять Александра в разные стороны, Дийна оказывалась то выше, то ниже. Он прилагал большие усилия, чтобы держаться рядом, следить за журавлями стало некогда, пришлось во всем положиться на свою спутницу. Гирин знал, что Дийна решает сейчас сложную задачу. Если поторопиться, то не успевшие впасть в транс журавли могут заметить их и атаковать. Если немного запоздать, птицы углубятся в грозовое чрево, молнии которого страшнее журавлиных.

— Руку!

Александр послушно протянул руку, Дийна крепко обхватила его кисть и резко прибавила скорости. Пронзительно завыл ветер, выжимая из глаз слезы. Через несколько мгновений они окунулись в облачную, дышащую влагой и холодом массу, и тут же Александр ниже и впереди себя увидел силуэт большой птицы, мерно взмахивающей крыльями.

— Вперед, Саша!

Александр выпустил руку девушки и нырнул к журавлю. В тот же миг журавль повернул голову, и на Гирина строго взглянули большие серебряные глаза. Клюв приоткрылся, и вспышка голубого пламени смяла Александра.

— Дийна! — теряя равновесие, крикнул он.

Но в ответ снова полыхнул огонь.

— Нина!

Очнулся Александр в свободном падении. Он летел в сером и влажном облачном мареве, его крутило и вертело во всех трех измерениях, трудно было даже разобрать, где небо, а где земля. Александру вдруг подумалось о том, что напрасно преисподнюю рисуют в огненно-черных тонах. Не говоря уже о красном, даже в черном цвете есть нечто утверждающее — пусть через отрицание. Настоящее небытие — это не утверждение и не отрицание, а нечто такое же вот серое и неопределенное, как эта облачная утроба.

Земля!

Она открылась не сразу, а вырисовалась постепенно. Александр ощутил острый укол тревоги: он легко опознал район своего аэродрома — широкую ленту автостреды, голубую змею реки, лесной массив, а на его западной окраине озеро. Родной аэродром в далеком инозвездном мире? Это было непонятно, это тревожило, пугало. И сердце вдруг приостановилось на миг, а потом зачастило, все время сбиваясь со своего здорового мерного ритма. Трудно стало дышать, словно лежал Александр не на веселой и озорной встречной струе воздуха, а в темном и душном подвале.

Александр падал лицом вниз, четко, как на соревнованиях, фиксируя положение своего тела. Странное

спокойствие овладело им. Он понимал, что обречен. Через два-три десятка секунд его тело врежется в летящую землю, превратится в противный мешок мяса и раздробленных костей. Не будет больше на свете пилота Александра Гирина. «А свидание? — вдруг подумал он с грустью и сожалением. — Напрасно будет ждать меня Нина!» Желание жить вспыхнуло с такой силой, что Александр еле удержал крик, рвущийся из груди. Нет-нет, все это не может быть правдой! Смерть, такая внезапная, неотвратимая и грубая? Теперь, сейчас, когда за облаками так ярко светит солнце, а на землю сеет мелкий теплый дождь? Чепуха! Просто его сморил неожиданный тяжелый сон, может быть, прямо в кабине самолета. Очень просто, майор Ивасик взял управление, а он задремал. А может быть, его зачаровала неземная среброглазая девушка. Ей скучно одной на чужой планете, вот она и наслала на него этот удушливый морок. Сейчас злые чары рассеются, и настоящая жизнь снова пойдет своим чередом!

Но ничего не менялось. Надоедливо, противно свистел воздух, бьющий прямо в лицо с растягивающейся вширь, обрастающей деталями земли. Поток срывал дыхание и мешал сосредоточиться на самом главном, на том, что Александр обязан был вспомнить и никак не мог. Поздно! Неужели поздно? Летящая навстречу, готовая смять и растерзать его тело земля — жестокая правда, а не тяжкий сон. Поздно? Нет, нельзя сдаваться! Надо искать выход — не может быть, чтобы судьба не подарила ему хотя бы малюсенький шанс на спасение. Ведь судьба всегда благосклонна к сильным духом!

А озеро? Озеро, расположенное на опушке леса, разве это не шанс? Озеро! Во время Отечественной войны какой-то морской летчик-истребитель остался жив, упав с нераскрытым парашютом на заснеженный склон оврага. Озеро! А где-то в Америке рискованные парни ныряют в море чуть ли не с тридцатиметрового обрыва! Озеро! Самое главное — точный вход в воду. Озеро!

Придав телу наклонное положение, Гирин очутился над центром озера, над темным пятном больших

глубин, которое, растягиваясь как резиновое, валилось на него. Он отчетливо представлял, что спасти его может лишь строго вертикальное положение тела. Но это положение нельзя принимать слишком рано — наберешь большую скорость. И Александр выжидал тягучие, весомые доли секунд... Теперь пора! Гирин начал энергичный кувырок вперед, на голову, стараясь вытянуть тело в единую линию, зафиксировать его как можно ближе к вертикали.

Вот она, вода, рядом! Рвется в самые глаза!

Э п и л о г

Рыбаки, — их на озере всегда предостаточно, были среди них и авиаторы, сюда весь город ездил, — видели, как с неба на глубокие места, что неподалеку от берега, упал человек. С десятков разных лодок, одни сразу, другие чуть позже, рванулись к месту падения, обозначенного кругами расходящихся волн. Тишина сменилась плеском воды, скрипом уключин, возбужденными голосами и криками. Нырять за Гириным не пришлось — удар о воду вырвал из парашютного ранца часть купола, она плавала теперь на поверхности воды. Ухватившись за мокрую ткань, Гирина со всеми мерами предосторожности втащили в лодку — операцией руководил врач, случайно оказавшийся среди рыбаков. Гирин не захлебнулся, наверное, при ударе о воду ему на какое-то время сбило дыхание. Когда Александра осторожно втащили в лодку, он вздохнул, ресницы у него дрогнули. Жив!

Расстелив на мокрой траве плащ-палатку, Гирина уложили на самом берегу озера под раскидистой сосной. Врач не отходил от него ни на шаг. Гирин несколько раз приоткрывал глаза, пытался сказать что-то, но тело его оставалось странно неподвижным, и по-настоящему в сознание он так и не приходил. Врач отирал лицо Александра носовым платком, когда к берегу озера, срывая дерн и разбрызгивая грязь, вывернула из-за кустов вишневая «Волга». Взвизгнули тормоза, и, клюнув носом, машина за-

мерла как вкопанная. Хлопнув дверцей, из нее вышел Миусов, а за ним выскочил техник звена, который по поручению рыбаков-авиаторов дежурил у тракта, поджидая полковые машины.

Миусов был без фуражки, в старой, изрядно потертой кожаной куртке, волосы у него были спутаны, на загорелом лице начала пробиваться щетина — брился-то он часа в четыре утра. Но врач, поспешивший к машине, сразу разобрался, кто есть кто, и, обойдя щеголевато и модно одетого техника, вполголоса объяснил Миусову, что летчик жив, но транспортировать его не стоит: он обречен, жить ему осталось считанные минуты. И, задержавшись взглядом на рубленом лице Миусова, торопливо добавил:

— К сожалению, это тот самый печальный случай, когда медицина бессильна.

Миусов выдержал паузу, критически разглядывая докторскую лысину, неуклюжую рыхлую фигуру с заметно очерченным брюшком и неожиданно сильные длиннопалые руки.

— Кто вы такой?

— Врач. Я работаю в травматологии, у меня двадцатилетний хирургический стаж, — с некоторой обидой ответил доктор.

— Где гарантии, что вы не ошибаетесь?

— Глубокий шок, нитевидный пульс, который едва удастся прослушать, больной за полтора часа ни разу не пришел в сознание. — Доктор пожал рыхлыми покатыми плечами. — Самый факт падения в воду с большой высоты.

Миусов кивнул в знак того, что принял эти слова к сведению, и, помедлив, тихонько направился к лежащему под сосной Гирину. Постояв над ним и поразившись тому, как сильно изменилось его лицо с момента их последней встречи на предполетной подготовке, Миусов опустил на колени. И помедлил, замялся, испытывая нечто вроде смущения: он не знал, не мог решить, как ему обратиться к юноше, которого он по-своему любил и пестовал как пилота. Гирин? Миусову претило обращение по фамилии в такой момент. Саша? Но он никогда не на-

зывал его так. Крупные желваки вспухли и опали на скулах Миусова.

— Лейтенант, — негромко позвал он.

При звуках этого приглушенного гнусоватого голоса веки Гирина дрогнули, глаза открылись и понемногу приобрели осмысленное выражение.

— Командир, — прозрачная тень улыбки легла на лицо Гирина. — Я все сделал, как надо... Как учили.

Голос его звучал едва слышно, но отчетливо.

— Я горжусь вами, лейтенант.

Гирин сделал легкое движение. Миусов сразу понял, что он хочет приподняться, и покосился на хирурга, стоявшего рядом. Тот отрицательно покачал головой. Тогда Миусов склонился к самому лицу Гирина.

— Нина, — прошептали губы. — Хочу видеть Нину.

— Она придет. Сейчас!

Встревоженное лицо Гирина обмякло, успокоилось. Он пробормотал что-то неразборчивое, притих и вдруг отчетливо спросил:

— Слышите?

Миусов невольно прислушался, так требователен был этот короткий вопрос, но, кроме приглушенного говора людей и далекого лая собак, не услышал ничего.

— Слышите? — настойчиво переспросил Гирин, и снова прозрачная тень улыбки легла на его лицо. — Красные журавли!

— Он бредит, — вполголоса сказал хирург.

— Я не брежу, — в голосе Гирина звучала странная, снисходительная уверенность. — Летят красные журавли! Скоро будет гроза.

Кто-то уронил в воду весло. Миусов обернулся на плеск, на секунду задержав тяжелый взгляд на смущенном владельце лодки, а когда снова перевел взгляд на Гирина, тот был уже мертв. За четверть века летной службы Миусов повидал многое и разное, ему не нужно было свидетельство врача о том, что Александр Гирин умер. Он умер сразу и спокойно, с еле заметной, загадочной улыбкой на губах.

Миусов поднялся с колен, зачем-то подтянул «молнию» своей старенькой куртки и прямо через расступившуюся толпу прошел на берег озера. Постоял, глядя вдаль, и сел на древний, уже лишившийся коры лысый пенёк. Александр Гирин умер. А майор Ивасик жив! Нет, Гирин не умер — погиб. Погиб, совершив, как нечто естественное, свой маленький подвиг. Погиб, выполняя свой долг на этом проклятом и прекрасном пути за овладение небом — воздушным океаном и космосом.

Сзади к Миусову подошел давешний техник. Хирург, недавно во всеуслышание объявивший, что Гирин совершенно безнадежен и должен с минуты на минуту умереть, теперь, когда смерть наступила, с каким-то остервенением делал Гирину не прямой массаж сердца. Добровольные помощники в то же самое время делали Александру искусственное дыхание. Разве можно так терзать грудную клетку человека, упавшего в воду с такой высоты? У техника было собственное мнение на этот счет, которым он и пришел поделиться с Миусовым после того, как врач мимоходом послал его очень далеко.

— Товарищ подполковник!

Миусов повернул голову, некоторое время хмуро разглядывал щеголеватого молодого человека. И устало прогнусавил:

— Ну что там еще?

Техник открыл было рот, собираясь изложить свои сомнения, но прикусил язык. Железный Ник плакал! Плакал без всякой позы, как это было ему дано — просто на его загорелой, задубевшей щеке протянулся влажный след одинокой слезы. Пока техник лихорадочно собирал вдруг разбежавшиеся мысли, с нависавшей ветви сосны ему на шею упала тяжелая прохладная капля влаги. Упала, заставила его вздрогнуть и внутренне облегченно улыбнуться. Слезы? Как только ему могла прийти в голову такая глупость! Как только он мог подумать, что Железный Ник способен плакать! Просто старая сосна уронила ему на щеку одну из жемчужин-капель, которыми были щедро украшены ее длинные иглы. Уронила и оста-

вила на задубелой щеке нежный, трогающий сердце, такой эфемерный след!

— Ну? — хмуро поторопил Миусов.

И, отвернувшись от техника, стал рассеянно подбирать с прибрежного песка камешки и швырять их в воду. Попался ему под руку и никем не замеченный прежде тупорылый красноносый патрончик. Все так же рассеянно, не ощутив специфики предмета, Миусов и патрончик кинул в озеро.

Техник так и не успел ничего объяснить. По озеру прокатился глухой удар, точно плеснул хвостом большущий сом, а сзади послышался нарастающий натужный рев двигателей, работающих на высоких оборотах. Скользя взглядом по разбегающимся по поверхности озера волнам, Миусов обернулся через плечо: из-за кустов по следу, проложенному «Волгой», выбирались полковая «санитарка» и автобус. Не успели машины затормозить, как дверца «санитарки» распахнулась.

— Нина! — услышал Миусов шепот.

Тяжело опираясь на локоть, Александр Гирин приподнимался навстречу молодой женщине, бегущей к нему по мокрой зеленой траве.

СОДЕРЖАНИЕ

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА. Роман	7
КРАСНЫЕ ЖУРАВЛИ. Повесть	359

- Т85** **Тупицын Ю.Г.**
Дальняя дорога: Роман, повесть. — «Классическая библиотека приключений и научной фантастики». — М.: Центрполиграф, 1996. — 490 с.

ISBN 5-218-00218-6

Действие романа Ю. Тупицына «Дальняя дорога» переносит читателя в отдаленное будущее, в XXIII век. Обновленный мир очистился от скверны, затрудняющей нашу жизнь сегодня. Нашим потомкам удастся открыть новую планету — Кику. Но трагические и труднообъяснимые события нарушают привычный ход вещей. Раскрыть тайну удастся новой космической экспедиции во главе с Федором Лоркой.

Героями повести «Красные журавли» стали молодой летчик Гирин и его командир Миусов. Высокий профессионализм и взаимовыручка помогают найти выход из сложнейшей ситуации.

ББК 84.Р7

Литературно-художественное издание

**Юрий Гаврилович
Тупицын**

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

Роман, повесть

Редактор Д. О. Хвостова

Художественный редактор А. И. Моисеев

Технический редактор Л. И. Витушкина

Корректоры Н. В. Бокша и Н. В. Еремина

ЛР № 064206 от 10.08.95 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 10.10.96.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура «Таймс» Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04.

Уч.-изд. л. 25,48. Тираж 20 000 экз. Заказ № 2945

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГМП «Первая Образцовая типография»
113054, Москва, Валовая ул., 28

СЕРИЯ

«КЛАССИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ» (РАМКА)

Приключения, фантастика, вестерн, детективы для юношества и взрослых.

Не одно поколение юных читателей «выросло» на широко известной серии — «Библиотека приключений и научной фантастики» (рамка), выпускавшейся издательством «Детская литература». Продолжая лучшие традиции книгоиздания, «Центрполиграф» приступил к выпуску полюбившейся серии, сохраняя традиционную «рамку». Серия открывается выпуском полного собрания фантастических произведений Василия Головачева.

В.Головачев «Черный человек» (кн.1, кн. 2)

В.Головачев «Демон»

В.Головачев «Реликт» (том.1, том 2, том 3)

В.Головачев «Вирус тьмы»

В.Головачев «Утечка информации»

В.Головачев «Заповедник смерти»

Л.Ламур «Ситка»

Л.Ламур «Одинокое божество»

Л.Ламур «Походный барабан»

Л.Ламур «Чертова гора»

Твердый переплет с золотым тиснением и цветной рамочкой, формат 135 x 210 мм, объем 400 стр

Цена одной книги 20000 руб.

СЕРИЯ «СТАЛЬНАЯ МЕЧТА»

«Стальная мечта» — это фантастика Нового Поколения. По страницам романов рука об руку разгуливают андроиды и родовитые аристократы, над гигантскими мегаполисами встает кровавая заря Последних Имперских Войн, а по тесным улочкам экзотических городов разгуливают компьютеризованные зомби. «Стальная мечта» — это межзвездные войны и путешествия к неизведанным планетам, головокружительные приключения в далеком будущем и динамичный сюжет, развивающийся с быстротой скачущего табуна мустангов. В серию вошли лучшие романы блестящих мастеров, корифеев мировой фантастики, таких как **Ян Бэнкс, Джордж Алек Эффинджер, Джон Броснан, Джо Холдeman, Ян Макдональд, Черил Франклин** и другие. В России ранее не издавались.

Я.Бэнкс

Дж.Эффинджер

Е.Ворон

Д.Холдeman

Д.Холдeman

Дж.Эффинджер

Е.Ведемская

Дж.Броснан

Дж.Броснан

«По ту сторону тьмы»

«Когда под ногами бездна»

«Ангелы-хранители работают без выходных»

«Миры обетованные»

«Миры запредельные»

«Миры неукротимые»

«Огонь на солнце»

«Звездные Хранители»

«Небесные Властелины»

«Падение Небесных Властелинов»

Твердый целлофанованный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 400 стр

Цена одной книги 20000 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

105275, Москва, а/я 55, **ВОРОНИНОЙ Е.С.**

СЕРИЯ «ОСИРИС»

Книга-почтой

По многочисленным просьбам любителей фантастики «Центрополиграф» возобновляет выпуск серии «Осирис», хорошо известной поклонникам фантастики. В серии выходили лучшие романы английских и американских авторов, таких как Р. Желязны, К. Саймак, Э. Гамильтон, Р. Хайнлайн. Продолжая лучшие традиции издания фантастики, «Центрополиграф» удивит читателей новыми изданиями произведений блестящих мастеров, корифеев мировой фантастики, таких как Норман Спинрад, Деймон Найт, Томас Диш, Ф. Дик и другие.

М. Муркок
Н. Спинрад
Ф. Дик
Д. Найт
Ф. Дик
Д. Найт

«Бегство из сумерек»
«Стальная мечта»
«Мастер всея Галактики»
«Билет куда угодно»
«Лучший друг Бога»
«Сумерки людей»

Твердый целлофанированный переплет, формат 145 x 200 мм, объем 500 стр.

Цена одной книги 19000—20000 руб.

СЕРИЯ «МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ»

Увлекательные мифологические сюжеты, сказочные персонажи, традиционная тема борьбы Добра со Злом, раскрываемая на материалах наиболее популярных древних народных саг, доставляет истинное удовольствие любителям сказочной фантастики. Серия открывается циклом Летописи Шаннары американского писателя Терри Брукса — широко известного мастера фэнтези. Вы попадете в сказочную страну Четырех Земель — мир, который вместе с людьми населяют гномы, тролли, эльфы, дворфы. Они сражаются со злыми тварями призрачного мира, грозящими уничтожить Мир. Здесь есть и верная дружба, и предательство, и любовь...

Т. Брукс
Т. Брукс
Т. Брукс
Т. Брукс
Т. Брукс
Т. Брукс
Д. Дункан
Д. Дункан
Д. Эддингс

«Меч Шаннары»
«Эльфийские камни»
«Песнь Шаннары»
«Потомки Шаннары»
«Друид Шаннары»
«Королева эльфов Шаннары»
«Талисманы Шаннары»
«Разящий клинок»
«Изгои»
«Часовые Запада»

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 500—600 стр.

Цена одной книги 17000—20000 рублей.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ в 3-х книгах

*Фантастические повести для детей
младшего и среднего возраста*

Английский писатель Т. Пратчетт, лауреат почетной Британской литературной премии, входит в число лучших детских писателей мира. В его книгах «Угонщики», «Землекопы», «Крылья» описаны удивительные приключения номов — крошечных существ величиной не более 4-х дюймов, когда-то, случайно, прилетевших на Землю с далекой Звезды. Тонкий юмор, своеобразный взгляд персонажей на человечество доставят истинное удовольствие и взрослому читателю.

Твердый целлофанированный переплет, формат 210 x 300 мм, объем 80—120 стр.

Цена трехтомника 72000 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрополиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае Вы будете регулярно получать 2—3 новые книги в месяц выбранной серии.

Для этого Вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

105275, Москва, а/я 55, Ворониной Е.С.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА			
Куда	г. Москва, а/я 55		
Кому	ВОРОНИНОЙ Е.С.		
		Индекс предприятия связи	
		680011	
		и адрес отправителя	
		г.Хабаровск, ул. Мира, д. 10, кв. 5. Ивановой Г.П.	
Пашите индекс предприятия связи места назначения		Мин. связи России Издательство «Марка» 1992 З 105870 ПИПФ Гознак Ц 55 к	

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу Вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

Указанные цены включают тарифы для пересылки книг наземным транспортом.

Для Вас, поклонники издательства «Центрполиграф»!

ОТКРЫТ МАГАЗИН-КЛУБ

К Вашим услугам свыше 200 наименований самых свежих книг издательства. Широко представлены: классика зарубежного и российского детектива, исторические и любовные романы, научная фантастика, фантастические боевики, романы в жанре фэнтези, приключения, вестерны, детективы для детей и юношества, книги о собаках в сериях: «Мастера», «Мастера остросюжетного романа», «Мастера остросюжетного детектива», «Русский триллер», «Мастера исторического романа», «Осирис», «Винчестер. Лучшие вестерны», «Библиотека французского детектива», «Стальная мечта», «Мастера фэнтези», «Библиотека американского клуба собаководства», «Классическая библиотека приключений и научной фантастики» (Рамка), «Маскарад».

Полные собрания сочинений признанных мастеров российской и зарубежной остросюжетной прозы: **Василия Головачева, Дж. Хедли Чейза, Рекса Стаута, Эрла Стенли Гарднера, Яна Флеминга, Картера Брауна, Луиса Ламура, Буало-Нарсежака**, а также внесерийные книги издательства.

ТОЛЬКО В КЛУБЕ:

- встречи книголюбов с авторами, переводчиками, редакторами, художниками;
- презентации книг «Центрполиграфа» и других издательств;
- читательские конференции;
- творческие диспуты;
- обмен мнениями.

В магазине-клубе «Центрполиграф» книголюбцы смогут не только ознакомиться с новинками издательства, но и приобрести понравившуюся книгу, оформить подписки на собрания сочинений, ознакомиться с перспективными планами «Центрполиграфа».

В книжном клубе можно высказать свои замечания по уже вышедшим книгам и предложения по издательской политике.

Клуб — это место, где Вас ждет удивительный праздник — праздник книги.

КЛУБ — ЭТО КНИГИ ИЗ РУК ИЗДАТЕЛЬСТВА, А ЗНАЧИТ, НИЗКИЕ ЦЕНЫ.

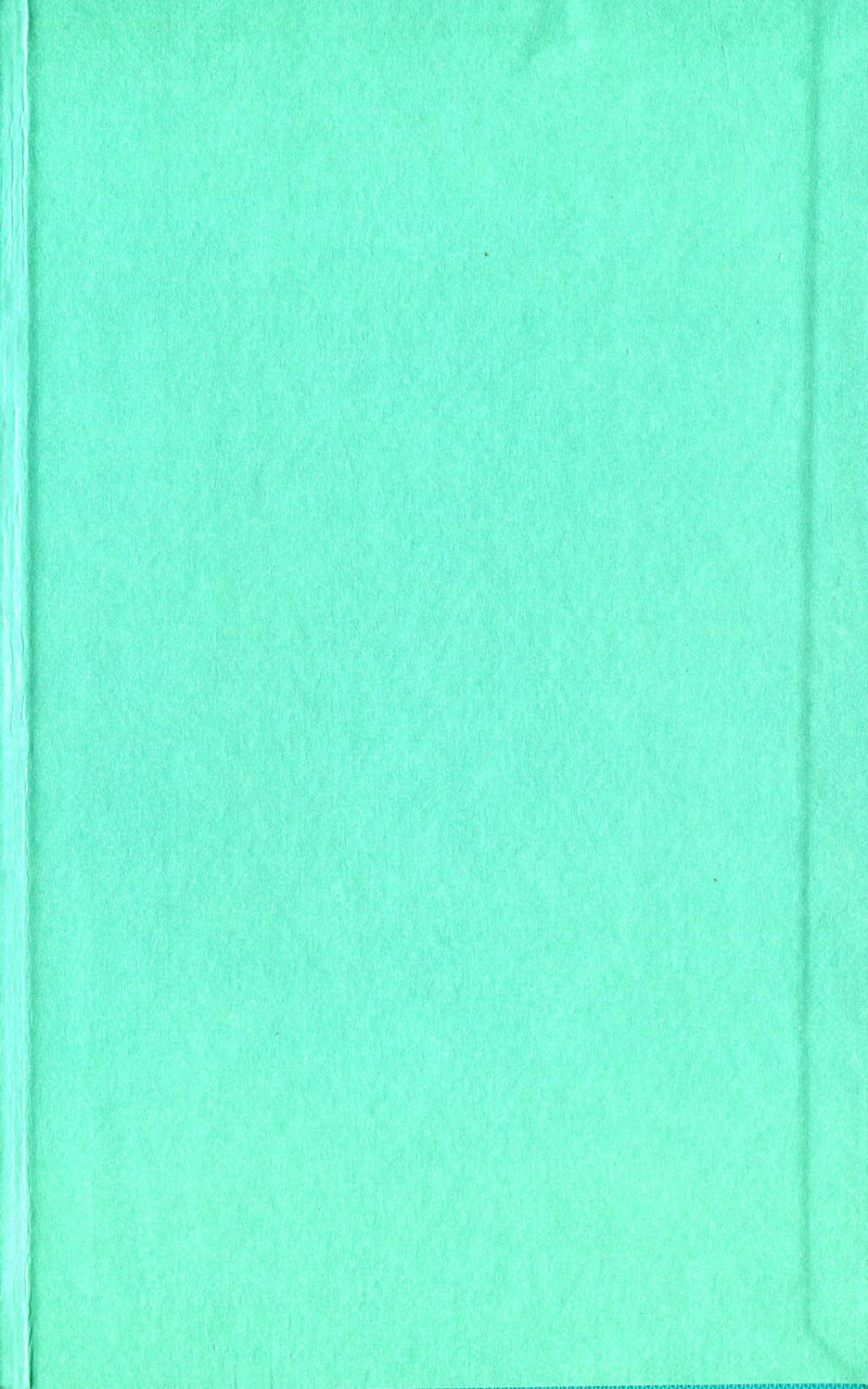
Звоните и приезжайте!

Вас ждут по адресу:

Москва, ул. Октябрьская, дом 18; тел. 284-49-89, тел./факс 284-49-68

Сканирование и обработка:
AlexeiPetrov (Lion)

ЮРИЙ
ТУПИЦЫН

•
ДАЛЬНЯЯ
ДОРОГА

